

МИССИОНЕРСКІЙ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКІЙ
СБОРНИКЪ.

ТРУДЫ СТУДЕНТОВЪ
МИССИОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ОТДѢЛЕНИЯ
ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Выпускъ X.

— 1876 —

КАЗАЛЬ.

Типо- и литографія Е. А. Тиллі, на Грузинской улицѣ.

1876.

МУХАММЕДАНСКІЙ БРАКЪ

ВЪ СРАВНЕНИИ СЪ ХРИСТИАНСКИМЪ БРАКОМЪ.

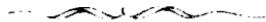
ВЪ ОТНОШЕНИИ ИХЪ ВЛІЯНІЯ

НА СЕМЕЙНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

СОЧИНЕНИЕ

СТУДЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ХVІІІ УЧЕБН. КУРСА (1872—1876 г.)

Михаила Машанова.

КАЗАНЬ.

Типо- и литографія К. А. Тилля, на Грузинской улицѣ.

1876.

Отъ Казанского Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.

Декабря, 30 дня, 1875 г.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи,

Священникъ *Евсимій Маловъ*.

Исторія свидѣтельствуетъ, что всѣ народы, стоящіе на разныхъ ступеняхъ развитія, обладали жизнью семеиною: *сем'я есть неотъемлемое достояніе всѣхъ народовъ.* Слѣдя за состояніемъ семейной жизни въ разныя времена и у разныхъ племенъ, мы находимъ въ этой области чрезвычайное разнообразіе. Въ одно время и у одного народа мы находимъ тѣ основы семейной жизни; въ другое время и у другого народа семейная жизнь представляется намъ совершенно съ иными характеристическими чертами. Но при внимательномъ разсмотрѣніи семейной жизни, намъ, при всемъ разнообразіи ея формъ у разныхъ народовъ разныхъ временъ, представится одна общая черта, какъ неотъемлемое условіе этой жизни, условіе, существовавшее и существующее во всѣ времена. Условіе это—*бракъ.* Съ глубокой древности до настоящаго времени было много самыхъ разнообразныхъ постановлений о бракѣ, но не было ни одного народа, который бы не имѣлъ брака. Исторія, легендарная сказапія и преданія разныхъ народовъ не даютъ намъ даже и права предполагать, чтобы когда-нибудь существовало такое общество, въ которомъ не было бы законовъ о бракѣ, хотя самыхъ простыхъ. Въ этомъ между прочимъ можно видѣть одно изъ существенныхъ, положенныхъ самою природою, отличій человѣка отъ животныхъ: у животныхъ неѣтъ брака, какъ брака, а есть лишь простое и временное соединеніе двухъ особей разнаго пола; между тѣмъ у людей постоянно существовало и существуетъ стремленіе къ *брачной жизни.* Брачный союзъ есть поэтому одно изъ тѣхъ отношеній половъ между собою, которыхъ (отношенія) заключаются въ нравственно-духовной природѣ человѣка, а не простое слѣдствіе чувственного влеченія. Въ противномъ случаѣ исторія человѣчества представляла бы намъ такія общества, въ которыхъ бракъ стоялъ бы на степени простаго удовлетворенія чувственнымъ потребностямъ. Не общество,

не государство своими юридическими постановлениями изобръло и установило бракъ: брачный союзъ не тогда появился, когда уже образовалось государство и когда нужно было регулировать отношения между полами. Бракъ не обязанъ своимъ происхождениемъ постановлениямъ общественнымъ и гражданскимъ: онъ существовалъ еще задолго раньше ихъ; у самыхъ дикихъ племенъ, при отсутствіи почти всякихъ общественныхъ отношений, бракъ всегда существовалъ и существуетъ. *Брачный союзъ есть поэтомъ правоцѣ общества и государства, а не потомокъ ихъ.* Общество и его законы только регулируютъ брачные отношения, придаютъ имъ тѣ или другія гражданскія права, сообщаютъ браку ту или другую форму, но отнюдь не образовали самую идею брака, которая врождена человѣчеству съ самыхъ первыхъ эпохъ его существованія.

Такое существование въ душѣ человѣка наклонности къ брачной жизни неизбѣжно заставляетъ насъ согласиться съ тѣмъ, что сказалъ памъ объ этомъ Моисей съ своей исторіи творенія человѣка. Нельзя представлять бракъ иначе, какъ первоначальнымъ божественнымъ закономъ, стремлениемъ, вложеннымъ Творцемъ въ душу человѣка, о чёмъ говорить памъ богоуношенный писатель первой исторіи человѣчества. По бытописанію Моисея, человѣкъ, вскорѣ послѣ своего сотворенія, ощущилъ въ своей душѣ пѣчто такое, что заставляло его чувствовать себя одиокимъ; онъ увидѣлъ, что ему недостаетъ такого существа, которое бы дополняло его, несмотря на все совершенство его богоподобной природы. Богъ внемлетъ этому естественному влечению человѣка и по Своему таинственному и предвѣчному совѣту творить ему жену. Только теперь человѣкъ почувствовалъ себя полнымъ человѣкомъ, только теперь у него могло удовлетвориться естественное стремленіе къ общественной жизни и браку. Жена была создана изъ костей и плоти мужа, такъ что между ними образовался неразрывный, постоянный союзъ. Наклонность человѣка къ сеянной жизни осталась въ немъ навсегда, обратилась въ постоянное его стремленіе, которое коренится въ самой духовной природѣ человѣка.

Въ силу своего божественного происхождения, идея брака легла въ основу человѣческихъ отношений: *первыми отношениями между людьми были отношения брака; семья не мыслима безъ брака.* Замѣтиши это, мы тѣмъ самымъ говоримъ,

что бракъ есть *основа* отнoшений общественныхъ. Нельзя себѣ представить общества, которое не имѣло бы своимъ основаниемъ семейныхъ отnошений; семья же основывается на бракѣ; слѣд., бракъ является прототипомъ, праородителемъ общества и государства; общество есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространение семьи.

При такой тѣсной связи общества съ семейной жизнью, а чрезъ нее съ брачнымъ законодательствомъ, бракъ всегда имѣть громадное вліяніе на общество и оказывать на него то благотворное, то гибельное дѣйствіе. При хорошемъ состояніи брачныхъ отnошений и брачныхъ законоположеній общество благоденствовало, при упадкѣ ихъ общество неминуемо шло къ погибели самыми быстрыми шагами, такъ что никакія учрежденія, никакіе законы не могли поддержать того общества, въ которомъ положеніе брака было не нормально. Исторія всѣхъ народовъ прошедшаго времени доказываетъ эту тѣсную связь и зависимость общества отъ брачныхъ отnошений. Персія, Греція, Римъ и другія государства только тогда были сильны и процвѣтали, когда имѣли правильный брачный институтъ; но лишь только бракъискажался въ государствѣ многоженствомъ, разводами и унижениемъ женщины,— неминуемо слѣдовала порча нравовъ, внутренніе беспорядки, обезлюденіе цѣлыхъ провинцій и наконецъ совершился упадокъ государства.

Созиавая такую тѣсную связь и такое важное значеніе брака для семьи, общества и государства, основатели религій никогда не упускали изъ виду брачныхъ отnошений, такъ какъ религія всегда является между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы улучшить и облегчить жизнь людей на землѣ, возвратить между ними правильные отnошения и правильные законы. Вотъ почему мы не находимъ ни одной религіи, которая бы прошла молчаніемъ брачныхъ отnошений человѣка, которая не коснулась бы этихъ отnошений и не постаралась бы измѣнить ихъ сообразно со своими идеями. Каждая религія, сообразно своему идеалу, стремилась сообщить браку тѣ или другія формы, направить его такъ или иначе, потому что было невозможно оставить безъ своего вліянія эту основу человѣческихъ отnошений въ семье и государства. Какова была религія, каковы были ея идеалы и направление, такими являются и брачные отnошения, установленные ею; постановленія ре-

лигіі о бракѣ неизмѣнно соотвѣтствуютъ духу цѣлой религіозной системы: *каковъ характеръ цѣлой системы, таковъ и бракъ.*

Потому-то христіанство и исламъ, явившись въ міръ съ цѣлью преобразовать и направить на тотъ или другой путь современное имъ человѣчество, взяли и брачныя отношенія подъ свой контроль. Въ названныхъ двухъ, какъ и вообще во всѣхъ религіяхъ міра, бракъ является какъ нельзя болѣе соотвѣтствующимъ всему характеру религіозной системы. Поэтому въ законоположеніи о бракѣ яснѣ всего обнаруживается то огромное различіе, какое существуетъ между духовнымъ въ высшей степени направлениемъ христіанства и чѣственностью ислама. Освятивши своимъ авторитетомъ совершенно различныя законоположенія о бракѣ, какъ есповашіи семейныхъ и общественныхъ отношеній, христіанство и исламъ пришли къ совершенно различнымъ результатамъ. *Христіанскій бракъ и мухаммеданскій, различныи по своему духу, произвели диаметрально противоположныя дѣйствія на семью и общество.*

Въ чёмъ заключается основной характеръ христіанского и мухаммеданского законодательства относительно брака, въ чёмъ состоитъ существенное различіе этихъ законодательствъ и къ какимъ результатамъ они пришли, т. е. какое вліяніе оказалъ христіанскій и мухаммеданскій бракъ па жизнь семью и общественную,—это и будетъ составлять предметъ нашего изслѣдованія.

Для яснаго и опредѣленного представлія о томъ и другомъ бракѣ, мы спачала устаповимъ понятіе, опредѣлимъ характеръ и изложимъ законоположенія о христіанскомъ бракѣ, а потомъ сравнимъ съ пимъ мухаммеданское понятіе и законоположеніе о бракѣ. Это будетъ составлять два отдѣла первой части. Затѣмъ мы прослѣдимъ, какимъ образомъ бракъ христіанскій произвелъ и какое произвелъ вліяніе на жизнь семью - общественную; наконецъ разсмотримъ вліяніе мухаммеданского брака въ тѣхъ же отношеніяхъ. Это будетъ составлять два отдѣла второй, послѣдней части.

II

ХРИСТИАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БРАКЪ И РАЗВОДЪ.

Происхождение и отличительный характеръ христианского брака сравнительно съ до-христианскими воззрѣніями на бракъ.

Богъ въ самомъ началѣ міра хотѣлъ показать людямъ, какимъ долженъ быть бракъ—эта основа семейной и общественной жизни. Богъ сотворилъ человѣка (Адама) и изъ ребра человѣка создалъ его жену (Еву), чтобы указать чрезъ то на тѣсную связь мужа съ женой. Адамъ, увидѣвши свою жену, воскликнулъ: „это—кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей“¹⁾. Только теперь человѣкъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, потому что только теперь оиъ могъ удовлетворить свое му врожденному стремлению къ обществу, поставить себя въ кругу семьи. Этотъ богоучрежденій союзъ имѣлъ всѣ признаки своего божественнаго происхожденія; онъ не былъ простымъ актомъ, обусловленнымъ одною волею человѣка. Здѣсь самъ Богъ опредѣлилъ ту возвышенную цѣль, которая должна быть достигнута брачнымъ союзомъ людей. Богъ сказалъ первой четѣ: „раститесь, множитесь и наполняйте землю“²⁾. Цѣль брака повидимому односторонняя, но она заключала въ себѣ всѣ другія высшія цѣли. Человѣкъ былъ певицей, онъ былъ вѣрнымъ служителемъ Бога, членомъ Его Церкви; потому простое повелѣніе Божіе „раститесь и множитесь“—значило: умножайтесь на землю *Мою Церковь, рождайте дѣтей для того, чтобы они были вѣрными членами Церкви Мойей на землю*. Этотъ богоучрежденій союзъ заключалъ

¹⁾ Кп. Бытія, гл. 2, ст. 23.

²⁾ Кп. Бытія, гл. 1, ст. 28.

тогда все элементы чистаго, высокаго учреждениѧ. Создавши одного мужа и одну жену, Богъ тѣмъ самыи установилъ единоженство; создавши жену изъ плоти мужа, Богъ показать, что этотъ союзъ *не рассторжимъ*, какъ члены организма неразрывно связаны между собою. Эта неразрывность общепія между мужемъ и женой и тогда была отобразомъ той чистой связи и общенія, какія существуютъ между Богомъ и людьми. Жена, какъ созданная изъ тѣла мужа, должна была составлять съ нимъ одно тѣло; она не могла быть его рабою, существомъ низшимъ его; она должна быть его подругою, его помощницею, но не рабою; мужъ долженъ любить ее, какъ свое тѣло, но не властовать надъ нею, какъ господинъ надъ рабой. Любить ее—это главное и необходимое условіе; иначе и невозможно, потому что *никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и тяготѣтъ ее*¹). Вотъ какимъ является этотъ богоучрежденный союзъ съ самаго начала. Здѣсь все свойства его носятъ на себѣ отпечатокъ своего божественнаго происхождѣнія; здѣсь все запечатлѣно характеромъ богоучрежденного установлѣнія: единство, святость, какъ конечная цѣль брака, нерасторжимость и правильное отношеніе между супругами—вотъ отличительныя качества этого союза. Все это показываетъ, что такое учрежденіе зависитъ не отъ одной воли человѣка; оно запечатлѣно высшимъ духомъ, оно—божественное учрежденіе.

Но картина измѣняется тотчасъ послѣ грѣхопаденія человѣка. Первымъ послѣдствіемъ грѣхопаденія первый членъ въ отношеніи брака было нарушеніе тѣхъ высокосправедливыхъ отношеній между мужемъ и женой, которыя существовали до грѣхопаденія. Прежняя подруга и помощница Адама сдѣлалась теперь существомъ рабски подвластнымъ мужу²). Когда нарушились эти справедливыя отношенія между мужемъ и женой, естественно должно было рушиться и другое высокое свойство этого богоучрежденаго союза—нерасторжимость, а въ слѣдъ за нею и единство. Священный союзъ между мужемъ и женой потерялъ теперь свой прежній характеръ. Чѣмъ дальше жилъ родъ человѣческій, чѣмъ больше проходило вре-

¹⁾ Ефес. гл. 5, ст. 29.

²⁾ Кн. Вѣтія, гл. 3, ст. 16.

мени, отдаляющаго его отъ первой четы, тѣмъ все ниже и ниже писпадаль этотъ союзъ, болѣе и болѣе подрывались нравственно-одухотворенныя свойства его. Единство брака, нерасторжимость, правильныя отиошнія между мужемъ и женой, истинная цѣль брака были забыты почти повсюду. Только среди евреевъ сохрапялась еще тѣль высокаго образа брачаго союза, но, повторяемъ, только *тини* и притомъ слабая. У евреевъ было помрачено это учрежденіе допущеніемъ многоженства; союзъ брака сдѣлался непрочнымъ по легкости развода, жена потеряла свое надлежащее положеніе и сдѣлалась почти рабою мужа. Такъ было у евреевъ. О другихъ народахъ нечего и говорить. Здѣсь еще болѣе бракъ уклонился отъ своего первоначального положенія, еще ниже упали брачныя отиошнія супруговъ. Безпрестанные разводы, низкое положеніе женщины, развратныя сожительства, поставленія на степень брака—вотъ положеніе брака до христианства. Предъ Рождествомъ Христовымъ ненормальное, извращенное положеніе брака достигло высшей степени.

Христианство должно было преобразовать человѣческую жизнь. Иисусъ Христосъ пришелъ на землю для того, чтобы вызвать человѣчество изъ того низкаго состоянія, въ какое оно впало вслѣдствіе грѣха,—возвысить его нравственно, измѣнить всѣ основы жизни для того, чтобы возвратить человѣку доступъ на небо. Для этой цѣли Онъ, Божественный основатель христианства, даетъ человѣку гораздо лучшіе нравственные законы, высшія нравственные стремленія, даетъ благодатныя средства и силы для борьбы со зломъ. Человѣкъ, искупленный Спасителемъ, пользуясь его благодатными средствами и руководясь его высокими нравственными требованиями, действительно возвышается, дѣлается оправданнымъ, достигаетъ высшаго нравственного совершенства. Но одного человѣка, какъ индивидуума, искупить и возвысить было недостаточно; нужно было возвысить цѣлое общество въ его взаимныхъ отиошніяхъ. Спасителю было необходимо преобразовать брачный союзъ человѣка, союзъ, который служить основой семейной и общественной жизни. Ему было недостаточно возвысить мужчинъ и женщинъ; ему нужно было возвысить и очистить ихъ взаимныя отиошнія, т. е. *возвысить бракъ*. Спасителю надлежало искупить не только современное ему человѣчество; онъ пришелъ на землю возродить все человѣчество.

въчество настоящее и будущее. Какое же было у него орудие для этого, какъ не бракъ, въ которомъ парождается поное человѣчество. Потому Иисусъ Христосъ желалъ возобновить обетованное человѣчество въ этомъ его первомъ источнике—бракѣ. Возобновивши и освятивши бракъ, Спаситель тѣмъ самымъ положилъ залогъ возрожденію будущихъ поколѣній, которыхъ рождаются въ этомъ новомъ брачномъ союзѣ, союзѣ священномъ и возвышенномъ. Только тогда, когда бракъ былъ поставленъ на новыхъ основахъ, можно было сказать, что теперь настало новое время, что человѣчество пойдетъ новою дорогою,—тогда можно было надѣяться на лучшее будущее. Такимъ образомъ бракъ занялъ въ христіанствѣ высокое положеніе; онъ сдѣлался проводникомъ искупленія въ будущіе роды, сдѣлался разсадникомъ новыхъ идей, которыми принесъ въ міръ Основатель христіанства. Родители, принадлежа къ Церкви—тѣлу Христову, тѣмъ самымъ обязаны и дѣтей своихъ посвящать, присоединять къ этому же самому тѣлу, проводить искупленіе на будущія поколѣнія. Дѣти въ христіанскомъ бракѣ въ пѣкоторомъ смыслѣ, по самому рожденію своему, принадлежать къ тѣлу Христову, рождаясь въ освященномъ и благодатномъ союзѣ¹. Бракъ становится проводникомъ благодатныхъ дарованій, продолжителемъ искупленія, совершенного Иисусомъ Христомъ²). По слову Апостола, дѣти, рожденныя въ пѣ-христіанскомъ бракѣ, *члѣвовны*, а рожденныя въ христіанскомъ бракѣ—*соляны* уже по самому рожденію своему, т. е. призываются къ искупленію. Таково высокое и многозначительное положеніе брака въ христіанствѣ, но это еще не все. Всѣ предметы въ христіанствѣ носятъ на себѣ отпечатокъ божественнаго искупленія; въ христіанской Церкви все прописано этимъ искупительнымъ характеромъ. Между Христомъ и Его Церковью существуетъ самый тѣсный и неразрывный союзъ, самая неизмѣнная *любовь*,—любовь, бывшая причиной нашего искупленія. Образомъ этой любви и сдѣлался бракъ, какъ дѣло любви между мужемъ и женой, любви чистой и возвышенной, высоко стоящей надъ чувственной любовью между мужемъ и женой въ язычествѣ²).

1) 1 Коринт. гл. 7, ст. 14.

2) Ефес. гл. 5, ст. 25—32.

Какъ таинственная любовь между Иисусомъ Христомъ и Церковью исполнена благодатныхъ дарованій, изобилуетъ ими; такъ и христіанскій бракъ, образецъ этой любви, изобилуетъ благодатными дарами Св. Духа. Уподобленный таинственному союзу Христа съ Церковью, христіанскій бракъ сдѣлался таинственнымъ союзомъ между мужемъ и женой, союзомъ исполненнымъ благодати, словомъ—сдѣлался *таинствомъ*: „*тайна сія велика сила*“ говорить св. Апостолъ¹⁾). Впрочемъ бракъ, какъ проводникъ божественного искупленія на грядущія поколѣнія, и не могъ быть чѣмъ-нибудь инымъ въ христіанствѣ, какъ таинствомъ, сообщающимъ благодатныя силы. Если бы христіанскій бракъ былъ простымъ союзомъ между мужемъ и женой, то какимъ бы образомъ онъ могъ передавать благодатные дары, которые онъ сообщаетъ, по Апостолу, даже дѣтямъ²⁾). Для этой цѣли христіанскій бракъ долженъ быть неизрѣмѣнно преисполненъ благодати и освященъ Духомъ Святымъ. Такимъ образомъ бракъ, по учрежденію Спасителя и по мысли Апостоловъ, всегда былъ *таинствомъ* въ христіанствѣ. Таковъ же взглядъ на это и отцевъ церкви: Иоанна Златоуста³⁾, Амвросія⁴⁾, блаженного Августина⁵⁾, Тертуліана⁶⁾ и другихъ. Христіанскій бракъ и долженъ быть такимъ, потому что если Богъ установилъ брачный союзъ, то Онъ же долженъ дать ему и свое освященіе; если Богъ назначилъ бракъ быть проводникомъ благодатныхъ дарованій, то Богъ же и долженъ сообщить браку свою благодатную силу. И дѣйствительно Богъ сообщаетъ браку освященіе и благодать посредствомъ таинства. Вотъ почему Богъ сдѣлалъ брачный союзъ таинствомъ и сообщилъ ему благодатные дары, какъ своему установлению и орудію благодати. Напрасно мы стали бы думать, что Христосъ, заповѣдавъ людямъ братскую любовь другъ къ другу, тѣмъ самимъ запретилъ и уничтожилъ всякія болѣе тѣсныя отношенія любви между людьми. Проповѣдуя такую всеобщую любовь, Основатель христіан-

¹⁾ Ефес. гл. 5, ст. 32.

²⁾ 1 Коринто. гл. 7, ст. 14.

³⁾ In Genes. homil. XLVIII, п. 6.

⁴⁾ De Abraham. 1, сар. 7.

⁵⁾ De bono conjugii. с. 18, п. 21: с. 24, п. 32.

⁶⁾ De praeser. haeret. с. 40.

ства нимало не имѣть намѣрѣнія уничтожить тѣснѣйшую любовь между мужемъ и женой. Онъ допустилъ болѣе тѣсную любовь даже къ друзьямъ, къ родственникамъ и пр.; конечно, брачную любовь Онъ допустилъ тѣмъ болѣе, что она необходима для Его высшихъ цѣлей—преобразовать человѣчество въ его настоящемъ и будущемъ. Иисусъ Христосъ освятилъ брачный союзъ своимъ присутствіемъ на бракѣ къ Каппѣ Галилейской, почтилъ бракъ даже тѣмъ, что совершилъ на немъ свое *первое* чудо. Развѣ изъ одного этого нельзя видѣть, что брачный союзъ получилъ въ христіанствѣ новую силу и новое высшее назначеніе? Присутствіе Иисуса Христа вмѣстѣ со Свою Матерью на бракѣ и первое чудо здѣсь, именно направленное къ брачному торжеству,—все это показываетъ, что бракъ долженъ быть получить въ христіанствѣ новый духъ, благотворный для человѣчества.

И въ Церкви Христовой бракъ всегда считался таинствомъ и сопровождался церковнымъ благословеніемъ. Это благословеніе не простой обрядъ молитвы, но таинство такое же, какъ таинство крещенія и прочія таинства. Въ древней христіанскої Церкви, съ самаго ея начала, только тѣ браки признавались действительными и законными, которые совершились по благословенію Церкви ся служителями¹⁾; гражданскіе браки, хотя и законные съ гражданской точки зрѣнія, но заключенные безъ благословенія Церкви, не признавались законными и если не считались вполнѣ прелюбодѣяніемъ²⁾, то ставились почти паравнѣ съ прелюбодѣяніемъ³⁾. Спустя чѣмокоторое время, вирочемъ довольно значительное, и гражданская власть признала необходимымъ требованіемъ для законности брака церковное благословеніе.

Это постановленіе Церкви Греческой перешло къ памъ въ Россію; у насъ до настоящаго времени признается необходимо для законности брака благословеніе церкви⁴⁾. Въ бракѣ, какъ богоучрежденномъ союзѣ, считалось главнымъ

¹⁾ Коринт. гл. 7, ст. 39.

²⁾ 25 правило Василія Великаго.

³⁾ Ігнатій Богоносецъ, Epist. ad Polycarp. п. 6; Василій Вел., твор. Св. Отцѣ, т. V, стр. 132,—бесѣда на шестодневъ VII; Григорій Богосл., тамъ же 111, 288,—слово на крещеніе; Амвросій, Epist. ad virg. XIX.

⁴⁾ Свод. Закон. т. X, ст. 25—29.

совершеніе самаго таинства. Совершеніе таинства, а не одно исполненіе установленныхъ гражданскихъ формъ, сообщало браку то высшее освященіе, тѣ высокія качества, которыя составляютъ главную отличительную черту христіанского брака. Церковь всегда имѣла такой взглядъ на бракъ. И самый обрядъ вѣнчанія, по своей торжественности и составнымъ своимъ частямъ, вполнѣ носить на себѣ отпечатокъ высокаго таинственного значенія, какое ему дало христіанство. Вѣнчаніе всегда совершается въ храмѣ; при этомъ читаются молитвы, содержаніе которыхъ обнаруживаетъ весь глубоко-таинственный смыслъ брака, все значеніе его, какъ таинства. Это—не простое призываніе имени Божія, какъ при началѣ всякаго дѣла; это—священный обрядъ, исполненный таинственныхъ дѣйствій, которыя имѣютъ своею цѣлью извести па брачующихся благодать Божію.

Прежде заключенія брака въ христіанской Церкви совершается обрученіе, которое вошло въ обычай Церкви еще въ древнія времена. Оно служитъ выраженіемъ согласія вступающихъ въ бракъ предъ лицемъ Церкви. Слѣдствіемъ такого важнаго значенія обрученія, какъ предварительного обряда брака, было то, что Отцы Церкви стали приписывать ему не только чисто гражданское значеніе, но стали смотрѣть на него, какъ на обрядъ почти равный по значенію съ бракомъ; съ обрученіемъ стали соединять все послѣдствія брака и на обрученыхъ смотрѣли почти какъ на вступившихъ въ супружество¹⁾. Но опять и здѣсь разумѣлось только обрученіе, совершенное служителями Церкви, а не гражданское обрученіе, которое не имѣло въ церковномъ отношеніи никакого значенія и не сопровождалось никакими церковными послѣдствіями, а если и сопровождалось, то послѣдствіями чисто гражданскими. Впрочемъ гражданская власть признала обрученіе паравнѣ съ бракомъ по своимъ послѣдствіямъ только въ XI вѣкѣ, именно въ 1054 г., когда было издано постановленіе Алексія Комнина²⁾. Русскими законами обрученіе признано по своимъ послѣдствіямъ также равнымъ браку³⁾.

Изъ этого взгляда Церкви на бракъ видно, что она всегда

¹⁾ 11 пр. Акир. Соб.; 22 пр. Васил. Вел.; 98 пр. VI Вел. Соб.

²⁾ Кормчая 43 гл.

³⁾ Свод. Зак. X г. 31 ст.

считала брачный союзъ таинствомъ и заботилась о сохраненіи за нимъ этого характера. Потому всѣ постановленія гражданскія относительно брака Церковью не считались существенными для брака, такъ какъ онъ не есть простой человѣческій договоръ, основанный на гражданскомъ законодательствѣ, но есть божественное учрежденіе и, какъ такое, нуждается въ божественной санкціи, а эта санкція и дается посредствомъ священнаго обряда Церкви. Этотъ-то обрядъ и санкція и составляютъ сущность брака по попыткѣ Церкви, а не гражданскія условія его. Какъ таинство, бракъ пользовался великимъ уваженіемъ въ глазахъ церкви; уже обрученіе — одно согласіе на бракъ, но запечатленное благословеніемъ церкви, считалось почти равнымъ браку, чтобы внушить этимъ полное уваженіе къ браку и осмотрительность въ столь великому и священному дѣлѣ. Для предупрѣженія нарушенія обрученія, у настѣ со времени Петра I обрученіе совершается непосредственно предъ таинствомъ брака¹⁾). Такъ образомъ бракъ, по учению Закоподателя Христа, по учению Церкви, какъ древне-греческой, такъ и нашей русской, всегда считался и считается *таинствомъ*.

Сообразно со своимъ высокимъ положеніемъ, бракъ, какъ священное таинство, получилъ въ Церкви Христовой новую высшую цѣль. Отношенія между мужемъ и женой первоначально были довольно высоки, но грѣхопаденіемъ онѣ были унижены; отношенія между полами упали такъ низко, что человѣкъ по самой природѣ своей сталъ стыдиться даже упоминать объ этихъ отпопѣяхъ. Христианство, призванное для возстановленія человѣчества, должно было одухотворить человѣческую чувственность. Оно возвысило чувственную сторону брака до высокихъ духовныхъ стремлений; только христианство могло сообщить браку эту одухотворенность, это высшее стремленіе, потому что только въ христианствѣ бракъ есть таинство, есть дѣло Бога и потому не можетъ быть запечатлено чувственнымъ характеромъ. Такъ какъ человѣкъ паль и явились въ немъ наклонность къ чувственности, то бракъ долженъ былъ предупредить эту грѣховную наклонность и предотвратить человѣка отъ разврата. Кромѣ этого бракъ въ христианствѣ имѣеть еще гораздо высшую цѣль, именно рожденіе и христианское воспитаніе дѣтей. Супруги въ христианскомъ бра-

¹⁾ Свод. Зак. X т. 31 ст.

къ самыи бракомъ обязываются воспитывать дѣтей въ христіанствѣ. Мало того, какъ мы замѣтили выше, дѣти ужѣ по одному рожденію своему принадлежатъ къ обществу искупленныхъ. Такимъ образомъ высшая цѣль христіанскаго брака состоять въ томъ, чтобы проводить въ дѣтяхъ искупленіе и даровать членовъ Церкви¹⁾. Эта цѣль христіанскаго брака возвышаетъ его надъ всѣми человѣческими учрежденіями и сообщаетъ ему божественный характеръ. Къ этимъ двумъ цѣлямъ брака присоединяется еще третья, именно взаимное вспомоществование супруговъ и взаимная нравственная поддержка²⁾.

Всѣдѣствіе своего высоконравственнаго характера, христіанскій бракъ есть чисто свободный актъ, никакъ не обязательный для каждого человѣка, какъ это было у всѣхъ народовъ до-христіанскихъ. Въ христіанствѣ бракъ никогда не былъ обязательнымъ для всѣхъ людей. Дѣвство и бракъ въ христіанствѣ всегда предоставлялись свободному выбору чековѣка. Въ древности, у всѣхъ народовъ, кроме еврейскаго, бракъ былъ гражданскимъ учрежденіемъ, считался *доломъ*, который обязанны исполнять всѣ лица, принадлежащія къ государству; за неисполненіе этого долга они подлежали отвѣтственности и даже наказанію денежными пенями, штрафами и т. п. Въ Греціи положеніе незамужнихъ женщинъ и преимущественно вдовъ было самое плачевное; они терпѣли постоянныя насмѣшки за свое вдовство вмѣсто состраданія, какое они заслуживали по своему бѣдственному положенію. Здѣсь существовала даже особый храмъ богини Діаны, куда стекались эти несчастныя существа умолять богиню, чтобы она даровала имъ новыхъ жей и тѣмъ избавила бы ихъ отъ печального положенія. Мужья, чтобы избавить своихъ женъ отъ этого бѣдственнаго состоянія, часто передавали ихъ въ качествѣ наследства другому, который принималъ ихъ отъ умирающаго въ видѣ дара⁴⁾. Римъ было также незавидно положеніе безбрачныхъ, но, жется, въ первое время они были избавлены отъ различнаго наказанія; впослѣдствіи же они и здѣсь стали подвергаться

¹⁾ 1 Коринт. гл. 7, ст. 14.

²⁾ См. Православно-догмат. Богословіе Пр. Макарія, 5 т. 10—11 ст.

³⁾ Pausan. X, с. 38 § 6. т. III, р. 694. См. Schmidt, la societe civile le monde romainе р. 37.

⁴⁾ Demosth. Pro Phormione, § 8. См. Schmidt, р. 37.

разнымъ притѣсненіямъ. Главнымъ стѣсненіемъ для вдовъ конечно было то, что они поставлялись въ самое невыгодное отношеніе къ своимъ опекунамъ, которые крѣдко грабили вдовъ; сами вдовы считались неспособными управлять своимъ имѣніемъ. Въ Греціи и преимущественно въ Спартѣ существовали особыя постановленія противъ людей, жалавшихъ проводить жизнь виѣ брака. Тоже самое существовало въ Римѣ, где на желаніе оставаться безбрачнымъ смотрѣли какъ на преступленіе.¹⁾ Когда же всѣ эти взгляды на бракъ и безбрачіе измѣнились, общественная нравственность упала, тогда браки стали рѣдѣть, всѣ стали избѣгать вступленія въ супружество, находя для себя болѣе выгоднымъ и удобнымъ проводить жизнь виѣ брака, предаваясь разнымъ удовольствіямъ, которыя ограничивали бы и затрудняли супружество. Цензоръ Метеллъ говорилъ народу, что прежде бракъ былъ жертвой частнаго удовольствія общественному благу²⁾, но около пришествія Спасителя, наоборотъ, общественный долгъ, т. е. бракъ, сталъ жертвой частному удовольствію. Видя бѣдственное положеніе государства, Августъ издалъ знаменитыя законы, которыми хотѣлъ побудить знатныхъ римлянъ къ супружеской жизни, награждая тѣхъ, которые были въ супружествѣ и имѣли много дѣтей и наказывая пенями тѣхъ, которые проводили безбрачную жизнь³⁾. Съ первого взгляда кажется страннымъ, какимъ образомъ могло составиться у грековъ и римлянъ такое понятіе о бракѣ, какъ обязательномъ для всѣхъ актѣ; но если разберемъ основы брачнаго законодательства у этихъ народовъ, то окажется, что это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ взгляда на бракъ и человѣка. Бракъ былъ у нихъ дѣломъ не человѣка, какъ отдельнаго индивидуума, а актомъ государства, *должомъ*, который исполнить обязанъ всякий человѣкъ. Греки и римляне не допускали индивидуальной свободы; свобода индивидуума у нихъ поглощалась государствомъ; государство было *все*, а индивидуумъ *ничто*. Государство налагало оковы на свободу индивидуума; виѣ государства никто не имѣлъ индивидуальной свободы, потому что всѣ были обязаны жить только для государства.

¹⁾ Valer. Max., 11, c. 9 p. 122. См. Schmidt p. 38.

²⁾ Aul. Gell., 1, c. 6. t. 1, p. 50. См. Schmidt, p. 39.

³⁾ Законы Юлія и Наппія Помпія. Dio Cassius, LIV, c. 16, t. 11, p. 63. См. Schmidt p. 39.

ства. Въ жертву государству приносилось семейство и частная жизнь гражданий. Если такъ, то попытио, почему древность не признавала брака актомъ свободной воли человѣка, а признавала его долгомъ государству. Государство получало выгоду отъ брачнаго сожительства, которое ему доставляло дѣтей—новыхъ гражданъ, новый оплодътъ государства. Но этой причинѣ оно беретъ бракъ подъ свою власть и обязываетъ къ нему всѣхъ своихъ гражданъ, наказывая какъ ослушниковъ тѣхъ изъ нихъ, которые нарушаютъ этотъ долгъ, оставаясь безбрачными. Такимъ образомъ лишеніе права на свободный выборъ брака есть слѣдствіе лишенія человѣка индивидуальной свободы и всесѣлаго подчиненія его государству.

Въ христіанствѣ подобнаго лишенія права на бракъ или безбрачіе не было и не могло быть. Христіанство явилось итъ міръ съ новымъ принципомъ индивидуальной свободы человѣка; оно освободило человѣка отъ тѣхъ оковъ, которыя были наложены на него государствомъ. Эта свобода должна была отразиться и на брачномъ законоположеніи. Бракъ въ христіанствѣ сдѣлался не государственнымъ долгомъ, а актомъ свободной воли человѣка. Иисусъ Христосъ брачную и безбрачную жизнь предоставляетъ свободному выбору человѣка, поставляя впрочемъ выше жизнь дѣвственную, какъ совершенную преданность Богу¹⁾. Такую же свободу въ дѣлѣ брака предоставили человѣку и Апостолы, считая бракъ и дѣвство равно священными, хотя и отдавали преимущество дѣвству, какъ выражению всесѣлой преданности Богу²⁾. Но Апостолы не давали *исключительна* предпочтенія ни браку предъ безбрачіемъ, ни дѣвству предъ бракомъ. Это такъ и должно быть, потому что бракъ въ христіанствѣ, какъ учрежденіе божественное, а не государственное, не могъ быть обязательенъ для всѣхъ гражданъ; съ другой стороны, какъ таинство, чрезъ которое изливаются извѣстные духовные дары на брачующихся, бракъ не мѣгъ быть и упражненъ предъ дѣвствомъ настолько, чтобы дать послѣднему исключительное предпочтеніе; въ христіанствѣ дѣвство и бракъ предоставляются на волю человѣка.

Впрочемъ отцами и учителями Церкви дѣвство, сообразно

¹⁾ Мате. гл. 19, ст. 10—11.

²⁾ 1. Коринт. гл. 7, ст. 7—9.

съ положенiemъ Иисуса Христа и Апостоловъ, считалось выше брачной жизни¹⁾). Этотъ взглядъ былъ признанъ каноническимъ и утвержденъ VI Вселенскимъ Соборомъ. Этотъ соборъ внесъ въ число своихъ каноновъ тѣ правила отцевъ, которые даютъ преимущество дѣствству предъ бракомъ, напр. Афанасія Александрийскаго, считавшаго дѣство ангельскимъ житіемъ, съ которымъ не можетъ сравняться супружество²⁾). Соборъ считалъ дѣство выше и чище брачной жизни въ нравственномъ отношеніи, а потому требовалъ, чтобы епископы, которые должны быть образцами нравственности для вѣрующихъ, были безбрачны³⁾). Изъ этого постановленія ясно видно то предпочтение въ нравственномъ отношеніи, какое церковь отдавала дѣству предъ бракомъ. Такое предпочтеніе дѣства предъ супружествомъ понятно въ христіанствѣ, гдѣ еще Иисусъ Христосъ возвѣстилъ, что воздержанію отъ брачной жизни нужно дать болѣе высокое значеніе за ту борьбу, которую ведетъ человѣкъ съ плотью въ этомъ состояніи. Апостолы проповѣдывали то же. Кромѣ того и въ самомъ христіанствѣ были такія обстоятельства, которые возвышали дѣство предъ брачнымъ состояніемъ. Иисусъ Христосъ, освятившій своимъ примѣромъ всѣ состоянія жизни, для одного только брачного сожительства не оставилъ примѣра, которому бы подражали вѣрующіе. Онъ не желалъ родиться отъ брака, но родился отъ чистѣйшей дѣственницы, которая стала образцемъ дѣства для всѣхъ грядущихъ поколѣй, какъ идеалъ, къ которому всѣ стремились. Этотъ дѣственный образъ Иисуса Христа и Его Матери озарилъ высокимъ блескомъ дѣственную жизнь, которая до того времени находилась въ презрѣніи, и вызвала стремленіе высокихъ по святости мужей осуществить этотъ идеалъ въ жизни. Такимъ образомъ брачная жизнь должна была уступить свое первое мѣсто дѣству, какъ болѣе чистому идеалу святой жизни. Притомъ жизнь безбрачная, менѣе стѣсненная мірскими заботами, какъ мы замѣтили выше, представлялась болѣе удобною для подвиговъ за Христа и для

¹⁾ Тертул., *De pudic.*, с. 4, 557. Август., *De bono conjugali*, т. IV, р. 233 и слѣд. *De nuptiis et concup.* I, с. I и сл. X, р. 157. Амврос., *De virginis* с. 12 § 72, т. 11, р. 225. Меѳодій, *Convivium decem virginum*, ov 2.

²⁾ Писланіе Афанасія Александрийскаго къ Аммуну Монаку; см. книгу правилъ.

³⁾ IV всел. Собора 12 правило.

служенія вѣрѣ. Конечно, здѣсь разумѣется не то дѣвство, которое сопровождается разными похотями, но дѣвство истинно чистое, къ которому призваны лишь немногіе¹⁾. Но если кто призванъ къ этому дѣвству и свято сохраняетъ его, тотъ конечно болѣе заслуживаетъ уваженія, какъ человѣкъ, совершенно преданный Богу и борющійся со страстями. Вслѣдствіе этой глубокой преданности дѣвственниковъ Богу изъ подражанія Самому Спасителю и Его Матери, дѣвство стало на высокую степень почтенія и уваженія; на него стали смотрѣть, какъ на благоговѣніе человѣка предъ самимъ собою, благоговѣніе священное, вытекающее изъ глубокаго уваженія къ своему тѣлу, какъ храму Св. Духа; стали смотрѣть на него, какъ на состояніе, освященное пріемъромъ самого Бога²⁾. Вотъ до какой степени возвысилось дѣвство въ христіанствѣ; здѣсь представляется совершенный контрастъ съ ученіемъ язычества обѣ обязательности брака для всѣхъ гражданъ. Въ язычествѣ дѣвство презиралось и даже подлежало наказанію, какъ преступленіе; здѣсь напротивъ оно ставится выше супружества и дѣвственники почитаются и уважаются. Такъ неизмѣримо выше стоитъ христіанское понятіе о бракѣ, какъ свободномъ актѣ человѣка, предъ понятіемъ язычества о бракѣ, какъ долгѣ государству, долгѣ, который обязательенъ для всѣхъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что христіанская Церковь, поставляя дѣвство выше супружества и считая его *ангелскимъ житіемъ*, тѣмъ самымъ не только не хотѣла унизить супружества, а напротивъ всегда при всякомъ удобномъ случаѣ старалась высказать мнѣніе, что *бракъ честенъ и ложе не скверно*³⁾, и осуждала и даже подвергала наказанію тѣхъ, которые гнушались супружествомъ⁴⁾. Такимъ образомъ она не вдалась въ борьбѣ съ язычествомъ и въ другую крайность, не поставила дѣвства исключительнымъ путемъ для совершенной жизни. Все предоставлено на волю человѣка: *мой вѣлыстити, да вѣлыститъ*⁵⁾. Только въ христіанствѣ бракъ сталъ дѣломъ индивидуума, а не общества, и чрезъ это воз-

1) Мате. гл. 19, ст. 11—13; 1 Коринт. гл. 7.

2) Ефес. гл. 5, ст. 3—5; Колос. гл. 3, ст. 7; 1 Коринт. гл. 7.

3) Гангр. Соборъ 21 правило.

4) Апостольскія правила 5, 51; Гангр. Соборъ 10, 14, 1 и 9 правила.

5) Мате. гл. 19, ст. 13.

высился сравнительно съ языческимъ брачнымъ законодательствомъ на неизмѣримую высоту.

Въ сльдѣ за учненіемъ Церкви и гражданская власть въ христіанскихъ государствахъ вскорѣ признала эту свободу въ дѣлѣ брака. Лишь только христіанство сдѣлалось государственной религіей, тотчасъ была признана эта свобода брака и отмѣнены прежнія постановленія римскихъ императоровъ объ обязательности его и о наказаніи за безбрачіе, какъ несообразныя съ духомъ свободы христіанства, свободы, которая отразилась и па брачномъ законодательствѣ. Уже Константина Великаго отмѣнилъ прежнія постановленія объ обязательности брака и о наказаніяхъ за безбрачіе. Онъ предоставилъ свободѣ и собственному выбору бракъ и безбрачіе и поставилъ личную взаимную симпатію брачующихся въ этомъ случаѣ выше деснотического интереса государства; онъ призналъ за всякимъ мужчиной и женщиной право жить по собственному выбору въ бракѣ или безбрачно¹⁾). Съ этихъ поръ всѣ христіанскія государства всегда признавали эту свободу за своими гражданами и тѣмъ стали несравненно выше государствъ языческихъ въ этомъ вопросѣ.

Условія законности и незаконности христіанскаго брака.

а) Свобода, непринуждаемость брачующихся.

Брачное законодательство должно быть опредѣлено точными постановленіями, которые обусловливали бы его законность: всякое учрежденіе необходимо должно имѣть свои условія правильности или неправильности. Конечно въ бракѣ, какъ свободномъ актѣ человѣческой индивидуальной воли, первое условіе состоить въ требованіи, чтобы вступающіе въ бракъ имѣли согласіе на бракъ, а не принуждались посторонними лицами и другъ другомъ къ супружеству. Свобода брачующихся составляетъ самое главное условіе брака. Это простое и повидимому столь естественное условіе было признано не вдругъ. До христіанства не имѣли полнаго понятія объ этомъ условіи. Древность не признавала этой свободы, потому что супружество въ древности было государственнымъ актомъ, къ которому были

¹⁾ Евсевій, Vita Const. IV, c. 26, p. 538.

обязаны все; здесь не было необходимо испрашивать согласия брачующихся. Не говоря уже о Востоке, где всегда царствовал деспотизмъ, мы не находимъ требование свободы даже у грековъ и римлянъ. У грековъ отецъ самъ заботился о невѣстѣ сына и женить его, обыкновенно не спрашивая его согласия¹⁾. Невѣста же покупалась у родителей или родственниковъ²⁾, иногда даже похищалась и силой выдавалась за-мужъ. Особенно у Дорийцевъ этотъ обычай имѣлъ силу и былъ господствующимъ. Онъ здѣсь сохранялся до позднѣйшихъ временъ, по свидѣтельству Илутарха³⁾. Конечно ири похищеніи невѣсты не могло быть и рѣчи о свободномъ согласіи ея на бракъ. Она дѣлалась какъ бы пленницей мужа. Въ послѣдующее время вошло во всеобщій обычай заключать контрактъ съ родителями невѣсты или родственниками ея; тутъ происходилъ торгъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Когда торговая сделка была заключена, невѣста безъ всякаго спроса о ея согласіи или не-согласіи переходила къ мужу⁴⁾. Такимъ образомъ въ Греціи не существовало условія, чтобы бракъ былъ заключенъ по обоюдному согласію брачующихся. Тамъ господствовало принужденіе въ собственномъ смыслѣ, особенно по отношенію къ невѣстѣ. То же самое почти замѣчаемъ мы и у римлянъ. Въ Римѣ отецъ могъ женить на комъ угодно сына, не получившаго эманси-пации, т. е. не освобожденного отцемъ отъ своей власти и не выдѣленнаго. Это право отца было еще болѣе относительно дочерей. Бракъ былъ не что иное, какъ продажа невѣсты. Невѣста была предметомъ продажи и не могла имѣть права голоса за или противъ брака. Торговля совершилась отъ лица отца или опекуновъ въ присутствіи свидѣтелей. По крайней мѣрѣ въ бракѣ *per reg соemptionem*⁵⁾ были соблюдаены все тѣ формы, какія употреблялись при куплѣ и продажѣ; тутъ буквально деньги вѣались на вѣсы и невѣсту продавали на вѣсъ денегъ⁶⁾: бракъ совершился съ полнѣйшимъ насилиемъ для невѣсты. Такъ было при бракахъ свободныхъ лицъ; о

1) Иліада. Гомера, книга 9, ст. 394.

2) Иліада, и. 16, ст. 178, 190; и. 22, ст. 472; и. 11, ст. 244; и. 13, ст. 376.

3) Maller. Die Dorier. Т. III. См. Соколовскаго, о постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мрѣ.

4) Platner. Beiträge, S. 109 и слѣд. См. Соколовскаго.

5) Cajus, Just. 1. § 113 и 111. Cicero, de orator. 1, 56. См. Соколовскаго.

бракахъ рабовъ нечего и говорить. Здѣсь господствовало полнѣйшее насилие со стороны господъ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ.

Христіанство, явясь въ міръ съ совершеніо иными принципами, отмѣнило этотъ обычай и эти законоположенія. По принципу индивидуальности, христіанство поставило бракъ въ совершенную зависимость отъ воли вступающихъ; безъ этого согласія бракъ не можетъ состояться. Божественный Основатель христіанства предоставилъ полную свободу бракосочетающимся. Здѣсь не могло имѣть мѣста принужденіе со стороны родителей и опекуновъ. Апостолы требовали того же¹). Въ слѣдъ за Иисусомъ Христомъ и Апостолами, и Отцы Церкви требовали всегда, чтобы при бракѣ было согласіе вступающихъ; здѣсь не должно быть никакого насилия ни со стороны родителей и опекуновъ, ни со стороны котораго-нибудь изъ супруговъ, такъ что безъ согласія вступающихъ не могъ состояться бракъ. Только когда вступающіе въ бракъ изъявляли свое согласіе, Церковь благословляла брачный союзъ²). Конечно эта воля брачущихся была ограничена чѣкотыми постановлѣніями, относящимися вообще къ правильности брака и законности его, но въ законныхъ границахъ не могло быть никакого притѣсненія. Всякое насилиственное похищеніе невѣсты строго наказывалось, какъ нарушеніе этой свободы брака, и подвергалось строгой епитиміи; самый бракъ, если онъ былъ уже заключенъ, расторгался³). Церковь повелѣла священнику, прежде чѣмъ совершать вѣнчаніе, освѣдомляться о томъ, съ согласіемъ, а не по принужденію-ли вступаютъ въ бракъ бракосочетающіеся, и только тогда приступать къ вѣнчанію, когда онъ узнаетъ, что они вступаютъ въ бракъ по свободной волѣ, безъ всякаго насилия⁴). У насть на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ быть принятъ и этотъ уставъ Церкви и всегда считался положительнымъ закономъ. Правда, онъ перѣдко нарушался обычаемъ, глубоко укоренившимся на Руси, именно отдавать дочь свою насилино; однако этотъ обычай никогда не былъ признаваемъ

¹⁾ Мате. гл. 19, ст. 5, 11—13; 1 Корнп. глава 7, ст. 36.

²⁾ Кормчая, гл. 43, Зак. Градск. гр. 4, гл. 3. 17; гл. 49, зач. 2. т. 1.

³⁾ IV Вссл. Собора 27 прав. VI Вссл. Собора 92 прав. Василія Великаго 22 и 30 правило.

⁴⁾ Кормчая гл. 50 о тайнѣ супружества.

юридическимъ и Церковь русская всегда вооружалась противъ этого обычая, уничтожающаго свободу въ столь важномъ актѣ, какъ бракъ, гдѣ болѣе всего нужно доброс согласіе. Наконецъ указомъ Синода 1775 года было подтверждено, чтобы священники прежде совершеннія таинства брака удостовѣрялись въ добромъ согласіи сочетающихся; если окажется, что иѣтъ согласія, то не совершали бы вѣнчанія, хотя бы это открылось во время самого вѣнчанія. И наши гражданскіе законы вполнѣ согласны въ этомъ случаѣ съ постановленіями Церкви. Они требуютъ, чтобы браки совершались только съ согласія лицъ вступающихъ въ брачный союзъ; иначе бракъ не признается законнымъ и не позволяетъ совершать вѣнчанія¹⁾. Насильственное похищеніе женщины для вступленія въ супружество судится какъ уголовное преступленіе²⁾, и самый бракъ, совершенный насильно, можетъ быть расторгнутъ³⁾. Даже (до 19 Февраля 1861 года) помѣщики не имѣли права принуждать своихъ крѣпостныхъ къ вступленію въ супружество⁴⁾. Въ этомъ отношеніи наши законы гораздо ближе къ постановленіямъ Церкви и болѣе съ ними въ согласіи, нежели законы византійскихъ императоровъ, которые допускали въ этомъ случаѣ иѣкоторые ограниченія свободы вступающихъ въ бракъ; такъ напр. рабы не имѣли права на это, господа могли вѣнчать ихъ безъ ихъ согласія; даже дѣти не могли разрушить заключеннаго уже родителями брачнаго договора, если приданое отъ жениха было получено; отецъ имѣлъ право принудить своего сына вступить въ бракъ, если только онъ велъ жизнь распутную; дочь не могла отказаться отъ вступленія въ бракъ, предложенный ей отцомъ, развѣ только женихъ былъ худой правственности. Притомъ отъ дѣтей не требовалось выраженія своего согласія устно; уже одного несопротивленія было достаточно для совершеннія законнаго брака⁵⁾. Однако и этими законами признавалось уголовнымъ преступлѣніемъ похищеніе невѣсты⁶⁾.

¹⁾ Х. т. Свод. Зак. 12 ст.

²⁾ Х. т. Свод. Зак. 8 ст. Уложенія о наказан. ст. 2118.

³⁾ Свод. Зак. Х. т. 37, 38, 803 ст. Уст. Д. Консисторій ст. 217 и 218.

⁴⁾ Свод. Зак. Х. т. 12 ст.

⁵⁾ Кормчая, 48 гл. Законы градскіе, гр. 1, гл. 6; гр. 4, гл. 10—24.

⁶⁾ Кормчая, 48 гл. Законы градскіе, гр. 39, гл. 40. Леона и Константина, гр. 16, гл. 12.

Какъ одно изъ главныхъ условій законности брака, требование согласія брачующихся обязано своимъ происхожденіемъ единственію тому высокому положенію, какое занялъ бракъ въ христіанствѣ. По своей цѣли назначенный для свободнаго вспомоществованія супруговъ и для воспитанія членовъ Церкви, бракъ необходимо требуетъ согласія брачующихся; иначе опь не можетъ достигнуть своихъ цѣлей. Какое взаимное вспомоществованіе и нравственная поддержка можетъ быть при нравственномъ бракосочетанії? Здѣсь можетъ быть напротивъ только взаимная вражда и семейные раздоры, которые невыгодно отзовутся на семейномъ благосостояніи и воспитаніи дѣтей. Для достиженія цѣлей брака необходимо не только согласіе на вступленіе въ бракъ, но и взаимная любовь между супругами. Только при такой любви бракъ можетъ быть благоподенъ; въ противномъ случаѣ бракъ не будетъ достигать ни одной изъ своихъ цѣлей. Къ несчастію это понятіе о любви между супругами долго не было признаваемо. Язычество не зналъ этой любви; только въ христіанствѣ она получила свой настоящій характеръ въ противоположность чисто чувственной любви, которую проповѣдывало язычество. По учению Отцевъ Церкви, при заключеніи супружества, бракосочетающіеся должны питать другъ къ другу уваженіе, исполненное высокаго нравственного значенія; невѣста должна чувствовать любовь къ тому, за кого выходитъ замужъ¹⁾). Этого мало; дѣвицѣ, достигшей совершенія лѣтъ, предоставлялось право самой выбирать жениха²⁾). Это даже и не можетъ быть сравниваемо съ древними языческими, греческими и римскими, постановленіями, предоставлявшими родителямъ и главнымъ образомъ отцу право сочетать бракомъ своихъ дѣтей помимо ихъ воли.

Съ давнихъ порь и вполнѣ вѣрно было замѣчено, что счастливъ и благополученъ бываетъ только бракъ, заключенный съ согласіемъ родителей; бракъ же, заключенный по безразсудному увлечению молодыхъ людей, не можетъ быть счастливъ. Поэтому христіанство, объявивъ необходимымъ для совершенія брака обоядное согласіе брачующихся, въ то же время ограничиваетъ ихъ согласіемъ родителей на бракъ. Естественное чувство привлекаетъ настъ къ покорности родителямъ, отъ кото-

¹⁾ Климентъ Александрийскій, Strom., 11, с. 23: IV, с. 20, т. 1, р. 502, 621.

²⁾ Блаж. Августинъ, Ер. 254, т. 11, р. 668.

рыхъ зависитъ наше благосостояніе и общественное положеніе. Дѣти не должны оскорблять родителей, на попеченіи которыхъ они находятся и которыми поддерживаются въ своей общественной дѣятельности. И въ бракѣ дѣти не должны оскорблять родителей своею вступлениемъ въ супружество, не испросивши предварительно ихъ согласія. На уваженіи и пра-
вности дѣтей родителямъ основывается благоустроенность и
благоденствіе общества. Потому признать абсолютную само-
правность дѣтей на вступленіе въ бракъ безъ согласія роди-
телей, значило бы нарушить цѣлый благоустроенный порядокъ
общества. Конечно христіанство, явясь въ міръ съ цѣлью
устроить и преобразовать его, не могло прекратить этихъ есте-
ственныхъ отношеній дѣтей къ родителямъ какъ во всемъ,
такъ и относительно брака. Признавъ бракъ свободнымъ дѣйст-
віемъ воли человѣка, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ требовало,
чтобы согласіе отца и матери въ этомъ дѣлѣ не было совер-
шенно устранимо, а признавалось бы въ должностныхъ границахъ¹⁾.
Поэтому отцы и учителя Церкви совѣтовали юнымъ дочерямъ
въ выборѣ своихъ будущихъ супруговъ сообразоваться не только
съ собственнымъ желаніемъ, но и съ волею родителей. Церковь
считала бракъ дѣтей безъ согласія родителей наравнѣ съ блу-
домъ²⁾. Впрочемъ въ этомъ отношеніи вступающимъ въ бракъ
предоставлена была большая свобода сравнительно съ древними,
греческими и римскими, законами. Между тѣмъ какъ у грековъ
и римлянъ, какъ мы уже видѣли, вступленіе въ бракъ дѣтей
абсолютно находилось во власти родителей; законы Церкви
ограничиваются властью родителей исклучительно условиями, имен-
но: дѣти, достигшія совершеннолѣтія, или занимающія какую-
нибудь государственную службу, словомъ живущія самосто-
тельно отъ родителей, могли вступать въ бракъ безъ ихъ со-
гласія. Съ этими постановлѣніями Церкви вполнѣ согласны
были и гражданскіе византійскіе законы³⁾. И у насъ въ Рос-
сіи всегда признавались эти древнія церковныя постановлія
относительно согласія родителей на бракъ дѣтей и до настоящаго
времени у насъ это считается неизменнымъ условіемъ

¹⁾ Мате. гл. 19 ст. 5.

²⁾ Василія Великаго 38 и. 42 правила.

³⁾ Коричная 48 гл. законы градскіе, гр. 4, гл. 24, гл. 12, 15.

для законности брака¹⁾). Въ случаяхъ когда дѣти вступаютъ въ бракъ безъ согласія родителей, священнику повелѣвается обращаться къ мѣстному архіерею за разрѣшеніемъ, но и при всемъ томъ браки подобного рода считаются сомнительными²⁾; однако браки, заключенные безъ согласія родителей, не расторгаются, а только виновные подвергаются наказанію церковному и гражданскому³⁾). Это конечно основывается на правилахъ Церкви, которая запрещаютъ расторгать подобные браки⁴⁾. Такимъ образомъ по законамъ церковнымъ, древне-византійскимъ и нынѣ действующимъ русскимъ, вступленіе въ супружество требуетъ согласія со стороны родителей, но не стонть въ безусловной зависимости отъ этого послѣдняго, потому что браки, совершенные безъ этого позволенія не расторгаются, а признаются действительными.

По смерти родителей, ихъ мѣсто заступаютъ опекуны. Такъ какъ опекунъ есть полный намѣстникъ родителей, то ему гражданскимъ закономъ были предоставлены всѣ права ихъ. Такое понятіе объ опекунахъ было причиной того, что права родителей относительно брака дѣтей были распространены и на нихъ, какъ представителей родительской власти, съ цѣлью предупредить всякаго рода увлеченія молодыхъ людей при этомъ дѣлѣ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ законовъ гражданскихъ. По гражданскимъ законамъ несовершеннолѣтнія дѣти, находящіяся подъ опекой, не могли заключать никакихъ контрактовъ и договоровъ безъ согласія опекуновъ; тѣмъ болѣе они не могли вступать въ бракъ, который представляетъ такое важное обязательство даже на всю жизнь. Поэтому хотя и нѣтъ прямыхъ узаконеній Церкви, чтобы браки заключались съ согласія опекуновъ, однако въ христіанствѣ, сообразно византійскимъ гражданскимъ постановленіямъ⁵⁾, требовалось для брака ихъ согласіе. Такъ было и у насъ въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ⁶⁾). Если уже родители не могли принуждать своихъ дѣтей вступить

1) Св. Зак. X т. 6 ст.

2) Инструкція благочинныхъ ст. 23.

3) Улож. о наказан. разд. 11, ст. 2040, 2057.

4) Василій Великаго 38 ир.

5) Кормчая 48 гл. Законы гражданскіе гр. 4, гл. 3, 11, 18.

6) Свод. Зак. X т. 6 ст.

въ бракъ, то тѣмъ менѣе это могли дѣлать оскуны, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ церковнаго и даже гражданскаго наказанія. Этого требовало значеніе христіанскаго брака, какъ свободнаго акта.

Тотъ же духъ христіанской свободы отразился и на бракахъ рабовъ. Древніе законы Греціи и Рима не допускали въ этомъ случаѣ никакой воли въ рабѣ. Господинъ могъ его женить, на комъ хотѣлъ и когда хотѣлъ. Но христіанство постаралось улучшить участъ рабовъ и въ этомъ отношеніи. Нигдѣ нѣтъ постановленій Церкви, которая бы позволяли господамъ такъ далеко простирать свою власть, нигдѣ не позволяетъ имъ заключать браки рабовъ помимо ихъ воли. Требуется только, чтобы рабы не вступали въ бракъ помимо согласія своихъ господъ; въ противномъ случаѣ бракъ ихъ считался прелюбодѣяніемъ¹). Но христіанство всегда было противъ того, чтобы предоставить господамъ древніе право заключать браки рабовъ. И наши русскіе законы были запечатлены тѣмъ же духомъ, когда у настъ до 19 Февраля 1861 года были крѣпостные. Законъ нашъ гласилъ: „запрещается помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ вступать въ бракъ безъ дозвolenія ихъ владѣльцевъ“²). Но нигдѣ не было дано права владѣльцамъ заключать браки помимо воли своихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи христіанство стало неизмѣримо выше всей древности и здѣсь проглядываетъ тотъ же духъ свободы индивидуума, даже онъ простирается еще дальше: христіанство дастъ права рабу, которыхъ онъ былъ лишенъ всею древностью, права самыя священные,—права на свободу брака, какъ таинства Церкви, на которое имѣютъ право все члены Церкви Христовой на землѣ. Христіанство, требуя согласія господъ при бракѣ рабовъ и наказывая спитимію рабовъ, вступившихъ въ бракъ безъ этого согласія, не повелѣваетъ однако расторгать подобныхъ браковъ³). Между тѣмъ обѣ этихъ бракахъ не могло быть и рѣчи въ древности.

Къ требованіямъ согласія на бракъ нужно присоединить еще одно, именно чтобы люди, состоящіе на службѣ государства, брали согласіе на бракъ со стороны своихъ началь-

¹⁾ Василія Великаго, 40 и 42 прав.

²⁾ Свод. Зак. X т. 14 и 15 ст.

³⁾ Василія Великаго, 40 и 42 прав.

никовъ¹). Мы сказали, что христіанство предложило міру свободу индивидуума; но эта свобода не должна переходить должностныхъ границъ, иначе не будетъ никакого благоустроенного государства, где необходимо подчиненіе властямъ. Христіанство признало это подчиненіе властямъ, какъ необходимое для всякаго человѣка²). Всѣдѣствіе такого взгляда христіанства на законно поставленную власть и составилось требование испрашивать разрешеніе на бракъ со стороны властей. Человѣкъ, вступая на государственную службу, тѣмъ самымъ обязываетъ себя строго преслѣдовать интересы государства, потому что власть, которой онъ подчиняется, застунаетъ для него въ нѣкоторомъ смыслѣ родителей; а живя на иждивеніи родителей, дѣти тѣмъ самымъ, не говоря уже о естественномъ требованіи, обязываются преслѣдовать интересы родителей. Въ видахъ этого и постановили отцы Церкви, чтобы всякий, состоящій на службѣ, испрашивалъ согласіе на бракъ со стороны пачальства, потому что отъ произвольнаго вступленія въ супружество въ этомъ случаѣ могутъ пострадать интересы государства. Но здѣсь не то, что въ древности, где бракъ былъ долгомъ государству; здѣсь только требуется, чтобы государство знало о бракѣ лицъ, состоящихъ на службѣ, съ целью точныхъ свѣдѣний о лицахъ, состоящихъ на службѣ.

б) Бытіе одпой жены у мужа.

Уничтоживъ бракъ, какъ обязанность отпосительно государства, христіанство основало и утвердило свой бракъ, какъ таинство и поставило его на высочайшую степень. Христость уподобилъ его высочайшему таинству отпосенія Своего къ Церкви. Какая любовь существуетъ между Христомъ и Церковью, такая же любовь должна быть между мужемъ и женой. Изъ этого таинственного отпосенія брака къ связи Христа съ Церковью проис текаютъ всѣ качества и свойства этого таинства. Христосъ, любящій Церковь, есть *одинъ*, и Церковь — предметъ Его любви, также *одна*. То же самое должно быть и въ бракѣ. Онъ долженъ быть *монагамическимъ* въ самомъ строгомъ

¹) Василія Великаго 40 и 42 прав.

²) Мате. гл. 22, ст. 21; Марк. гл. 12, ст. 17; Лук. гл. 20, ст. 25; Римл. гл. 13; 1 Петр. гл. 2, ст. 13—14; Тит. гл. 3, ст. 1.

смыслъ этого слова: долженъ быть одинъ мужъ, изображающій въ бракѣ Христа, должна быть и одна жена, изображающая Св. Церковь. Здѣсь возстановленъ тотъ первоначальный бракъ, который былъ установленъ при созданіи человѣка. Когда Адамъ увидалъ себя одинокимъ и просилъ Бога дать ему подобнаго ему, составился божественный совѣтъ. Что же было рѣшено въ этомъ божественномъ совѣтѣ? *Сотворимъ ему помощницу*¹). Помощницу, а не помощницъ опредѣлилъ божественный судъ, превышающій всѣ человѣческія премудрія мынія и рѣшенія. Адаму была дана *одна* жена, а не много — вотъ естественный законъ природы. Жена должна была дополнить существо мужа и этого дополненія было вполнѣ достаточно; она должна была составлять съ мужемъ одну плоть. Возможна ли такая тѣсная любовь между супругами, когда нарушена эта первая основа брака — единство? Исторія тысячиелѣтій и разсудокъ своими соображеніями убѣждаютъ насть, что такой тѣсной любви и тѣснаго единенія между супругами быть не можетъ, если единство жены будетъ замѣнено многожествомъ женъ. Вотъ почему божественный совѣтъ рѣшилъ даровать Адаму *одну* помощницу, а не многихъ. Даже послѣ грѣхопаденія, этотъ законъ, въ высшей степени естественный и благоразумный, былъ долго признаваемъ и не нарушался. О Ламехѣ первомъ замѣчено въ Библіи, что онъ имѣлъ въ одно время *дѣвь* жены и первый испыталъ горькіе плоды этого нарушенія естественного закона о бракѣ²), который всегда, по плану божественного міроправленія, долженъ отличаться строгимъ *единоженствомъ*. Впрочемъ чувствительность взяла пересѣчь надѣ требованіями природы, разума и самого Бога и нарушила законъ Божій. Многоженство мало-по-малу начинаетъ проникать въ человѣческое общество. Не говоря уже о государствахъ Востока, отличительнымъ признакомъ которыхъ всегда было *многоженство*, даже въ Греціи, гдѣ первоначально была моногамія, мало-по-малу это единство брака было нарушено введеніемъ гетеръ и конкубінъ, которыхъ признавались даже закономъ; конкубінъ скоро вошелъ во всесообщесе употребленіе въ Греціи³). Въ Римѣ

¹) Быт. гл. 2, ст. 18.

²) Кн. Быт. гл. 4, ст. 19—24.

³) Demosth. adv. Neärem 1386, 19, ad. Arist. 637, 5. Lusias adv. Eratosth. 35, 36. Isaens de Piprh. hered. 41. Supra hered. Philocet. p. 147. См. Соколовскаго, развитіе идеи брака. 62 стр.

конкубинатъ быль общеизвѣстнымъ и распространеннымъ до крайнихъ предѣловъ, особенно предъ рождествомъ Христо-вымъ. Даже и въ среду избраннаго Самиль Богомъ еврей-скаго народа проникла эта зараза многоженства. Правда, пѣтъ нигдѣ во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ закона, поставляющаго многоженство на степень брачнаго права; напротивъ есть требованія, которыя ясно показываютъ, что законодатель еврей-скаго народа старался, насколько возможно, уменьшить этотъ вредный обычай¹⁾). Но Моисей не могъ окончательно уничто-жить этой вссобщей заразы; потому тѣ же самыя мѣста его законоположенія, которыя свидѣтельствуютъ о стараніи сего уменьшить многоженство и воспрепятствовать ему, и пѣко-торыя другія мѣста Писанія показываютъ, что законодатель долженъ быль терпѣть многоженство и терпѣль²⁾). Множен-ство было распространено въ народѣ іудейскомъ и Библія предствляетъ намъ не одинъ примѣръ многоженства въ исто-рии еврейскаго народа³⁾). Христіанство, имѣя цѣлію преобра-зовать міръ, не могло оставить этого грубаго недостатка въ человѣчествѣ (множенства), недостатка, вліяющаго на весь общественный строй человѣческой жизни. Иисусъ Христо-въ возстановилъ первоначальное единство брака, которое сущес-твовало въ раю⁴⁾). Апостолы остались вѣрными этому учешю Христа и требовали, чтобы брачный союзъ по своей чистотѣ походилъ на отношеніе Иисуса Христа къ Церкви, которая едина⁵⁾). Съ тѣхъ поръ Церковь всегда оберегала самое стро-гое единство брака, считая многобрачіе преступлениемъ даже болѣе тяжкимъ, чѣмъ блудъ, и подвергая виновныхъ строгой спитиміи. Василій Великій говоритъ: „о многобрачіи отцы умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ и совершиенно нуждомъ че-ловеческому роду. Намъ же сей чинъ представляется тяжай-шимъ блуда. Посему благоразумно будемъ подвергати тако-

¹⁾ Кн. Лев. гл. 22, ст. 24; гл. 14, ст. 18; Иех. гл. 21, ст. 8 и слѣд. Второзак. гл. 17, ст. 17.

²⁾ Быт. гл. 30, ст. 13; Втор. гл. 21, ст. 17; Иех. гл. 21, ст. 9 и слѣд. Левит. гл. 18, ст. 18; Суд. гл. 2, ст. 37; Ие. гл. 4, ст. 1.

³⁾ Авраамъ, Исаія, Іаковъ, Давидъ, Соломонъ, Гедеонъ и многіе другіе мужи, извѣстныя въ Исторіи Царства Израильскаго и Іудейскаго, имѣли не по одной женѣ.

⁴⁾ Мате. гл. 19, ст. 3—15.

⁵⁾ Ефес. гл. 5, ст. 25—32.

выхъ спитимъ по правиламъ¹⁾. Такъ строгъ былъ всегда взглядъ Церкви на полигамію. Это постановліе Церкви признавалось всегда и гражданскими законами. По нашему русскому законодательству также признается только бракъ моногаміческій²⁾. И съ этой стороны христіанскій бракъ рѣзко отличается отъ браковъ, бывшихъ во времена до-христіанскія; учение христіанства о строгомъ единоженствѣ составляетъ характеристическую особенность христіанскаго брака. Язычники и даже евреи, какъ мы замѣтили выше, не знали такого строгаго единоженства, не смотря на то, что оно есть самое естественное требование природы и разума.

в) Определенный возрастъ брачущихся.

Мы излагали доселъ условія законности христіанскаго брака, которая можно назвать нравственно-религіозными. Но бракъ есть въ то же время обязательство, данное лицами разныхъ половъ, съ цѣлью размноженія рода человѣческаго; потому въ немъ не должна быть забываема физическая сторона. Христіанство дѣйствительно не оставило безъ вниманія и этой стороны. Только здѣсь она получаетъ совершенно другой оттѣнокъ. Бракъ христіанскій, по своему высокому положенію, не могъ не придать нравственного значенія этимъ, до тѣхъ поръ чисто физиологическимъ требованіямъ. Физическая сторона брака въ христіанствѣ направлена къ гораздо высшимъ цѣлямъ, нежели одно простое сожительство и рожденіе дѣтей. Поэтому и условія эти были направлены къ другой цѣли.

Первымъ условіемъ физического свойства и характера есть конечно извѣстный определенный возрастъ, раньше которого нельзя вступать въ бракъ. Это самое естественное и простое требование; разныя законодательства древнихъ временъ всегда поставляли совершиеннолѣтіе условіемъ законности брака. Совершиеннолѣтіе зависитъ отъ климата и вообще отъ физического положенія страны; въ разныхъ странахъ періодъ совершиеннолѣтія начинается различно, въ однихъ раньше, въ другихъ позже; законодательства разныхъ странъ опредѣляютъ его со-

¹⁾ Василій Вел. 80 пр. То же учение мы встречаемъ и у другихъ Отцѣвъ и Учителей Церкви, напр. у Ермі, Pastor, lib. 11; у Златоуста, De non etorand. conjug., п. 1, 2. in Fit. hom. 11. п. 1; у Епифанія, haeres. XLVIII, п. 9.

²⁾ Св. Зак. X т. 2 ст.

вершению различно. Въ виду этого Иисусъ Христосъ, основавши вселенскую религию, которая должна была распространиться по всему земному шару, не опредѣлилъ совереннолѣтія, потому что въ противномъ случаѣ этотъ законъ о совереннолѣтіи былъ бы непримѣнимъ къ разнымъ странамъ. Церковные каноны также не опредѣляютъ совереннолѣтія, что было сдѣлано гражданскими законами. Греческие императоры поставили срокомъ совереннолѣтія 14-лѣтній возрастъ для мужского пола и 12-лѣтній—для женского¹⁾. На Руси, куда перешли греческие законы, сначала также опредѣлялось совереннолѣтіе этими годами. Но впослѣдствіи времени это было признано непримѣнимъ къ націей холодной странѣ, гдѣ въ эти годы личности бывають еще дѣтьми. Поэтому въ 1830 году было постановлено вѣнчать лицъ мужского пола не моложе 18 лѣтъ, а женского—не моложе 16 лѣтъ. Это постановленіе и составляетъ нынѣ действующій законъ для опредѣленія совереннолѣтія вступающихъ въ бракъ²⁾.

Требование совереннолѣтія въ христіанскомъ бракѣ еще болѣе необходимо, нежели въ языческомъ. Бракъ въ христіанстве поставленъ на высокую степень,—онъ есть таинство, отобразъ таинственного единенія Христа съ Церковью. Чтобы рѣпниться на такой высокой союзѣ, нужно зрѣло и долго обдумать и взвѣсить все. А можетъ ли это сдѣлать молодой неизрѣлый умъ? Христіанскій бракъ есть союзъ перасторожимый, союзъ на всю жизнь. Поэтому прежде, чѣмъ вступить въ такой союзъ, нужно хорошо обдумать, кого избираешь себѣ въ спутницы жизни, чтобы впослѣдствіи супружеская жизнь не представляла сценъ постоянного раздора и вражды, которые были бы неизбѣжны при преждевременномъ и необдуманномъ вступлении въ супружество. Вслѣдствіе этого по нашемъ законамъ сочетающіеся бракомъ раньше совереннолѣтія разводятся немедленно, какъ только дойдѣтъ до свѣдѣнія начальства извѣстіе объ этомъ, и они не пришуждаются къ сожительству, по достижениіи совереннолѣтія; однако если пожелаютъ этого сами, то бракъ ихъ благословляется Церковью по особому чиноположенію.³⁾

¹⁾ Кормчая, 48 гл. Зак. град. гр. 4, гл. 2. 4; гл. 49, зач. 2, ч. 1.

²⁾ Свод. Зак. X т. 3 ст.

³⁾ Свод. Зак. X т. 37 и 39 ст.

Но если бракъ запрещается раньше совершеннолѣтія, то онъ запрещается также и по достижениіи старческаго возраста. На этотъ случай нѣтъ точнаго опредѣленія въ церковныхъ канонахъ; только вдовамъ, достигшимъ 60-лѣтнаго возраста, запрещалось вступать въ бракъ¹⁾). Это запрещеніе вступать въ бракъ въ престарѣломъ возрастѣ есть требование законовъ природы, потому что человѣкъ въ старости бываетъ не способенъ къ супружескому сожитію и къ дѣторожденію. Въ старческомъ возрастѣ человѣку нужно всего обращаться къ Богу и вести строго нравственную жизнь, въ эти годы бракъ будетъ уже не нравственнымъ учрежденіемъ, а скорѣе страстнымъ пожеланіемъ, удовлетвореніемъ своей чувственности. Такимъ образомъ одна изъ цѣлей брака не достигается, да и самое основаніе его подрывается подобными браками. Потому наши русскіе законы запрещаютъ браки лицъ старше 80 лѣтъ²⁾). Кромѣ того нашими церковными постановленіями еще не одобряются браки между лицами, которыхъ различны между собой по числу лѣтъ³⁾). Это также вытекаетъ изъ самыхъ естественныхъ требованій природы. Бракъ христіанскій есть союзъ неразрывный во всю жизнь. Поэтому, если молодой человѣкъ сочетается бракомъ со слишкомъ старымъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ у одного изъ супруговъ возможность къ супружескому сожитію прекращается, между тѣмъ какъ другой еще будетъ въ полной силѣ и свѣжести лѣтъ. Очень можетъ быть, что такое неравенство въ лѣтахъ можетъ повлечь за собой разныя непріятныя столкновенія между супругами и даже нарушеніе супружеской вѣрности. Поэтому наша русская Церковь, основываясь на идеѣ христіанскаго брака, неблагосклонно относится къ подобнымъ супружествамъ.

г) Обладаніе здравымъ умомъ и полнымъ здоровьемъ.

Христіанская Церковь запрещаетъ еще сумасшедшімъ вступать въ браки, потому что подобный супругъ не можетъ выполнить ни одной изъ цѣлей брака. Какая обойдная нравственная поддержка супруговъ, какое христіанское воспитаніе можетъ

¹⁾ Василія Великаго 80 прав.

²⁾ Свод. Зак. X т. 4 пр.

³⁾ Инструкція благочинныхъ, ст. 23.

быть при сумасшествіи одного изъ супруговъ? Потому въ христианствѣ всегда считались подобные браки невозможными. Правда постановлений церковныхъ объ этомъ предметѣ нѣтъ. Вероятно Отцы умолчали объ этомъ предметѣ, потому что подобные браки, какъ противорѣчащіе естественнымъ законамъ, не могутъ быть терпимы. Только древніе греческие гражданскіе законы запрещали браки съ сумасшедшими; и наши отечественные законы, согласно съ ними, также воспрещаютъ подобные браки и повелѣваютъ расторгать, если они заключены¹⁾. Впрочемъ если сумасшествіе случилось послѣ брака, то бракъ по византійскимъ законамъ не расторгается²⁾. Это было бы противно высокому идеалу христіанскаго брака, гдѣ любовь между супругами должна продолжаться до конца жизни; было бы въ высшей степени несправедливо и несогласно съ духомъ христіанской супружеской любви оставлять супруга и притомъ въ такое бѣдственное для него время, когда болѣе всего нужна ему поддержка посторонняго лица. Впрочемъ если сумасшествіе такого рода, что угрожаетъ опасностью другому супругу, то конечно бракъ долженъ быть расторгнутъ по требованію здраваго разума; того же требуютъ и наши отечественные законы³⁾.

Кромѣ этихъ изложенныхъ условій законности брака со стороны физической признается еще условіемъ способность къ брачному сожительству. Это есть естественное требование самой природы брака и подразумѣвается при самомъ заключеніи брака. Потому можетъ быть и нѣтъ объ этомъ прямыхъ постановлений въ канонахъ православной Церкви. Лишь гражданскіе византійскіе⁴⁾ и наши русскіе законы опредѣляютъ условіемъ законности брака эту способность и запрещаютъ браки при неспособности одного изъ вступающихъ въ бракъ⁵⁾. Впрочемъ наша русская Церковь своими постановленіями, запретивъ подобные браки, повелѣваетъ расторгать, если они заключены, въ томъ только случаѣ, когда эта неспособность произошла раньше брака, а не послѣ его по болѣзни⁶⁾.

¹⁾ Свод. Зак. X т. 5 ст. Уст. Д. Констант. 218 ст.

²⁾ Коричац, 49 гл. зач. 2 гл. 9.

³⁾ Свод. Зак. X т. 5 ст. Уст. Д. Констант. 218 ст.

⁴⁾ Коричая, гл. 46. зак. суд. г. 32; 48 г. зак. град. гр. 11. гл. 2; гл. 49, зач. 2. ст. 9.

⁵⁾ Свод. Зак. X т. 48, 49 ст.

⁶⁾ Уст. Дух. Констант. 245. 246 ст.

Вотъ въ краткихъ чертахъ физическая условія законности и правильности брака. На нихъ мало останавливалось христіанство; почти ни объ одномъ изъ нихъ пѣть прямыхъ постановлений Церкви. Причина такого явленія заключается въ томъ, что эти условія вытекаютъ изъ самой сущности брака, какъ сожитія двухъ лицъ разнаго пола. Потому они понятны сами собой и признавались даже языческими законами, такъ что христіанству не было нужды останавливаться на нихъ; они уже существовали раньще. Христіанство по своему высоконравственному характеру остановилось болѣе на нравственныхъ условіяхъ для вступленія въ законный бракъ, потому что эти условія были искажены и даже совершенно оставлены язычниками.

д) Отсутствіе родственныхъ отношеній между брачущимися.

Теперь намъ осталось еще разсмотрѣть одно условіе законности и правильности брака, именно отсутствіе родственныхъ отношеній. Это условіе можно назвать нравственно-физическимъ на томъ основаніи, что запрещеніе браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства основывается на нравственномъ чувствѣ и чисто физическомъ вредѣ, происходящемъ отъ подобныхъ браковъ. Первая причина, по которой бракъ запрещенъ въ близкихъ степеняхъ родства, та, что человѣческая природа отвращается отъ супружескаго сожитія съ близкими родственниками. Близкіе родственники и безъ брака стоять въ извѣстныхъ нравственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, которые связываютъ ихъ между собою самыми тѣсными узами, и неестественно было бы дозволять вступленіе въ бракъ, въ которомъ являются другія нравственные отношенія, другія узы. Потому сама природа человѣка отвращается отъ подобныхъ браковъ и полагаетъ родство препятствиемъ ко вступленію въ супружество. Одно изъ существенныхъ отличій человѣка отъ животныхъ состоять между прочимъ въ томъ, что животныя не знаютъ родства, которое препятствовало бы сношенію между полами; для нихъ даже не существуетъ такого родства, какъ родство между отцемъ и дочерью, сыномъ и матерью. Но человѣкъ не можетъ смотрѣть на эти отношенія безъ отвращенія. У всѣхъ націй, образованныхъ и дикихъ, существуютъ названія родственниковъ; всѣ народы отвергаютъ супружество въ болѣе или менѣе близ-

кихъ степеняхъ родства. Такая общая характеристическая особенность человѣческаго рода заставляетъ невольно согласиться, что отъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства отврашается сама природа, помимо различныхъ законодательствъ религіозныхъ и гражданскихъ. Вторая причина запрещенія брака въ близкихъ степеняхъ родства есть та, что въ бракѣ сближаются между собой два рода. Такимъ образомъ бракъ является звеномъ соединяющимъ чуждыя роды. Поэтому, чѣмъ болѣе въ близкихъ степеняхъ родства будутъ существовать браки, тѣмъ менѣе будетъ этихъ соединяющихъ и примиряющихъ разныя семейства звеньевъ. Если это замѣчается теперь, если это оказываетъ свое благотворное дѣйствіе и въ настоящее время, то тѣмъ болѣе въ древности, при постоянной борьбѣ родовъ между собою, бракъ является важнымъ примиряющимъ орудіемъ. Поэтому-то съ древнѣйшихъ временій законодательства религіозныя и гражданскія стремились прекратить браки въ близкихъ степеняхъ родства, чтобы этимъ способствовать сближенію разныхъ родовъ между собою. Третья причина чисто физическая. Она заключается въ томъ, что браки въ близкихъ степеняхъ родства способствуютъ и ведутъ къ вырожденію, въ психическомъ и физическомъ отношеніи, потомства, происходящаго отъ этихъ браковъ. Въ настоящее время составляетъ несомнѣнныи фактъ, что различные фамиліи и роды вырождались и вымирали единственно отъ того, что стремились постоянно заключать браки съ самыми близкими родственниками. Такая судьба постигла напр. персидскую династію предъ временемъ Александра Македонскаго. Такимъ образомъ запрещеніе брака въ близкихъ степеняхъ родства въ высшей степени естественно и благотворно по своимъ послѣдствіямъ и чѣмъ дальше извѣстное законодательство простираетъ это запрещеніе, тѣмъ лучше и цѣлесообразнѣе оно поступаетъ, тѣмъ выше оно стоитъ. Конечно, какъ вездѣ такъ и здѣсь, нужно знать мѣру и не простирать запрещенія чрезвычайно далеко, чрезъ что только бесполезно увеличиваются препятствія для вступленія въ бракъ, а не приносится никакой пользы.

Въ этомъ отношеніи христіанство представляетъ образецъ, совершеннѣе котораго не представляла ни одна религія древнаго времени. Оно разширило понятіе о степеняхъ родства, препятствующихъ вступленію въ бракъ, но въ то же время и не зашло слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи.

Родство измѣряется *степенями*. Степень родства измѣряется числомъ рожденій (напр. между отцемъ и сыномъ одно рожденіе, потому одна и степень); рядъ степеней, непрерывно связанныхъ между собою, называется *линией*. Такая линія, въ которой родственники произошли одни отъ другихъ, называется *прямой линіей*, напр. дѣдъ, отецъ, сынъ, внукъ и т. д. Если же родственники произошли не одиы отъ другаго, а только отъ одного общаго предка, то такая линія называется *боковой линіей*, напр. дядя, тетка, братъя, сестры суть родственники по боковой линіи. Въ христіанствѣ всегда безусловно были запрещены браки въ восходящей и исходящей прямой линіи, хотя и нѣтъ обѣ этомъ церковныхъ каноническихъ постановлений, потому что нельзѧ представить, чтобы кто-нибудь вступилъ въ бракъ въ близкой степени по прямой линіи, напр. мать съ сыномъ, дѣдъ съ виучкой; а дальше уже становится бракъ невозможенъ физически. Притомъ, запрещая браки въ дальнихъ степеняхъ родства по боковой линіи, Церковь подразумѣвала, что тѣмъ болѣе неправиленъ бракъ въ родствѣ по прямой линіи. Но боковой же линіи церковные законы запрещаютъ вступать въ бракъ до четвертой степени включительно¹⁾. Но въ послѣдующіе вѣка пастыри Церкви нашли каноническое запрещеніе брака въ четырехъ степеняхъ слишкомъ малымъ и запретили бракъ до шестой и даже до седьмой степени²⁾. Нашіи отечественные законы запрещаютъ браки до четырехъ степеней включительно; въ пятой же и шестой степени запрещается лишь вѣнчать безъ особаго на то разрѣшенія архіерея³⁾; дальше этого родство не признается.

Это родство *кровное*. Но бываетъ еще родство *двухродное* или *свойство*, въ которое входятъ два рода чрезъ бракъ. Это двухродное родство или свойство бываетъ: во-1-хъ, между одиимъ изъ супруговъ и родственниками другаго; во-2-хъ, между кровными родственниками одного супруга и кровными же родственниками другаго; въ-3-хъ, между однимъ изъ супруговъ и исходящими родственниками другаго. Бракъ по учению христіанства производить такое тѣсиное общеніе между супругами, что они станов-

¹⁾ Василій Великаго 87 пр. VI Всіл. Соб. 54 пр. Тимоѳеи Александрийскаго 11 пр. сравн. Августинъ, *De civitate Dei*, XV, с. 16.

²⁾ Корячая гл. 51.

³⁾ Указъ 1858 г. Марта 28.

вятся одною плотью¹). Потому браки родственниковъ по свойству всегда признавались незаконными въ тѣхъ же степеняхъ, какъ и родственниковъ по крови. Сначала браки запрещались въ свойствѣ, какъ и въ кроzinомъ родствѣ, каноническими правилами до четвертой степени включительно²). Но въ X и XI вѣкахъ на помѣстныхъ константинопольскихъ соборахъ это запрещеніе было распространено до шестой и даже до седьмой степени³). Наши законы, согласно съ каноническими постановленіями, запрещаютъ браки между родственниками по свойству до четвертой степени включительно⁴).

Иногда посредствомъ брака входятъ въ родство не два, а три рода; тогда образуется родство *трехродное*. Здѣсь иѣть каноническихъ постановлений древней Церкви, опредѣляющихъ степени, въ которыхъ запрещается бракъ; но греческие пастыри и византійские законы запрещали бракъ въ четырехъ степеняхъ. Однако абсолютно запрещались подобные браки только въ первой степени, въ остальныхъ же иногда позволялись⁵). На этомъ основаніи и наши россійские законы безусловно запрещаютъ браки въ трехродномъ родствѣ только въ первой степени⁶). Браки, повѣнчанные въ недозволенныхъ степеняхъ родства, расторгались по каноническимъ правиламъ и греческимъ законамъ⁷), расторгаются и по нашимъ, и виновные подвергаются епитиміи; но по исполненіи епитиміи имъ дозволяется вступать въ новое супружество.⁸⁾

Можно легко замѣтить, что христіанство положило болѣе

¹⁾ Мате. гл. 19, ст. 6.

²⁾ Апост. прав. 18; Неокесар. Соб. 2 пр.; Василія Великаго 87 пр.; VI Всел. Соб. 54 прав.

³⁾ Корчая гл. 51.

⁴⁾ Свод. Зак. X т. 196—204 ст.

⁵⁾ Корчая, 48 гл. Зак. град. гр. 7 гл. 13. 14. гл. 50. Трехродное родство считается во-1-хъ, между однѣмъ изъ супруговъ и супругами родственниковъ другаго; во-2-хъ, между кровными родственниками одного изъ супруговъ и свойственниками другаго супруга по его первому браку. Так. обр. къ родственникамъ первой степени трехродного родства относятся: отчимъ и жена пасынка, мачиха и мужъ начдерицы. Между этими родственниками бракъ запрещенъ безусловно.

⁶⁾ Указъ 1841 года 25 Апрѣля.

⁷⁾ VI Всел. Соб. 54 пр. Корчая, 48 гл.—Зак. град. гр. 39, гл. 73; 49 гл. Зач. 2, гл. 2.

⁸⁾ Уст. Д. Консист. 219 ст.

строгія постановленія, пежели какія существовали объ этомъ предметѣ въ язычествѣ и даже у евреевъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглѣдь на постановленія римлянъ и евреевъ объ этомъ предметѣ. По римскимъ законамъ, безусловно запрещались браки только по прямой линіи кровнаго и двухроднаго родства, но относительно боковыхъ линій кровнаго родства законъ ограничился только тремя степенями; двухродное же родство по боковымъ линіямъ препятствіемъ къ браку не признавалось¹). Такимъ образомъ Церковь дальнѣе простила запрещеніе брака въ родствѣ кровномъ по боковымъ линіямъ; а родство двухродное по боковымъ линіямъ она поставила препятствіемъ браку вновь; вообще христіанская Церковь дальнѣе простила запрещеніе брака въ родствѣ. Что же касается еврейскаго законодательства, то и оно должно уступить первое мѣсто христіанству относительно строгости запрещенія браковъ въ родствѣ. По закону еврейскому, согласно съ христіанскимъ, запрещается бракъ по прямой линіи кровнаго и двухроднаго родства, но по боковымъ линіямъ запрещается только до третьей степени включительно; да и здѣсь допускалось исключеніе, именно, дозволялось жениться на сестрѣ жены послѣ ея смерти, и на женѣ дяди по матери, или по крайней мѣрѣ о послѣднемъ случаѣ законъ Моисеевъ ничего не говоритъ²). Кромѣ того не только позволялось жениться на женѣ своего умершаго бездѣтнаго брата, но даже подобный бракъ считался обязательнымъ. Христіанство же запрещаетъ браки гораздо дальнѣе, именно до четвертой степени родства. Мало того, даже въ пятой и шестой степени браки не совсѣмъ одобряются, потому что подобные браки могутъ быть заключены лишь съ позволеніемъ архіерея.

Кромѣ этихъ видовъ родства по крови и по свойству, въ Церкви съ первыхъ временъ было признаваемо еще родство *духовное*, именно то, которое образуется посредствомъ воспри-

¹⁾ Кормчая, 48 гл. Зак. град. гр. 7. гл. 2.

²⁾ Левит. гл. 18 и 20. Втор. гл. 22, ст. 39; гл. 27, ст. 20—23. Запрещались: бракъ брата, хотя и перводнаго, съ сестрою, бракъ съ сестрою отца или матери, бракъ мачехи съ пасынкомъ, отчима съ подчерицей или внукомъ жены отъ первого брака, бракъ зятя съ тещей, бракъ съ женой сына, бракъ съ женой брата, оставившаго послѣ своей смерти дѣтей, бракъ съ женой дяди по отцу, бракъ съ дочерью послѣ матери или наоборотъ и наконецъ бракъ съ двумя сестрами въ одно время.

нятія крещаемаго отъ купели. Это обусловливалось тѣмъ взгядомъ, какой имѣла Церковь на таинство крещенія. Церковь учила, что воспріемникъ принимаетъ на себя обязанности родителей относительно воспитанія и заступаетъ ихъ мѣсто. Поэтому между воспріемникомъ и воспринятымъ образуется такая же родственная связь, какая существуетъ между родителями и дѣтьми. На этомъ взгядѣ и основывается учение Церкви, что воспріемниковъ и воспринятыхъ нужно считать родственниками въ первой степени родства. Отсюда перешло понятіе о родственныхъ отношеніяхъ и на другихъ родственниковъ по крови. Впрочемъ церковные каноны запрещаютъ бракъ только во второй степени духовнаго родства, т. е. между воспріемниками и воспринятыми и родителями воспринятыхъ¹). Законы же гражданскіе простирали это запрещеніе до четвертой степени, впрочемъ только по прямой исходящей линіи, по боковой же линіи родство не признавалось²). Въ нацѣї Церкви, сообразно съ 53 правиломъ Собора Трульскаго, постановлено воспрещать браки только между воспріемниками, воспринятыми и родителями воспринятыхъ, а такъ какъ считается необходимымъ только одинъ воспріемникъ, для лицъ мужескаго пола — мужчина, для лицъ женскаго пола — женщина, то родство считается дѣйствительнымъ только съ этимъ необходимымъ воспріемникомъ³).

с) Общій взглядъ на христіанское законодательство о бракѣ.

Изъ сдѣланнаго нами очерка законоположеній Православной Церкви о степеняхъ родства, препятствующихъ вступлению въ бракъ, и краткаго сравненія ихъ съ законами римскими и еврейскими объ этомъ предметѣ не трудно сдѣлать выводъ въ пользу христіанства. Мы замѣтили выше, что для праственныхъ, физическихъ и соціальныхъ отношеній людей гораздо полезнѣе и лучше, если браки будутъ запрещены въ даль-

¹) VI Вссл. Соб. 53 пр. Мѣстныя постановленія Церкви греческой простираютъ это запрещеніе даже до седьмой степени (Кормчая гл. 50), по эти постановленія на практикѣ не были соблюдаены даже въ греческой Церкви.

²) Кормчая, 48 гл. Зак. град. гр. 7 гл. 28; 50 гл.

³) Уст. Д. Констант. 220 ст.

нѣйшихъ степеняхъ родства, лишь бы только это запрещеніе не простиралось слишкомъ далеко. Это мы и замѣчаемъ въ Православной Церкви. Здѣсь запрещены браки именно въ тѣхъ степеняхъ, въ какихъ запрещаетъ сама природа. У всякаго народа есть названія для тѣхъ или другихъ степеней родства, но дальнѣе извѣстныхъ степеней не быть особыхъ названій. Этимъ какъ бы полагается предѣлъ для степеней родства, въ которомъ долженъ быть запрещенъ бракъ. Эти-то предѣлы мы и находимъ въ христіанствѣ. Стоить только посмотреть на распределеніе степеней родства, препятствующихъ браку, и мы увидимъ, что дальнѣе этихъ степеней не существуетъ особыхъ названій для родственниковъ у всѣхъ, даже болѣе или менѣе образованныхъ, народовъ. Здѣсь христіанство остановилось какъ-бы на рубежѣ, оказывая спасительное дѣйствіе на жизнь общественную и удовлетворяя нравственному чувству человѣка. Между тѣмъ римскіе и даже еврейскіе законы не всегда удовлетворяли этимъ требованіямъ. О другихъ народахъ не стоитъ и упоминать. Тамъ позволялись очень часто такие кровосмѣшительные браки, которыхъ бы ужаснулись христіане настоящихъ временъ.

ж) Замѣчанія о вторичныхъ бракахъ.

Изложивши условія правильности и законности брака, мы должны сказать нѣсколько словъ о бракахъ *вторичныхъ*. Бракъ въ христіанствѣ есть образъ единенія Христа съ Церковью. По учению Апостола, любовь, которая существуетъ между мужемъ и женой, есть образъ вѣчной любви Христа къ Своей Церкви, и какъ любовь Христа не прекратится вовѣкъ, такъ и брачная любовь между мужемъ и женой не должна прекращаться во всю жизнь. Бракъ по уч. I. Христа есть союзъ двухъ бессмертныхъ душъ и, какъ такой, долженъ продолжаться вѣчно; даже смерть не прерываетъ этой вѣчной любви душъ. Таковъ долженъ быть бракъ христіанскій по своему идеалу. Но христіанство явилось въ міръ исполненный грѣховъ, въ міръ слабыхъ, немощныхъ, смертныхъ людей, которыхъ оно должно было возродить и нравственно исправить. Въ виду этой немощи людей одною изъ цѣлей брака христіанство поставило предохраненіе человѣка отъ грѣховной похоти. Вслѣдствіе той-же нравственной слабости людей Христосъ и Апостолы не запретили второго брака, замѣтивши однако, что лучше было-бы,

если-бы вдовцы и вдовицы оставались впѣхъ новыхъ супружествъ¹⁾. Поэтому и отцы и учителя Церкви всегда смотрѣли на второй бракъ, какъ на состояніе несравненно худшее вдовства, называли его даже благовиднымъ прелюбодѣяніемъ²⁾. Однако они считали его позволеннымъ и законнымъ, но старались отвлечь вдовыхъ отъ нового супружества, изображая тѣ трудности, которыхъ имъ представляется воспитаніе дѣтей, разныхъ по матери или по отцу; намѣревающимся сочетаться бракомъ со вдовцемъ или вдовицей они внушали опасеніе, что вдовий супругъ сохранить расположеніе къ своей умершей половинѣ и потому не будетъ такъ любить всецѣло, какъ въ первомъ бракѣ. Впрочемъ, представивши такія трудности и невыгоды втораго брака, отцы оставляли на волю вдовымъ вступать или не вступать во второй бракъ и никогда не запрещали его окончательно³⁾. Тѣмъ же духомъ отличаются и каноническая постановленія Православной Церкви. Они считаютъ второй бракъ дозволеннымъ, но въ то-же время смотрѣтъ на него, какъ на слабость человѣческой природы, какъ бы неохотно позволяютъ его и налагаютъ епитимію на тѣхъ, кто вступилъ во второй бракъ⁴⁾; а вдовицамъ достигшимъ шестидесятилѣтняго возраста правило совершенно запрещаетъ вступленіе въ новое супружество⁵⁾. Но дозволивши второй бракъ, Церковь всегда считала его снисхожденіемъ къ слабости человѣческой и на лицъ, вступившихъ во второй бракъ, смотрѣла какъ на людей слабыхъ въ нравственномъ отношеніи. Потому она запретила принимать въ клиръ двоеженцевъ⁶⁾, какъ не представляющихъ того образца нравственности, какой требуется отъ нихъ, потому что они сами слабы въ нравственномъ отношеніи. Соборы даже запретили пресвитеру присутствовать на брачномъ пиршествѣ двоеженцевъ, чтобы не показать тѣмъ своего одобренія этому браку.

¹⁾ Маг. гл. 19, ст. 11—13; 1 Коринто. гл. 7, ст. 8.

²⁾ Аѳинагоръ, Leg. с. 33, р. 311. Густинъ муч., Apolog. с. 15. р. 52.

³⁾ Златоустъ, Hom. de viduis, т. III. р. 315; Августинъ, De bono viduitatis, с. 4, т. VI, р. 273. Амвросій, De viduis, с. 2; § 10, с. 11, § 68, с. 15. § 88. т. 11. р. 188. 203. 210. Єрошимъ, Ep. 54, т. 1. р. 291.

⁴⁾ Іаодикійскаго Соб. 1 пр. Василія Великаго 4. 50 53 пр.

⁵⁾ Василія Великаго 24 пр.

⁶⁾ Апост. правила 17. 26; VI вел. Соб. 3 пр. Василія Великаго 12 прав.

дозволенному лишь по слабости человѣческой¹). Церковь старалась воспрепятствовать этимъ супружествамъ нѣкоторыми репрессивными мѣрами; такъ она повелѣваетъ лишать церковнаго вспомоществованія ту вдову, которая выходитъ за-муж²). Составленъ даже особый чинъ вѣнчанія второбрачныхъ, гдѣ испрашивается у Бога помилованіе слабости человѣческой³). Гражданскіе византійскіе законы были солидарны съ этими постановленіями Церкви. Они съ одной стороны дозволяли второй бракъ, съ другой старались ограничить его и положить ему нѣкоторыя преграды; такъ вдова не могла вступить во второй бракъ раньше 10 мѣсяцевъ послѣ смерти мужа; при томъ она лишалась въ этомъ случаѣ имущества, полученного отъ первого мужа³). Столь неблагосклонно относились Церковь и государство ко вторымъ бракамъ!

Что же касается *третьего* брака, то взглядъ на него церкви еще строже. Если отцы Церкви терпѣли второй бракъ въ угоду слабости человѣческой, то на третій всегда смотрѣли какъ на нѣчто въ высшей степени чувственное, что никакъ не можетъ быть согласно съ высоконравственнымъ характеромъ христіанскаго брака. Въ каноническихъ правилахъ этотъ бракъ прямо называется „нечистотою“, „многоженствомъ“, „наказаннымъ блудомъ“⁴). Впрочемъ Церковь, хотя и смотрѣла на эти браки, какъ на нечистоту, но не расторгала ихъ, а только налагала строжайшую епitemию на вступившихъ въ такой бракъ⁵).

Число браковъ въ Церкви ограничивалось только *тремя*; четвертый бракъ всегда считался въ Церкви непозволеннымъ. Василій Великій называетъ его *чуждымъ роду человѣческому и秧чайшимъ блуда*⁶). Византійскіе законы имѣли такой же взглядъ на него; они решительно запрещали подобные браки, подвергали виновныхъ наказаніямъ, а дѣтей, произшедшихъ отъ этихъ браковъ, считали незаконнорожденными⁷). Съ этими

1) Неокесарійскаго Соб. 7 ир.

2) Василія Великаго 24 ир.

3) См. Требникъ.

4) Коричая, 48 гл. Зак. град. гр. 6 гл. 1—5; 49 гл. Зат. 2 гл. 7.

5) Василія Великаго 4. 50. ир.

6) Василія Великаго 80 ир.

7) Коричая, 48 гл. Зак. град. гр. 4, гл. 25.

постановлениями Церкви согласны и наши отечественные законы. По нынѣ действующимъ законамъ Российской имперіи дозволяется только второй и третій бракъ, четвертый же рѣшительно запрещенъ¹⁾.

Ограничение числа браковъ только тремя еще болѣе возвышаетъ брачное законодательство христіанства предъ брачнымъ законодательствомъ предшествующихъ временъ. Законы Греціи и Рима, даже законы еврейскіе не дѣлали здѣсь никакихъ ограничений. Каждый гражданинъ могъ брать сколько угодно женъ постепенно одну за другой. Христіанство первое положило эти преграды для браковъ. Въ этомъ оно осталось вѣрно своему принципу, по которому любовь супруговъ, на подобіе любви Христа къ Церкви, должна быть вѣчна, а не прекращаться со смертью одного изъ нихъ. Что можетъ поручиться за то, что супругъ во второмъ бракѣ будетъ имѣть къ новому супругу ту-же любовь, какую имѣлъ къ прежнему? Если онъ будетъ вспоминать своего прежняго супруга, то конечно между супругами не можетъ быть полной любви и всецѣлой преданности другъ другу, идеалъ христіанскаго брака будетъ нарушенъ. А этого и должно ожидать, если смотрѣть на дѣло съ христіанской точки зрѣнія. Но идея христіанства любовь между супругами такъ тѣсна, что они составляютъ одну илоть. Какимъ же образомъ эта любовь можетъ уничтожиться настолько, чтобы овдовѣвшій супругъ могъ возымѣть новую такъ же сильную любовь къ другому лицу? Руководствуясь этими взглядами, Церковь старалась уменьшить число вторичныхъ и третичныхъ браковъ и смотрѣла на нихъ всегда, какъ на дѣйствія, требующія церковнаго наказанія.

3) Препятствія ко вступленію въ бракъ.

Въ соотвѣтствіи съ тѣми условіями, при которыхъ бракъ бываетъ правиленъ и законенъ, и въ томъ же духѣ христіанство поставляетъ и препятствія къ заключенію брака. Первое изъ этихъ препятствій есть безъ сомнѣнія *объятіе дѣвства*, произносимый предъ Церковью. Мы уже раньше видѣли, какимъ высокимъ значеніемъ стало пользоваться дѣвство въ христіанствѣ, — значеніемъ неизвѣстнымъ въ язычествѣ. Многіе Отцы Церкви описываютъ яркими красками это священное со-

¹⁾ Св. зак. X т. 21. 22 ст.

стояніе. Побуждаемыe прімѣромъ Іисуса Христа, Богоматери, Апостоловъ и высокими образцами дѣственниковъ первыхъ вѣковъ, многіе христіане, еще въ первые вѣка христіанства, посвящали всю жизнь на служеніе единому Богу, оставляя все мірское и отказываясь отъ брачной жизни. Это было реакцией противъ той распущенности нравовъ и развращенности, которыя характеризуютъ языческое общество предъ пришествіемъ Спасителя. Сначала это посвященіе себя Богу было тайнымъ дѣломъ души, обѣтомъ предъ своей совѣстью. Но вскорѣ изъ стремлѣнія къ большему нравственному совершенству стали образовываться обители для сохраненія отъ соблазна чувственности. Сюда поступали только тѣ, которые между прочимъ давали обѣтъ дѣства. Такъ какъ это было учрежденіе общее, то обѣтъ уже не могъ ограничиваться одною внутреннею рѣшимостью, но нужна была клятва публичная предъ лицемъ Церкви. Всѣ поступавшіе клялись соблюдать дѣство до конца жизни. Какъ произнесшіе этотъ обѣтъ публично предъ лицемъ Церкви и взявшіе на себя обязанность, которую должны были исполнять, они уже не могли самоизвольно отступить отъ своего обѣта. Этимъ они произвели-бы соблазнъ, и такъ какъ обѣтъ былъ публичный, то подорвали бы довѣріе къ нравственнымъ силамъ членовъ Церкви. Церковь съ раннихъ поръ страдала уничтожить эти супружества и налагала тягчайшія епітимы на преступившихъ ся требованія въ этомъ случаѣ¹⁾. Браки же таковыхъ лицъ, если были заключены, расторгались²⁾ для того, какъ замѣчасть Василій Великій, чтобы не дать нареканія еретикамъ³⁾. Гражданскіе греческіе законы были вполнѣ согласны съ церковными постановленіями. Если кто-нибудь изъ монашествующихъ дерзalъ вступить въ бракъ, то бракъ расторглся и монахъ снова отсылался въ монастырь, гдѣ подвергался строжайшему присмотру и заключенію⁴⁾. Наши отечественные законы тоже запрещаютъ бракъ монашествующимъ⁵⁾. Но такъ какъ правила ничего не говорятъ о бракѣ монаховъ

¹⁾ IV Всел. Соб. 16 пр.; VII Всел. Соб. 44 пр. Апкир. Соб. 19 пр. Василія Великаго 6. 19. 60 пр.

²⁾ Василія Великаго 6 пр.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Коричай, 48 гл.—Зак. град.

⁵⁾ Свод. Зак. X т. 2 ст.

по снятіи сана, то и наши законы дозволяютъ браки въ этихъ случаяхъ¹⁾.

Вторымъ препятствіемъ къ браку въ Церкви христіанской служитъ *священныи санъ*. По учению отцевъ Церкви дѣство стояло выше брака въ правственномъ отнosiеніи, какъ всецѣлая преданность себя на служеніе Богу и полное отреченіе отъ чувственныхъ вождѣлений. Потому отъ клирика, который долженъ быть образцемъ нравственности для пасомыхъ, они требовали, чтобы онъ не отступалъ въ бракѣ по принятіи священнаго сана²⁾). Впрочемъ до принятія сана всякой могъ жениться, и супружеская жизнь не считалась препятствіемъ для получения сана священнослужителя³⁾; даже налагалась епитимія на тѣхъ, которые гнушались женатыхъ священнослужителей⁴⁾, потому что запрещеніе брака въ санѣ священнослужителя происходило не изъ отвращенія къ браку, а просто изъ того взгляда, что священнослужитель, всецѣло посвятившій себя на служеніе Богу, не долженъ болѣе увлекаться мірскимъ. Потому низшимъ клирикамъ позволено было вступать въ бракъ даже постѣ поступленія въ клиръ⁵⁾). Напи россійскіе законы вполнѣ согласны съ этими постановленіями Церкви⁶⁾). Древнія правила Церкви ничего не говорятъ о бракѣ по снятіи сана священнослужителя; потому русскіе законы дозволяютъ подобные браки⁷⁾). Во всѣхъ постановленіяхъ Церкви о запрещеніи брака священнослужителямъ проглядываетъ тотъ же духъ высокой нравственной чистоты христіанства.

Третімъ препятствіемъ къ браку служитъ *различie религii*. Бракъ въ христіанствѣ есть таинство, имѣющее цѣлью воспитаніе дѣтей въ христіанской Церкви, увеличеніе числа ся членовъ и взаимную нравственно-религіозную поддержку супруговъ. Въ виду этихъ цѣлей брака Церковь находила невозможнымъ вполнѣ христіанскій бракъ между лицами различныхъ религій. Православная Церковь издревле запрещала своимъ

1) Свод. Зак. о состоянн. 243. 266 ст.

2) Апостол. Прав. 26. VI Всел. Соб. 6 пр. Иоаким. Соб. 1 пр.

3) VI Всел. Соб. 6 пр.

4) Галіпр. Соб. 4 пр. Апост. пр. 5. 51.

5) Апост. пр. 26.

6) Свод. Зак. X т. 2 ст.

7) Свод. Зак. о состоянн. 243. 266 ст.

правилами браки христіанъ съ язычниками, іудеями и еретиками: „Не достоить мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокуплятися, ни православной женѣ съ мужемъ еретикомъ сочетаватися“, говорять отцы Трульского собора. „Аще же усмотрѣно будетъ нѣчто таковое, сдѣланное кѣмъ либо: бракъ почитати нетвердымъ и незаконное сожитіе расторгати. Ибо не подобаетъ смѣшивати несмѣшаемое, ниже совокупляти съ овцемъ волка и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ“¹⁾. Это было постояннымъ законоположеніемъ Церкви и вытекало изъ понятія о бракѣ, какъ таинствѣ, потому что какъ Церковь можетъ испрашивать у Бога благословеніе на бракъ съ невѣрнымъ супругомъ? Съ другой стороны, между супругами разныхъ религій не могло быть истинной любви и доброго согласія, потому что религія препятствовала бы имъ тѣсно сблизиться между собой. Кромѣ того она была бы препятствиемъ къ религіозному воспитанію дѣтей. Такъ думали объ этомъ отцы и учителя Церкви, которые съ самыхъ первыхъ временъ постоянно всѣми мѣрами старались запретить и уничтожить эти браки²⁾. Даже еврейскій законъ сознавалъ эти невыгоды брачного союза между личностями разныхъ религій и запрещалъ его, или по крайней мѣрѣ бракъ съ тѣми язычниками, которые отличались особыеннымъ упорствомъ въ идолопоклонствѣ³⁾. Однако Церковь не расторгала тѣхъ смѣшанныхъ браковъ, которые были заключены еще до обращенія одного изъ супруговъ въ христіанство. Еще Апостолъ Павелъ запретилъ расторгать подобные браки. Онъ говоритъ: „если какой братъ имъетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ее: и жена, которая имъетъ мужа невѣрующаю, и онъ согласенъ жить съ нею, не должна оставлять его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женой вѣрующей, и жена невѣрующей освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы не чисты, а теперь святы. Если же невѣрующій хочетъ развестись, пусть разводится.... Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, мужъ,

1) IV Всел. Соб. 14 пр. VI Всел. Соб. 72 пр.

2) Тертуліанъ, Ad. ux. 11, с. 4. п. 6. р. 168. 170; de corona, с. 13, р. 109. De monog. с. 11. р. 532. Кипріанъ, Testim. adv. Jud. III, с. 62, р. 323. Амвросій, Exp. Ev. Lax. III, § 2, т. 1, р. 1410.

3) Кн. Ісходъ, гл. 34, ст. 15—16; Второзак. гл. 7, ст. 3—4.

почему знаешь, не спасешь ли жену¹⁾? Апостолъ считаетъ до-
зволеннымъ и законнымъ подобный бракъ и не только не ве-
лить расторгать его судомъ церковнымъ, но даже запрещаетъ
разводиться съ невѣрнымъ супругомъ, если тотъ пожелаетъ
жить вмѣстѣ. Цѣлью подобного брака онъ поставляетъ обра-
щеніе невѣрнаго супруга въ христіанство. Въ первыя времена
христіанства почти постоянно повторялись подобные примѣры.
Потому трудно было бы уничтожить эти браки, не нанося ущерба
Церкви. Вслѣдствіе этой уважительной причины Апостолъ и не
велѣлъ расторгать подобныхъ браковъ, впрочемъ съ ограни-
ченіемъ: *если невѣрный супругъ не будетъ препятствовать воспитанію дѣтей въ христіанской вѣрѣ*. Таково было мнѣ-
ніе и отцевъ Церкви объ этомъ предметѣ²⁾. И это мнѣніе вошло
въ постановленія соборовъ, какъ законъ на будущія времена³⁾.
Такимъ образомъ въ Церкви Христіанской установился законъ,
чтобы смѣшанныхъ браковъ съ лицами другихъ религій и съ
еретиками не допускать, и если будутъ таковы, то ихъ ра-
сторгать; если же бракъ заключенъ раньше, еще въ невѣріи,
и потомъ одинъ изъ супруговъ обратится въ христіанство, а
невѣрный пожелаетъ жить съ нимъ, то бракъ не расторгается;
только дѣти отъ этихъ браковъ непремѣнно должны быть вос-
питаны въ правилахъ вѣры. Таковы же и наши отечественные
законы объ этомъ предметѣ⁴⁾.

Почти также Православная Церковь не одобряла и браковъ
съ еретиками и вообще съ лицами неправославными⁵⁾. Прямыхъ
законоположеній на этотъ случай нѣть. Одни правила вообще
запрещаютъ бракъ съ еретиками⁶⁾; другія правила запрещаютъ
браки только съ нѣкоторыми еретиками⁷⁾; третьи наконецъ за-
прещаютъ браки съ еретиками только клирикамъ⁸⁾. Такимъ
образомъ эти послѣднія правила даютъ намъ право заключать,

¹⁾ 1 Корино. гл. 7, ст. 12—16.

²⁾ Тертулліанъ, Ad. ux. II, с. 7, р. 171. Августинъ, De conjung. adulst. 1,
с. 17. De fide et opereibus, с. 19, т. VI, р. 291. 136. Constit. apost. 1, с. 10, р. 212.

³⁾ VI Всел. Соб. 72 пр.

⁴⁾ Свод. Зак. X т.

⁵⁾ VI Всел. Соб. 72 пр. IV Всел. Соб. 14 пр.

⁶⁾ VI Всел. Соб. 72 пр.

⁷⁾ Даодційскаго собора 31 пр.

⁸⁾ Даодційскаго собора 10 пр.

что въ древней Церкви бракъ съ еретиками былъ вполнѣ запрещенъ только клирикамъ; мірянамъ же было позволено вступать въ бракъ съ еретиками, хотя и съ нѣкоторыми ограничениями. Въ настоящее время, когда существуютъ различия въроисловъданія въ христіанствѣ, наши отечественные законы Российской Церкви и государства считаютъ дозволенными браки между православными и лицами другихъ въроисловъданій съ условіемъ, чтобы дѣти были воспитаны въ православной вѣрѣ¹). Этимъ мы закончимъ свое обозрѣніе условій и препятствій для правильности и законности брака въ христіанствѣ. Переходимъ къ разсмотрѣнію постановленій о расторженіи браковъ.

Христіанское законодательство о разводѣ.

Богъ создалъ первому человѣку (Адаму) жену (Еву) изъ его ребра и назначилъ ее помощницей мужу. Съ самыхъ первыхъ временъ исторіи человѣчества бракъ является не простымъ контрактомъ между лицами разныхъ половъ, не простымъ заключенiemъ гражданского договора, но учрежденiemъ Божественнымъ. Такимъ образомъ, по самому происхожденію своему, бракъ долженъ быть *не разрывенъ*. Какъ Ева была создана изъ плоти Адама и должна была составлять съ нимъ одно цѣлое неразрывное единство, такъ и послѣдующіе браки должны быть неразрывны; супруги соединены между собой на всю жизнь неразрывными узами. Какъ Божественный союзъ, бракъ не можетъ быть разрушенъ человѣческими усилиями, по одному желанію супруговъ. Кто изъ людей въ правѣ разрывать тотъ союзъ, который заключилъ Самъ Богъ? Кто изъ нихъ въ правѣ уничтожить тотъ договоръ, который скрѣпленъ Самимъ Богомъ? Неразрывность этого союза есть естественное слѣдствіе Божественного происхожденія брака. Богъ, тѣсно и неразрывно сочетавъ мужа и жену въ самомъ началѣ исторіи человѣчества, положилъ тѣмъ самымъ нерасторжимость брачныхъ узъ въ основаніе общественной жизни, сдѣлавъ нерасторжимость брака точкой опоры для семьи и общества. Поэтому расторженіе брачныхъ узъ вслѣдствіе человѣческихъ желаній и усилий есть отверженіе Божественного міроправленія, нарушеніе той Божественной цѣли, для которой учрѣждены брачныя узы, и вмѣстѣ

¹⁾ Свод. Зак. X т. 67. ст. Д. Консист. 26—28 ст.

съ этимъ есть подрывъ основы общественной жизни, которая зиждется между прочимъ на нерасторжимости брака. Человѣкъ не въ правѣ расторгать того, что соединилъ Самъ Богъ¹⁾. Въ брачномъ союзѣ принимаютъ участіе Богъ, мужъ и жена; съд., желаніемъ двухъ послѣднихъ не могутъ уничтожиться брачныя узы, въ скрѣплѣніи которыхъ участвуетъ еще третье лицо. Это лицо есть Самъ Богъ. Расторгнуть брачный союзъ можетъ только Онъ одинъ. Такое расторженіе представляетъ смерть человѣка, такъ какъ въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ видимо разрывается связь между супругами; но не бываетъ уничтоженія брака въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, потому что брачный союзъ есть союзъ душъ и потому продолжается вѣчно, а не ограничивается одною здѣшнею жизнью. Таковъ брачный союзъ, какъ учрѣженіе Божественной воли. Однако въ язычествѣ эта идея неразрывнаго союза была потеряна; даже евреи по своему *жестокосердію* не могли удержаться на высотѣ такого неразрывнаго союза, какой былъ установленъ Божественнымъ Промысломъ при самомъ твореніи человѣка.

Въ язычествѣ бракъ не былъ союзомъ душъ неразрывно связанныхъ между собою. Это былъ простой договоръ двухъ лицъ. Здѣсь не было нераздѣльныхъ узы; потому нечего было и разрывать. Вслѣдствіе такого характера брачнаго законоположенія легкость развода въ язычествѣ дошла до крайней степени. Въ Греціи мужъ могъ развестись съ своею женою безъ всякаго объясненія причинъ развода, и жена могла также развестись, представивъ на судѣ тѣ или другія причины²⁾. Въ Римѣ господствовала та же свобода развода. Здѣсь мужъ и жена могли развестись даже по одному только своему желанію, не объявляя причинъ³⁾. Рассказываются, что однажды одинъ римлянинъ хотѣлъ развестись съ своей женой. Когда друзья говорили ему: не добродѣтельна ли, не красива ли, не плодовита ли его жена; то опѣ, указывая па свой башмакъ, сказалъ: не красивъ ли онъ, не новъ ли, но кто изъ васъ знаетъ, какъ онъ меня жмѣтъ⁴⁾. Особенно предъ приступѣніемъ Христовыемъ усилилась эта непрочность брачныхъ узы; порча правовъ про-

¹⁾ Мате. гл. 19, ст. 6.

²⁾ Платопъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ.

³⁾ Plutarch, Aemilius Paulus, с. 5, См. Соколовскаго, стр. 127.

⁴⁾ Plutarch. См. тамъ же.

никла тогда всюду и нигдѣ не находили средства остановить ее. Лишній своего внутренняго достоинства, брачный союзъ не представляется ничего, кроме безпрестанной перемѣны супруговъ; разводы повторялись такъ часто, что, по замѣчанію одного сатирика, жены считали свои годы не по консуламъ, а по числу своихъ мужей. Августъ, который старался остановить эту порчу нравовъ, самъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени и своего народа; онъ развелся со своею женою не смотря на то, что этотъ разводъ надѣлалъ много шума и произвелъ публичный скандалъ¹⁾. Меценатъ, прославившійся своимъ покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, не могъ стать выше уровня современаго ему нравственнаго состоянія; онъ даже превзошелъ въ чувственности своихъ согражданъ, потому что состояніе давало ему возможность удовлетворять своимъ развратнымъ наслажденіямъ. Онъ прославился своими тысячекратными и каждодневными разводами²⁾. Напрасно императоръ Августъ издавалъ противъ этой легкости разводовъ нѣкоторыс стѣснительные законы,—ничто не помогало³⁾. Если же высокопоставленныя личности, которая должны представлять образецъ нравственности для народа, такъ злоупотребляли разводомъ, то о простыхъ смертныхъ нечего и говорить. Среди этой распущенности нравовъ и женщины пріобрѣли себѣ право развода⁴⁾. По свидѣтельству Тертулліана, онѣ выходили за-мужъ только за тѣмъ, чтобы развестись и тѣмъ пріобрѣсти себѣ свободу для развратной жизни⁵⁾. Прежнее доспoticкое владычество мужа падъ женою ило, и жена, по привыкшай къ своей свободѣ, сразу пустилась въ этотъ бурный потокъ страстей и распутства; разводъ представлялъ для этого великодѣйное средство, и она не замедлила имъ воспользоваться. Вслѣдствіе этой легкости развода брачный союзъ оношился до послѣдній степени; къ нему потеряли всякое уваженіе и стали смотрѣть на него, почти какъ на удовлетвореніе однѣхъ чувственныхъ потребностей, чemu прекрасный примѣръ представляетъ знаменитый Меценатъ. Такимъ образомъ легкость развода унизила и даже

1) Suet. Octav., c. 34, p. 78. См. Schmidt, p. 54.

2) Seneca, Ep. 114, t. IV, p. 86. De provid., c. 3, t. 1, p. 227. См. тамъ же.

3) Lex Julia. Dig. XXXVIII, tit. 11, l. 1. См. тамъ же.

4) Juven. sat. 6, v. 229 и 230, p. 72.

5) Tertullian. Apolog. c. 6, p. 27.

разрушила самый бракъ. Вотъ въ какомъ печальномъ состояніи находилось язычество предъ пришествіемъ Спасителя относительно данного случая.

Немногого лучше было у еврейского народа, гдѣ также была допущена свобода развода. Моисей дозволилъ разводиться всегда, кадѣ только *жена не найдетъ благоволенія у мужа*. Поэтому у евреевъ господствовала полная свобода развода, хотя и требовалось выставить для развода какія-нибудь причины. Впрочемъ законъ не опредѣляетъ ихъ точно, а называется *однимъ имѣцемъ срамнаго дѣла*¹). Правда, памъ кажется, законъ старался воспрепятствовать разводу, потому что законъ повсѣвѣасть мужу давать разводную грамоту, чтобы формальностью дѣла нѣсколько стѣснить легкость разрыва брачныхъ узъ. Притомъ разводные грамоты были очень затруднительны для сельскихъ жителей, такъ какъ въ селахъ письменность была распространена чрезвычайно мало и рѣдко²). Но съ другой стороны законъ иногда покровительствовалъ разводу *ради жестокосердія іудеевъ*. Женамъ случалось не рѣдко терпѣть отъ мужей много притѣсненій и побоевъ по причинѣ жестокосердія этихъ послѣднихъ. Поэтому, чтобы избавить слабый полъ отъ этой жестокости, и былъ дозволенъ іудеямъ разводъ, по словамъ Спасителя³). Такимъ образомъ ни язычество, ни іудейство не представляетъ памъ прочныхъ брачныхъ узъ; вездѣ господствовалъ разводъ во всей своей силѣ.

Христіанство, преобразуя міръ и человѣческія отношенія въ самомъ ихъ кориѣ, не могло оставить безъ вниманія этой разиратной легкости развода. Оно снова подняло бракъ на ту высоту, на которой его поставила Божественная воля при самомъ первомъ появлѣніи человѣчества; оно возстановило тотъ духъ брачнаго союза, который былъ начертанъ на первой страницѣ человѣческой исторіи. Иисусъ Христосъ возстановилъ тотъ разрывный союзъ брака, который былъ между первыми людьми, по идеѣ Божественнаго Промысла. Иисусъ Христосъ первый запретилъ разводъ, сказавши, что *человѣкъ да не разлучаетъ того, что соединилъ Богъ*⁴). Это было естественнымъ слѣдствіемъ

¹) Второзак. гл. 24, ст. 1.

²) Михея, гл. 2, ст. 5. Малахій гл. 2, ст. 11.

³) Мате. гл. 19, ст. 8.

⁴) Мате. гл. 19, ст. 6.

Его учение о бракѣ, какъ таинствѣ; человѣкъ не имѣеть права расторгать брака, какъ таинства; человѣкъ не можетъ разъединить того, что Самъ Богъ соединилъ. Бракъ въ христіанствѣ, по своему таинственному значенію, есть образъ той любви, какую имѣеть Христосъ къ Церкви. Эта любовь вѣчна и союзъ Христа съ Церковью пребудетъ до скончанія вѣка; такова же должна быть и связь между мужемъ и женой; ихъ союзъ не можетъ уничтожиться даже смертью одного изъ нихъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть разорвана эта связь волею самихъ супруговъ или дѣйствіемъ власти гражданской. По учению Христа, кто разведется со своей женой и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и тотъ, кто женится па отпущеницѣ, также прелюбодѣйствуетъ¹⁾. Въ томъ же духѣ учитъ и Апостолъ Павелъ. Онъ говоритъ, что жена привязана къ мужу до тѣхъ поръ, пока онъ живѣтъ²⁾; слѣд., считаетъ бракъ нерасторжимъ до самой смерти и даже совершенно запрещаетъ разводъ между супругами³⁾. Такимъ образомъ, по учению Спасителя и Апостоловъ, бракъ христіанскій нерасторжимъ даже подъ самыми благовидными предлогами: даже такія причины, какъ посвященіе себя на служеніе Богу, страстное стремленіе къ аскетической жизни не должны ироизводить развода, если только другой супругъ не согласится на это⁴⁾. Только одно явленіе могло быть достаточнымъ для развода и вести за собой разводъ. Этотъ единственный поводъ къ разводу и единственная причина его есть прелюбодѣяніе⁵⁾. Прелюбодѣяніе, какъ парушеніе брачного союза со стороны одного изъ супруговъ, естественно должно влечь за собой разводъ. Поэтому и Иисусъ Христосъ позволилъ разводиться единственно только по винѣ прелюбодѣянія. Такимъ образомъ всѣ многочисленные поводы къ разводу, которые допускало язычество и іудейство, были свидѣны Христомъ и Апостолами къ одному именно прелюбодѣянію. Разводы же безъ причинъ, по одному обобщенному согласію супруговъ, уже совершенно не могли имѣть мѣста въ христіанствѣ, потому что въ христіанскомъ бракѣ главнымъ совершившите-

1) Мате. гл. 19, ст. 6; гл. 5, ст. 35; Лук. гл. 16, ст. 18; Марк. гл. 10, ст. 9—12.

2) 1 Корин. гл. 7, ст. 10—11; Рим. гл. 7, ст. 1—3.

3) Римл. гл. 7, ст. 2—3.

4) 1 Корин. гл. 11, ст. 3—13. 1 Петр. гл. 3, ст. 7.

5) Мате. гл. 5, ст. 32; гл. 19, ст. 9.

лемъ и лицемъ заключающимъ бываетъ не мужъ, не жена, а Богъ; и бракъ, какъ союзъ скрѣпленный Божественною волею, не можетъ быть уничтоженъ обоюднымъ согласіемъ супруговъ: *что Богъ сочтетъ, человѣкъ да не разлучаетъ*¹). Таково было законоположеніе Христа и Апостоловъ. Церковь въ послѣдующіе вѣка осталась вѣрною этому Божественному принципу и никогда не отступала отъ него. Она всегда проповѣдывала ту же нерасторжимость браковъ, какой требовалъ и Иисусъ Христосъ²). Проповѣдя эту нерасторжимость браковъ, Отцы въ то же время учили, что только прелюбодѣяніе можетъ уничтожить брачныя узы³); виновныхъ въ расторженіи браковъ ис по прелюбодѣянію они подвергали строгимъ епитиміямъ и принимали ихъ въ общеніе церковное только послѣ продолжительного покаянія и конечно послѣ расторженія тѣхъ супружествъ, которымъ были заключены послѣ развода⁴). Таково было постоянное ученіе Отцевъ Церкви о нерасторжимости христіанскаго брака. Они постоянно возставали противъ расторженія браковъ и вступленія, послѣ этого, въ новыя супружества, на которыхъ они всегда смотрѣли какъ на прелюбодѣяніе⁵).

Однако нѣтъ основанія полагать, что новый бракъ послѣ развода былъ запрещенъ окончательно; тѣ правила, гдѣ опѣ запрещается, не вполнѣ опредѣлены, потому ихъ можно понимать такъ, что бракъ запрещался только въ томъ случаѣ, если разводъ былъ не по винѣ прелюбодѣянія⁶). Правило же Василія Великаго, въ которомъ онъ говорить, что только жена послѣ развода не могла вступить въ новый бракъ⁷), показываетъ, что мужу, разведеншемуся по винѣ прелюбодѣянія, по-

¹) Мате. гл. 19, ст. 6.

²) Іустинъ, *Apolog.* 1 и 6; Клим. Алекс. *Strom.* 11, 23; 111, 11; Васил. Вел. па шестодн. бесѣда VII, п. 5; Златоустъ, *Ep. ad Syria.* CXXV; Епифаній, *Expos. fideic. cathol.* п. XXXI; *haeres.* LIX, п. 4. 6. Киррилл. Алекс. *in Malach.* п. 28; Феодоритъ, *in 1 Corinth.* VII, 11; Лактантій *Instit. Div.* VI, 23, и др. См. православно-догматическ. богословіе Пр. Макарія т V, стр 25.

³) Василія Великаго 39 пр.

⁴) Апостольск. пр. 48; VI Всел. Соб. 87 пр. Вас. Вел. 21, 35, 77 пр.

⁵) Климентъ Алекс. *Strom.* 11, 23. т. 1, р. 507. Тертул. *De monog.* с. 9 и 10. р. 530. Григор. Нав. *Ep. 181,* т. 1. р. 884; Иерон. *Comm. in Matth.* с. 19. т. III, р. 87. Август. *Sermo 392,* § 2; т. V р. 1054.

⁶) Карагененскаго соб. 115 пр. Василія Великаго 77 пр. Ср. Апостольское 48 правило, VI Всел. Соб. 87 пр., Василія Великаго 9. 21. 35 пр.

⁷) Василія Великаго 48 пр. Ср. Тимоѳея Александрийскаго 15 пр.

зволялся новый бракъ. Въ этомъ еще сохранился духъ древнихъ гражданскихъ постановлений, которыя смотрѣли на жену, какъ на существо низшее мужчины, хотя Церковь всегда возставала противъ этого и учila, что прелюбодѣяліе равно со стороны мужа и жены разрушаетъ брачныя узы¹⁾). Каноны опредѣлили еще нѣкоторые случаи при этомъ; такъ, при безвѣстномъ отсутствіи мужа, женѣ запрещалось расторгать бракъ и вступать въ новое супружество до тѣхъ поръ, пока получится извѣстіе о смерти отлучившагося супруга²⁾; только женамъ воиновъ сдѣлано въ этомъ случаѣ нѣкоторое снисхожденіе. Опѣ могли вступать въ новое супружество, если мужъ пропадалъ безъ вѣсти съ поля сраженія, потому что смерть его въ этомъ случаѣ была болѣе несомнѣнною по причинѣ опасностей войны³⁾). Такое ученіе Отцевъ и Учителей Церкви, каноническая постановлѣія и вообще весь духъ христіанства оказали вліяніе и на законодательства гражданскія. Императоры греческіе должны были сократить число случаевъ, въ которыхъ допускался разводъ. Уже Константина запретилъ разводъ, исключая случаевъ прелюбодѣянія, убийства и колдовства одного изъ супруговъ⁴⁾). Такимъ образомъ число разводовъ было значительно сокращено, и все это обязало единственно вліянію христіанскаго взгляда на бракъ, какъ на союзъ перасторожимый. Напи отечественные законы допускаютъ разводъ тоже въ рѣдкихъ случаяхъ, на основаніи словъ Спасителя. Разводъ по собственному желанію супруговъ наши законы строжайше воспрещаютъ⁵⁾). Расторженіе браковъ по нашимъ законамъ бываетъ двухъ родовъ: при одномъ разведеніи супругамъ дозволяется вступать въ новый бракъ, а при другомъ это не дозволяется. Перваго рода разводъ бываетъ при ссылкѣ одного изъ супруговъ въ каторжную работу, или на поселеніе, такъ какъ ссылка есть политическая смерть. Впрочемъ разводъ бываетъ только тогда, когда невинное лицо не пожелаетъ слѣдовать въ ссылку за своимъ супругомъ. Притомъ если невинное лицо не просило

¹⁾ Григорій Богословъ, Сл. 31; Лактанцій, кни. 6. гл. 23; Златоустъ, бес. 5 на 1 Солун.

²⁾ VI Всел. Соб. 93 пр. Василія Великаго 36. 46.

³⁾ Василія Великаго 31 пр.

⁴⁾ Кормчая 49 гл. зач. 8 гл. 9.

⁵⁾ Свод. Зак. X т. ст. 46.

о разводѣ до возвращенія изъ ссылки супруга, то брачное сожительство ихъ возстановляется и развода не бываетъ¹). Вторыхъ, по нашимъ законамъ уничтожаются браки при безвѣстномъ отсутствіи одного изъ супруговъ впродолженіи пяти лѣтъ или болѣе, и по прошествіи десяти лѣтъ безвѣстнаго отсутствія лица, состоящаго въ военной службѣ и пропавшаго безъ вѣсти на полѣ сраженія или взятаго въ пленъ²). Но слѣднѣе законоположеніе аналогично съ каноническими постановленіями и даже вполнѣ съ ними согласно³). Ко второму разряду расторженія браковъ относятся тѣ случаи, когда по просьбѣ одного супруга судебнѣмъ порядкомъ будетъ доказано, что другой супругъ раньше вступленія въ бракъ былъ неспособенъ къ отправленію супружескихъ обязанностей⁴); во-вторыхъ, сюда относится тотъ случай, когда одинъ супругъ по обвиенію другаго судебнѣмъ порядкомъ будетъ уличенъ въ прелюбодѣяніи⁵). Въ обоихъ случаяхъ послѣдняго рода разводовъ виновный осуждается на вѣчное безбрачіе, а невинному позволяетъ вступленіе въ новое супружество. Такимъ образомъ и наши законы очень строги къ расторженію браковъ. Даже разводъ по желанію супруговъ при поступленіи въ монастырь ограви-ченъ до чрезвычайности. Законъ гласить: „запрещается принимать въ монашество мужа при живой женѣ, законно съ нимъ не разведенной. Если же оба супруга, по взаимному согласію, пожелаютъ принять постриженіе, то надлежитъ принимать въ уваженіе: не имѣютъ ли они дѣтей малолѣтнихъ, требующихъ родительского призрѣнія. По вступленіи же супруговъ въ монастырь, къ самому постриженію они допускаются не иначе, какъ по достижениіи ими установленныхъ для того лѣтъ“⁶). Кромѣ того по нашимъ законамъ силою власти расторгаются браки незаконно заключенные⁷).

Установивши прочность брачныхъ узъ и сведши всѣ подводы къ разводу къ одному, именно прелюбодѣянію котораго-

¹) Свод. Зак. X т. 50—53 ст. Уст. Д. Консист. 231 ст.

²) Свод. Зак. X т. 54—60 ст. Уст. Д. Консист. 233—237 ст.

³) Василія Великаго 31 пр.

⁴) Свод. Зак. X т. 48—49 ст. Уст. Д. Консист. 341—247. 256. 259.

⁵) Свод. Зак. X т. 47 ст. Уст. Д. Консист. 243. 259.

⁶) Свод. Зак. IX т. о состоян. 217 ст.

⁷) Свод. Зак. X т. 37—40 ст. Уст. Д. Консист. 217.

пибудь изъ супруговъ, заповѣдавши супругамъ взаимную тѣсную любовь, любовь такую, какая существуетъ между Христомъ и Церковью, христіанство тѣмъ самымъ потребовало отъ супруговъ взаимной вѣрности и обязало обоихъ ихъ строго соблюдать святость брачныхъ узъ. Язычество не имѣло понятія объ этой обязанности супруговъ сохранять обюодную вѣрность и святость брачнаго союза. Всѣ права въ этомъ случаѣ предоставлены были мужу; только онъ имѣлъ право развестись съ женою за прелюбодѣяніе, совершенное ею, или даже по одному подозрѣнію въ немъ жены. Но самъ мужъ не наказывался за прелюбодѣяніе и жена не имѣла права требовать по этому случаю развода. Жена была собственностью своего мужа, потому неудивительно, что на прелюбодѣяніе ся смотрѣли не какъ на уничтоженіе супружескихъ узъ, а какъ на нарушеніе права мужа на полное владѣніе своею женою. Прелюбодѣяніе, совершенное женою, было по ихъ понятію ничѣмъ инымъ, какъ похищеніемъ собственности мужа. Потому мужъ не только имѣлъ право за прелюбодѣяніе развестись съ женою, но даже убить ее и ея любовника, какъ похитителя чужой собственности¹⁾, или наказать его и жену свою официальнымъ путемъ. Жена же не владѣла подобнымъ правомъ. Это было бы непослѣдовательно съ точки зренія язычниковъ. Жена есть собственность мужа, а какъ такая, могла ли она имѣть право на вѣрность мужа²⁾.

Христіанство конечно не могло потерпѣть такой неравноти супруговъ относительно обюодной вѣрности. Церковь строго вооружалась противъ прелюбодѣянія и не ограничивала его одною женою. Отцы Церкви считали нарушеніемъ супружескихъ узъ прелюбодѣяніе какъ со стороны жены, такъ и со стороны мужа³⁾). Это было только толкованіемъ словъ Спасителя и Апостоловъ объ этомъ предметѣ⁴⁾). Христіанство всегда учило, что жена имѣетъ право требовать вѣрности со стороны мужа, потому что оба они даютъ другъ другу взаимное обязательство вѣрности неизмѣнной и постоянной.

¹⁾ Xenoph., Hiero, c. 3, t. V, p. 239; Pausan. IX, c. 36, § 4, t. III, p. 421 Quintil., declam. 347, t. III, p. 335. (M. Schmidt, p. 48.

²⁾ Lex Julia. Corp. iur. IX, tit. 9, 1, 1 и слѣд.

³⁾ Григорій Богословъ. Сл. 31. Лактаций кн. 6, гл. 23: Златоустъ бес. 5 на 1 посл. къ Солунян.

⁴⁾ Мате. гл. 19, ст. 9; 1 Корине. гл. 7.

Церковь никогда не хотѣла дать мужьямъ такого преимущества въ этомъ дѣлѣ, чтобы они одни могли пользоваться супружескою вѣрностию, а жены нѣтъ. Этого мало, отцы и учителя Церкви даже требовали отъ мужа болѣе строгаго соблюденія супружеской вѣрности, потому что онъ по своей природѣ гораздо сильнѣе духомъ и можетъ лучше перенести различныя искушенія, нежели жена. Они выражались, что если преслѣдовать за прелюбодѣяніе одного только изъ супруговъ, то скорѣе должно было бы преслѣдовать мужа, потому что жена имѣеть еще извиненіемъ свою слабость и безсиліе свойственное женщинѣ, а мужъ, который долженъ быть образцемъ жены, не можетъ имѣть за собой и этого оправданія¹⁾. Притомъ христіанство не хотѣло и не могло дѣлать различія между прелюбодѣяніемъ и незаконною связью съ публичными женщинами, какъ дѣлало язычество. Язычество считало этихъ женщинъ публично опозоренными и потому думало, что онѣ не могутъ быть причиной нарушенія супружеской вѣрности. Христіанство напротивъ учило, что грѣхъ все равно будетъ грѣхомъ, съ кѣмъ бы онъ ни былъ совершенъ, съ постыдной ли женщиной или нѣтъ; прелюбодѣяніе не зависитъ отъ лица, съ которымъ оно совершено будетъ ли участницей прелюбодѣянія публичная женщина или граждanka высшихъ классовъ, все равно это будетъ прелюбодѣяніе. Прелюбодѣяніе, какъ грѣхъ, зависитъ отъ воли лица, а не отъ положенія въ обществѣ того, съ кѣмъ оно совершено²⁾. Церковь постоянно требовала, чтобы мужчины и женщины сохранили чистоту нравовъ, и жестоко вооружалась противъ нарушеній супружеской вѣрности. Она постоянно подвергала и женщинъ, нарушившихъ цѣломудріе или супружескую вѣрность, строгому покаянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отсѣкала ихъ отъ своего общества, а принимала опять съ распостертыми объятьями въ свое лоно, какъ скоро онѣ покаялись³⁾), исполняя этимъ заповѣдь Спасителя и слѣдя Его примѣру, когда онъ принялъ жену, ятую въ прелюбодѣяніе.

¹⁾ Лактавцій, *Div. instit.* VI, c. 23, t. 1, p. 500. Августинъ, *De conjug. adul.* II, c. 7 и слѣд. t. VI, p. 299 и слѣд. *Sermo* 9. § 11 и слѣд. t. V, p. 40.

²⁾ Августинъ, *Sermo* 224. § 3. *Sermo* 392, § 2, t. V, p. 674, 1054. Иеронимъ *Ep.* 77, *ann.* 399, t. 1, p. 459.

³⁾ Августинъ, *De fide et op.* c. 18, t. VI. p. 136.

ши и не позволилъ іudeямъ побить се камнями. Таковы же были и каноническія постановленія Церкви. Они всегда подвергали мужчину и женщину, нарушившихъ брачный союзъ, одніаковой снітимі, не отдавая предпочтенія мужчинамъ¹⁾. Но павшихъ женщинъ Церковь никогда не отталкивала отъ себя съ тѣмъ холоднымъ презрѣніемъ, съ какимъ отталкивало ихъ язычество.

Во всемъ брачномъ законодательствѣ христіанства нѣть ни одной черты, которая могла бы нарушить нравственную чистоту брака, его высокое достоинство. Все отъ основанія до самой формы брака проникнуто духомъ высокой чистоты; нѣть и тѣни чувственного элемента въ этомъ многосложномъ законодательствѣ. Бракъ въ христіанствѣ есть больше *союзъ душъ*; онъ есть образъ духовнаго единенія Христа съ Церковью. Чистота нравственныхъ отношений мужа и жены, строгое единоженство, ограниченіе развода до крайной степени — все эти свойства христіанскаго брака, какъ нельзя больше, противны чувственному характеру и носятъ на себѣ слѣды своего высокаго происхожденія. Дѣйствительно на всемъ законодательствѣ о бракѣ нельзя не замѣтить вліянія той нравственной чистоты, которой отличался самъ Законодатель. Проведши всю жизнь въ дѣятельѣ, чуждый брака и чувственныхъ увлечений, Иисусъ Христосъ могъ ли дать законодательство, сколько-нибудь потворствующее чувственности? Могъ ли онъ при такой нравственной чистотѣ допустить что-нибудь грубо-чувственное въ отношеніяхъ между полами? Рожденій отъ Дѣви безъ мужа, могъ ли Онъ, Сынъ Дѣви, сдѣлать бракъ обязательнымъ для всѣхъ, могъ ли Онъ упразднить дѣятельство предъ супружествомъ? На всемъ брачномъ законодательствѣ христіанства отразилась чистота нравственного характера Спасителя; нѣть ни одной черты въ христіанскомъ бракѣ, которая не была бы обязана своею высотою Его нравственному характеру. На каждомъ законодательствѣ всегда отражается нравственный характеръ законодателя. Вотъ почему языческие мудрецы не могли дать человѣчеству чистаго понятія о бракѣ. Они не могли создать брака свободнаго отъ элементовъ чувственности, потому что сами не были сво-

¹⁾ Апостольскія правила 20. 21. Василій Великаго 7. 21. 26. 34. 37. 58. 59. 62; VI Всел. Соб. 86 пр.

бодны отъ нея; они не могли требовать нравственной чистоты отъ закона о бракѣ, такъ какъ это стало бы препятствовать ихъ чувственнымъ наслажденіямъ. Только Божественная, чуждая чувственности, Личность могла создать такой высоко-нравственный союзъ мужа и жены, какимъ представляется бракъ въ христіанствѣ. Ни разводъ, ни многоженство, дающія мужчинѣ неограниченное право на удовлетвореніе своихъ плотскихъ инстинктовъ, не согласовались съ нравственнымъ характеромъ Спасителя. И они были Имъ запрещены. Такимъ образомъ христіанство обязано своимъ высоко-нравственнымъ и привильнымъ законоположеніемъ о бракѣ высоко-нравственному характеру своего Основателя; благодаря только этому характеру, бракъ въ христіанствѣ могъ стать столь высоко и явиться во всемъ своемъ недосягаемомъ величіи и совершенствѣ.

II.

МУХАММЕДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БРАКЪ И РАЗВОДЪ.

Отличительный характер мухаммеданского законоположения о бракѣ, сравнительно съ христіанскими законами.

Совершенную противоположность христіанскому браку составляетъ бракъ мусульманскій¹⁾. Онъ не имѣеть того высокаго значенія, до котораго христіанство возвысило этотъ актъ, столь важный въ семейной и общественной жизни. Въ исламѣ онъ есть договоръ чисто гражданскій и не только не имѣеть значенія таинства, какъ въ христіанствѣ, но даже не составляется простаго религіознаго обряда. Всѣ ученые и специалисты единогласно отрицаютъ его религіозный характеръ. Правда, здѣсь присутствуетъ мулла, который читаетъ при этомъ извѣстныя молитвы; но присутствіе его не необходимо: онъ приглашается, съ одной стороны, въ видѣ пота-ріуса для скрѣпленія брачнаго договора, съ другой—для освя-щепія молитвою брака, какъ обыкновенно дѣлается при началѣ всякаго дѣла, когда испрашиваются благословеніе Божіе на начатое дѣло²⁾. Но одно присутствіе муллы и чтеніе молитвы при извѣстномъ актѣ не можетъ еще составить его религіознаго характера. Въ этомъ видно все громадное различіе мусульманскаго брака отъ христіанскаго, и отъ этого основнаго характера обоихъ браковъ зависитъ все дальнѣйшее различіе

1) Мы не будемъ здѣсь представлять подробное изложеніе законоположенія ислама о бракѣ, чтобы мелочными частностями не затмить его общаго духа. Но не желая оставить безъ вниманія и подробностей мусульманскаго законоположенія объ этомъ предметѣ, мы предложили сдѣлать нѣсколько приложенийъ итъ концѣ сочиненія.

2) Торнау, Мусульманское право. Выпускъ первый. 148 стр. Döllinger, *Mohammed's Religion nach ihrer inneren Entwicklung und ihrem Einflusse auf das Leben der Völker.* § 21; Османъ-Бей, *Турки и ихъ женщины*, султанъ и его гаремъ, стр. 75.

ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Вследствіе этого основнаго характера и всѣ формы заключенія брака носятъ на себѣ характеръ гражданскій и въ частности характеръ купли съ одной стороны и продажи съ другой.

Для правильнаго совершенія брака требуется изъявленіе согласія вступающихъ въ бракъ въ присутствіи свидѣтелей и составленіе контракта, въ которомъ опредѣляется количество меҳра¹⁾. Обыкновенно совершаются заключеніе брака слѣдующимъ образомъ: сначала мулла читаетъ брачную хутьбу²⁾: „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! Хвала Богу! Достохвальный есть Богъ и прославленный есть посланникъ Божій. Хвала Богу, который установилъ бракъ для различія между позволеннымъ и запрещеннымъ! Благословеніе и миръ надъ посланникомъ Его, господиномъ тварей, надъ семействомъ его и надъ асхабами³⁾ его, славнаго и великаго! Подлинно, Богъ препрославленный и превознесенныи заповѣдалъ намъ бракъ и запретилъ намъ беззаконное сожительство. Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями. Берите столько женъ, сколько вамъ угодно: двѣ, три, четыре. И сказалъ посланникъ Божій: — да благословитъ его Богъ и помилуетъ! — Бракъ есть мое установление и кто удаляется отъ установления моего, тотъ не отъ меня. Вступающей въ бракъ есть желающій, выходящая за-мужъ есть желаемая, а меҳръ есть то, на что они согласились при вступленіи въ бракъ. Это есть слово мое. Да помилуетъ Богъ меня, васъ и всѣхъ мусульманъ временія прошедшихъ и настоящихъ! Подлинно Онь милостивый, милосердый, преславный, великій, превознесенныи, высочайшій и висмѣющій молитвѣ⁴⁾. Потомъ мулла приступаетъ къ испрашиванью согласія со стороны невѣсты и жениха⁵⁾ и по объявленіи согласія пачинаетъ опредѣлять

¹⁾ Меҳромъ называется приданое, назначаемое женѣ при заключеніи условій о бракѣ отъ ея мужа изъ его имущества.

²⁾ Брачную хутьбу называется извѣстной молитвой, читаемой при заключеніи брака, молитва, въ которой вспоминаются законоположенія о бракѣ корана и преданія и которая заключается прославленіемъ Бога.

³⁾ Асхабами называются первые, ближайшіе послѣдователи Мухаммеда.

⁴⁾ Взято изъ книги подъ названіемъ «Хутьбалькъ». Молитвѣ, называемыхъ хутьбу, много. Мы здесь привели одну изъ нихъ; остальные см. въ приложениі 2-мъ.

⁵⁾ Испрашиваніе согласія совершается такъ: «это есть, говорить мулла, опредѣленіе Всевышнаго, который есть Творецъ, не перестающій творить,

количество меҳра. Затѣмъ составляется брачный контрактъ, въ которомъ всю сущность составляеть меҳръ и самое точное опредѣлениe его, и больше ничего¹⁾. Испрашиваніе обюднаго согласія происходитъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей мужчины, или одного мужчины и двухъ женщинъ. Свидѣтели должны быть мусульмане; христіане или іудеи допускаются свидѣтелями только тогда, когда мусульманинъ вступаетъ въ бракъ съ христіанкою или іудеянкою. Эти свидѣтели должны сами слышать выраженіе обюднаго согласія, оба вмѣстѣ, въ одно и то же время²⁾. По составленіи контракта, мулла читаетъ первую главу Корана, потомъ еще одну молитву: „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! Боже, сочтай ихъ такъ же, какъ Ты сочтала Адама и Еву, какъ сочтала Юсуфа (Иосифа) и Зулейху, какъ сочтала Мухаммеда-Мустафу и доблестную Хадиджу, какъ Ты сочтала благочестиваго Алія и лучезарную Фатиму. Боже, помилуй насъ всѣхъ и умилосердись надъ всѣми нами! Спаси насъ отъ огня! Да будетъ милость и благословеніе Божіе надъ лучшимъ твореніемъ Его — Мухаммедомъ и надъ всѣмъ семействомъ его по милосердію Твоему, о милостивый изъ милостивыхъ!“³⁾). Послѣ этого мулла отдастъ брачный контрактъ жениху⁴⁾. Иногда бракъ заключается не въ присутствіи

Который есть достопоклоняемый иѣхпо, папъ Господь, единий супрій, Богъ преизъсеппій: прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Берите столько жесть, сколько вамъ угодно, дѣбѣ, три, четыре. Это есть сюнна посланника людей и геніевъ, проповѣдника двухъ міровъ, Мухаммеда-Мустафы,— да благословитъ его Богъ всевышний и помилуетъ!—По устаповленію имама Абу-Ханифы Куфскаго, который есть слѣтъ вѣры, путь народовъ, имама Абу-Юсуфа-Казія и имама Мухаммеда-Бенѣт-Хусана Шиббаскаго, согласно иѣхпію всѣхъ ученикъ, видѣніиихъ въ этомъ сиасепіе и паграду, въ присутствіи здѣсь находящихся большихъ и малыхъ, при свидѣтельствѣ двухъ свидѣтелей, съ утверждепія онекуна, съ опредѣлениемъ меҳра предварительнаго и заключительнаго и съ сохрапленіемъ четырехъ условий, такой-то, такому-то, сыну такого-то, дочь твою такую за известный меҳръ въ позволенное супружество отдать ли? И такой-то за такого-то сына твоего, такую-то дочь такого-то за известный меҳръ въ позволенное супружество взять ли?»
Выто изъ книги «Хутъбаликъ».

1) См. приложеніе 3-е стр. 53 ср. Торпау, изложеніе пачаль мусульманскаго законовѣдѣнія, стр. 139—147. Niebhur, Beschreibung von Arabien, S. 73—76; Османъ-Бей, стр. 75—77. Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ. Соч. Мелскъ-Ханумъ, стр. 30, 279.

2) См. приложеніе 3-е стр. 44—45.

3) Хутъбаликъ. Варіантъ этой молитвы см. въ приложеніи 2-мъ.

4) Торпау, стр. 143. Это заключеніе брака по обряду сюннитовъ; шіиты заключаютъ его нѣсколько иначе.

самихъ брачующихся, а только ихъ довѣрнныхъ, тогда брачный контрактъ отдается въ руки довѣренного невѣсты¹⁾). Всѣ эти формы заключенія брака соблюдаются на практикѣ во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ, какъ свидѣтельствуютъ люди, бывшіе очевидцами заключенія браковъ мусульманами на Востокѣ²⁾.

Такимъ образомъ съ самаго первого и до послѣдняго дѣйствія ясно обнаруживается гражданскій характеръ мусульманскаго брака, чуждый всякаго религіознаго значенія и, слѣд., религіозныхъ послѣдствій для вступающихъ въ бракъ. Мулла, какъ видно изъ всего процесса заключенія брака, играетъ здѣсь главную роль не какъ служитель религіи, пришедший сообщить религіозную санкцію брачному союзу, а какъ гражданская власть, присутствующая при заключеніи брака только для наблюденія за правильностью его.

Твердо держась основнаго принципа, что бракъ не есть дѣло религіозное, а обыкновенный гражданскій договоръ, Мухаммѣдъ, а потомъ и послѣдователи его на основаніи его словъ и преданій всегда смотрѣли на гражданскій договоръ, какъ на основу брака. Утверждаясь на этомъ основномъ положеніи, всѣ юридическія постановленія обракѣ, начиная съ самаго Корана до послѣднихъ преданій, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ брака *приданое*—*мехрѣ*. Мухаммѣдъ во многихъ мѣстахъ Корана повторилъ это неизмѣнное требование для законности брака³⁾). Онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ при бракѣ приданое, безъ котораго бракъ не можетъ быть дѣйствительнымъ. Однако онъ не опредѣлилъ размѣры приданаго при различныхъ условіяхъ. Это было невозможно, потому что состоянія вступающихъ въ бракъ очень различны. Но юристы мусульманскіе старались опредѣлить предѣлы приданаго и назначали меньшимъ мехромъ десять диргемовъ⁴⁾; самое же большее количество мехра не опредѣлено. На основаніи этого опредѣленія, если совершаются разводъ, когда количество мехра

¹⁾ Торшау, 143 стр. О довѣрнныхъ при бракѣ и о разныхъ условіяхъ брака по довѣренности. См. у Торшау, 264—270 стр.

²⁾ Тридцать лѣтъ въ тур. гаремахъ, стр. 30. 279; Османъ-Бей, стр. 75—77. Нієвъг. С. 73—76. Клотъ-Бей, Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи. Ч. I. стр. 196.

³⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 3; гл. 2, ст. 229. 237; гл. 4, ст. 23.

⁴⁾ Смотр. приложеніе 3-е стр. 53—57.

иє упомянуто въ брачномъ контрактѣ, то взыскивается съ мужа мехръ не менеши десяти диргемовъ, или *мехръ-мисль*, т. с. мехръ равный по количеству мехру, который получила одна изъ родственницъ жены по отцу¹⁾. Очевидно, что подобный брачный союзъ поситъ на себѣ всѣ признаки продажи и купли: съ одной стороны предлагается жена, какъ предметъ торговли, съ другой — женихъ, какъ покупатель, который даетъ за нее извѣстную цѣну. Свидѣтели, присутствующіе при этомъ, назначены для удостовѣренія въ этой куплѣ и въ количествѣ цѣны. Что таковъ характеръ и таково значеніе мехра при мусульманскомъ бракѣ, въ этомъ согласны лучшіе изслѣдователи мусульманского права. Перронъ прямо называетъ мехръ цѣною купли, и говоритъ, что жепница, выходящая за-мужъ по мусульманскому закону, *продаетъ себѧ*²⁾. Нѣть сомнѣнія, что это есть остатокъ глубокой старины, когда женъ пріобрѣтали себѣ обыкновенно или посредствомъ похищенія, или посредствомъ купли. Поэтому Мухаммѣдъ не первый выдумалъ способъ заключенія брака на подобіе полной торговой сдѣлки. Даже въ Аравіи, по словамъ Шпрепгера, существовалъ этотъ обычай во времена Мухаммѣда³⁾. Благодаря такому законоположенію, всякое бракосочетаніе мусульманина представляетъ примѣръ полной торговой сдѣлки: родственники со стороны невѣсты стараются запросить количество мехра какъ можно больше; родственники жениха стараются напротивъ понизить его на самую мѣньшую цифру; начинаятъ рядиться; на конецъ обѣ стороны соглашаются на какой-нибудь опредѣленной цифре, которая сообразна со средствами жениха и съ положеніемъ и красотой невѣсты. Жена ужѣ раньше можетъ и должна сознавать, что она венецъ, которую мужъ купилъ за приданое, и что она назначена для удовлетворенія чувственныхъ наклонностей мужа. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ высокомъ нравственномъ актѣ, какой представляется христіанскій бракъ, гдѣ соединяются тѣсными узами двѣ человѣческія, нравственно-свободныя личности. Мухаммѣдъ производитъ женщину въ бракѣ до степени орудія, назначенаго исключительно для удовлетворенія

1) См. приложеніе 3-е стр. 53—57. Торнау 151—152 стр.

2) Perron, *Legislation musulmane*. Т. 11, р. 427. цитуем. у Торнау, Мусульманское право. Выпукъ 1-й стр. 7.

3) См. приложеніе 1-е стр. 33—34.

нія похоти мужа¹). Не трудно убедиться въ этомъ, если разсмотреть законодательство мусульманское относительно мехра. Во всемъ законодательствѣ, начиная съ Корана²), мехръ опредѣляется или прямо, какъ плата за плотское сожитіе съ женою, или предполагается³). Постановленія ислама гласятъ, что жена имѣеть право отказывать мужу въ супружескомъ сожитіи до получения мехра; жена получаетъ при разводѣ полный свой мехръ только тогда, когда мужъ имѣлъ съ нею супружеское сожитіе⁴). Явно, что Мухаммѣдъ самъ и его послѣдователи — законовѣды ислама всегда имѣли въ виду мехръ, какъ простую плату за сожитіе съ женой. Нѣкоторые ученые, напр. Д. С. Милль, хотятъ видѣть въ мехрѣ имущество жены, ея полную собственность, которая не только обезпечиваетъ ея существованіе, но даже упрочиваетъ самый супружескій союзъ, потому что полагаетъ преграды къ разводу въ материальныхъ издержкахъ, такъ какъ мужъ, желающій развестись съ женой, обязанъ уплатить ей полное приданое. Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе разсмотреть этотъ предметъ. Здѣсь же только замѣтимъ, что приданое нисколько не обезпечиваетъ прочности брачныхъ узъ. Мужъ, какъ полный владѣтель жены, можетъ разными притѣсненіями заставить ее самое предложить разводъ мужу и тогда она не получитъ ни гроша. Такимъ образомъ обезпеченіе женщины посредствомъ приданаго есть не болѣе, какъ фикція, созданная мечтою поборниковъ Мухаммѣда, и нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ мухаммѣданскомъ мірѣ. Приданое не только не возвышаетъ женщины въ мухаммѣданскомъ бракѣ, а напротивъ унижаетъ ее еще болѣе. Христіанство ставитъ ручательствомъ прочности брачныхъ узъ самый бракъ *неразрывный*, какъ союзъ Христа съ Церковью, и всегда настаиваетъ на его неразрывности, удаляя всякую поблажку чувственности мужчинъ. Мухаммѣдъ, желая удовлетворить чувственнымъ наклонностямъ своихъ по-

¹) Замѣтательно, что мужъ не обязанъ въ «Праздникъ разговленія» (гайду-ль-фитръ), т. е. въ первый день послѣ поста-Рамазана, подавать за жену милостынью (садака-фитръ), между тѣмъ какъ эта милостыня обязательна для него по отношенію къ работнику, хотя бы онъ былъ ненѣрѣющимъ (кяфиръ). См. Мухтасару-ль-вилая, глава о Закятѣ, послѣдній отѣль о фитрѣ.

²) Коранъ, гл. 2, ст. 229. 237.

³) См. приложеніе 3-е стр. 61. 53—57.

⁴) Тамъ же.

слѣдователей легкостью развода, въ то же время, если это только можно допустить, хотѣть положить преграды этой легкости посредствомъ возвращенія приданаго, но въ результатѣ не получилось никакого благодѣтельнаго плода; женщина осталась такою же беззащитною, какъ была она и безъ приданаго.

Вслѣдствіе чувственнааго характера самого Мухаммѣда¹⁾ и всѣхъ его послѣдователей бракъ въ мусульманствѣ явно проникнуть и запечатлѣнъ характеромъ чувственности²⁾. Въ противоположность христіанскому браку, въ мухаммѣданскомъ бракѣ все отъ начала до конца проникнуто духомъ грубой чувственности и однихъ лишь чисто плотскихъ наслажденій. Главный вопросъ, который рассматривается въ мухаммѣданскомъ законодательствѣ и изслѣдуется до мельчайшихъ подробностей есть безспорно половыя отношенія между супругами, время позволенное и непозволенное для супружескаго сожитія и т. п.³⁾. Даже самъ Мухаммѣдъ въ вопросѣ о бракѣ занимался главнымъ образомъ опредѣленіемъ различныхъ условій плотскаго сожитія супруговъ, о чѣмъ говорится въ очень многихъ мѣстахъ Корана⁴⁾. Все это свидѣтельствуетъ, что Мухаммѣдъ и позднѣйшіе мухаммѣданскіе законовѣды были чужды того чистаго и высокаго понятія о бракѣ и супружескихъ узахъ, какое составляетъ достояніе христіанства, хотя бы даже въ слабой степени. При такомъ чувственномъ взглядѣ на бракъ, мухаммѣданскіе законовѣды и самую цѣль брака полагаютъ для мужчины въ плотскомъ сожитіи, а для женщины въ удовлетвореніи чувственныхъ похотей своего мужа⁵⁾.

¹⁾ См. приложение 1-е.

²⁾ Самое название брака по-арабски «никъхъ» по словоизводству означаетъ простое чувственное отношение между полами.

³⁾ См. приложение 3-е. До какихъ мелочей опредѣлены у мухаммѣданъ половыя отишепія между супругами, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Одніи французскій путешественники по Персіи однажды напинамъ имѣшица везти его до извѣстнаго мѣста. Но тогъ отказался, говоря, что законъ повелѣваетъ ему эту почту пронести съ женою. (Uoyages en Persedans l'Aghanistan, le Beloutchistan et le Tukkestan, par Ferrier, T. 1, p. 76—77). А въ Туркестанѣ жена одного мухаммѣданца уѣхала отъ своего мужа потому только, что онъ по оду уже пятицу пропустилъ, т. е. не проводилъ съ нею (Вѣстникъ Европы. 1875. Ноябрь. Ст. М. Терентьевъ: «Туркестанъ и Туркестанцы», стр. 155).

⁴⁾ Коранъ, гл. 2, ст. 183, 193, 222; гл. 5, ст. 9. /

⁵⁾ Торцау, изложеніе началъ мусульманскаго законовѣданія, стр. 131. Того-же автора, мусульманское право. Выпускъ 1-й, стр. 148. Срав. коранъ гл. 2, ст. 183.

По своему чувственному характеру Мухаммедъ не могъ подняться до высокаго представления христіанства о жизни дѣвственной, поставляемой выше брачной въ отношеніи нравственного совершенства. Мухаммедъ никакъ не могъ представить возможности такой нравственной чистоты, которая запрещаетъ человѣку даже смотрѣть съ чувственнымъ пожеланіемъ на жену другаго. Онъ думалъ, что дѣвственность есть только путь къ разврату, путь самый опасный и скользкій для людей, потому и поставилъ правиломъ ислама, что дѣвственная жизнь чужда исламу. Дѣвственная жизнь, по словамъ Корана, есть только выдумка христіанъ¹⁾. Мухаммедъ сдѣлалъ бракъ обязанностью каждого своего послѣдователя, а дѣвственность, столь чтимую въ христіанствѣ, призналъ самымъ беспечнымъ образомъ жизни, гдѣ человѣкъ легче всего дѣлается добычею діавола; Мухаммедъ считалъ дѣвство прямымъ путемъ въ адъ. Одно преданіе отъ лица Мухаммеда говоритъ, будто-бы онъ однажды, объясняя 28—30 стихи 4-й главы Корана въ многочисленномъ кругу молодыхъ людей, сказалъ: „когда мужчина жениится, дѣяволъ начинаетъ страшно метаться. Властитель, спрашиваютъ его слуги, что тебя такъ беспоконитъ? Одинъ изъ смертныхъ вырвался изъ моихъ рукъ, отвѣчасть дѣяволъ въ отчаяніи“²⁾. Нельзя ли видѣть изъ этихъ словъ преданія, приводимаго отъ лица Мухаммеда, что онъ совершиенно не призывалъ жизни дѣвственной и старался всѣми мѣрами положить пре-

1) Коранъ, гл. 57, ст. 27.

2) Библіотека для чтенія 1860 года. 162 т. Нойбръ. «Женщины въ Алжирѣ», стр. 6. Какимъ высокимъ почетомъ брачная жизнь пользуется въ исламѣ въ учерьѣ дѣвства, можетъ служить доказательствомъ еще одна фетва (рѣшеніе, приговоръ мусульманскихъ законовѣдовъ) и преданіе. Мы представляемъ ихъ буквальный переводъ съ арабскаго. Фетва гласить: «не позволяется никому разговаривать во время чтенія хутъбы (т. е. брачной), потому что это время есть время милости и прощаній, какъ сказали (т. е. Мухаммедъ): — миръ ему! — «подлинно, когда люди собираются на бракѣ, тогда ангелы не остаются на лѣбѣ праздными, а умоляютъ (т. е. Бога) о прощеніи». И сказалъ (т. е. Мухаммедъ): — миръ ему! — «превосходнѣйшее изъ служеній Богу всевышнему есть бракъ. Потому для васъ необходимо собираться къ слушанію ея (т. е. хутъбы), хотя бы васъ раздѣляло пространство въ семь верстъ и хотя бы (при чтеніи хутъбы) не молились». Преданіе говоритъ: «когда исполняется заключеніе брака и люди собираются для хутъбы, тогда Богъ все вышій, исполненный милости, впремътъ имъ и изливаетъ на нихъ милость и прощеніе и записываетъ добрыя дѣла ихъ съ книгъ небесной въ капляхъ дождя и на листьяхъ деревьевъ. Потому не запрещается (присутствовать на бракѣ) никому изъ мусульманъ, кромѣ того, кто разговариваетъ во время хутъбы». Хутъбальмъ.

грады этому высоконравственному состоянию, которое прославило столько личностей въ христианствѣ. Слѣдя этому основному взгляду Мухаммеда, постѣдующіе мусульманскіе законовѣды и основатели различныхъ толковъ (*мязябъ*) ставили жизнь супружескую гораздо выше жизни дѣвственной. Одинъ изъ нихъ, именно Маликъ, дошелъ даже до такого предпочтенія брака предъ дѣвствомъ, что говорилъ: „лице, сочетавшееся с бракомъ, имѣетъ предъ Богомъ болѣе заслуги, чѣмъ самый набожный мусульманинъ, оставшійся холостымъ”¹⁾. Одинъ только имамъ Шафій, основатель Шафіитскаго толка, далъ предпочтеніе дѣвственной жизни предъ бракомъ для лицъ, посвятившихъ себя исключительно Богу²⁾. Конечно, чрезъ это имамъ Шафій сталъ въ противорѣчіе не только съ мнѣніями другихъ мусульманскихъ законовѣдовъ и улемовъ (ученыхъ), но даже со словами самого Корана. Всѣдѣствіе такого предпочтенія, оказываемаго брачной жизни предъ дѣвственностью, между мусульманами навсегда самымъ прочнымъ образомъ утвердилось мнѣніе, что нужно, какъ можно скорѣе, при первомъ удобномъ случаѣ, жениться, такъ что по словамъ одного мусульманскаго преданія даже земля, на которой спитъ холостой человѣкъ, возноситъ Богу жалобы на него³⁾. Особенно мусульманское законовѣдѣніе настаиваетъ на обязательности брака для женщинъ, какъ людей слабыхъ. Если уже мужчина, котораго исламъ признаетъ несравненно болѣе способнымъ вести нравственную жизнь, необходимо обязанъ вступить въ бракъ при первой представившейся возможности, то тѣмъ болѣе бракъ обязательенъ для женщины, какъ существа слабаго, безъ мужа лишенаго возможности вести болѣе или менѣе порядочную жизнь. Къ этому привела мухаммеданскихъ законовѣдовъ еще другая мысль, именно, что женщина, какъ существо *низансъ*⁴⁾, живущее не для себя, а для мужчины⁵⁾, не можетъ и не должна вести жизнь безбрачную, чтобы достигнуть своего назначенія. По преданію Мухаммедъ простеръ эту мысль до та-

¹⁾ Торшай, Мусульманское право. Вып. 1-й, стр. 147—148.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Отечественные Записки. 1855 г. Ст. т. «Судьба женщины на мусульманскомъ востокѣ», стр. 60.

⁴⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 38; гл. 2, ст. 228.

⁵⁾ Коранъ, гл. 30, ст. 20.

кой степени, что будто бы объявилъ, что женщина только тогда можетъ надѣяться на блаженную жизнь за гробомъ, когда она вступать въ бракъ; иначе она осуждается на вѣчное мученіе¹). Такимъ образомъ онъ поставилъ женщинъ въ непрѣмѣнную обязанность вступленіе въ супружество. У Мухаммеда были сильныя побудительныя причины заставить женщинъ вступать въ бракъ; при полигаміи, допущенной имъ, мысль его могло занимать опасеніе, что не достанетъ женщины для удовлетворенія этой громадной потребности. Послѣдователи Мухаммеда остались вѣрны этому принципу. Они также поставляютъ для женщины необходимымъ долгомъ вступленіе въ бракъ и высоко превозносятъ брачное состояніе женщины предъ дѣвственностью жизнью, такъ что одно изъ самыхъ главныхъ обрядовыхъ постановлений мусульманской религіи, имѣю хожденіе въ Мекку, поставили для женщины въ тѣсную зависимость отъ брака и запретили посѣщать Мекку дѣвицамъ или вдовамъ, словомъ — женщинамъ, стоящимъ въ брачныхъ узъ²). И въ настоящее время все мусульмане жалуютъ, какъ можно поскорѣе, выдать за-мужъ своихъ дочерей, а мусульманки стараются какъ можно скорѣе выйти за-мужъ, такъ что, напр. въ Персіи, дѣвушка, которая не успѣла выйти за-мужъ до двадцатилѣтняго возраста, подвергается всевозможнаго рода насыщкамъ³). Такимъ образомъ чувственность, господствующая въ исламѣ и владычествующая надъ всеми мусульманами, начиная съ самого основателя ислама, произвела явленіе, діаметрально противоположное съ тѣмъ, какое мы видѣли въ христианствѣ.

Условія правильности мухаммеданского брака и препятствія ко вступленію въ бракъ.

При такомъ чувственномъ пониманіи основъ брака, онъ, т. е. бракъ, и во всѣхъ своихъ подробностяхъ и частностяхъ остался вѣренъ своему основному характеру, весь проникнутъ этой чувственностью. Условія правильности брака, препятствія ко вступленію въ бракъ и проч.—все проникнуто въ высшей степени материальнымъ характеромъ и потому стоитъ въ самомъ

¹⁾ Османъ-Бей, стр. 28—29.

²⁾ Клотъ-Бей. Ч. I, стр. 186.

³⁾ Отечеств. Записки 1855 г. СІ т. 58 стр.

рѣзкомъ контрастъ съ христіанскимъ бракомъ, какъ высокимъ нравственнымъ учрежденіемъ. Мы выше рассматривали, что въ христіанскомъ бракѣ непремѣннымъ условіемъ правильности и законности поставляется согласіе обѣихъ сторонъ, вступающихъ въ бракъ. Это было необходимо слѣдствіемъ попытія Церкви о бракѣ, какъ свободно-нравственномъ союзѣ душъ. Посмотримъ, насколько выполняетъ исламъ это непремѣнное требование, при которомъ только и можетъ существовать бракъ, какъ нравственно-свободный актъ двухъ личностей. При первомъ взглядѣ на это требование наскоро поражаетъ рѣшительное никакое существенное различіе между мусульманскимъ бракомъ и христіанскимъ въ этомъ отношеніи. Тамъ и здѣсь повидимому одинаково требуется обоядное согласіе отъ вступающихъ въ бракъ. Но на самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть частности и вникнуть въ подробности, какія соблюдаются по закону при исполненіи этого требованія, то нельзя несознаться, что различіе въ этомъ случаѣ между тѣмъ и другимъ бракомъ довольно рѣзко и настолько важно, что придается даже характеристической отѣнокъ тому и другому браку. Правда, мусульманскіе законовѣды поставляютъ непремѣннымъ условіемъ предъ заключеніемъ брака спрашивать о согласіи вступающихъ въ оный¹⁾; но интересно знать, какъ совершаются самыи процессы спрашиванія вообще на всемъ мусульманскомъ Востокѣ. Въ день заключенія брачнаго контракта мулла или казый²⁾ съ свидѣтелями приходитъ въ домъ невѣсты; невѣста не показывается и сидитъ въ другой комнатѣ; казый подходитъ къ двери, за которой находится невѣста и черезъ дверь спрашиваетъ о ея согласіи, и если изъ-за двери получить утвердительный отвѣтъ на свой вопросъ, то приступаетъ тотчасъ же къ составленію брачнаго контракта, нисколько не заботясь о томъ, отъ невѣсты ли получилъ онъ отвѣтъ, или отъ другой женщины, которая отвѣтила за невѣсту. Очень легко можетъ быть, что при желаніи невѣсты выдти за-мужъ, этимъ случаемъ пользуются чадолюбивые родители и ставятъ за дверь какую-нибудь другую личность³⁾. Положимъ даже, что это злоупотребленіе родителей

¹⁾ См. приложеніе 3-е стр. 46. Торпау, 139 стр. Mills, *Histoire du mahométisme*, р. 42—47.

²⁾ Мусульманскій судья.

³⁾ Османъ-Бей, стр. 76—77.

очень рѣдко случается па практикѣ, всетаки свободное вступление дѣвицы въ бракъ не гарантировано отъ притѣспенія со стороны другихъ. А между тѣмъ въ болѣе или менѣе порядочныхъ мусульманскихъ домахъ никакимъ образомъ не позволяетъ казью увидѣть невѣсту и быть съ нею въ одной комнатѣ во время изъявленія послѣдней своего согласія на бракъ и вообще не позволяетъ ему увидѣть невѣсту, такъ какъ это противорѣчило бы общему духу мусульманской религіи, проповѣдующей затворничество женского пола. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ мусульмане, особенно низшихъ классовъ, позволяютъ казью видѣть невѣсту; но отъ этого положеніе дѣла не улучшается. По закону ислама даже и не требуется выраженіе согласія со стороны невѣсты определенными словами; уже молчаніе ея признается за согласіе со стороны ея; даже плачь безъ членораздѣльныхъ звуковъ и рыданіе служатъ признакомъ ея согласія¹⁾. Вотъ какимъ является въ исламѣ это главнѣйшее условіе законности и правильности брака. Представьте себѣ дѣвушку предъ родителями, дѣвушку, воображеніе которой запугано угрозами, что за отказомъ ея послѣдуетъ самое жестокое истязаніе ея; можетъ ли она осмѣлиться сдѣлать отказъ, сказать казью, что она не согласна выходить за-мужъ? Можетъ быть, она зальется слезами, предвидя непрѣятную и бѣдственную свою жизнь съ человѣкомъ, за котораго ее отдаютъ насилию; но къ чему поведутъ ея слезы? Онѣ принимаются за согласіе съ ея стороны, и казый на основаніи этихъ слезъ приступаетъ къ составленію брачнаго контракта. Такимъ образомъ обоюдное согласіе вступающихъ въ бракъ, поставленное требованіемъ законности брака, обращается почти въ пустое слово, по крайней мѣрѣ по отношенію къ невѣстѣ. И самъ Мухаммѣдъ едва ли имѣлъ въ виду поставить условіемъ законности брака согласіе со стороны невѣсты. Читая Коранъ и находя въ многочисленныхъ мѣстахъ его законоположенія о бракѣ, поражаешься отсутствіемъ этого, по христіанскому понятію, одного изъ самыхъ главныхъ требованій для законности и правильности брака; Мухаммѣдъ не сказалъ въ Коранѣ ни одного слова, на основаніи котораго можно было бы поставить обязательнымъ требованіе согласія со стороны невѣсты. Едва ли и возможно въ исламѣ поставить условіемъ согласіе со стороны вступающихъ въ бракъ, какъ

¹⁾ См. приложеніе 3-е стр. 49—50. Торнау, стр. 133.

выраженіе внутренняго расположенія. Этого расположенія не можетъ быть при заключеніи мусульманскаго брака, потому что Мухаммедъ запретилъ женщинѣ показывать свое лицо мужчинамъ, исключая самыхъ близкихъ родственниковъ¹⁾, и мухаммадане, слѣдя этому постановленію Корана, по мѣрѣ возможности стараются соблюсти его, не показывая своихъ дочерей и женъ постороннимъ мужчинамъ и повелѣвая имъ носить покрывало, скрывающее ихъ отъ постороннихъ взоровъ²⁾. Само собою понятно, что любовь не мыслима между женихомъ и невѣстой при такомъ стѣснительномъ постановленіи. Возможно ли, чтобы человѣкъ внутренне и искренно полюбилъ особу, которой лица онъ не видаль ни разу и съ которой онъ не сказалъ ни одного слова? Такимъ образомъ мусульманство исключаетъ предварительное сочувствіе между супругами и считаетъ сго даже не нужнымъ и излишнимъ, вслѣдствіе своего понятія о бракѣ, какъ чувственномъ сожитіи супруговъ, становясь чрезъ это въ совершенный контрастъ съ христіанствомъ, которое требуетъ отъ супруговъ любви самой искренней, чисто-сердечной, подобной любви Христа къ Церкви.

Выходя изъ своего основнаго понятія о бракѣ, исламъ допустилъ еще гораздо большее нарушеніе свободы вступающихъ въ бракъ, даже совершенно почти уничтожилъ ее своимъ постановленіемъ объ опекѣ. По постановленіямъ мусульманскихъ законовъ³⁾ опекуны жениха и невѣсты могутъ устроить бракъ ихъ, когда они сице не достигли совершеннолѣтія. Правда, женихъ и невѣста, связанные узами брака отъ лица опекуновъ своихъ во время своего несовершеннолѣтія, могутъ, достигши совершеннолѣтія, расторгнуть бракъ, заключенный опекунами; но только тогда, когда опекунами были не отецъ и не дѣдъ⁴⁾. Въ случаѣ же, если опекунами были отецъ или дѣдъ несовершеннолѣтней невѣсты или несовершеннолѣтняго жениха, то бракъ признается во всей силѣ и по достижениіи совершеннолѣтія; ни мужъ ни жена не имѣютъ права расторгнуть брака⁴⁾.

1) Коранъ, гл. 33, ст. 58—59.

2) Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ, стр. 278; Османъ-Бей, стр. 49: Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches. T. 1, S. 342. Отеч. Записки 1855 г. СІ т. 62 стр.

3) Какіе родственники могутъ быть опекунами въ этомъ случаѣ, см. приложение 3-е, стр. 51—52.

4) См. приложение 3-е стр. 49. Mills, Histoire du mahometisme, p. 362 и слѣд.; Клотъ-Бей, I ч. 268 стр.; Торнау, 155—156 стр.

Этимъ постановлениемъ совершенно отнимается свобода у вступающихъ въ бракъ и исключается изъ числа условий законности брака согласие вступающихъ въ бракъ. Мусульманство и христианство остались въ этомъ случаѣ вѣрины своему основному принципу. Въ христианствѣ требуется для законности брака только согласие со стороны родителей и опекуновъ, но не всецѣлое подчиненіе родительской волѣ самихъ вступающихъ. Между тѣмъ въ исламѣ эта правильность отношений нарушена; родители уничтожаютъ волю самихъ брачущихся, когда она болѣе всего необходима.

Если такъ деспотиченъ произволъ родителей, то тѣмъ болѣе деспотиченъ произволъ господъ относительно брака своихъ рабовъ. Родители и опекуны имѣютъ по крайней мѣрѣ *de jure* неограниченную власть только надъ несовершеннолѣтними; между тѣмъ господа имѣютъ право выдавать за-мужъ своихъ рабынь и выбирать невѣстъ для своихъ рабовъ. Рабъ или раба не можетъ отказатьться отъ вступленія въ бракъ съ тѣмъ лицемъ, какое выбрали произволъ и разсчетъ господина. Самъ Мухаммѣдъ повелѣваетъ господамъ женить слугъ и выдавать за-мужъ служанокъ и считаетъ это ихъ неотъемлемымъ правомъ, даже вмѣняетъ это въ обязанность и ни однимъ словомъ не даетъ права заключать, что онъ считалъ согласіе раба на бракъ необходиимымъ условіемъ. Мухаммѣдъ даже не вмѣняетъ господину въ обязанность сообразоваться съ желаніемъ раба въ этомъ случаѣ и не пренебрегать совершенно участіемъ его воли¹⁾. Постановленія мусульманскихъ законовъ о бракѣ также всѣ единогласно предоставляютъ господамъ право заключать браки рабовъ и рабынь безъ всякаго на то ихъ согласія. Только въ томъ случаѣ, когда господинъ заключаетъ бракъ раба самъ безъ его согласія, приданое (*мехрѣ*) не обязательно для раба²⁾. Отъ произвола господъ не освобождаются и совершилѣтніе рабы; всѣ подлежать этому грубому своею волѣ своимъ господамъ. Различие съ христианскими постановленіями въ этомъ случаѣ суще большее, нежели въ бракѣ свободныхъ лицъ.

Кромѣ этихъ условий законности брака, имѣющихъ иѣкоторое хотя видимое сходство съ христианскими, мусульманство поставило еще новое одно условіе, котораго пѣтъ и не могло

¹⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 32—33.

²⁾ См. приложеніе 3-е, стр. 58. Торнау, 140 стр.

быть въ христіанствѣ при его понятіи о бракѣ, именно *равенство вступающихъ въ бракъ*. Это равенство должно прости-
раться на религию, на происхожденіе, на имущество, на самыя
даже занятія, такъ что личности, различные по занятіямъ, или
по состоянію, или по происхожденію, не могутъ сочетаться
бракомъ между собою¹⁾. Въ христіанствѣ такого постановленія
нѣть; и несообразно было бы съ духомъ христіанства, чтобы
бракъ, какъ свободно-нравственное состояніе, какъ учрежденіе
Церкви, имѣющее своимъ прообразомъ отношеніе Христа къ
Церкви, нуждался въ такихъ чисто вицѣнныхъ условіяхъ, какъ
напр. въ равенствѣ супруговъ по состоянію, по происхожденію
и пр. Допустить это значило бы парушить основной характеръ
христіанскаго брака. Тогда какъ мусульманство, смотря на
бракъ, какъ на плотское сожитіе мужа и жены и видя въ
немъ одно лишь гражданское учрежденіе, совершенно есте-
ственно могло поставить условіемъ правильности брака это
требованіе, которое только тогда и можетъ имѣть мѣсто, когда
бракъ составляеть чисто гражданское постановленіе, лишеннѣе
всякой религіозной и даже моральной основы.

Мухаммаданскос законодательство о степеняхъ родства.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію законооположенія ислама
относительно условія правильности брака, которое мы при из-
ложеніи брака христіапскаго назвали *нравственно-физическими*.
Это именно отсутствіе близкихъ степеней родства, какъ условіе
для правильности и законности вступленія въ бракъ. Законопо-
ложение ислама въ этомъ отношеніи отчасти сходно съ хри-
стіапскимъ, отчасти представляеть самую рѣзкую противопо-
ложность съ нимъ. Мухаммѣдъ сдѣлалъ постановленіе относи-
тельно степеней родства, но очень мало придалъ имъ значенія,
какъ препятствія для вступленія въ бракъ. Онъ не хотѣлъ
полагать въ родствѣ стѣсненія для женолюбивыхъ и сладо-
страстныхъ арабовъ, своихъ поетѣдователей. Всѣдѣствіе этого
онъ далеко отсталъ отъ христіанства, которое простило
запрещеніе браковъ между родственниками до очень даль-
нихъ степеней. Мухаммѣдъ же до самой крайней степени
сократилъ родство, часто пренебрегая даже естественнымъ

¹⁾ См. приложение 3-е, стр. 52. Mills, Histoire du Mahometisme, p. 362.

отвращениемъ человѣка отъ близко-родственныхъ браковъ. Христіанская Православная Церковь рѣшительно запрещаетъ браки въ четырехъ степеняхъ кровнаго и дружроднаго родства, даже пятую и шестую степень считаетъ не совсѣмъ позволеною для брака. Мухаммѣдъ же ограничился только запрещенiemъ брака въ кровномъ родствѣ до трехъ степеней включительно. Онъ говоритъ въ Коранѣ: „не женитесь на женахъ, которыя были супругами вашихъ отцевъ... Вамъ запрещено жениться на вашихъ материахъ, теткахъ съ отцевской и материнской стороны, племянницахъ, кормилицахъ, молочныхъ сестрахъ, тещахъ, дѣвицахъ, вѣрбеныхъ вашему попеченію и происшедшіхъ отъ женъ, съ которыми жили. Тѣмъ болѣе на дочеряхъ вашихъ сыновей, которыхъ вы произвели, ни на двухъ сестрахъ“¹⁾). Изъ этихъ словъ Корана видно, что бракъ запрещенъ только до трехъ степеней включительно, т. е. между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ. Что же касается до четвертой степени, т. е. брака между двоюродными братьями и сестрами, то Мухаммѣдъ относительно этого умолчалъ и считалъ его дозволеннымъ; а въ настоящее время у бедуиновъ жениться на двоюродныхъ сестрахъ вошло въ обычай настолько, что всякий считаетъ себя въ правѣ и даже въ преимущественномъ правѣ требовать руки своей двоюродной сестры²⁾). Въ этомъ заключается одно изъ самыхъ рѣзкихъ различій между степенями родства, позволенными для брака по законамъ ислама и христіанства. Но еще гораздо болѣе различія въ постановленіяхъ той и другой религіи относительно свойства. Мухаммѣдъ запретилъ браки только въ самыхъ близкихъ степеняхъ по свойству, имѣю, какъ уже читали въ выше приведенномъ стихѣ Корана, бракъ съ женою отца, съ женою сына и бракъ съ двумя сестрами въ одно время. Такимъ образомъ онъ позволилъ вступать въ бракъ даже съ такими близкими родственницами по свойству, какъ напр. съ сестрою жены послѣ смерти, съ племянницей жены. Впрочемъ послѣдний бракъ, по мусульманскому закону, мужъ можетъ заключить только съ согласіемъ жены³⁾). Кромѣ того Мухаммѣдъ, благодаря своей страсти къ красивымъ женщинамъ, дозволилъ жениться на

¹⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 26—27.

²⁾ Записк. 1874 г. Октябрь. 86 стр.

³⁾ Ториау, 136 стр.

женѣ приемнаго сына¹). Нельзя не видѣть въ этихъ постановленіяхъ Мухаммеда явной поблажки его чувственной склонности своихъ послѣдователей, не желавшихъ стѣснить себя близкими степенями родства при заключеніи брака. Какъ чуждъ былъ Мухаммеду тотъ высокій духъ, который проглядываетъ въ нравственномъ совершенствѣ христіанства, простершаго такъ далеко степени родства, запретивши даже бракъ въ трехродномъ родствѣ въ первой степени, не говоря уже о двухродномъ, гдѣ родственныя отношенія считаются въ той же силѣ, какъ и въ кровномъ родствѣ. Различие законоположеній ислама и христіанства въ этомъ отношеніи легко объясняется духомъ христіанского и мусульманского брака. По понятію христіанства, бракъ есть союзъ душъ столь тѣсный, что оба супруга становятся здѣсь одною плотью. Потому христіанство перенесло степени кровнаго родства и на свойство. По понятію же ислама, бракъ составляетъ простой гражданскій договоръ, не представляющій и тѣни того тѣснаго союза, какъ въ христіанствѣ. Поэтому мусульманство и считало излишнимъ признавать родство двухродное настолько же важнымъ, какъ и кровное. А если оно и запретило вступать въ бракъ въ нѣкоторыхъ самыхъ близкихъ степеняхъ свойства, то потому только, что не могло идти противъ естественного отвращенія людей отъ подобныхъ кровосмѣшительныхъ браковъ.

Оригинальную черту ислама въ законоположеніи о родствѣ составляетъ законоположеніе о родствѣ по кормилицѣ. Арабы съ древнѣйшихъ временъ съ глубокимъ уваженіемъ относились къ этому родству. Они поставляли женщины - кормилицу на степени матери, потому всегда питали къ ней такое же уваженіе, какъ и къ этой послѣдней. Мухаммедъ не хотѣлъ и не могъ отмѣнить этого понятія, такъ глубоко укоренившагося въ нравахъ и обычаяхъ народа; онъ долженъ былъ запретить бракъ въ родствѣ по молочному кормлению въ тѣхъ же степеняхъ, какъ и по крови. По крайней мѣрѣ мусульманскіе законополѣды признавали молочное родство препятствиемъ къ браку до тѣхъ же степеней, какъ и кровное²). Христіанство же не признавало этого родства, потому что не нашло его укоренившимся въ нравахъ и обычаяхъ своихъ народовъ.

¹⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 36—38.

²⁾ См. приложеніе 3-е, стр. 62—64. Торнау, 135—136 стр.

Какъ нельзя лучше изображаетъ чувственный характеръ мусульманского брака признаніе блуда равносильнымъ браку въ отношеніи свойствъ и близости родственныхъ линій. Мухаммѣдъ запретилъ вступать въ бракъ со своими дочерьми, происшедшими внѣ брака¹⁾). Конечно это вполнѣ естественно; но послѣдователи его, мусульманскіе законодатели постарались распространить это запрещеніе еще дальше и простерли его на всѣ степени, которая считаютъ запрещенными по крови²⁾), т. е. запретили мужчинѣ жениться на родственницахъ женщины, съ которой онъ имѣлъ незаконную связь. Это повидимому—незначительное отступленіе и нововведеніе сравнительно съ христіанствомъ, однако на самомъ дѣлѣ оно, какъ нельзя болѣе, выражаетъ то понятіе, какое мусульмане имѣютъ относительно брака. Считая бракъ лишь только плотскимъ сожитіемъ двухъ лицъ разнаго пола, мусульмане естественно должны были поставить незаконное сожительство на степень брака относительно родства, потому что не находили никакого отличія его отъ законнаго брака. Вслѣдствіе такого чувственного взгляда на бракъ, въ исламѣ явилось понятіе и не о такихъ сице степеняхъ родства, какъ родство по незаконному сожительству. Исламъ измыслилъ и установилъ родство, которое сдавали какой-нибудь здравый человѣкъ можетъ признать, именно родство только по одному страстному взгляду на части женщины, которая не позволено видѣть мужчинѣ³⁾).

Но справедливо ли такъ строго относиться въ этомъ случаѣ къ Мухаммѣду? Не слишкомъ ли жестоко мы обвиняемъ его въ чувственномъ характерѣ законоположенія о родствѣ? Можетъ быть, онъ не могъ подняться выше этого при чувственности своего народа и своего времени? Можетъ быть этимъ, по нашему понятію проникутымъ материальнымъ характеромъ, законоположеніемъ о родствѣ онъ оказалъ громадную услугу арабамъ, которые до того времени погрязали еще въ большей чувственности? Къ сожалѣнію Мухаммѣдъ не имѣть за собою и этого оправданія. Онъ не только не возвысился надъ своими современниками арабами, но даже сдѣлалъ позволенными такія степени родства, которая у нихъ считались запрещенными, чего

¹⁾ Коранъ гл. 4, ст. 27.

²⁾ См. приложеніе 3-е, стр. 46. Торнау, 137 стр.

³⁾ См. приложеніе 3-е, стр. 46.

требовало и естественное чувство. Нельзя думать, чтобы Мухаммедъ первый въ Аравії запретилъ вступление въ бракъ въ такихъ близкихъ степеняхъ родства, какъ напр. брату съ сестрой, сыну съ матерью и пр. Эти родственные отношения по міг'їю Сала, обширного знатока мусульманства и заменитаго ориенталиста, были свято соблюдаены и до Мухаммеда, а если и нарушилось что-нибудь въ этихъ отношенияхъ, то лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, именно иногда сыновья вступали въ бракъ съ женами своихъ отцевъ (конечно не со своими матерями). Но подобные браки подвергались публичному презрѣнію со стороны самихъ же арабовъ¹⁾. Мухаммеду нисколько не принадлежитъ честь первоначального запрещенія брака между близкими родственниками. Онъ даже дозволилъ браки въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхъ они считались непозволенными и у самихъ арабовъ; онъ дозволилъ жениться на женахъ своихъ приемныхъ сыновей. Это было такъ необычно у арабовъ, что они глубоко возмущились, когда Мухаммедъ самъ женился на разведенной женѣ усыновленного имъ раба Зайда²⁾. Такимъ образомъ и сравнение съ современнымъ Мухаммеду состояніемъ брачныхъ обычаевъ въ отношении степеней родства говоритъ не въ пользу его; основатель ислама не оказалъ никакого благотворпаго вліянія на современное ему арабское общество.

Мухаммединское законодательство о возрастѣ вступающихъ въ бракъ и брачности невѣсты.

Не велики заслуги мусульманства и относительно законоположенія о совершеннолѣтіи и физиолого-психической способности вступающихъ въ супружескій союзъ, какъ обѣ условіи законности брака. Что касается совершеннолѣтія, то мусульманство въ этомъ случаѣ не можетъ претендовать на то мудрое стремленіе сообразоваться со всѣми странами земли, какое замѣчается въ христіанствѣ. Въ этомъ отношеніи исламъ находится въ противорѣчіи со своимъ стремленіемъ сдѣлаться *всемірной* религіей; его постановленія касательно совершеннолѣтія имѣютъ

¹⁾ Sale, Civilisation musulmane. Panthéon littéraire, p. 517—519.

²⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 36—37, также примѣчаніе къ этимъ стихамъ въ русскомъ перевѣдѣ Корана Николаева. Ср. приложение 1-е стр. 25—27.

своимъ исходнымъ пунктомъ Аравію и по ней опредѣляютъ совершеннолѣтіе въ другихъ, даже въ сѣверныхъ, странахъ. Вслѣдствіе этого выходитъ, что совершеннолѣтіе, принимаемое исламомъ, совершенно непримѣнно къ странамъ сѣвера. Мусульманское законовѣдѣніе назначаетъ крайнимъ предѣломъ совершеннолѣтія пятнадцать лѣтъ для мужчинъ и девяты для женщинъ¹⁾. Возможно ли руководиться этимъ постановленіемъ закона, напр. у насъ въ Россіи, гдѣ въ эти годы люди бываютъ еще дѣтьми? Правда, мусульманскіе юристы упоминаютъ еще о другихъ признакахъ совершеннолѣтія, болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительному наступленію его²⁾; но эти признаки они опредѣлили принимать во вниманіе лишь тогда, когда человѣкъ не достигъ опредѣленнаго выше возраста; по достижениіи же этого возраста признаки совершеннолѣтія оставляются совершенно безъ вниманія. Притомъ нельзя не замѣтить огромной разницы въ лѣтахъ между совершеннолѣтіемъ мужчины и совершеннолѣтіемъ женщины, разницы на цѣлия шесть лѣтъ. Положимъ, въ странахъ Востока, гдѣ появилось мусульманство, женщины въ эти годы часто бываютъ способными къ дѣторожденію, но все же по умственнымъ свойствамъ они бываютъ дѣтьми. Это обстоятельство не могло не обратить на себя вниманія Мухаммеда. Но для него психическая сторона—предметъ второстепенный, ему нужна женщина просто какъ орудіе для удовлетворенія похоти мужа, а не какъ спутница его жизни, его помощница и подруга, какое мѣсто она занимаетъ въ христіанскомъ бракѣ. И самые признаки совершеннолѣтія, которые поставляетъ исламъ, для лицъ не достигшихъ указанныхъ выше лѣтъ, носятъ на себѣ тотъ же чувственныи характеръ³⁾. Здѣсь обращено вниманіе исключительно на половую дѣятельность; по способности къ ней опредѣляется совершеннолѣтіе мужчины и женщины; нѣтъ ни одного слова, ни одного намека даже на то, что при этомъ нужно обращать вниманіе не на одну только физиологическую сторону, но и на психическую. Правда, въ умѣренныхъ и холодныхъ странахъ психическая жизнь развивается обыкновенно почти одновременно съ развитіемъ физической природы и даже раньше ея, но въ

1) Торнау, стр. 125—139.

2) Торнау, стр. 125.

3) Тамъ же.

странахъ юга, которые собственно и имѣлъ въ виду исламъ, дѣло происходитъ наоборотъ: тамъ обыкновенно и почти всегда люди развиваются физически скорѣе, нежели психически. Поэтому обращать вниманіе на одну физическую сторону и въ частности на одну способность къ плотскому сожитію, при опредѣлѣніи совершеннолѣтія, крайне односторонне и нерационально. Если бы исламъ не смотрѣлъ на бракъ какъ на чисто плотское сожитіе супруговъ, онъ никакъ не долженъ бы ограничиваться при опредѣлѣніи совершеннолѣтія одною только этою способностью. Только материальнымъ характеромъ мусульманскаго брака можно объяснить эту крайнюю односторонность въ пользу физической стороны при опредѣлѣніи совершеннолѣтія, какъ условія законности брака,—односторонность, какой иѣтъ въ христіанскомъ бракѣ.

Исламъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на плотскомъ сожитіи супруговъ и около этого, какъ центра, собираетъ и къ этому примѣняетъ всѣ другія законоположенія относительно брака. Потому онъ дѣственность невѣсты (если она дѣвица) считается необходимымъ условіемъ законности брака¹⁾. Но нужно знать, съ какой стороны онъ относится къ этому требованію. Исламъ смотритъ на это дѣло не съ нравственной точки зрѣнія, съ которой можно предполагать, что отъ развращенной женщины нельзѧ ожидать хорошей супруги, или думать, что нарушеніе невинности уничтожаетъ важность брака, какъ учрежденія высокоправственнаго. Въ этомъ случаѣ исламъ имѣлъ въ виду только грубую чувственную сторону предмета, желая угодить ревности мусульманъ, которые, видя въ женѣ свою *собственность*, купленную ими въ бракѣ цѣною приданаго, не могли потерпѣть убытка, встрѣтивъ въ ней потерянную невинность. Положимъ, законъ не мотивируетъ это запрещеніеничѣмъ, но изъ обыкновенного взгляда мусульманъ на это дѣло, изъ нѣкоторыхъ обычаевъ глубоко укоренившихся между ними, можно замѣтить всю чувственную сторону дѣла. Тѣ обычай, которые существуютъ на практикѣ въ Аравіи относительно данного случая, достойны замѣчанія, потому что даютъ возможность наблюдать ту грубую чувственность, какою проникнуты всѣ мусульмане. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности относительно этихъ обычаевъ. Описаніе ихъ можно читать у

¹⁾ Торнау, 133 стр.

Нибура¹). Изъ его описанія ясно обнаруживается чувственное побужденіе требованія отъ невѣсты дѣственности, какъ одного изъ условій законности мусульманскаго брака.

Полигамія, какъ условіе мухаммѣданскаго брака.

Мы разсмотрѣли всѣ условія законности и правильности мусульманскаго брака и видѣли громадное различіе ихъ сравнительно съ тѣми условіями, какія полагаетъ христіанство для той же цѣли. Но не въ этихъ условіяхъ еще заключается все громадное различіе мусульманскаго брака отъ христіанскаго, та непроходимая бездна, которая раздѣляетъ другъ отъ друга эти два діаметрально противоположные брака. Во всѣхъ изложеныхъ нами условіяхъ законности брака хотя и бросается съ первого же взгляда огромное различіе между тѣмъ и другимъ бракомъ, но здѣсь все же есть нѣсколько сходныхъ чертъ между ними. Отличительный признакъ, который окончательно раздѣляетъ ихъ другъ отъ друга, безъ сомнѣнія составляетъ *полигамія*. Полигамія безмѣрно унизила мусульманскій бракъ, а отсутствіе и строгое преслѣдованіе въ христіанскомъ бракѣ неизмѣримо высоко поставили бракъ христіанскій. Христіанство, какъ мы видѣли, поставляется непремѣннымъ условіемъ законности брака отсутствіе супружескихъ узъ со стороны вступающихъ въ супружество, какъ мужчины такъ и женщины; только по смерти одного супруга можетъ другой супругъ вступить въ новый бракъ. Притомъ такая возможность не простирается въ безконечность; третій бракъ составляется уже крайній предѣлъ, за который никому не позволяетъ преступать, такъ что четвертый бракъ окончательно запрещается и считается незаконнымъ. Мало того, даже второй и третій бракъ допускаются не иначе, какъ подъ условіемъ церковной спиритуальности. Ничего подобнаго въ исламѣ пѣтъ. Здѣсь напротивъ допускается полная свобода мужу при живой женѣ вступать въ новое супружество и еще до четырехъ разъ — свободному и до двухъ разъ — рабу, такъ что по закону Мухаммѣда свободному мужчинѣ позволено жениться на четырехъ женахъ въ одно время, а рабу — на двухъ²). Мусульманскіе юристы,

¹⁾ Beschreibung von Arabien, S. 35—39.

²⁾ Коранъ гл. 4, ст. 3. Ср. прилож. 3-е, стр. 48. На этомъ законѣ отражаются слѣды талмудическаго влиянія, такъ какъ талмудъ дозволяетъ жениться на четырехъ же женахъ. — Mills, Histoire du mahometisme, p. 362.

следуя въ точности предписанию Корана, не только не оставляли и не отвергали этого установления, напротивъ всегда съ особенностью благосклонностью принимали его. Они даже не находили и не находятъ преимущества въ моногаміи, а отдаютъ его, если не полигаміи въ тѣсномъ смыслѣ, то бигаміи на томъ основаніи, что Мухаммедъ, узаконяя въ Коранѣ многоженство, не упомянулъ даже о единоженствѣ, а сказалъ, что его послѣдователи могутъ брать себѣ или *две*, или *три*, или *четыре жены*¹⁾. Если законовѣды и дѣлаютъ въ этомъ случаѣ какія-нибудь ограничения, то лишь въ нѣкоторыхъ чисто вѣщнихъ условіяхъ, напр. запрещаютъ бракъ свободного мужчины съ рабою, когда онъ уже женатъ на свободной женщины²⁾. Но ни одному мусульманину никогда и на умъ не приходило считать дозволеніе многоженства позорнымъ и вреднымъ. Напротивъ, написано много сочиненій, въ которыхъ ученые мусульманскіе стараются разными путями доказать законность этого беззаконнаго учрежденія. Притомъ нужно замѣтить, что полигамія, допущенная Мухаммедомъ, не ограничивается четырьмя женами, — она простирается еще дальше. Мухаммедъ позволилъ своимъ послѣдователямъ имѣть сверхъ четырехъ законныхъ женъ столько konkubinъ или наложницъ, пользоваться столькими рабынями, сколько позволяютъ имъ материальныя средства³⁾. Вѣдь съ не позабылся положить и того вольнаго предѣла, какой положилъ относительно законныхъ женъ, а предоставилъ полнѣшую свободу своимъ послѣдователямъ. Защищатели ислама всегда стремились поддержать это, потворствующее чувственности, учрежденіе; всѣ они допускали такое же неограниченное число женъ⁴⁾. Этимъ еще не удовлетворилось ихъ чрезмѣрное стремленіе къ чувственности и разврату. Шіиты сверхъ всего этого еще допустили бракъ *временный*, который впрочемъ сюннитами отвергается⁵⁾. Этотъ бракъ, по учепію шіитовъ, можно заключать на извѣстный срокъ, который не

¹⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 3. Въ русскомъ переводе этого места Корана не выражаетъ этой мысли, по буквальному переводу съ подлишника оно читается: «позволяется вамъ жениться на томъ, что вамъ угодно изъ женщинъ: на двухъ, на трехъ, на четырехъ». См. приложение 2-е, стр. 39—40.

²⁾ Приложение 3-е стр. 49.

³⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 29.

⁴⁾ См. приложение 3-е, стр. 48—49. Торнау, 137 стр.

⁵⁾ Торнау, 160—161 стр. Срав. приложение 3-е стр. 45.

можетъ быть больше 99 лѣтъ и меньше пѣсъколькихъ часовъ¹⁾. Здѣсь уже предоставляется полигамій просторъ чувственныиъ наклонностямъ мусульманъ. Захотѣлось мусульманину вступить въ плотское сожитіе, онъ тотчасъ нанимаетъ себѣ жену на извѣстный срокъ за извѣстную плату; можетъ даже панять ее на пѣсъколько часовъ. Супружество за извѣстную плату и на пѣсъколько часовъ! Чѣмъ это отличается отъ самаго грубаго разрвата? Это даже хуже блуда, потому что тотъ ни однѣмъ общественнымъ постановленіемъ не признается законнымъ, а этомъ блудъ совершается подъ покровительствомъ закона, подъ сѣнью религіи. Въ Персіи обыкновенно пользуются этимъ бракомъ, отправляясь куда-нибудь изъ мѣста своего жительства и не желая брать съ собой жены²⁾. Легко, удобно и выгодно, но только крайне безнравственно! Такимъ образомъ мы видимъ, что Мухаммѣдъ не положилъ никакого предѣла, не оказалъ никакого сдерживающаго вліянія для чувственной наклонности человѣка. Мухаммѣдинъ можетъ предаваться своимъ плотскимъ похотямъ столько, сколько пожелаетъ, потому что нѣть никакого предѣла, который бы онъ не могъ преступить въ количествѣ своихъ женъ. Бери сколько угодно женъ и паслаждайся ими—вотъ девизъ мусульманскаго брака, допускающаго такую крайнюю полигамію. Нельзя полагать чтобы прочія постановленія относительно четырехъ законныхъ женъ и безчисленнаго множества невольницъ склонились къ тому, чтобы положить предѣлы полигаміи. Духъ ислама не таковъ, чтобы заботиться обѣ этомъ. Если и существуютъ въ исламѣ пѣкоторыя слабыя преграды этому, то лишь только въ постановленіи содерѣжать всѣхъ женъ *одинаково*³⁾ и давать всѣмъ имъ одинаковое помѣщеніе совершение отдѣльное другъ отъ друга⁴⁾. Изъ этого равенства исключаются konkubины и рабыни, относительно которыхъ можно и не соблюдать этого равенства. Но указанное постановленіе составляестъ весьма слабое ограниченіе полигаміи. Однаковос содерѣжаніе женъ отдѣльно другъ отъ друга едва ли можетъ служить препятствіемъ для полигаміи особенно на Востокѣ, гдѣ это ничего не стоить и гдѣ

1) Отеч. Записки 1855 г. СІ т. 69 стр.

2) Отеч. Записки 1855 г. СІ т. 69—70 стр.

3) См. приложение 3-е стр. 61; си. Торнау, 148 стр.

4) См. приложение 3-е, стр. 103.

жена можетъ содержать себя совершенно самостоятельно и даже можетъ пропитывать мужа, какъ нерѣдко и случается на практикѣ, хотя вопреки закону, повелѣвающему мужу пропитывать жену.

Нѣкоторыя постановленія ислама даже способствуютъ полигаміи и громадному развитію наложничества, хотя и не прямо, а посредственno. Самое главное изъ средствъ, способствующихъ развитію полигаміи, по нашему мнѣнію, заключается въ законоположеніи, которымъ исламъ призналъ законными дѣтей наложницъ и уравнялъ ихъ во всѣхъ правахъ съ законными дѣтьми; для законности требуется лишь одно признаніе мужа, что это дитя его¹⁾). Этимъ исламъ уничтожилъ одну изъ самыхъ сильныхъ преградъ для наложничества, именно боязнь произвести на свѣтъ дитя, лишенное съ первого дня рожденія всѣхъ правъ законнаго дитяти. Въ самомъ дѣлѣ если бы не было этого постановленія, не всякая женщина согласилась бы вступить въ число наложницъ извѣстнаго мужчины, и даже можетъ быть очень немногого нашлось бы подобныхъ женщинъ, потому что онъ боялись бы видѣть свое дитя, обреченнымъ на вѣчный позоръ и безправность. Но теперь эта довольно сильная нравственная преграда уничтожена благодаря постановленію Мухаммеда о признаніи законныхъ правъ за дѣтьми, прижитыми съ наложницей.

Нравственную распущенность, обнаруживающуюся въ полигаміи, мусульманскіе ученые старались и стараются оправдать разными хитрыми и остроумными доводами, но едва ли хотя одинъ человѣкъ, не потерявшій нравственного чувства, станетъ считать такую безграницную полигамію сколько-нибудь терпимою съ нравственной точки зрењія. Въ защиту ея обыкновенно ссылаются на жаркія страны, гдѣ будто бы она составляетъ необходимость по относительному числу мужчинъ и женщинъ. Едва ли нужно опровергать это болѣе или менѣе серьезно, потому что вездѣ отношеніе между числомъ мужчинъ и женщинъ въ общихъ чертахъ одинаково и количество того и другаго пола почти вездѣ равно, исключая немногихъ колебаній въ пользу того или другаго. То же самое явленіе замѣчается и на Востокѣ. Правда, здѣсь не существуетъ еще такихъ

¹⁾ Torneau, 166—168 стр. Sale, p. 519. Reland, la religion des Mahometans, § XXXII.

точныхъ росписей, какъ въ европейскихъ государствахъ, чтобы можно было съ увѣренностью и письмѣнностью сказать, сколько находится мужчинъ и женщинъ на Востокѣ; по приводимымъ путешественникамъ таблицы народонаселенія извѣстныхъ городовъ показываютъ, что число мужчинъ и женщинъ постоянно колеблется и нигдѣ не замѣчается зачительного большинства женского пола предъ мужскимъ, такъ что вообще Востокъ въ этомъ отношеніи не разнится существенно отъ странъ Запада¹⁾. Но допустимъ даже, что на Востокѣ число женщинъ большие числа мужчинъ; можетъ ли это служить оправданіемъ полигаміи? Конечно пѣтъ, потому что во всякомъ случаѣ этотъ перевѣсъ женского народонаселенія настолько ничтоженъ, что никакъ не можетъ удовлетворять потребности полигаміи, не производя многихъ вредныхъ послѣствій за недостаткомъ женщинъ. Какъ же достаетъ женщинъ при полигаміи ислама на Востокѣ, если число ихъ не превышаетъ зачительно, или даже сколько-нибудь, числа мужчинъ? Недостатокъ женщинъ въ странахъ мусульманскихъ пополняется чужеземными женщиными; полигамія всегда существуетъ на счетъ другихъ странъ. Никакая страна при сильно распространенной полигаміи не можетъ существовать иначе, какъ только похищая въ другихъ странахъ женщинъ, которыхъ потребны для удовлетворенія искаснѣтной потребности сластолюбія полигамистовъ. Къ этому присоединяется еще другая причина, которая значительно облегчаетъ мусульманамъ доставку себѣ многихъ женъ, именно стремленіе женщинъ какъ можно скорѣе выйти замужъ, благодаря угрозамъ Мухаммеда, что въ противномъ случаѣ они не войдутъ даже и въ рай.

Нельзя извинить Мухаммеда полигаміи потому только, что онъ и всѣ его первые послѣдователи были сынами юга, гдѣ самыя свойства климата способствуетъ чувственой наклонности и увеличиваютъ въ людяхъ страсть къ сластолюбію. Правда, климатъ юга болѣе возбуждаетъ чувственность, нежели климатъ холодныхъ и умѣренныхъ странъ, но эта чувственность не такъ непреодолима вслѣдствіе климатическихъ условій, чтобы не было никакой надежды бороться съ нею. Были же примѣры самой строгой моногаміи въ тѣхъ же са-

¹⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 71—73. Здѣсь приведены таблицы рожденія мальчиковъ и девочекъ въ пѣкоторыхъ городахъ Востока.

мыхъ странахъ, гдѣ теперь развивается знамя ислама. Мало того, въ странахъ ислама прославилось много лицъ совершил-
нымъ безбрачіемъ. Христіанінъ всегда во всѣхъ странахъ¹ постоянно довольствовался одною женою, никогда не впадая въ полигамію, хотя жилъ въ самыхъ жаркихъ странахъ. Изъ этого примѣра христіанъ видно, что полигамія не составляеть неизбѣжнаго условія жаркихъ странъ Востока, какъ обыкно-
венно думаютъ; ее всегда можно удержать мудрыми постанов-
леніями. Конечно, первая обязанность уничтожить ее лежить на религіи, которая является для того, чтобы возвысить нрав-
ственность людей, вдоворить между ними вмѣсть съ этимъ²
правильныя отношенія и благотворно подѣйствовать на соці-
альную жизнь народовъ. Если исламъ явился съ притязаніемъ³
на всемірную религію, именемъ посланную отъ Бога, то всякий въ
правъ требовать отъ него нравственной строгости брачного
законодательства, и Мухаммеду нельзя извинить распущенности
и крайней степени полигаміи, хотя бы условія страны и спо-
собствовали этому. Религія должна стать выше чувственныхъ
побуждений человѣка, должна регулировать ихъ, а не подчи-
няться имъ. Здѣсь-то въ полномъ свѣтѣ открывается то гро-
мадное различіе, какое лежитъ въ этомъ отношеніи между
христіанствомъ и исламомъ. Строгое единство одного и край-
ней степень полигаміи другаго рѣшительно не даютъ ни малѣйшей возможности хотя сколько-нибудь сгладить это гро-
мадное различіе. Христіанство считаетъ бракъ союзомъ двухъ
нравственно свободныхъ личностей, потому никакъ не могло
допустить, чтобы всецѣлая преданность одного супруга могла
быть нарушена свободой другаго. Оно считаетъ и мужа равно
обязаннымъ сохранять вѣрность по отношению къ женѣ, какъ
и жену по отношению къ мужу, такъ что по мысли Апостола
жена не владѣеть своимъ тѣломъ, а мужъ; и мужъ не владѣ-
еть своимъ тѣломъ, а жена¹). Мусульманство жестоко попи-
раетъ эту равноправность супруговъ и уничтожаетъ одпо изъ
самыхъ естественныхъ и необходимыхъ условій законности
брака, именно всецѣлую преданность супруговъ другъ другу.
Исламъ, считая женщину гораздо ниже мужчины, рабой своего
мужа, никакъ не можетъ согласиться съ мыслю, что мужъ
обязанъ всецѣло принадлежать женѣ. Но мысли ислама, толь-

¹⁾ I Корине. гл. 7, ст. 4.

ко одна жена обязана вполнѣ принадлежать мужу, а мужъ имѣть право присоединить къ прежней женѣ еще другую, третью и такъ далѣе до безконечности, если принять въ это число и рабынь или вообще наложницъ. Такая полигамія можетъ существовать только благодаря сильному униженію женщины, допущенному исламомъ, хотя и сама взаимно производить то же униженіе женщины. Полигамія ислама и строгая моногамія христіанства зависить также и отъ самого характера того и другого брака. Вслѣдствіе религіознаго и высоко-нравственнаго характера, какой носитъ бракъ христіанскій, въ немъ не могли быть терпимы такая чувственность и развращеніе, какія представляютъ намъ браки полигамическіе. Напротивъ мусульманскій бракъ, будучи только учрежденіемъ чисто гражданскаго характера, какъ только плотское сожитіе мужа и жены, нисколько не представляетъ самъ по себѣ препрѣдѣлъ этой чувственности и полигаміи.

Мухаммаданское законодательство о препятствіяхъ ко вступлению въ бракъ.

При такомъ громадномъ различіи, которое лежитъ между христіапскимъ и мусульманскимъ бракомъ въ ихъ основахъ, напрасно мы стали бы во всѣхъ другихъ сторонахъ ихъ искать близкаго сходства; во всѣхъ прочихъ закопоположеніяхъ о бракѣ исламъ и христіанство также далеко отстоятъ другъ отъ друга. Прослѣдимъ это различіе въ тѣхъ препятствіяхъ, какія поставлены тою и другою религіей для заключенія брака. Разсматривая христіанскій бракъ мы видѣли¹⁾ , что препятствіемъ къ нему служить обѣть дѣвства, священный санъ и различіе религій; обращаясь къ браку въ исламѣ, мы замѣчаемъ, что этихъ препятствій здѣсь не существуетъ, а если нѣкоторыя, напр. различіе религій, и допущены, то имъ приданъ такой оттѣнокъ, что они совершенно теряютъ свой характеръ.

Выше мы сказали, что исламъ не допускаетъ монашества, а отдаетъ предпочтеніе брачной жизни и даже совершенно запрещаетъ безбрачную жизнь, благодаря грубо чувственному характеру всего мусульманскаго міра и самого Мухаммада. Этимъ самимъ въ исламѣ уничтожается одно изъ существен-

¹⁾ См. выше, стр. 46—51.

пыхъ и главиъшихъ препятствій для законности брака, которая поставило христіанство.

По той же причинѣ Мухаммѣдъ уничтожилъ и другое препятствіе къ браку, именно священный санъ. Христіанство требуетъ очень строгой воздержности и нравственной чистоты вообще отъ всѣхъ своихъ послѣдователей; тѣмъ болѣе оно должно было требовать ее отъ пастырей церкви, которыя должны быть образцами для своихъ пасомыхъ. Потому если кто поступалъ въ клиръ безбрачнымъ, то онъ былъ лишенъ права вступать въ бракъ. Мухаммѣдаиство конечно далеко отъ такого чистаго идеала нравственности и потому дозволяетъ бракъ своимъ служителямъ религіи, которые, нужно замѣтить, въ немъ и не составляютъ богоучрежденной іерархіи, какъ въ христіанствѣ, а суть не болѣе, какъ тѣ же простые вѣрующіе, поставленные только въ должности чиновниковъ для наблюденія за чистотою нравственности мусульманъ и для руководства въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Исламъ никогда не требовалъ отъ нихъ высокой чистоты нравовъ; онъ дозволилъ имъ вступать въ бракъ столько разъ, сколько они вздумаютъ, жениться на столькихъ женахъ, на сколькихъ они пожелаютъ. Исламъ не требуетъ отъ муллъ и муфтіевъ воздержности въ бракѣ, потому что въ принципѣ отрицаетъ эту воздержность и проповѣдуетъ на мѣсто ея полную свободу чувственныхъ наслажденій.

Исламъ смотритъ на бракъ, какъ на простое сожитіе двухъ лицъ разнаго пола; онъ не придаетъ ему никакого религіознаго характера и значенія. Цѣлью брака исламъ поставляетъ не свободно-нравственное единеніе супруговъ, не взаимную нравственную поддержку ихъ, не воспитаніе дѣтей, какъ это дѣлаетъ христіанство. Нѣтъ, онъ достигаетъ чрезъ бракъ одного лишь плотскаго сожитія двухъ лицъ разнаго пола и больше ничего; все остальное опущено. Вслѣдствіе этого исламъ и не обращаетъ строгаго вниманія на различіе религій супруговъ. Что за важность, какую религію исповѣдуется супруга, если она назначается для одного чувственнаго удовлетворенія мужа. Если бракъ имѣеть цѣлью только чувственное плотское сожитіе, то для чего обращать вниманіе на различіе религій супруговъ? Это совершенно излишне. Потому исламъ дозволяетъ мусульманамъ жениться на христіанкахъ и юдейкахъ, запрещаетъ жениться только на язычницахъ. Но мусуль-

макамъ онъ не позволяетъ вступать въ бракъ съ христіанами и іудеями¹). Если исламъ и запрещаетъ бракъ съ язычницами, то пигдѣ не думаетъ мотивировать это тѣми причинами, какими мотивируетъ это запрещеніе христіанство. Онъ просто запрещаетъ этотъ бракъ какъ гнусный, а не какъ опасный для вѣры и воспитанія дѣтей и даже для мирнаго сожитія и религіознаго единенія самихъ супруговъ. Впрочемъ исламъ и не допускаетъ этого единенія между супружами. Въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть рѣчь о религіозномъ единеніи супруговъ, когда жена раба мужа? Тутъ можетъ быть только вполнѣ рабство съ одной стороны и крайній деспотизмъ съ другой. Поэтому исламъ и не считаетъ нужнымъ распространяться объ этомъ единеніи между супружами, а тѣмъ болѣе полагать его въ основу запрещенія вступать въ бракъ съ женщинами другой религіи и вѣроисповѣданія. О нравственно-религіозной поддержкѣ между супружами въ исламѣ также не можетъ быть рѣчи, потому что жена—раба мужа не совѣтовать что-нибудь своему господину—мужу, не поддерживать его должна, а только повиноваться ему безпрекословно. Если не можетъ быть этой поддержки при различіи религій, то исламъ и не нуждается въ ней; онъ уничтожилъ ее уже давно своимъ принципомъ совершеннаго подчиненія въ бракѣ жены мужу. Кроме того еще сильно бросается въ глаза крайнее неравенство въ этомъ отношеніи между мусульманами и мусульманками. Первымъ Мухаммѣдъ позволилъ жениться на женщинахъ другихъ религій, послѣднимъ запретилъ выходить за мужей-илювѣрцевъ. Что значитъ эта привилегія, которая дарована только однѣмъ мужчинамъ и въ которой отказано женщинамъ? Ничто иное, какъ потворство чувственности мусульманъ со стороны Мухаммѣда. Мухаммѣдъ не хотѣлъ лишить своихъ послѣдователей права наслаждаться женщинами другихъ религій, но запретилъ мусульманкамъ вступать въ бракъ съ илювѣрцами, чтобы этимъ отстранить отъ мусульманъ опасность уменьшения числа женъ, словомъ—все клонится къ тому, чтобы польстить, какъ можно больше, чувственности своихъ поклонниковъ. Въ этомъ участвовала еще другая причина, имѣюшая взглядъ ислама на брачныя отношенія супруговъ. Эти отно-

¹) См. приложение 3-е, стр. 47—48; Торчау, 138 стр. Этотъ законъ основанъ на Коранѣ. См. гл. 2, ст. 220; гл. 60, ст. 10—13.

шенія суть отнoшeнія рабы къ господину и господина къ рабу; здѣсь ничего равноправного, дружественного быть не можетъ. Мухаммѣдъ позволилъ своимъ послѣдователямъ жениться на христіанкахъ и іудейкахъ, потому что опѣ никакъ не могъ допустить вліянія жены на мужа настолько сильное, чтобы чрезъ это представлялась хоть какая-нибудь опасность для вѣры,—обязанность жены повиноваться рабски, а не дѣлать совѣтовъ и не высказывать своихъ убѣждений и мнѣній. Но онъ запретилъ мусульманкамъ выходить за-мужъ за христіанъ и іудеевъ, такъ какъ тутъ представлялась полнѣйшая возможность и даже неизбѣжность вѣроотступничества жены, которая есть послушная раба своего мужа. Такимъ образомъ тѣ препятствія къ браку, которыя поставило христіанство, исламъ или уничтожилъ, какъ спасительная для чувственности, или настолько измѣнилъ, что они потеряли тотъ возвышенный основной характеръ, какимъ отличаются вѣроотступничество, а получили совершенно другой характеръ, носящий на себѣ следы чувственности и рабскаго униженія женщины.

Мухаммѣданское законодательство о разводѣ.

Самое главное и рѣзкое отличіе между христіанскимъ и мусульманскимъ бракомъ составляетъ полигамія, безусловно изгнанная и уничтоженная вѣроотступничествомъ и напротивъ доведенная до крайней степени развитія вѣроотступничествомъ. Второе мѣсто послѣ полигаміи можетъ по всей справедливости занимать разводъ. Христіанство рѣшительно не допускаетъ развода, какъ только по винѣ прелюбодѣянія, основываясь на точныхъ словахъ Спасителя. Этимъ оно павсегда спасло узы брака отъ разрыва и сдѣлало ихъ священными и ненарушимыми. Не то совершенно намъ представляется исламъ. Низведя бракъ на степень гражданскаго договора, найдя жены за извѣстную плату, видя вѣ бракѣ только простое сожитіе двухъ лицъ разнаго пола, исламъ неизбѣжно долженъ былъ допустить и разводъ, за который только разводящійся супругъ, какъ наруинитель гражданскаго договора, долженъ заплатить неустойку, что вѣ перевѣдѣ на языкъ мусульманскаго законодательства о бракѣ значитъ, что мужъ при разводѣ долженъ выплатить женѣ все приданое (макѣт). Поэтому исламъ никогда не могъ возвыситься до нерасторжимости брака, а всегда допускалъ разводъ и даже самый крайній произволъ вѣ

немъ, вручая это право почти исключительно мужу и только въ крайнихъ случаяхъ предоставляемъ его и женѣ. Разводъ въ мусульманствѣ былъ необходимымъ слѣдствіемъ полигаміи. Мужчинѣ предоставлено право брать столько женъ, сколько онъ вздумаетъ и на сколько у него достанетъ состоянія. Развѣ можетъ существовать такая безграницная полигамія безъ развода. При безчисленномъ множествѣ женъ не можетъ быть, чтобы мужъ всю жизнь оставался съ ними въ мирѣ, согласіи и любви; здѣсь непремѣнно произойдетъ неудовольствіе, а за нимъ и разводъ. И самый разводъ есть не что иное какъ полигамія и отличается отъ полигаміи въ буквальномъ смыслѣ только по формѣ: полигамія есть многоженство одновременное, разводъ есть многоженство постепенное и разновременное; въ сущности полигамія и разводъ одно и то же. Они всегда неразлучны другъ съ другомъ; полигамія безъ развода не мыслима. Поэтому-то Мухаммѣдъ, допустивши для своихъ послѣдователей одно зло, именно полигамію, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ допустить и другое зло — разводъ, младшаго брака полигаміи. И какъ полигамію Мухаммѣдъ не ограничилъ, строго говоря никакими предѣлами, такъ и на разводъ онъ не окказалъ никакого сдерживающаго вліянія. Всѣ постановленія ислама письмомъ не клонятся къ тому, чтобы положить границы этому недостатку. Мухаммѣдъ не требуетъ никакой формальности при разводѣ, никакого письменного акта, какъ это было даже у іудеевъ. Такимъ образомъ разводъ въ исламѣ всегда служилъ орудіемъ чувственности мусульманъ, которые благодаря ему могутъ сколько угодно разъ разводиться и жениться на другихъ жснахъ или на тѣхъ же самыхъ. Правда, Мухаммѣдъ запретилъ разводиться по одному сладострастію, какъ говорить преданіе¹⁾; но это конечно не можетъ положить никакой преграды для развода, потому что это только совѣтъ, который стонть въ совершилномъ контрастѣ со всѣмъ духомъ мусульманскаго законоположенія о разводѣ. Больше всего нась поражаетъ въ этомъ постановленіи о разводѣ крайняя неправильность мужа и жены.

Исламъ оставляетъ разводъ почти исключительно въ рукахъ мужа и почти совершенно лишаетъ этого права жену.

1) Подробное изложеніе законоположенія о разводѣ см. въ приложениі 3-мъ стр. 64—109.

Мужъ можетъ развестись съ женою по одному только желанію, по одпой прихоти своей воли; онъ можетъ сказать своей женѣ: „я развозжусъ съ тобою“, — и жена разведена. Жена же не можетъ требовать отъ мужа возстановленія супружества, не имѣть права искать на него суда. Мужъ можетъ изречь клятву на жену, и она, какъ запрещенная для него, должна удалиться отъ него; онъ можетъ сравнить ее съ матерью или другою женщиной — родственницей въ такой степени, въ которой запрещенъ бракъ, и жена становится для него непригодною; она должна поскорѣе убраться отъ него. Но и безъ этихъ пріемовъ мужъ можетъ развестись по одной лишь прихоти, и жена, какъ покорная раба, не возражая ни слова, должна считать себя разведенною. Жена лишена подобного права; она не можетъ развестись съ мужемъ по своему только желанію. Она можетъ развестись съ мужемъ только по самымъ уважительнымъ причинамъ и то съ большими невыгодами для себя. Она можетъ развестись съ мужемъ только при неспособности его къ исполненію супружескихъ обязанностей, при нежеланіи съ его стороны исполнять ихъ, при заразительной болѣзни его и при исполненіи имъ супружескихъ обязанностей неестественнымъ образомъ. И въ этихъ случаяхъ жена можетъ развестись не сама собой, а по рѣшенію казыя, которому она предъявляетъ свое требованіе, словесно излагая причины къ разводу, а при послѣдней причинѣ развода употребляетъ извѣстный знакъ, именно переворачиваетъ предъ казыемъ свой башмакъ вверхъ подошвой¹⁾. Только тогда, когда казый рѣшилъ, жена можетъ достигнуть развода.

Еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ представляется эта безправность жены и полнѣйший деспотизмъ, мужа, если упомянемъ постановленіи, которое также клонится къ тому, чтобы какъ можно болѣе лишить жену права на разводъ, а предоставить его исключительно мужу. Это — *гыддатъ*. Гыддатомъ въ мусульманскомъ законовѣдѣніи называется извѣстная продолжительность времени, которое жена должна провести послѣ развода или послѣ смерти мужа, не имѣя права вступать въ новое супружество. Гыддатъ по мусульманскому закону имѣть различную продолжительность, смотря по тѣмъ случаямъ, вслѣдствіе которыхъ онъ соблюдается. Гыддатъ для свободной жен-

¹⁾ Библіотека для членія. 1860 г. 162 т. Ноябрь, стр. 17—18.

щины продолжается четыре мѣсяца и десять дней, а для рабы половину этого срока. Для беременной женщины гыддатъ продолжается до дня рожденія дитяти, если это будетъ не раньше четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней, въ противномъ случаѣ четыре мѣсяца и десять дней¹). Это — гыддатъ по смерти мужа. Послѣ развода бываетъ другой срокъ гыддата, именно для свободной женщины время *трехъ очищений*, а для рабы *двухъ*; для женщинъ же, не имѣющихъ очищений по болѣзни, или по старости, или по молодости — три луныихъ мѣсяца; для беременной женщины — время окончанія родовъ²). Во время гыддата женщина должна удаляться отъ всѣхъ удовольствій, должна скрупляться, что она лишена удовольствій брачной жизни; она не должна поэтому носить никакихъ украшений. Въ продолженіи всего гыддата по разводѣ она находится въ полной власти мужа, который можетъ снова возобновить съ нею супружеское сожитіе до окончанія гыддата³). Мужъ же самъ свободенъ отъ соблюденія гыддата. — Не показываетъ ли это, что женщина краине унижена въ бракѣ, гдѣ все направляется къ тому, чтобы способствовать похоти мужа и стѣснить свободу жены; въ брачныхъ отношеніяхъ и разводѣ она является полною рабою мужа. Мухаммѣдъ постановилъ, что для полного развода нужно развестись *три* раза; до окончанія этихъ разводовъ и гыддата послѣ нихъ мужъ можетъ снова возвратить къ себѣ свою жену; но послѣ этого онъ уже не можетъ возобновить бракъ, до тѣхъ поръ пока она не выйдетъ за-мужъ за другаго и будетъ съ пимъ разведенa, или онъ умретъ⁴). Правда, это постановленіе можетъ положить иѣкоторое ограниченіе разводамъ по гиѣзу и запальчивости и дастъ мужу время одуматься и спою возвратить къ себѣ жену; оно можетъ удержать ревниваго отъ развода тѣмъ, что послѣ троекратнаго произнесенія развода онъ можетъ возобновить бракъ только

1) См. приложеніе 3-е, стр. 92—97. Торнау, 158—160 стр. Основаніе см. въ Коранѣ гл. 2, ст. 234. Гыддатъ имѣеть сходство съ одиањемъ іудейскимъ постановленіемъ, обязывающимъ жену уклоняться въ продолженіи иѣкотораго времени отъ новаго супружества послѣ прежняго.—Sale, p. 517—519.

2) См. приложеніе 3-е, стр. 92; ср. Торнау, 336—337 стр. Основаніе см. въ Коранѣ гл. 2, ст. 228.

3) Коранъ гл. 2, ст. 230, 236.

4) Коранъ, гл. 2, ст. 228—233. См. прил. 3-е, стр. 78—81; Торнау, стр. 336—337.

послѣ того, какъ жена его побываетъ за другимъ мужемъ. Вотъ одна хотя и шаткая и реграда, но все же преграда; при нылкой восточной натурѣ она необходима. Но нельзя не признаться, что этимъ закономъ не полагается никакой твердой опоры для неразрывности брачныхъ узъ. Притомъ нельзя не удивляться, какъ могло позволить Мухаммedu нравственное чувство издать такое законоположеніе, по которому мужъ послѣ трехъ разводовъ можетъ снова вступить въ бракъ съ прежней женой послѣ того, какъ она вступала въ супружество съ другимъ и освободилась отъ него. Это крайняя несообразность съ нравственными требованіями.

Можно повидимому предполагать, что Мухаммедъ поставилъ необходимымъ при разводѣ одно условіе, сильно препятствующее ему,—это именно приданое (*мажрѣ*), которое должно быть уплачено женѣ, если разводъ совершился по волѣ мужа, безъ вины со стороны жены¹⁾). Но это учрежденіе не достигаетъ своей цѣли, если только оно и имѣетъ своею цѣлью воспрепятствовать разводу. Мы будемъ еще имѣть случай коснуться этого предмета, когда будемъ говорить о вліяніи мусульманскаго брака па жизнь. Здѣсь же мы только замѣтимъ, что мужъ, при полномъ деспотизмѣ своемъ, можетъ насилино принудить жену отъ своего лица искать развода и чрезъ то лишиться приданаго. Вотъ въ краткихъ чертахъ законоположеніе ислама о разводѣ.

Кажется, будто въ полномъ противорѣчіи съ постаповленіями о разводѣ и вообщѣ о цѣломъ бракѣ стоитъ ученіе Мухаммeda о парушепіи супружеской вѣрности, относительно которой почти уравнены оба пола, мужъ и жена. Но Мухаммѣдъ поставилъ обѣ этомъ слѣдующее: „если кто обвиняетъ свою жену въ прелюбодѣяніи, тотъ долженъ представить четырехъ свидѣтелей — мужчинъ. Если же нѣтъ свидѣтелей, то мужъ долженъ произнести клятву четыре раза и въ пятый разъ привзвать на себя проклятие Божіе въ случаѣ несправедливости обвиненія. Если то же самое сдѣлаетъ и жена, то она не наказывается, но бракъ расторгается. Если же кто-нибудь другой, кромѣ мужа, обвиняется женщину въ прелюбодѣяніи и не докажетъ обвиненія, то наказывается 80-ю ударовъ розгами. Если же прелюбодѣяніе будетъ доказано, то виновники нака-

1) См. приложеніе 3-е, стр. 53—57.

зываются ста ударами плетей и имъ позволяет вступать въ новый бракъ только съ прелюбодѣйцами же¹⁾). Повидимому такое строгое наказаніе за прелюбодѣяніе не согласно съ тѣми чувственными чертами, какія обнаруживаются во всемъ законодательствѣ ислама о бракѣ. Но если мы вникнемъ въ духъ этого закона, то намъ не трудно будетъ замѣтить, что и здѣсь Мухаммѣдъ остался вѣрнымъ своему принципу. Онъ видѣть въ бракѣ только чувственныя отношенія, разсматривалъ жену какъ собственность мужа. Поэтому вполнѣ естественно онъ долженъ быть смотрѣть на прелюбодѣяніе, какъ на похищеніе чужой собственности и наказывать его очень строго. Съ другой стороны Мухаммѣдъ имѣть въ виду обезопасить и успокоить ревность мусульманъ, налагая за прелюбодѣяніе строгое наказаніе не только на женщину, но и на мужчину. Такая строгость не есть плодъ нравственного ригоризма, а вполнѣ запечатлѣна духомъ чувственного взгляда на женщину, такъ что христианство, не полагающее никакого тѣлеснаго наказанія за прелюбодѣяніе, какъ за дѣло совѣсти, стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше ислама. Рассматривая бракъ, какъ религіозный актъ, христианство не могло опредѣлить физического наказанія за нарушеніе его.

Такимъ образомъ мусульманскій бракъ во всѣхъ своихъ чертахъ, не только главныхъ, но и второстепенныхъ, отличается отъ христианскаго и отличается чрезвычайно рѣзко. Какъ этотъ запечатлѣнъ духомъ нравственной чистоты, неразрывности, равноправности супруговъ, какъ человѣческихъ личностей; такъ напротивъ тотъ носитъ на себѣ слѣды грубой чувственности, полного униженія жены и безграличного деспотизма мужа, а потому не представляетъ никакой прочности и постоянства. Всѣ отличительныя черты того и другаго брака находятся въ строгой зависимости отъ основнаго принципа. Христосъ возвысилъ бракъ до степени таинства, сдѣлать его образомъ единенія Своего съ Церковью. При такомъ высокомъ положеніи бракъ христианскій не могъ не быть высоко-правственнымъ учрежденіемъ. Напротивъ исламъ, низведя бракъ до степени простаго плотскаго сожитія мужа и жены, лишилъ его религіознаго характера и тѣмъ самымъ унизилъ его до послѣдней степени и во всѣхъ частныхъ чертахъ. Благодаря

¹⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 2—9 и 23—27.

этому основному принципу, мусульманский бракъ и во всѣхъ своихъ частяхъ проникнуть духомъ чувственности. При изложении христіанского законодательства о бракѣ мы замѣтили, что на чистоту нравственныхъ отношеній между супругами и на самыя основы брака вліялъ высоконравственный характеръ личности Спасителя; на христіанскомъ бракѣ вполнѣ отразился характеръ Иисуса Христа. Вслѣдствіе этой-то зависимости извѣстнаго учрежденія отъ лица самого учредителя и мусульманский бракъ получилъ свой основной характеръ, благодаря извѣстному нравственному состоянію самого Мухаммеда. Никто не можетъ отрицать чувственного характера основателя ислама. Основы мусульманского брака проникнуты чувственностью, благодаря конечному чувственному характеру самого Мухаммеда. Мухаммѣдъ обладалъ самою страстью натурою и не зналъ предѣловъ своей чувственности. Онъ не стѣснялся самъ признаваться въ этомъ, говоря, что ему больше всего на свѣтѣ нравятся женщины и благовонія¹⁾. Даже въ минуты молитвы не покидали его чувственныя мечты и сладострастныя картины; даже въ мечети во время богослуженія онъ часто забавлялся игрою со своею любимой женой Айшою,—игрою, которая менѣе всего прилична молитвѣ²⁾. Впрочемъ, при первой женѣ, Хадиджѣ, Мухаммѣдъ былъ умѣренѣе въ своихъ страстныхъ наклонностяхъ; онъ довольствовался ею одною и до самой смерти ся оставался одноженцемъ. И кто знасть, можетъ быть, если бы Хадиджа пережила Мухаммѣда, въ исламѣ не было бы полигаміи и крайней разгульности страстей въ бракѣ. По крайней мѣрѣ тѣ главы Корана, которыя Мухаммѣдъ обнародовалъ при жизни Хадиджи, пигдѣ не содѣржать учепія о полигаміи и отличаются болѣе или менѣе уваженіемъ къ женщинѣ; напротивъ тѣ главы, которыя появились послѣ смерти ся, имѣютъ крайне полигамическое направлениe³⁾. Лишь только умерла Хадиджа, Мухаммѣдъ далъ полный просторъ своимъ чувственнымъ наклонностямъ и сладострастью; менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ онъ успѣлъ жениться на восьми женахъ, не считая кон-

1) *Essai sur l'histoire Arabes*, par A. P. Causin Perseval, T. III p. 336.

2) См. приложеніе 1-е стр. 10.

3) Напр. 4, 24, 34 главы Корана проникнуты крайнимъ полигамическимъ принципомъ, а эти главы обнародованы были Мухаммѣдомъ по смерти Хадиджи.

кубинъ; въ одномъ 626 году онъ женился на четырехъ женахъ¹⁾), такъ что даже сами Арабы начали смущаться его поведенiemъ и крайнимъ сладострастiemъ: дѣло чуть не дошло было до открытаго неудовольствія. Вслѣдствіе этого Мухаммѣдъ объявилъ, что ему Богомъ дано преимущество брать столько женъ, сколько онъ пожелаетъ²⁾). И дѣйствительно, въ сладострастіи Мухаммѣдъ дошелъ до такой крайности, что на старости лѣтъ успѣлъ жениться на четырнадцати женахъ, исключая konkubinъ³⁾). Не желая стѣснять своихъ сладострастныхъ наложеній, онъ не хотѣлъ подчиняться установленному имъ же самимъ для своихъ послѣдователей порядку провожденія ночей съ женами. Онъ предоставилъ себѣ право проводить ночи съ тою женою, съ какою захочетъ⁴⁾). Онъ дошелъ до такой степени въ страсти къ чувственности, что не устыдился самымъ постыднымъ образомъ примѣшать имя Бога къ такимъ предметамъ, такъ напр. провожденіе ночей съ своими женами и разныя дрязги своихъ женъ. Нужно быть до крайности чувственнымъ существомъ, чтобы дойти до такого богохульного распутства. Начальники арабскіе очень хорошо знали этотъ сладострастный характеръ Мухаммѣда и, желая заслужить его благосклонность, предлагали ему своихъ красивыхъ дочекъ, и посланникъ Аллаха съ несбудапою страстью бросался па эти предложения⁵⁾). Благодаря своему неограниченному сластолюбію, онъ дошелъ паконецъ до такого состоянія, которое лишило его возможности продолжать дальше свои любовныя похожденія⁶⁾). Неразлучной спутницей этого чувственного характера была ревность, въ которой онъ также не уступалъ другимъ пальмы первенства. Онъ по одному подозрѣнію въ прелюбодѣяніи повелѣлъ Алію убить подозрѣваемаго человѣка. Къ счастію тотъ оказался евнухомъ и жизни его была спасена⁷⁾). Мухаммѣду

¹⁾ Bortheneau Saint-Hilaire, Mahomet et le Coran, p. 170—178.

²⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 49—52.

³⁾ См. приложеніе 1-е стр. 6—38.

⁴⁾ Коранъ, гл. 66, ст. 1—5 и примѣчаніе къ этимъ стихамъ въ русскомъ переводе Корана Николаева.

⁵⁾ См. приложеніе 1-е стр. 32.

⁶⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 28—32; см. прил. 1-е стр. 31. Ширенгеръ приводитъ предапіе, въ которомъ говорится, что Мухаммѣдъ съ одной женой только concubit, sed non compressit eam. B. I, S. Anmerk.

⁷⁾ См. приложеніе 1-е стр. 36.

было непріятно представлениe, что его жены послѣ его смерти, или послѣ развода съ нимъ, будуть за-мужемъ за кѣмъ-нибудь другимъ; его ревность не могла съ этимъ примириться,—и онъ издаетъ законъ, запрещающій его послѣдователямъ жениться на тѣхъ женщинахъ, съ которыми онъ имѣлъ сношеніe¹⁾. Можно ли ожидать, чтобы отъ такого чувственаго, похотливаго и сладострастнаго человѣка получилось правильное и высоконравственное понятіе о бракѣ. Такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Мухаммѣдъ, могъ быть созданъ только такой бракъ, который походилъ на простое плотское сожитіе между мужчиной и женщиной. Такимъ образомъ общій духъ мусульманскаго брака, по нашему мнѣнію, носить на себѣ явные отпечатки личнаго характера самого Мухаммѣда, подобно тому, какъ бракъ христіанскій запечатлѣнъ характеромъ высоконравственной, божественной личности Спасителя.

Кромѣ этого общаго духа въ мусульманскомъ бракѣ есть и некоторые частныe постановленія, которыя появились вслѣдствіе разныхъ любовныхъ интригъ самого Мухаммѣда. Такъ, дозволеніе жениться на женахъ своихъ приемныхъ сыновей послѣ ихъ смерти или послѣ развода обязано своимъ появлениемъ единственно тому случаю, что Мухаммѣдъ самъ хотѣлъ жениться и женился на Зайнабѣ, женѣ Зайда, своего усыновленнаго раба; а такъ какъ у арабовъ это считалось кровосмѣщеніемъ и преступлениемъ, то Мухаммѣдъ кощунственно прѣбрѣгъ къ имени Божія откровенія и дозволилъ себѣ это кровосмѣщительное супружество, котораго гнушались даже арабы язычники²⁾. Другое законоположеніе, имѣнно относительно прелюбодѣянія и четырехъ свидѣтелей для доказательства его, обязано своимъ происхожденіемъ одному любовному приключенію, бывшему съ Айшой, любимой женой Мухаммѣда. Не желая подвергать наказанію свою любимую жену и не желая въ то же время и самъ подвергаться позору отъ того, что одна изъ его женъ совершила прелюбодѣяніе, предпочла его другому, Мухаммѣдъ все же былъ озабоченъ мольбою относительно дурнаго иоступка своей жены. Поэтому онъ постановилъ, что для доказательства ирелюбодѣянія нужно четыре свидѣтеля; клеветники же, не представляющіе свидѣтелей, должны быть подвергнуты

¹⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 53.

²⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 37—40. См. приложеніе 1-е стр. 25—26.

80-ти ударамъ розгами¹⁾). Этимъ онъ хотѣлъ положить предѣлы медиинскимъ сплетиямъ отпосителью Айши и остановить ихъ.

Такимъ образомъ основной характеръ мусульманскаго брака носить на себѣ черты чувственности, благодаря главнымъ образомъ чувственному характеру Мухаммеда. Съ другой стороны любовныя интриги и похожденія Мухаммеда вызвали нѣкоторыя частныя постановленія въ бракѣ, не уступающія въ чувственности общему характеру. Здѣсь обнаруживается то же явленіе, что и въ христіанскомъ бракѣ, но только съ противоположной стороны. Высоконравственному характеру Иисуса Христа обязанъ христіанскій бракъ своимъ чистымъ нравственнымъ характеромъ; напротивъ Мухаммедъ, благодаря своей чувственности и сластолюбію, создалъ бракъ крайне чувственныій.

¹⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 4.

III.

ВЛІЯНІЕ ХРИСТИАНСКАГО БРАКА НА СЕМЕЙНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЪКА.

Общий взглядъ на положеніе женщины у древнихъ дохристіанскихъ народовъ.

Христіанскій и мухаммеданскій бракъ, какъ мы видѣли, составляютъ два явленія совершение противоположныя: одинъ чистъ и высокъ по своему основному характеру и отличается свободною взаимною любовью супруговъ; другой проникнутъ чувственностью, деспотизмомъ мужа и рабескимъ подчиненіемъ жены. Тотъ и другой бракъ не могли не оказать вліянія на жизнь семеиную, а чрезъ семью и на жизнь цѣлаго общества,— вліянія совершение противоположнаго характера. Какъ одинъ изъ пихъ, бракъ христіанскій, благотворно повліялъ на семью и общество, такъ на противъ другой, мухаммеданскій бракъ, долженъ былъ привести къ противоположнымъ результатамъ.

Самое первое вліяніе брачнаго союза должно отразиться на женщинахъ, какъ представительницахъ семейной жизни. Состояніе женщины у извѣстнаго народа или въ извѣстной религіи всегда было тѣсно связано съ законоположеніемъ о бракѣ; ихъ права и обязанности измѣнялись вмѣстѣ съ перемѣнной брачнаго законодательства: при болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи брака женщины возвышались, при упадкѣ брачнаго союза онѣ были унижаемы и подпадали подъ деспотизмъ мужчинъ. Вся история служитъ доказательствомъ этой тѣсной связи положенія женщины съ законоположеніемъ о бракѣ. Потому и христіанство, измѣнивъ законоположенія предшествовавшихъ временъ о бракѣ, естественно должно было оставить свои следы на общественномъ положеніи

женію женщины. Христианство установило правильные отношения между мужем и женой, ограничило или, лучше сказать, уничтожило деспотизм мужа съ одной стороны, возвысило положение жены и довело ее до равенства съ мужемъ въ нравственномъ и религіозномъ отношени—съ другой. Лишенная всѣхъ правъ въ древности, женщина чрезъ благотворное влияние христианскаго брака снова получила свои естественные и законные права. Христианскій бракъ своимъ влияниемъ возвратилъ женщинъ то общественное положеніе, какое она, по мысли Творца¹⁾, должна занимать, но котораго лишилась чрезъ паденіе. Назначенная сначала быть помощницей мужа, въ свободно-нравственномъ подчиненіи ему, женщина была порабощена послѣ своего грѣхопаденія. Если мужъ чрезъ свой грѣхъ ниспалъ съ высоты своего величія и былъ унизженъ почти до степени простаго чувственного существа, а вслѣдствіе постепенаго упадка въ нравственно-религіозномъ отношени часто доходилъ до степени звѣра, то жена, естественная спутница и помощница его, сдѣлалась орудіемъ его грубыхъ, чисто животныхъ инстинктовъ. Если она пользовалась еще своимъ общественнымъ значеніемъ, то не какъ человѣческое существо, не какъ личность, имѣющая право на это положеніе и значеніе, а какъ такое существо, которое имѣеть значеніе только по своему отношению къ мужу и дѣтамъ. Все это зависѣло отъ болѣе гражданскаго чѣмъ религіознаго характера брака у древнихъ грековъ и римлянъ, у которыхъ жена рассматривалась какъ орудіе для произведенія гражданъ государству. Мужчина самъ потерялъ человѣческое достоинство, вслѣдствіе такого взгляда на бракъ, и отношени его къ другой половинѣ человѣческаго рода должны были потерять человѣческое достоинство. Жена должна была также унизиться до крайней степени. Но всего изумительнѣе то, что на женщину главнымъ образомъ пала вся тяжесть наказанія за преступленіе ея праматери Евы: у всѣхъ народовъ женщинѣ приходилось тягчайшимъ образомъ переносить то проклятие, какое Ева навлекла на себя отъ Бога за свое паденіе и совращеніе мужа. Въ началѣ человѣческой исторіи стоитъ высокая по своему положенію личность женщины, какъ спутницы и подруги своего мужа; во всѣ же послѣ-

¹⁾ Кн. Бытія, гл. 2, ст. 20—25.

дующія времена является женщина, лишившая личности, находящаяся въ полномъ рабствѣ у мужчины. Въ началѣ исторіи человѣчества былъ начертанъ высокій идеалъ жены; по этотъ идеалъ былъ помраченъ зломъ; жена соблазняется имъ и вводить въ соблазнъ мужа¹). Горе и тяжкій жребій съ этого момента начишаютъ преслѣдоватъ женщину. Язычество своею полигаміей и безпрерывными разводами унизило ее и довело до полнѣшаго рабства. Когда жена хотѣла сбросить съ себя это постыдное и тяжкое для нея рабство мужа, она иопала въ другое худшее рабство—рабство разврата. Дорогою цѣною разврата приобрѣли себѣ языческія жены эту свободу и даже власть надъ мужьями. Изъ одного рабства опѣ попали въ другое,—исходу имъ больше не было и другаго средства освободиться не представлялось. Женщина въ язычествѣ была унижена до крайней степени. Единство союза брачнаго было нарушено; жена вслѣдствіе полигаміи признана не за личность необходиимую для дополненія личности мужа; она при многоженствѣ должна была превратиться въ простое орудіе мужской страсти и похоти, должна была только удовлетворять чувственнымъ наклонностямъ мужа. Право развода было предоставлено только мужу, жена была лишена этого права и тѣмъ жестоко оскорблена въ своихъ естественныхъ правахъ на любовь мужа: мужъ могъ во всякое время прогнать ее отъ себя. Чтобы заслужить благосклонность мужа, жена должна стать къ нему въ отношеніи рабы, смотрѣть на него, какъ на своего господина, который не-сегодня, завтра можетъ ее выгнать изъ дома и заставить ее скитаться по свѣту. Необходимость заставляла се терпѣть отъ мужа все, чтобы не заслужить лишь этого изгнанія. Притомъ, по мнѣнію язычниковъ, только муж имѣлъ право требовать отъ жены вѣрности, жена же не имѣла этого права; въ прелюбодѣяніи была обвиняема только жена; преступная же связь со стороны мужа не считалась прелюбодѣяніемъ, потому что жена, существо низшее его, не могла и не имѣла права требовать отъ него этой вѣрности. Жена была лишена того естественнаго права, которое предоставляетъ ей супружество само по себѣ.

Женщину язычники рассматривали какъ орудіе мужской похоти, и вслѣдствіе этого на нее смотрѣли какъ на существо, которое можетъ существовать только при мужчинѣ; въ союзѣ

¹) Кн. Бытія, гл. 3.

съ нимъ она имѣла свое бытіе, безъ него она была ничто. Поэтому язычество считало женщину вѣчно несовершеннолѣтнею, не смотря на ея возрастъ и прекрасныя способности души. Какъ язычество могло допустить свободное, независимое отъ мужчины состояніе женщины, когда она была только орудіемъ мужа? И дѣйствительно, всѣ свидѣтельства историковъ показываютъ, что ею пользовались именно только какъ орудіемъ даже въ религіозномъ отношеніи. При развратныхъ представленіяхъ о богахъ, въ жертву этимъ богамъ язычники приносили не рѣдко то, что должно быть особенно дорого женщины, именно ея цѣломудріе, показывая этимъ, что ею можно пользоваться какъ вообще всякимъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Такимъ образомъ женщина изъ существа человѣческаго превратилась въ язычествѣ въ орудіе для извѣстныхъ цѣлей, болѣе всего конечно для чувственнаго удовольствія мужа.

Положеніе женщины у римлянъ, грековъ, восточныхъ народовъ и евреевъ.

Слишкомъ велико кажется униженіе женщины, по оно было на самомъ дѣлѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ сочиненія римскихъ юристовъ, гдѣ они отводятъ тѣ или другія права мужчинамъ и почти лишаютъ всякихъ правъ женщинъ. Самымъ блестящимъ государствомъ древности былъ конечно Римъ, но, при всемъ блескѣ своего наружнаго существованія, онъ посилъ внутри себя самыя жестокія несправедливости по отношенію къ женщинѣ, даже въ самое блестящее время своего существованія. Бракъ у римлянъ всегда считался государственою обязанностью; каждый гражданинъ, вступая въ бракъ, слѣдовалъ не внутреннему влечению, а повиновался долгу. Отъ такого чисто государственного характера брака произошло то, что изъ него была исключена всякая задушевная обоядная привязанность лицъ вступающихъ въ бракъ. Слѣдствіемъ этого было униженіе женщины, какъ орудія для достиженія государственныхъ цѣлей. Въ языческомъ обществѣ сильный пользовался преимуществомъ и правами въ ущербъ слабаго; тогда еще не было сознаваемо высокое вліяніе нравственной силы, перевѣсь быть на сторонѣ силы физической. Потому женщина, какъ существо слабое, должна была унизиться до крайней степени. На

жену смотрѣли какъ на орудіе, которое и старались пріобрѣсти себѣ похищениемъ или куплею. Бракъ „reg coceptionem“, о которомъ мы имѣли случай уже упоминать¹⁾, былъ не что иное какъ купля. Мужъ, купивши жену, дѣлался ея полнымъ господиномъ, имѣвшимъ неограниченную власть надъ нею, какъ надъ своею собственностью. Въ Римѣ браки раздѣлялись на два рода: „cum manu“ и „sine manu“. Въ первомъ жена переходила изъ-подъ власти отца во власть мужа; во второмъ она продолжала оставаться подъ властью отца. Такимъ кимъ образомъ жена находилась подъ постоянной опекой и никогда не признавалась совершеннольтнею; до замужества она находилась подъ неограниченную властью своего отца, который имѣлъ даже надъ нею право жизни и смерти, могъ продать ее въ замужество кому угодно. Эта отцовская власть оставалась надъ женщиной и послѣ выхода за-мужъ, если бракъ былъ *sine manu*, т. е. безъ передачи отцовской власти мужу, отецъ былъ полнымъ распорядителемъ ея имущества; онъ распоряжался имъ безъ всякаго контроля; онъ могъ даже отнять ее у мужа и передать другому совершенно самовластно²⁾. При бракѣ же „cum manu“ отецъ передавалъ свою власть мужу, и мужъ дѣлался полнымъ господиномъ жены, которая считалась теперь какъ бы его дочерью³⁾. Онъ безъ всякаго согласія ея распоряжался ея имуществомъ, имѣлъ надъ нею даже право жизни и смерти. Какъ дочь, или, лучше сказать, какъ собственность своего мужа, жена должна была смотрѣть на него, какъ на своего господина и судью; онъ могъ распоряжаться ею по своему произволу; могъ даже отказаться отъ своихъ супружескихъ правъ въ пользу друга или какого-нибудь другаго мужчины, не спрашивая даже согласія на это у жены. Катонъ отказался отъ своихъ супружескихъ права для друга своего Гортензія⁴⁾. Августъ отнялъ отъ мужа Ливію даже беременную. Такимъ образомъ власть мужа надъ женою была не ограничена. Она даже оставалась за нимъ послѣ развода и послѣ него надъ женою онъ имѣлъ

¹⁾ См. выше, стр. 31.

²⁾ Lex de liberis exhibendis, dig. XVIII, tit. 30.

³⁾ Cajus. 111. § 3, p. 207.

⁴⁾ Tacit. Annal. 1, c. 10. v. I, V. c. 1, t. 1, p. 12 et 250.

отцовское право, т. е. неограниченную власть¹⁾). По смерти мужа жена въ бракѣ „супи таи“ хотя и объявлялась наследницей имущества его, но только когда не было дѣтей: при дѣтяхъ же она получала только некоторую долю наследства дитяти²⁾). Но и это не давало ей свободы, потому что она не только своимъ имуществомъ, но даже собственностью своею личностью не могла распоряжаться самостоятельно, а поступала какъ сама, такъ и имуществомъ ея во власть агнаторъ — родственниковъ мужа. Агнаты заступали въ этомъ случаѣ мѣсто мужа и распоряжались имуществомъ жены, какъ они³⁾). Жена находилась подъ постоянной опекой и никогда не была признаваема свободной отъ этой опеки. Присоедините къ этому безусловное право мужа на разводъ, — право, котораго была лишена жена; вспомните, что жена не имѣла права требовать отъ мужа супружеской вѣрности, какое право имѣлъ только мужъ, — и вы можете представить ту униженность женщины, ту безправность, на которую она была осуждена въ Римѣ во все время его политического существованія. Не признавая за ней гражданскихъ правъ, лишая ее даже правъ семейныхъ, римскіе законы, нравы и обычай довели ее до степени рабы. Такъ плачевно было положеніе женщины въ Римѣ.

Не имѣя правъ, женщина естественно лишилась и нравственного достоинства. Рабство унижаетъ достоинство человѣка и доводить его до низкаго уровня, пріучаетъ человѣка къ разнаго рода порокамъ, хитрости и обману. Поэтому женщина римская была нравственно искалечена рабствомъ, пріучилась къ хитрости и порокамъ. Вслѣдствіе этого римляне, не сознавая того, что сами были виною упадка нравственного характера женщинъ, стали считать ихъ какимъ-то гнѣтущимъ началомъ, вмѣстилищемъ всякаго рода пороковъ. Они тяготились даже присутствиемъ своихъ женъ. „Если бы природа позволила намъ существовать безъ женщинъ, мы были бы свободны отъ самыхъ несносныхъ спутницъ“, говорилъ одинъ ораторъ предъ народомъ⁴⁾.

¹⁾ Dig. XVIII, tit. 111, 1, 1 и 7.

²⁾ Dig. Laer. см. у Соколовскаго, стр. 112.

³⁾ Dig. Laer. см. Соколовскаго.

⁴⁾ Aul. Gell. 1, c. 6, t. 1, p. 50.

Въ Греціи положеніе женщины было не лучше. Не смотря на высокую цивилизацию и образованность грековъ, женщинъ суждено было играть у нихъ ту же жалкую роль, какъ и въ Римѣ, потому что основы брака въ Греціи были тѣ же, что и въ Римѣ. Въ Греціи бракъ былъ такимъ же политическимъ учрежденіемъ, какимъ былъ и въ Римѣ, а потому долженъ былъ произвести одинаковыя дѣйствія. Правда, въ древнія времена въ Греціи женщина занимала еще высокое сравнительно положеніе. По замѣчанію Делингера, „жена (въ древнія времена) была подругою мужа, а не рабою его, какъ въ восточныхъ земляхъ Азіи. Греки жили здравою благоустроенной политическою жизнью единственно потому, что они имѣли правильную жизнь семейную, основанную на моногаміи. Многоженство имъ было чуждо; бигамія встречается только въ рѣдкихъ случаяхъ; полигамія встречается только у монарховъ македонскаго царства, которые запятали себя восточными обычаями. Потому жены не были содержимы въ гаремѣ въ заключеніи и не охранились евнухами. Положеніе ихъ было вполнѣ обезопашено закономъ и обычаями; внутри дома онѣ, какъ пачальницы, распоряжались рабами и дѣти-ми“¹⁾). Но спустя немногого времени положеніе женщины въ Греціи измѣнилось къ худшему. Полигамія, легкость развода въ рукахъ мужа и гражданская характеръ брака взяли свое. Женщина, униженная въ общественномъ положеніи и лишенная вслѣдствіе этого всякаго образованія, которое становилось для нея излишнимъ, казалась въ глазахъ мужчинъ такимъ существомъ, которое даже не можетъ составить стѣнъ сообщества. По свидѣтельству Сократа, мужъ менѣе всего былъ въ обществѣ жены и искалъ случая подѣлиться ею своими интересами²⁾). Вслѣдствіе полигаміи и развода она была унижена до того, что считалась простымъ орудіемъ мужа и какъ раба, лишенная всякихъ правъ, она здѣсь, какъ и въ Римѣ, призывалась несовершеннолѣтнею и лишалась права самостоятельно распоряжаться собою и своимъ имуществомъ. Когда была дѣвицей, она находилась подъ опекой отца; выходя замужъ, она становилась подъ опеку

¹⁾ Döllinger. Heidentum und Judentum, S. 679 и слѣд.

²⁾ Хенорхъ, Осады, ч. 3, § 12, т. V, р. 19.

мужа; овдовѣвъ, переходила подъ опеку къ сыновьямъ или, за неимѣніемъ ихъ, къ братьямъ и другимъ родственникамъ мужа¹⁾. Она была лишена права свидѣтельства на судѣ²⁾; могла распоряжаться своимъ имуществомъ только въ количествѣ одной мѣры пищеницы; могла получать наслѣдство только тогда, когда не было наслѣдниковъ мужского пола; по такъ какъ это случалось чрезвычайно рѣдко, то и полученіе наслѣдства женщиной было исключительнымъ явленіемъ въ Греціи³⁾. Таково было законодательство Греціи, унижающее женщинъ. По мысли греческихъ поэтовъ, женщина должна находиться въ весьма сильномъ подчиненіи у мужчинъ; на послѣднемъ лежитъ право всякаго управления и общественныхъ заботъ; жена должна быть занерта во внутренности дома и исправлять тамъ работы, которыя были въ глазахъ мужчинъ унизительными, рабскими⁴⁾. Несколько не выше стояли въ этомъ отношеніи и философы. Таково же напр. было мнѣніе величайшаго изъ мыслителей Греціи— Аристотеля. Правда, онъ соглашается допустить различіе между женщиною и рабомъ, однако признаетъ, что если женщина и имѣеть волю, то эта воля лишена права, если она и способна къ добродѣтели, то добродѣтель ея мало отличается отъ добродѣтели раба⁵⁾. Въ брачномъ союзѣ мужъ есть душа, которой свойственна власть и господство, а жена есть тѣло, которое должно подчиняться души⁶⁾. Мужъ не только не обязанъ слушать совѣтовъ жены, но даже и не долженъ советоваться съ нею, потому что она есть полновластный владыка и господинъ своей жены⁷⁾. Кромѣ того она такъ должна держать себя относительно своей жены, чтобы она всегда сознавала его господство; власть мужа должна про-

1) Брачное право древнаго Востока Осипова стр. 107—108.

2) Тамъ же, стр. 108—109.

3) *De conditione civili feminarum Atheniensium*, von Stegeren, p. 139 et ceter. см. у Соколовскаго и Осипова.

4) Брачное право древнаго Востока, стр. 110.

5) *Polit.* 1, с. 1 et 5, р. 4 et 25.

6) Тамъ же, с. 5, р. 24.

7) *Isaeus, de Aristarchi haeredibus*, § 10, in *Oratt. att. t. III*, p. 121. См. Соколовскаго.

являться во всѣхъ его отношеніяхъ къ женѣ, которая должна отвѣтить на поступки мужа безропотно рабскою покорностью¹⁾. Платонъ въ своемъ химерическомъ представлениѣ объ идеальномъ государствѣ зашелъ еще дальше въ этомъ унижениѣ женщины. Онъ поставилъ ее на такую низкую степень, что рѣшился предложить всему миру проектъ *объ общихъ женахъ*. Очевидно, что онъ смотрѣлъ на женщину крайне низко; иначе онъ не дерзнулъ бы проповѣдывать такихъ безнравственныхъ отношеній, въ которыхъ женщина была низведена въ орудіе для произведенія членовъ государства. Такимъ образомъ законодательство, поэты и философы Греціи были проникнуты однимъ духомъ, именно полнымъ унижениемъ женщины въ ея естественныхъ, семейныхъ и общественныхъ правахъ.

Что касается государствъ Востока, то они въ самой глубокой древности славились глубокимъ порабощенiemъ женщины. Здѣсь господствовалъ полнѣйший деспотизмъ мужчинъ и рабская подчиненность женщинъ. Женщины, униженныя полигаміей, низведены были здѣсь на гораздо низшую степень, нежели въ государствахъ Запада, въ Греціи и Римѣ. На Востокѣ всюду, куда мы не обратимъ свой взоръ, мы видимъ женщинъ, обремененныхъ узами рабства, полуподьми, игрушками похоти мужчинъ. Съ дѣтства до смерти онъ были рабами; никогда воля ихъ не имѣла значенія въ глазахъ мужа и не признавалась закономъ. Мужъ не хотѣлъ искать въ бесѣдѣ со своею женою случая подѣлиться съ нею своими мыслями и чувствами. Даже самое воспитаніе ея ограничивалось однимъ кормлениемъ и развитіемъ въ ней тѣхъ свойствъ, которыя должны возбуждать сладострастныя похоти мужа. Никакого умственнаго и нравственнаго воспитанія ей не хотѣли дать. Всѣ стремились получить какъ можно болѣе дѣтей; потому не только всѣ желали, но даже обязывались имѣть какъ можно болѣе жено. Столь много, сколько позволяли средства; всякий богатый человѣкъ имѣть ихъ огромное количество, такъ что полигамія здѣсь достигала алогія своей безобразной разнузданности. На женщины, которыхъ оставались дальше позвестнаго срока въ безбрачіи, смотрѣли съ крайнимъ презрѣніемъ. Этого мало; ихъ нерѣдко въ подобномъ случаѣ подвергали строгому наказанію.

8) Тамъ же, т. IV, р. 547.

Объ общественныхъ правахъ женщины послѣ этого излишне и говорить. Опѣ не владѣли ими и не могли владѣть при томъ понятіи, какое имѣло объ нихъ языческое общество Востока. Заключенные въ гаремахъ подъ строгимъ надзоромъ евнуховъ, опѣ не могли проникнуть никуда дальне сферы своихъ гаремовъ; а здѣсь смотрѣли на нихъ какъ на рабынь, которыя должны со страхомъ и трепетомъ ожидать прихода своего мужа въ это внутреннее отдѣленіе дома¹⁾.

Ереи, у которыхъ сохранилось еще воспоминаніе о первоначальномъ истинномъ назначеніи человѣка и его спутницы-жены, не смотря на это также не имѣли надлежащаго понятія о личности женщины, о ея правахъ и обязанностяхъ. И здѣсь положеніе ея было незавидное. Правда, здѣсь не господствовалъ крайній деспотизмъ мужчины; однако же женщина все же не имѣла надлежащихъ правъ. Если мы станемъ сравнивать положеніе женщины у израильтянъ съ положеніемъ ея у народовъ языческихъ, то должны конечно признаться, что положеніе ея было несравненно лучше и выше у первыхъ, нежели у послѣднихъ. Она никогда здѣсь не разматривалась только какъ орудіе для произведенія дѣтей. Достаточно сравнить самое название лицъ женского пола у евреевъ съ одной стороны и римлянъ и грековъ — съ другой, чтобы убѣдиться въ этомъ. Название лицъ женского пола у первыхъ всегда означало тоже, что и название лицъ мужского пола и есть только фонетическое или грамматическое измѣненіе послѣдняго для выраженія рода²⁾. Женщины даже допускались въ общество мужчинъ при такихъ важныхъ случаяхъ, какъ слушаніе закона. Однако этотъ высокій взглядъ на женщину со временемъ мало-по-малу измѣнялся къ худшему; параллельно съ увеличеніемъ полигаміи, увеличивался и деспотизмъ мужчинъ на счетъ подчиненности женщины. Предъ пришествіемъ Христовыемъ опѣ достигъ высшей степени и униженіе женщины было доведено до крайности. Не смотря на все это, положеніе ея было все же лучше, чѣмъ у прочихъ народовъ языческаго

1) Прекрасную характеристику положенія женщинъ на Востокѣ представляеть Дальнеръ въ своемъ сочиненіи «Neidenthum und Judenthum». Ср. брачное право Осипова, стр. 6—10; 36—52; 69—72.

2) Цапр. γυνή сходно съ γενία, femina — съ secundus; у евреевъ же: isch — мужъ, ischa — жена: ben — сынъ, bint — дочь; ach — братъ, achoth — сестра.

міра¹). Вотъ краткій очеркъ состоянія женщины до христіанства. Всюду слышится стенаніе женщины подъ бременемъ своего бѣдственнаго положенія, своего угнетенія деспотизмомъ мужа. Только у іудеевъ ея положеніе представляется сравнительно съ болѣе свѣтлой стороны, по и здѣсь нельзя назвать его завиднымъ.

Положеніе женщины въ христіанствѣ.

Ивилось христіанство, установило новый брачный союзъ, и женщина заняла свое прежнее высокое положеніе; ей были возвращены всѣ тѣ права, которыхъ неотъемлемо принадлежать ей по природѣ. Христіанство своимъ брачнымъ законодательствомъ возвратило женщинѣ самое существенное право, право человѣческой личности, котораго она не имѣла ни въ Греціи, ни въ Римѣ. Возвративши женщинѣ это неотъемлемое право, христіанство поставило есъ самыя лучшія отношенія къ мужу; оно ограничило безпредѣльную власть послѣдняго и тѣмъ самыемъ распредѣлило между мужчинами и женщинами ихъ области, ихъ обязанности по отношенію къ семье и обществу. Христіанство установило тѣ предѣлы, которые правильно показываютъ, гдѣ оканчиваются права и обязанности одного пола и начинаются права и обязанности другого пола. Въ духовно-благодатномъ царствѣ, основанномъ Христомъ, нѣтъ различія между полами. Здѣсь всѣ равны между собой: всѣ получили одинаковос происхожденіе, всѣ призваны къ нравственному совершенству, освященію и оправданію; всѣмъ даны одни и тѣ же благодатные дары, у всѣхъ одна и та же копечная цѣль ихъ бытія, именно стремленіе къ Богу; по смерти они всѣ должны отдать одинаковый отчетъ предъ Богомъ и за одинаковыя заслуги получить одинаковыя награды на небѣ²). Женщина если и называется слабымъ существомъ, то эта слабость присуща только ея тѣлу, а не духу. По душевнымъ качествамъ женщина совершенно равна мужчинѣ. Если она и уступаетъ ему въ одиныхъ способностяхъ души, за то превосходитъ его въ другихъ. По своей впечатлительности, она гораздо легче мужчины

¹) Брачное право древняго Востока, Осипова, стр. 80—86

²) Климентъ Алеke. Paedag. 1, c. 4, t. 1, p. 103; Григорій Наз. ог. 31, t. 1, p. 502. Григорій Нисский, ог. 1, in verba fac. hom. t. 1, p. 151.

способна чувствовать то величие благодати, которая Богъ оказывает роду человеческому; она больше мужчины склонна къ благодарности за эти благодати. Гдѣ мужчина остается холоднымъ зрителемъ чужихъ несчастий, скорбей и лишений, тамъ является женщина и приноситъ утѣшениe несчастнымъ и бѣдствующимъ; по мягкости своего сердца и терпѣнію, она рѣже мужчины падаетъ подъ бременемъ тяжкихъ несчастий: она даже болѣе его отличается благочестивымъ духомъ¹⁾. Златоустъ часто любить поставлять женщинъ въ образецъ мужчинамъ по нравственной чистотѣ и святости. „Онъ превосходитъ васъ, говоритъ Златоустъ, обращаясь къ мужамъ, от любви къ Спасителю, въ цѣломудріи, въ состраданіи къ несчастнымъ“²⁾. Христіанская жена, по представлению Отцевъ и Учителей Церкви, скромна, цѣломудрена; она тихо и спокойно управляетъ домомъ, посѣщаетъ несчастныхъ и бѣдныхъ, принимаетъ странниковъ, изѣбѣгаетъ всякихъ нечестныхъ зрѣлищъ, посѣщаетъ усердно храмы³⁾.

Такимъ образомъ ея существо человѣческое нисколько не ниже существа мужчины и потому она должна занять свое почетное мѣсто. Однако она не должна пріобрѣтать надъ мужемъ власти, а должна свободно по своей волѣ покоряться ему, какъ своему защитнику на многотрудномъ поприщѣ жизни. Для этого христіанство раздѣлило владѣнія мужа и жены, чтобы они не приходили во взаимное столкновеніе; каждый въ своей области долженъ исполнять свою службу ревностно, не препятствуя другому. Мужчина, какъ существо сильное, крѣпкое, долженъ заниматься дѣлами вѣшними, которая требуютъ силы и присутствія духа и потому не совмѣстимы съ физической слабостью женщины. Женщинѣ же отведены дѣла внутри дома, какъ болѣе сообразныя съ ея силами и характеромъ. Мужьямъ Отцы Церкви предоставили публичныя собранія, форумъ, правительственные заботы о дѣлахъ государства, защиту своего отечества отъ виѣнныхъ враговъ. Женщина же завѣдуетъ дѣлами внутри дома, распоряжается служами, упра-

¹⁾ Григорій Ниссій, от. 1, in verba tac. hom. t. 1, p. 151.

²⁾ Златоустъ. Hom. 42, in cap. XVIII Gen., § 7, t. IV, p. 433. Hom. 13 in Epb., § 3. t. XI, p. 100; сравни. Августинъ, Sermo 9, § 12, t. V, p. 40.

³⁾ Тертул. De cultu femin. 11, c. 11, p. 159. Ad uxorem. 11, c. 4 et 8, p. 168. 172. Іеронимъ. Ep. 54, t. 1, p. 289.

вляетъ хозяйствомъ, старается запечатлѣть здѣсь тотъ нравственный характеръ, какимъ она сама отличается по представлению Отцевъ и Учителей Церкви. Мужъ на это дѣло не способенъ: это не по его природѣ; онъ не можетъ влѣять тамъ, гдѣ нужна душа исполненная религіозно-нравственnoю теплотою¹). При такомъ представлении о нравственномъ характерѣ женщины, Церковь никогда не хотѣла подчинять ее безусловному деспотизму мужа; она напротивъ допускала, что жена можетъ смягчать грубый правъ своего мужа, можетъ при мягкости сердца своего утѣшить мужа въ самыхъ сильныхъ несчастіяхъ²). Жена сдѣлалась апостоломъ своего мужа, ангеломъ хранителемъ своихъ братьевъ отъ разныхъ грубыхъ пороковъ, отъ которыхъ отвращается женское сердце³). За этимъ, презрѣннымъ и почти лишеннымъ человѣческаго достоинства язычниками, существомъ было признано первое мѣсто въ воспитаніи дѣтей. На обязанности жены лежить прежде всего этотъ священный долгъ. Такимъ образомъ женщины были поставлены христіанскимъ бракомъ въ качествѣ апостоловъ, проповѣдниковъ будущему поколѣнію новыхъ свѣтозарныхъ идей, принесенныхъ въ міръ Спасителемъ; оиѣ явились исправительницами цѣлаго человѣчества⁴). Признавая женщину существомъ человѣческимъ, допуская въ ней присутствіе такихъ качествъ, которыя не присущи мужчины, христіанство очень часто даже выводило ее изъ чисто домашнихъ обязанностей и вводило ее въ кругъ общественной дѣятельности. Впрочемъ здѣсь оно ограничивало ихъ участіе только известною областью, которая болѣе всего соотвѣтствовала ихъ характеру. Женщина отличается состраданіемъ къ несчастіямъ другаго; пѣжному сердцу ея болѣе доступно самоотверженіе для служенія несчастнымъ и бѣдствующимъ. Потому-то христіанство предложило женщинѣ

¹⁾ Климентъ Рим. Еп. 1 ad Cor. c. 1, p. 147; Климентъ Алекс. Paedag. 111, c. 11, t. 1, p. 288; Амвросій, De paradiso, c. 11, § 50, t. 1, p. 167. Златоустъ, Ouale ducendae sint uxores, t. 111, p. 217.

²⁾ Златоустъ, Sermo 4 in Gen. § 1, t. IV, p. 659; Амвросій, De instit. virg., c. 3, § 22, t. II, p. 254.

³⁾ Тертуліанъ, ad uxor. 11, 7. Августинъ, De conjung. adult. 1, 17. Златоустъ, Hom LXI in Matth. 14.

⁴⁾ Златоустъ, Ouale ducendae sint uxores; Іеропимъ, Comment. in Tit. c. 2, ер. CVII, CXXVIII.

иамъ именно эту область¹⁾). Исторія христіанства представляетъ иамъ много образцевъ той самоотверженности, съ какою женщины совершили это служение на пользу и утѣшениe несчастнымъ и бѣдствующимъ. Что же касается до другихъ областей общественной дѣятельности, то женщина должна была здѣсь уступить свое мѣсто мужчинѣ. Общественно-гражданская дѣятельность всегда считалась не по силамъ слабой женщины. Притомъ она отвлекала бы только женщину отъ ея высокой и священной обязанности, именно воспитанія дѣтей. Христіанская Церковь всегда неблагосклонно смотрѣла на вмѣшательство женщинъ въ общественные дѣла и управлѣніе, она даже не допускала женщинъ въ число служителей своего алтаря и запрещала имъ проповѣдывать въ общественныхъ собраніяхъ вѣрующіхъ²⁾). Женщина, не смотря на всю обширность своихъ правъ, все же должна была подчиняться своему мужу; не смотря на то, что считали ее необходимымъ дополненіемъ мужа, нераздѣльнымъ съ нимъ существомъ, Отцы требовали, чтобы жена уважала въ лицѣ свой мужа главу. Всѣдѣствіе этого было бы не согласно съ такимъ взглядомъ христіанства проповѣдь женщины въ общественномъ собраніи вѣрующіхъ; здѣсь она должна была стушать мужей и отъ нихъ поучаться. Но это не тотъ взглядъ на женщину, какой на нее имѣло все язычество, во всѣ времена; здѣсь не могло быть и рѣчи о томъ деспотизмѣ мужа, по которому онъ имѣть надъ нею право жизни и смерти; даже за прелюбодѣяніе онъ не могъ отважиться наказывать ее смертью подъ угрозою строжайшей спитиміи³⁾).

Женщина перестала быть орудіемъ своего мужа; она сдѣлалась гражданскою того царства, которое основалъ на землѣ Спаситель. Дарованіе этихъ правъ женщинѣ христіанствомъ не осталось безъ вліянія и на гражданское законодательство. И оно мало-по-малу стало бросать грубый взглядъ на женщину и проникаться гуманнымъ взглядомъ христіанства. Законъ постепенно признавалъ за нею тѣ естественные права, которыми она должна владѣть, какъ существо человѣческое, но въ которыхъ ей отказывало язычество. Императоръ Константінъ въ

1) Піль, *Peristeria*, sect. 1, с. 3, р. 87.

2) 1 Коринт. гл. 14, ст. 34—35.—VI Вселен. Собора 70 правило.

3) Василій Великаго 8 правило.

321 году уничтожилъ постоянную, продолжающуюся всю жизнь, опеку надъ женщиной, какая существовала въ языческомъ обществѣ, и призналъ ее по достижениіи совершеннолѣтія равной по правамъ съ мужчиной. Онъ далъ право матери наследовать по смерти своихъ дѣтей. По смерти Константина мы видимъ много женщинъ, которая даже завѣдывали общественными дѣлами, принимали участіе въ управлениіи и приносили много пользы для государства. Возвышенная христіанствомъ, женщина сразу почувствовала свои силы и уже не стала смотрѣть на себя, какъ на существо, лишенное всякаго человѣческаго достоинства. Постепенно, благодаря духу высокой гуманности христіанства, она начала приобрѣтать болѣе и болѣе твердый нравственный характеръ. Такъ благотворно было дѣйствіе христіанского брака на женщину. Христіанство, возвысивъ брачные узы, тѣмъ самымъ вызвало женщину изъ глубины ея паденія въ языческомъ обществѣ, признало за неї человѣческое достоинство, сдѣлало ее такою же гражданкою, какъ и мужчину, отвело ей обширную и важную область—управлениіе домомъ, поставило ее воспитательницей будущаго поколѣнія и распространительницей свѣта христіанства въ будущіе роды и вѣка, призвало ее даже къ отправлѣнію нѣкоторыхъ общественныхъ служеній. Благодаря такой перемѣнѣ, женщина очистила свой характеръ отъ тѣхъ недостатковъ и низкихъ пороковъ, которые всегда служатъ отличительнымъ признакомъ рабскаго сословія и которые заставляли язычниковъ считать сообщество жены тѣжкимъ бременемъ, а жену несноснымъ спутникомъ.

Вліяніе до-христіанского брака на семейную и общественную жизнь человека.

Такая перемѣна женщиной своего положенія и характера нравственной свойственности не могла пройти безслѣдно для другихъ отношеній, не могла не оказать благотворного вліянія на другія сферы, такъ какъ жизнь женщины связана со всѣмъ строемъ общества столь тѣсными и неразрывными узами, что малѣйшее измѣненіе въ судьбѣ и правахъ женщины непремѣнно влечетъ за собой измѣненіе во всемъ организмѣ общества и государства. Прежде всего униженіе женщины естественно должно было отразиться на нравственномъ состояніи

общества. Въ язычествѣ женщина разсматривалась какъ орудіе для достиженія государственныхъ цѣлей; бракъ былъ учрежденіемъ чисто политического свойства. Спачала при строгости нравственныхъ древнихъ правилъ, когда были часты самопожертвованія въ пользу государства, когда часто встрѣчались примѣры безграницной любви къ своему отечеству, тогда дѣйствительно и въ бракѣ личные интересы приносились въ жертву государства, но постепенно личные интересы стали брать верхъ надъ интересами государства; на первомъ планѣ люди поставили тогда свои интересы и въ жертву имъ стали приносить долгъ государства. Тогда упало всякое значеніе брака, вмѣсто него настало всеобщее развращеніе. Самый безобразный развратъ охватилъ все языческое общество и дошелъ предъ пришествіемъ Спасителя до такой степени, что не оставалось никакой надежды возстановить человѣчество. У представителей древняго языческаго міра—грековъ и римлянъ была крайняя распущенность нравовъ, распущенность, переходящая всякия границы. До пелопоннезской войны еще мало замѣтила эта распущенность нравовъ, но начиная съ этого времени и идя прогрессивнымъ путемъ, развратъ предъ пришествіемъ Спасителя достигъ своихъ крайнихъ размѣровъ. Прежде греки смотрѣли на жену, какъ на орудіе для достиженія государственныхъ цѣлей; но теперь, при упадкѣ древняго строгаго брака, онъ сталъ видѣть въ женѣ только орудіе для удовлетворенія своихъ чувственныхъ инстинктовъ; теперь ему стало мало одного орудія для своей страсти; чувственность побуждала его идти все далѣе и далѣе до послѣднихъ предѣловъ. Бракъ былъ нарушенъ сожительствомъ съ наложницами (конкубинами), число которыхъ постепенно возрастило; жена превратилась въ лицѣ второстепенное; на первомъ мѣстѣ стояла наложница, никто не искалъ общества жены; мужья не стѣснялись своихъ женъ и держали въ своемъ домѣ паложницъ.

Женщины, униженныя въ сожительствѣ съ мужемъ, хотѣли свергнуть съ себя иго мужей. Онѣ замѣтили господствующую страсть своего времени, страсть къ разпаго рода удовольствіямъ, которыхъ мужья искали въ своего дома, исъ круга своей жены. Онѣ воспользовались этой страстью грековъ того времени, не хотѣли принадлежать кому-нибудь исключительно, а искали наслажденія со всѣми. Для того, чтобы успѣшнѣе привлекать къ себѣ поклонниковъ, онѣ

старались вооружиться знаніями всякаго рода; философія, поэзія, музыка были изучаемы ими съ жаромъ; онъ часто блестали краснорѣчіемъ, между тѣмъ какъ законныя жены, загнанныя своими мужьями, пали до послѣдней степени невѣжества. Мужья стремились къ публичнымъ женщинамъ (*гетерамъ*), у ногъ которыхъ они упивались разнаго рода разговорами о политикѣ и искусствѣ; около гетеръ можно было всегда встрѣтить кружокъ мужчинъ, жаждущихъ насладиться обществомъ этихъ львицъ греческаго общества. Общественное мнѣніе о нихъ было самое плохое, однако это нисколько не препятствовало имъ привлекать къ себѣ лучшихъ и богатѣйшихъ гражданъ. Законныя же жены сидѣли внутри дома; съ ними мужья скучали и считали общество ихъ невыносимымъ. По словамъ Сократа, никто ни съ кѣмъ такъ мало не говорилъ, какъ съ своею женою; всѣ стремились къ гетерамъ; дѣло доходило иногда до открытыхъ споровъ о правѣ владѣнія извѣстною личностью, принадлежащею къ разряду гетеръ, и подобные споры судъ даже не отказывался рѣшать. Такъ однажды два грека спорили о правѣ на одну гетеру и для рѣшенія этого обратились въ судилище. Судъ рѣшилъ, что оба истца имѣютъ право на эту гетеру и потому присудилъ, чтобы оба они вмѣстѣ владѣли ею¹⁾. Для нась это покажется возмутительнымъ, но при тогдашнемъ упадкѣ нравственности никто и не думалъ сколько-нибудь возмущаться подобнымъ рѣшеніемъ. Все греческое общество стремилось къ такому же поклоненію гетерамъ. У ногъ гетеръ искали пристанища, искали ихъ ласкъ такие государственные и высокопоставленные люди, какъ Периклъ, который былъ полнымъ представителемъ своего народа. Онъ былъ блестящимъ ученымъ, любителемъ наукъ и художествъ, но при всемъ томъ приносилъ жертву Аспазіи. Всѣдѣствие такого завиднаго положенія гетеръ, число ихъ чрезвычайно увеличилось. Особенно въ Спартѣ развратъ гетеръ дошелъ до невѣроятной степени. Тамъ существовалъ даже храмъ Афродиты, куда постоянно стекались эти развратныя женщины, такъ что между самыми изычниками спартанцы славились распущенностью нравовъ. Для гетеръ богатые греки тратили все свое состояніе; около гетеръ они предавались той роскоши, которая заставляла ихъ

¹⁾ Psevdo—Demosth., § 44 и слѣд. oratt. att., t. 5, p. 556.

пускаль въ ходъ послѣднее имущество, чтобы удовлетворить чудовищнымъ прихотямъ гетеры. Какая могла быть правительность, какое могло быть семейство при такомъ безумномъ господствѣ гетеръ? Законная жены, обремененные узами рабства, влаки свои дни внутри своего гинекея.

Взглядъ на жену упалъ вслѣдствіе этого еще болѣе. На бракъ стали смотрѣть какъ на средство пріобрѣтенія себѣ жены. Это вызвало частое похищеніе женщинъ, насладившихъся которыми, мужья отпускали ихъ отъ себя, благодаря легкости развода. Общество смотрѣло на это не какъ на отвратительное преступленіе, а напротивъ какъ на смѣлое удальство, какъ на отличіе мужчины. Самый законъ относился къ этому снисходительно. Законъ считалъ это маловажнымъ проступкомъ и потому взыскивалъ съ виновныхъ только незначительную пеню¹). Это обусловливалось взглядомъ на женщину. Язычество лишило женщину человѣческаго достоинства и смотрѣло на нее какъ на постоянную собственность мужчины. Вслѣдствіе такого взгляда, на дочь смотрѣли какъ на собственность отца, а на похитителя ся какъ на похитителя чужой собственности. Благодаря такому взгляду общества и снисходительности законовъ, похищеніе женщинъ увеличилось до крайней степени. Это похищеніе служило пицюю жаждущихъ разврата и падкихъ до чувственныхъ удовольствій грековъ. Похитивши женщину, грекъ наслаждался сю до тѣхъ поръ пока хотѣлъ; но лишь только она паскучила ему, онъ прогонялъ ее отъ себя, и это не оставляло никакого позорного пятна на женщинѣ²).

Этого мало; разврата не могли удовлетворить ни конкурѣнны, ни гетеры, ни похищеніе женщинъ; потребовались женщины, которые предлагали бы свои ласки каждому желающему, и благодаря развращенности женщинъ эти личности явились и быстро распространились по всей Греціи; число публичныхъ домовъ возрастало въ Греціи ежедневно до невѣроятности. Эти приюты разврата были мѣстами постоянныхъ собраній развратныхъ грековъ; сюда шелъ старикъ и юноша, бѣдный и богачъ, и всѣ по мѣрѣ силъ своихъ старались тратить здѣсь послѣднюю долю своего правительства

¹⁾ Plutarch., *Vita Solonis*, c. 23, t. 1, p. 227.

²⁾ Plutarch. *Quaes. Sympos.* VII, *Quaes. 8*, c. 3, t. XI, p. 326.

чувства, послѣднюю долю любви къ семье и дому. Публичные дома появились очень рано въ Греціи. Они существовали еще до Солона, а этотъ законодатель даже призывалъ ихъ существование дозволеннымъ законами и наложилъ на нихъ подать, которую онъ употребилъ на сооруженіе храма Венеры¹). Послѣ его смерти аѳиняне находили себя вынужденными постоянно призывать законность существованія этихъ домовъ; они обложили ихъ податью²).

Одно нарушение законовъ природы и нравственности влечетъ за собой необходимо другія. Греки, упизивъ женщину до послѣдней степени, считая ее не дополнениемъ существа мужчины, а орудіемъ его похоти, чрезъ то самос впали въ новый порокъ — противоестественный развратъ. Въ самомъ дѣлѣ, если женщина есть только орудіе для удовлетворенія чувственныхъ страстей мужчины, то отъ чего же грекъ не могъ дозволить себѣ этого удовлетворенія съ другимъ поломъ, или вообще противоестественно. Вслѣдствіе упадка женщины и нравственности, противоестественный порокъ былъ распространенъ въ греческой жизни до чрезмѣрной степени: всякий считалъ себя въ правѣ предаться этому пороку при первомъ удобномъ случаѣ. Сколько бы мы ни увеличивали области господства этого презрѣннаго порока, мы все же бы сказали мало о его распространеніи въ Греціи. А между тѣмъ никто изъ грековъ не думалъ возмущаться этимъ порокомъ. Мало того; поэты и философы, Платонъ, Сократъ и Аристотель, оправдали это преступленіе противъ нравственности и противъ природы; даже во всей литературѣ Греціи нельзя найти писателя, который вооружался бы противъ этого порока. Въ поэтическихъ произведеніяхъ грековъ постоянно выводится на сцену любовь къ мальчикамъ и даже сійдается преимущество предъ любовью къ женщинѣ. Само законодательство не противодѣйствовало этому пороку. Солонъ запретилъ наслажденіе съ мальчиками только рабамъ, а свободнымъ позволилъ. Такимъ образомъ одно изъ преимуществъ свободнаго гражданина состояло въ томъ, что онъ могъ подъ покровительствомъ закона свободно предаваться этой гнусной

¹⁾ Athen. XIII, e. 25, t. V, p. 56.

²⁾ Aeschin. contra Temarch. in oratt. att. t. III, p. 289.

страсти къ мальчикамъ¹⁾). До такой степени дошелъ упадокъ нравственности грековъ, такъ сильно притутилось ихъ нравственное чувство, что такой гнусный противоестественный порокъ совершался вполнѣ открыто.

Такое развращеніе нравовъ у грековъ было всеобщее; не было ни одной личности, стоявшей выше тогдашняго пизкаго уровня нравственности грековъ. Ученые мыслители и философы Греціи всѣ были заражены тѣмъ же духомъ всеобщаго развращенія. Преслѣдуя тѣ или другие недостатки общественной жизни грековъ, они не нападали на эту развращенность гражданъ. Они даже проводили въ своихъ сочиненіяхъ развратныя идеи, которые должны были сами внести заразу въ общество и не рѣдко имѣли цѣлью оправдать развратъ путемъ литературы. Дѣло дошло до того, что мужья стали запрещать своимъ женамъ читать произведенія греческихъ поэтовъ²⁾). Должно быть хороши были мысли этихъ поэтовъ, если даже развращенные мужья считали ихъ вредными для нравственности своихъ женъ. Достаточно припомнить тотъ, нарушающій всякое нравственное чувство, идеаль, который построилъ Платонъ для своего образцового государства, именно *общеніе женъ*, чтобы убѣдиться въ томъ, что ученые греки стояли не выше массы въ нравственномъ отношеніи.

Жены также не оставались въ долгу у мужей. Смотря на ту свободу, которая была предоставлена гетерамъ, онѣ стремились достигнуть этой свободы чрезъ эмансиацію. Ихъ нисколько не привлекала къ дому ни семья, ни воспитаніе дѣтей. Дѣтей они отдавали на попеченіе рабовъ, а сами предавались распутству, роскоши и разнаго рода увеселеніямъ. Такимъ образомъ мужья и жены старались превзойти другъ друга въ развратѣ и порокахъ. Таково было нравственное состояніе Греціи предъ пришествіемъ Спасителя.

Римъ представляетъ не лучшую картину въ нравственномъ отношеніи. Тѣ же самые пороки, которые существовали въ греческомъ обществѣ, бросаются въ глаза и здѣсь. Наложничество (конкубинатъ) и здѣсь, какъ въ Греціи, было доведено до послѣдней степени; наложницы жили рядомъ съ законными женами и законъ былъ не въ силахъ противиться этому злу.

¹⁾ Döllinger, Neidenthum und Judenthum, S. 684—691.

²⁾ Seneca, Consol. ad Helviam, c. 16, t. 1, p. 139.

Законъ нашелъ вынужденіемъ признать за наложницами право на существованіе, только ограничивъ число ихъ, не позволивъ гражданину имѣть болѣе одной при законной женѣ. Общественное мнѣніе смотрѣло безъ всякихъ смущеній на этотъ фактъ. Были даже такие римляне, которые на надгробныхъ камняхъ рядомъ съ имѣшемъ жены выставляли имя наложницы¹⁾. Публичныя женщины были также очень распространены въ Римѣ; римляне стремились къ обществу этихъ женщинъ со всею необузданностью развратныхъ людей. Въ актахъ христіанскихъ мучениковъ мы встрѣчаемъ безпрерывные примѣры того, что суды приговаривали мученицъ-христіанокъ къ помѣщению въ домахъ терпимости, чтобы лишить ихъ дѣства²⁾. Хуже этого развратного взгляда на женщину и отношений между полами пельзя ничего представить. Здѣсь отъ лица закона женщины приносится въ жертву развратнымъ наклонностямъ римского общества. Жаждя чувственныхъ наслажденій заставляла римлянъ похищать и насиливать чужихъ женъ и дѣвицъ. Это случалось такъ часто, что кажется никакое преступленіе въ Римѣ не повторялось чаще похищенія и насилия дѣвицъ. Что же предпринимаетъ противъ этого римскій законъ? Почти ничего. Правда, онъ повидимому очень строго относился къ этому дѣлу, предоставивъ похищенной и изнасилованной женщинѣ право требовать смерти своего похитителя, или требовать, чтобы похититель загладилъ свой проступокъ бракомъ стъ нею³⁾. Что можетъ болѣе покровительствовать разврату? Наказаніе преступленія предоставлено женщинѣ, которая при развращенности общества весьма часто сама была участницей въ своемъ похищеніи и соглашалась на развратъ съ мужчиной.

Такое состояніе общества окончательно деморализовало женщину, — ту половину человѣческаго рода, на которой лежитъ великая задача воспитанія дѣтей и правственаго улучшенія человѣчества. Видя со стороны мужчины такое нарушеніе правственности и вѣрности брачному союзу, женщины и сами старались завладѣть тѣмъ же правомъ. Римскій законъ не нака-

¹⁾ О чрезмѣрномъ распространеніи конкубината въ Римѣ см. Döllinger, Neidenthum und Judenthum, S. 720.

²⁾ Евсевій, Hist. eccl. VI, c. 5, p. 207 de martyr. Palaest., c. 5 et 8, p. 726 et 331; Палладій, Hist. Laus., c. 3, p. 18. Тертулій, Apolog., c. 50, p. 163.

³⁾ Квинтиліанъ, Declam. 262, t. III, p. 69.

зывали мужчину за спошение съ развратной женщиной. Для того, чтобы пріобрѣсти себѣ подобную свободу и право предаваться своимъ порочнымъ наклонностямъ, жены даже самыхъ знатныхъ римлянъ старались переходить въ число распутныхъ публичныхъ женщинъ. Между тѣмъ какъ мужья предавались разврату въ публичныхъ домахъ, жены ихъ дома дѣлали то же самое, окружали себя любовниками, тратили громадныя суммы на предметы роскоши, занимались развратными исторіями. Ничего не было порочнаго и пизкаго, чего бы они не позволили себѣ¹⁾. Цѣломудренность женщинъ была такъ рѣдка, что получить цѣломудренную жену считалось необыкновеннымъ дѣломъ²⁾.

Вотъ до чего довелъ язычество его бракъ своею полигаміей и разводомъ! Вотъ какое зрѣлище разврата представляеть языческое общество, гдѣ женщина была упражнена до степени безсловеснаго существа! Начиная съ императора и кончая постыднѣмъ подданнымъ римскаго государства, всѣ до одного заразились этой атмосферой, наполненной міазмами разврата. Не было уже ни семейныхъ узъ, ни святости брачнаго союза, ни вѣрности супруговъ, ни цѣломудрія дѣвицъ, ни стыдливости женъ. Все это греческое и римское общество принесло въ жертву разврату и разнудзанности страстей. Вотъ какъ характеризуетъ язычество Дѣллингеръ: „униженіе женщины, презрѣніе брака, нарушеніе супружеской вѣрности, отвращеніе отъ дѣтей изъ эгоизма и разврата, сопровождаемое преступленіями, легкость развода и вторичныхъ браковъ, несущественный порокъ, публичное безстыдство, униженіе безчисленныхъ классовъ людей до степени презрѣніи орудій похоти, — всѣ эти нравственные пороки въ совокупности господствовали на всемъ пространствѣ и были причиной обезлюденія цѣлыхъ провинцій”³⁾.

Не представляеть утѣшительного зрѣлища и народъ еврейской въ эпоху предъ появлѣніемъ христианства. Правда, здѣсь никогда нравственные пороки не доходили до такихъ широкихъ размѣровъ, какъ у грековъ и римлянъ, но полигамія и разводъ, допущенные закономъ, сильно поколебали нравственные основы жизни. У евреевъ было велико нравственное развра-

1) Сатира Ювенала, v. 457, p. 79.

2) Tacit., Annal. III, c. 34. t. 1, p. 154: Ювеналь, VI сатира v. 161, p. 69.

3) Döllinger, Christenthum und Kirche, S. 384.

щеніе. Вследствіе полигаміи и развода еврей привыкъ смотрѣть на женщину очень низко. Брачная вѣрность и прочность брачнаго союза сдѣлались крайне шаткими. По свидѣтельству современниковъ, еврей отличался своею чувственностью до такой степени, что, увидя красивую женщину, онъ не могъ удержаться, чтобы не увести ее¹).

Вліяніе христіанскаго брака на семейную и общественную жизнь.

Такимъ образомъ когда явилось христіанство, міръ представлялъ ужасное зрѣлище нравственного упадка и разврата. Новое законоположеніе о бракѣ, возвышение его, дарование женщинѣ тѣхъ правъ, которыя ей принадлежать по природѣ, возстановляетъ этотъ міръ, погрязшій въ развратѣ. Христіанство никакъ не могло сносить, чтобы супружество было оскорбляемо и унижаемо наложничествомъ; наложничество было не совмѣстимо съ той высокой святостью и чистотою брака, какой требуетъ христіанство. Наложничество нарушило то безусловное единство брачныхъ узъ, какое требуется отъ христіанского брака. Наложницы постепенно были изгнаны. Впрочемъ опѣ еще существовали въ первые вѣка христіанства и даже законы христіанскихъ императоровъ признавали ихъ существование, хотя и съ большими ограниченіями. Это была дань тому остатку развращенныхъ нравовъ, которыми запятнано себя языческое общество. Но наконецъ христіанскія понятія о бракѣ успѣли сильно проникнуть въ общество и изгнать оттуда этотъ остатокъ грубаго и безнравственнаго язычества. Похищеніе и растлѣніе женъ, столь частое въ язычествѣ, потерпѣло въ христіанствѣ значительное сокращеніе и даже уничтоженіе. Какъ въ язычествѣ похищеніе случалось каждый день, такъ напротивъ въ христіанствѣ на него смотрѣли, какъ на рѣдкость и стремились даже уничтожить совершенно. Одното уже, что императоръ Константинъ нашелъ возможнымъ наказывать это преступленіе смертной казнью²), показываетъ, что оно почти не существовало въ христіанствѣ. Какъ бы могъ быть приложенъ этотъ законъ къ практикѣ, если бы и

¹⁾ Иустинъ, Dialog. cum Triphon. p. 141.

²⁾ Cod. Theod. IX, tit. 25, 1, 1 et. 2.

въ христіанскій періодъ государства, это преступлеше повторялось столь же часто, какъ и въ языческій. Законъ остался бы безъ примѣненія, потому что по строгости его нельзя было бы примѣнить его къ столь распространенному пороку. Публичный развратъ также уменьшился до такой степени, что императоръ Осодосій II хотѣлъ запретить и уничтожить всѣ публичные дома, въ чемъ ему помогаль Флоренцій, — одинъ богатый правитель. Такъ какъ публичные дома доставляли государству огромные доходы и, слѣд., съ закрытиемъ ихъ государство потерпѣло бы значительный уронъ, то правитель предложилъ свои услуги и имущество для покрытия государственныхъ потерь, происходящихъ отъ закрытия этихъ домовъ¹⁾). Правда, попытка императора Осодосія не удалась и публичные дома еще существовали, но уже одно намѣреніе императора показываетъ, что развратъ очепь уменьшился, такъ что показалось возможнымъ прекратить его совершенно. А благородный примѣръ Флоренція свидѣтельствуетъ, что взглянуть христіанъ на развратъ былъ совершенно иной, нежели у язычниковъ. Какъ язычники не считали развратъ и преступлениемъ, такъ напротивъ христіане отвращались отъ него, какъ отъ гиуснаго порока. Находились люди, какъ напр. вышеупомянутый Флоренцій, которые не щадили даже собственного имущества, чтобы только другихъ предотвратить отъ разврата. Исторія христіанства представляетъ намъ много высоконравственныхъ личностей, о какихъ не знало язычество, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеній. Цѣломудріе считалось столь священнымъ въ глазахъ христіанъ, что они соглашались скорѣе умереть, нежели лишиться его. Въ актахъ мучениковъ можно видѣть, что даже язычники сознавали, какъ высоко христіанская жены цѣнили свое цѣломудріе. Потому, когда никакія пытки и мученія не могли принудить ихъ отречься отъ Христа, суды отправляли ихъ въ публичные дома; и это было для нихъ самымъ жестокимъ мученіемъ. Они соглашались лучше перенести смерть, нежели идти въ эти дома и лишиться дѣвственности. Нарушеніе супружеской вѣриности было также чрезвычайно рѣдко въ христіанствѣ, такъ какъ императоръ Константина пашель возможнымъ это рѣдкос, но вмѣстѣ съ тѣмъ постыдное въ глазахъ христіанина, престу-

¹⁾ Novell. Theod. II, tit. 18.

пленіе наказывать смертью¹⁾). Христіанскіе апологеты осмѣли-
вались говорить въ глаза язычникамъ, что языческое общество
достигло крайней степени развращенія, между тѣмъ какъ
христіане всѣмъ извѣстны чистотою своей нравственности. На
это язычники ничего не могли сказать, потому что факты,
свидѣтельствующіе о высокой нравственной чистотѣ христіанъ,
были налицо. Самая даже роскошь и безумная траты имущес-
тва и денегъ, которыхъ были доведены въ язычествѣ до край-
ней степени, особенно предъ пришествіемъ Спасителя, въ
христіанствѣ быстро начали уменьшаться. Въ христіанствѣ
женщина, сознавши свое человѣческое достоинство, сознавши,
что не въ томъ состоитъ ея назначеніе, чтобы быть игрушкою
мужчины, естественно должна была оставить эту безумную
роскошь, употребляла свое имѣніе на дѣла благотворительности
и сама себя посвящала на служеніе ближнимъ. Дѣйствительно,
въ первые вѣка христіанскаго общества мы видимъ, какъ бо-
гатыя женщины жертвуютъ всѣмъ своимъ имуществомъ, чтобы
помочь бѣднымъ и страждущимъ, не думая тратить его, какъ
тратили языческія жены. Такимъ образомъ нравственная чи-
стота служила первымъ отличиемъ христіанъ, мужчинъ и жен-
щинъ; презрѣніе къ пороку и желаніе лучше умереть, чѣмъ
сдѣлать преступленіе противъ дѣства или супружеской вѣр-
ности — всѣ эти черты нравственного характера появились
только со временеми Христа. Язычество представляеть совершен-
ный контрастъ этой нравственной чистоты и святости; іудей-
ство стояло также на низкой степени въ нравственномъ отно-
шении.

Чѣмъ же объяснить этотъ переворотъ въ нравственномъ
мирѣ? Главная причина этого конечно заключается въ тѣхъ
понятіяхъ, какія христіанство сообщило о бракѣ. Оно сдѣлало
бракъ союзомъ душъ, союзомъ столь же священнымъ и нерас-
торжимымъ, какъ священъ союзъ Христа съ Церковью. Здѣсь
не должно быть нарушенія супружеской вѣрности, потому что
бракъ святъ, какъ святость составляетъ конечную цѣль союза
Христа съ Церковью; супруги должны быть единными тѣломъ.
При такомъ высокомъ нравственномъ характерѣ брака, непре-
мѣнно должно было уничтожиться то безпрестанное парушеніе
брачныхъ узъ, какое мы видѣли въ язычествѣ, гдѣ бракъ былъ

1) Cod. Theod. IX, tit. VII, 1. 1 et seq.

простымъ гражданскимъ учрежденіемъ. Притомъ христіанство, возвысивъ женщину, тѣмъ самымъ возвысило и бракъ. Женщина признана такимъ же человѣческимъ существомъ, какъ и мужчина. Потому она уже не могла быть рассматриваема какъ орудіе, назначенное для удовлетворенія похотей мужчины. Загнанная въ язычество, она легко поддавалась вся кому порыву своихъ чувственныхъ страстей; между тѣмъ какъ возвышенная въ христіанствѣ, она получила нравственную твердость, такъ какъ ей самой нужно было заботиться о своемъ положеніи въ Церкви. Женщина, окрѣпшая нравственно, уже не могла быть увлечена въ бездну разврата. Извѣстъ непрѣмѣнныи законъ природы, что если человѣкъ находится въ состояніи рабства, то его нравственная природа искалечается и обезображивается, нравственный характеръ падаетъ; напротивъ, чѣмъ болѣе получаетъ человѣкъ законной свободы, тѣмъ выше его нравственная природа. То же испытала на себѣ и женщина. Въ язычество она была унижена, а потому развращена и нравственно искалечена; въ христіанствѣ она получила человѣческія права, возвысилась, и потому ея нравственный образъ достигъ совершенно неизвѣстной язычеству нравственной высоты.

Установленіе правильнаго брака и возстановленіе женщины отразилось и на семейной жизни не только супруговъ, но и всѣхъ членовъ семейства. Въ язычествѣ при понятіи о бракѣ, какъ гражданскомъ учрежденіи, не могло быть и рѣчи о семье въ томъ смыслѣ этого слова, какой придало ему христіанство. Конечно и въ древнія времена, до христіанства, была семья; безъ семьи не можетъ быть человѣческаго общества, потому что семья не есть что-нибудь искусственное, созданное тѣмъ или другимъ законодательствомъ, а есть прирожденная человѣчеству форма жизни. Вслѣдствіе этого вездѣ, гдѣ бы ни находился человѣкъ, мы находимъ семью. Этотъ законъ вложенъ въ человѣка Самимъ Творцемъ.... Но постепенно эта естественная форма жизни искажалась вслѣдствіе поврежденія и уничтоженія тѣхъ чувствъ, которыя служатъ основой семейной жизни. При томъ бракѣ, какой существовалъ въ язычествѣ, семья потеряла свою основу. Бракъ имѣлъ чисто гражданскій, общественный характеръ; здѣсь преслѣдовались чисто политическіе интересы. Могла ли быть при такомъ взглядѣ на бракъ любовь между супругами, которая служить основой семейства.

Гражданский характеръ брака совершенно не допускалъ этой любви. Притомъ полигамія и разводъ успѣли бы уничтожить эту основу, еслибы и могла сохраниться нѣкоторая слабая тѣнь ея въ языческомъ обществѣ. Мы видимъ, что семья въ язычествѣ въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе слабѣеть; любовь между супругами признается излишнею и супружество доводится до степени обязательного гражданскаго долга; порча правовъ прекращаетъ это самопожертвованіе въ пользу государства; супружество падаетъ; браки становятся день отъ дня рѣже и рѣже; никто не хочетъ брать на себя этого бремени, никто не желаетъ приносить въ пользу государства своихъ естественныхъ паклонностей и влеченія сердца. Всѣ пришли къ заключенію, что имъ гораздо удобнѣе и выгоднѣе пользоваться сожитіемъ въ брачнаго союза. При такомъ взглѣдѣ на бракъ, какъ на гражданское учрежденіе, при господствѣ эгоистическихъ интересовъ, никто не хотѣлъ уже довольствоваться одними брачными узами. Развратъ потребовалъ постояннаго расторженія супружескихъ союзовъ. Сначала мужья, какъ деспотические владыки, пользовались этимъ правомъ, потомъ и жены присвоили его себѣ. Дѣло дошло до того, что, по словамъ одного сатирика, жены считали годы свои не по числу консультовъ, какъ велось въ древнія времена, а по числу своихъ мужей. Тѣсная связь, любовь супруговъ, которая должна составлять основу семьи, была совершенно уничтожена въ язычествѣ. Ничто не привлекало молодаго человѣка къ домашнему очагу, который долженъ быть источникомъ тихаго семейнаго счастья; всѣ бѣжали отъ супружества, какъ отъ тѣжкаго бремени; всѣ стремились сбросить съ себя эти оковы. Все это зависѣло отъ того понятія, какое язычество составило о брачномъ союзѣ. Гражданскій характеръ брака уничтожилъ всѣ связи, которыя соединяютъ семью, служатъ основой ея. Какія же мѣры предложило язычество міру для поправленія этого зла? Какъ думали язычники удержать семью отъ ея конечной гибели? Какое средство они измыслили, чтобы мужа привлечь къ женѣ и жену къ мужу и тѣмъ остановить распространившееся отвращеніе мужчинъ къ семейной жизни? Язычество предлагало мѣры гражданскія. Бракъ по попутію язычниковъ былъ обязанностью въ отношеніи государства; потому государство и должно регулировать брачный союзъ; оно должно побуждать къ браку наградами и наказывать отвращеніе отъ

него различными именами. Такъ действительно и было. Императоръ Августъ, который въ годы юности былъ проникнутъ духомъ своего времени и своего народа, подъ старость окинуль взглядомъ все современное ему общество и ужаснулся, увидѣвъ, что цѣлымъ провинціи обезлюдили всѣдѣствіе отвращенія его подданныхъ отъ семейной жизни. Для того, чтобы возстановить семью, онъ полагаетъ награды тѣмъ, которые вступали въ супружество, и наказываетъ тѣхъ, которые оставались въѣ брака. Конечно язычество ничего не могло принимать лучшаго, не измѣнія взгляда на бракъ, какъ гражданское учрежденіе. Къ несчастію всѣ старанія этого императора остались тщетными: наклонность къ безбрачной жизни распространялась съ каждымъ днемъ; молодые люди того времени соглашались лучше понести наказаніе, положенное въ законѣ за безбрачіе, нежели обязать себя этими узами. Семья распадалась отъ недостатка самого существеннаго элемента, именно супружеской любви,—любви, которой язычество не требовало и даже не знало.

Кромѣ любви мужа къ женѣ и жены къ мужу въ число элементовъ, составляющихъ основаніе семьи, входитъ любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, такъ какъ бракъ имѣеть цѣлью нарожденіе новаго поколѣнія и воспитаніе его. Этой любви въ язычествѣ также не существовало. Языческій бракъ, какъ государственное учрежденіе, имѣеть цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, какъ только гражданъ, а не какъ индивидуумовъ, не какъ человѣческихъ существъ. Потому отецъ, какъ глава семьи, обязывался доставлять государству какъ можно больше гражданъ и какъ можно лучшихъ. Всѣ личныя симпатіи къ дѣтямъ здѣсь должны были уступить мѣсто суроей необходимости рождать и воспитывать новыхъ гражданъ. При такомъ взглядѣ на цѣль брака, въ основѣ отношеній отца къ сыну копечно не могла лежать любовь, а долженъ быть положенъ страхъ предъ отцемъ, какъ грознымъ владыкой. Отецъ смотрѣлъ на своихъ дѣтей, какъ на что-то чуждое для него; онъ долженъ былъ преслѣдоватъ одну цѣль—дать государству сильныхъ гражданъ; онъ имѣеть безграничное право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. Часто отецъ приносилъ свою любовь въ дѣтямъ въ жертву государству, для котораго онъ и вступалъ въ супружество. Римъ представляется нашимъ глазамъ Манлія Торквата и Кассія,

которые убили своихъ дѣтей для республики. Они были сы-
нами своего времепи и потому римляне не только не содро-
гались отъ такой жестокости, а напротивъ питали къ нимъ
чувство уваженія за такое пожертвованіе своими интересами
для пользы государства. До такой жестокости доходила от-
цовская власть¹⁾.

Кромѣ лишенія жизни своихъ дѣтей, отецъ могъ продать
ихъ въ рабство, и никто не имѣлъ права удерживать его отъ
этого намѣренія. Отецъ имѣлъ право женить своего сына;
и само правительство вмѣшивалось въ семейную жизнь и
окончательно убивало всѣ ея живыя силы. При бракѣ, какъ
государственномъ учрежденіи, было естественно, что само
правительство имѣло строгій надзоръ надъ семьею, уничто-
жая священныя узы любви, которыя соединяютъ дѣтей съ
родителями. Древность дороже всего цѣнила въ гражданинѣ
физическую силу и ловкость; потому и государство имѣло цѣлью
преслѣдовать въ дѣтяхъ именно эти качества. Дѣти слабыя,
больныя и уроды ему были не нужны; потому оно требовало,
чтобы отцы безъ пощады убивали подобныхъ дѣтей или вы-
брасывали ихъ вонъ²⁾. Мы находимъ въ язычествѣ этотъ обычай
общераспространеннымъ; не одна только Спарта прослави-
лась имъ, и Римъ запятнанъ себя этимъ варварствомъ. При-
выкли къ этому варварскому обычаяу, отцы уже не гнуша-
лись распространять его еще дальше. Бѣдные родители, же-
лая освободиться отъ воспитанія дѣтей, выбрасывали ихъ на
произволъ судьбы; дѣти дѣлались жертвами голода или звѣ-
рей. И не одни бѣдные родители прибѣгали къ этому сред-
ству избавляться отъ своихъ дѣтей, и богатые часто пользо-
вались имъ. Для того, чтобы освободиться отъ плодовъ
прелюбодѣянія, они выбрасывали эти несчастныя жертвы
своего распутства³⁾. Часто родители, желая скрыть свои пре-
ступныя связи, или просто не желая имѣть дѣтей, умери-
няли ихъ еще прежде, нежели они появлялись на свѣтѣ.
Это вытравленіе дѣтей въ утробѣ матери съ каждымъ днемъ

¹⁾ Plutarch. Vita Solon. c. 13, t. 1, p. 212. Законъ XII таблицъ, IV таб-
лица in Cicer. opp. t. XI, p. 430. См. Schmidt, p. 59.

²⁾ Dion. Halic. II, c. 15, t. 1, p. 85. Законъ XII таблицъ, IV таблица in
Cicer. opp. t. XI, p. 430.

³⁾ Terent. Adelph. act. V, sc. 1, v. 23—24, t. II, p. 98, см. Schmidt, p. 58.

принимало болѣе и болѣе широкіе размѣры. Прѣдъ Рождествомъ Христовымъ оно особенно сильно было распространено. Законы не думали полагать конецъ этому преступленію, потому что съ точки зрѣнія язычниковъ отецъ, какъ неограниченный властелинъ жизни и смерти资料 of his son, might умертвить его законно какъ до рожденія его, такъ и послѣ его рожденія. У отца кромѣ этого было еще средство сбыть съ руки дитя, которое воспитывать онъ не желалъ, — онъ могъ не признать его своимъ. По римскимъ законамъ и обычаямъ дитя по рожденіи приносили къ отцу и если онъ признавалъ дитя своимъ, то обязывался воспитывать его; если же неѣть, то дитя немедленно выбрасывалось на произволъ судьбы¹). Такимъ образомъ отцовская власть въ язычествѣ преступала всякія границы человѣчности; здѣсь деспотизмъ проявлялся во всемъ своемъ безобразномъ видѣ. Грубѣе этого деспотизма ничего нельзя представить. Убить собственное дитя, или выбросить его на произволъ судьбы — и это считалось законнымъ и согласнымъ съ человѣколюбіемъ!.... Даже образованные люди своего времени, языческие философы, и тѣ не думали возражать противъ этого жестокаго деспотизма отцовской власти. Мало того, они напрягали весь свой умъ, чтобы оправдать эту звѣрскую свирѣпость, эту безсердечную жестокость отца²).

Могло ли послѣ этого существовать у язычниковъ семейство въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ? Конечно неѣть; у язычниковъ не было подобнаго семейства. Римская „familia“ не есть даже и семья. Основами этой „familia“ были не брачныя отношенія, ее соединяла узами не любовь между супругами, между родителями и дѣтьми и между родственниками, а деспотическая власть мужа надъ женой, отца надъ дѣтьми, словомъ — деспотизмъ paterfamilias. Потому сынъ эмансипированный не принадлежалъ къ семье и даже не наследовалъ имущества отца безъ завѣщанія; напротивъ посторонний человѣкъ, принятый посредствомъ усыновленія, принадлежалъ къ семейству³). Это деспотическое начало, лежащее

¹⁾ Cicer. In vett. II, 1. III. c. 69, t. III, p. 477; Philipp. III, § 6, t. VI, p. 279.

²⁾ Plat., De Rep. V, p. 276. Arist., Polit., I.

³⁾ Вып. 1874 года. Октябрь. стр. 99.

въ основѣ родственныхъ отношеній, и было причиною упадка семьи. При недостаткѣ любви между супругами, бракъ упалъ до послѣдней степени; при недостаткѣ родственной любви, власть отца перешла границы умѣренности и превратилась въ одинъ грубый, жестокій деспотизмъ. Личность сына была уничтожена и сливалась съ личностью отца, который составлялъ въ семействѣ все, или, лучше сказать, былъ единственою личностью въ семье.

Христіанство произвело здѣсь громадный переворотъ. Оно объявило, что бракъ можетъ существовать только при любви между супругами; любви столь высокой и чистой, какая существуетъ между Христомъ и Церковью. Признавъ, что женщина есть личность, имѣющая человѣческое достоинство такое, какое и мужъ, христіанство тѣмъ самимъ уничтожило деспотизмъ мужа. Бракъ христіанскій имѣть своею цѣлью воспитаніе дѣтей, которыхъ, родясь отъ такого брака, уже съ самого рожденія призываются быть членами царства Христова на земль и суть личности такія же, какъ и родители ихъ. Этимъ христіанство ограничило отцовскую власть и уничтожило право лишать жизни своихъ дѣтей. Никто не можетъ лишать жизни дитя, которое есть твореніе Божіе; родители обязываются самимъ бракомъ воспитывать дѣтей для Церкви, а не умерщвлять ихъ по своему произволу. Такимъ образомъ христіанство, поставивъ требованіемъ супружескихъ отношеній любовь, должно было уничтожить древній деспотизмъ отцовской власти. Оно уже не могло хладнокровно смотрѣть на языческую жестокость нравовъ въ отпопеніи права на жизнь и смерть, — права, которое принадлежало отцу надъ дѣтьми. Христіанскіе учителя съ самыхъ первыхъ временъ старались отнять у отцевъ это жестокое и звѣрское право. Ничто такъ сильно не оскорбляло ихъ гуманнаго чувства, какъ эта неестественная жестокость и притомъ жестокость со стороны тѣхъ лицъ, которыхъ больше всѣхъ должны любить, потому что дѣти суть плоть и кровь отца¹⁾. Отцы должны были перемѣнить свой взглядъ на дѣтей и представлять ихъ своею плотью, которую они должны любить, а не показывать на пей опыты своего

¹⁾ Амвросій, *De bono mortis*, c. 8, § 35, t. 1, p. 404; Кицріанъ, Ep. 59, p. 99; *Testim. adv. Jud. III*, c. 71, p. 324; Златоустъ, *Hom. de viduis*, t. III, p. 317.

жестокаго и грубаго деспотизма. Вотъ почему человѣчество съ принятіемъ христіанства должно было съ ужасомъ отвращаться и отвращалось отъ права отца на жизнь и смерть своихъ дѣтей. Законодательство также подтвердило этотъ всеобщій взглядъ христіанъ и отняло у отцевъ это старишое право¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря христіанству, было возстановлено семейство, бывшее па развалинахъ у язычниковъ. Конечно было много причинъ, которыя способствовали возстановленію семьи, разрушенной язычествомъ; но иѣтъ сомнѣнія, что самою главною причиною было возстановленіе брака и утвержденіе его на другихъ основаніяхъ, нежели какія были въ язычествѣ.

Не трудно убѣдиться, что возстановленіе семьи имѣло самое благотворное вліяніе и на воспитаніе дѣтей, и па просвѣщеніе цѣлаго человѣчества: семейное воспитаніе есть корень цивилизаціи. Если язычество разрушило семью, то само собой разумѣется, что у него не могло быть и падлжащаго семейнаго воспитанія. Воспитаніе семейное пало, и тѣмъ самымъ цѣлое человѣчество было обречено въ жертву невѣжеству и грубости, которыя могутъ быть уничтожены единственно семійнымъ воспитаніемъ человѣка. Бракъ былъ лишенъ въ язычествѣ характера индивидуальности; всѣ цѣли брака заключались не въ супругахъ, состоящихъ въ бракѣ, а въ государствѣ. Вступающіе въ бракъ должны были смотрѣть на свое дѣло, какъ на долгъ, которымъ они обязаны государству; чрезъ бракъ они должны были дать государству новыхъ членовъ. Государство обязывало супруговъ имѣти это и имѣть въ виду съ самаго первого момента своего супружества и заботиться обѣ этомъ больше всего. Смотря на бракъ, какъ на гражданскую обязанность, государство естественно прежде всего должно было взять подъ свой присмотрѣ дѣтей, какъ своихъ новыхъ гражданъ. Вотъ причина, почему въ язычествѣ государство беретъ на себя обязанность воспитанія, не предоставляя ея родителямъ. Семейного характера воспитанія въ язычествѣ не существовало; государство съ самаго первого момента жизни дитяти старалось регули-

¹⁾ Dig. XLVIII, t. 8, 1, 2; законъ Александра Севера, 227. Corp. jur. VIII, tit. 47, 1, 3.

ровать его воспитание. Особенno государственный характеръ воспитанія выразился во всей своей силѣ въ Спартѣ. Даже самые образованные люди въ язычествѣ не сознавали всего вреда и опасности отъ такой постановки воспитанія и отъ такого государственного его характера. Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ хотѣлъ, чтобы дѣти немедленно послѣ рожденія отдавались правительству, такъ чтобы мать даже не знала своего дитяти¹⁾. Аристотель былъ почти такого же мнѣнія объ этомъ предметѣ, хотя и не доходилъ до крайности платоновскаго воспитанія²⁾. Язычество не могло допустить семейнаго воспитанія. Правда, на практикѣ не всегда строго соблюдался этотъ государственный идеалъ воспитанія, а давали право родителямъ подъ надзоромъ государства заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей; но отъ этого воспитаніе выигрываетъ очень мало. Отецъ, смотря на сына, какъ на новаго члена государства, стремился развить въ немъ тѣ способности, которыя прежде всего необходимы для гражданина, а не для человѣка вообще. Характеръ воспитанія былъ чисто государственный; развивали въ дитяти физическія силы и ловкость, сообщали ему знаніе законовъ и учили прилагать ихъ къ практикѣ, но не заботились о воспитаніи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не старались развить въ дитяти тѣхъ силъ и способностей духа, которыя необходимы для него, какъ для человѣка. Потому мы не ошибемся, если скажемъ, что въ язычествѣ не было воспитанія, а было одно только образованіе съ государственнымъ характеромъ. При потерѣ бракомъ индивидуальности, вслѣдствіе его государственного характера, и дѣти—плоды брака стали рассматриваться именно съ этой государственной точки зреія; не было надобности воспитывать ихъ какъ людей, нужно было образовывать ихъ, какъ членовъ государства. Если само государство не занималось образованіемъ, то предоставляло отцу развивать въ дитяти тѣ стороны, какія нужны для государственной жизни,—отцу, какъ представителю власти государства въ семье. Мать была совершенно устранена отъ воспитанія дѣтей. Впрочемъ она едва ли и могла воспитывать дитя. Загнанная, лишенная человѣческаго достоинства въ язычествѣ и вслѣдствіе этого нрав-

¹⁾ De Rep. V, p. 274.

²⁾ Polit. VIII, c. 1, p. 244.

ствено надломленная и искаженная, мать не могла быть хорошей воспитательницей своихъ дѣтей, не могла имъ сообщить того высокаго нравственнаго элемента, какой требуется отъ воспитателя. Притомъ и само государство не могло смотрѣть одобрительно на женщинъ—воспитательницъ. Государство, основанное на грубой физической силѣ, требовало ся и отъ воспитателя, какъ необходимую принадлежность. Оно никакъ не могло согласиться допустить до воспитанія мать—представительницу мягкости характера и женственности, какъ противовѣсь грубости мужчины. Потому въ язычествѣ мы не находимъ матерей, воспитывающихъ своихъ дѣтей. Когда же нравы развратились въ Римѣ и вообще во всемъ язычествѣ, то родители и сами, независимо отъ взгляда и цѣлей государства, стремились сбросить съ себя бремя воспитанія дѣтей,—обязанность, которую налагаетъ на нихъ бракъ. Они всѣми мѣрами старались освободиться отъ этого бремени, предоставивъ воспитаніе дѣтей рабамъ. Этого еще мало; даже изъ среды самихъ рабовъ они выбирали для воспитанія дѣтей менѣе способныхъ, потому что болѣе способные нужны были для обработки полей и вообще для отправлѣнія хозяйственныхъ работъ¹⁾). Такимъ образомъ воспитаніе дошло до степени самаго низкаго и послѣдняго ремесла, исполняемаго рабами.

Если таково было воспитаніе сыновей, то воспитаніе дочерей было еще хуже. Съ дѣства предназначаемыя быть игрушкою страстей мужа, дѣвицы съ раннихъ поръ только и могли слышать наставлѣнія, какъ развить въ себѣ тѣ качества, которыя соотвѣтствовали этой цѣли. Притомъ женщина со дня рожденія и до самой смерти признавалась существомъ несовершеннолѣтнимъ; ей суждено было находиться въ чистомъ деспотизмѣ отца и мужа. При такомъ положеніи женщины, прежде всего заботились пріучить ее безропотно покоряться своей суперской долѣ и смиренno переносить разнаго рода притѣженія и обиды, т. е. съ самого дня ея рожденія, родители направляли всѣ свои усилия къ тому, чтобы заглушить въ дочери всякое чувство человѣческаго достоинства.

Такая постановка воспитанія не земедлила принести свои горькіе плоды. Дитя, съ дѣства не получая никакого развитія главныхъ способностей души, которая, отличаютъ человѣка

¹⁾ Plutarch., *de liberis educandibus*, c. 7, t. VII, p. 13.

вѣка отъ животныхъ, теряло свое человѣческое достоинство. Такъ какъ родители ни мало не заботились о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, поставляя на мѣсто нравственности однѣ гражданскія добродѣтели, то поколѣніе за поколѣніемъ постоянно грубѣло и нравственное упадало, и наконецъ, около Рождества Христова, какъ мы уже видѣли, нравственность упала до такой степени, что люди уже не находили никакихъ средствъ поправить дѣло. Образованіе въ язычествѣ состояло только въ развитіи гражданскихъ добродѣтелей. Когда же эти добродѣтели пали, люди оказались безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, лишенные всякой нравственной точки опоры. Всеобщее развращеніе и нравственный упадокъ человѣчества были неизбѣжными стѣдствіями отсутствія надлежащаго воспитанія. Презрѣніе къ труду, презрѣніе къ самой жизни, непомѣриая роскошь, отвращеніе отъ семейной жизни, исключительное преобладаніе эгоистическихъ интересовъ и всеобщій развратъ — вотъ тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которая повлекло за собой отсутствіе воспитанія въ язычествѣ. Что же сдѣлало христіанство? Оно установило бракъ съ цѣлью воспитанія дѣтей, чтобы они были членами царства Божія на землѣ; оно измѣнило гражданскій характеръ воспитанія, какой былъ въ язычествѣ, а вмѣсто этого предоставило родителямъ священное право самимъ воспитывать своихъ дѣтей, чтобы приготовить изъ нихъ прежде всего слугъ Божіихъ и сдѣлать ихъ гражданами вѣчнаго царства. Христіанство учило, что гражданскія добродѣтели, науки и искусства не приведутъ ни къ чему доброму, не принесутъ никакой пользы, если основы жизни будутъ намъ неизвѣстны, если мы будемъ чужды тѣхъ цѣлей, какія начертаны въ самомъ нашемъ существѣ. Потому христіанство требовало прежде всего развитія личности и человѣческаго достоинства, чтобы на этомъ, какъ на базисѣ, человѣкъ могъ основать все свое значеніе, всю свою дѣятельность. Развращеніе общества, упадокъ языческаго міра Отцы и Учителя Церкви видѣли именно въ томъ, что было потеряно при воспитаніи изъ виду высшее назначеніе человѣка и забыта его конечная цѣль¹). При такомъ взглядѣ на воспитаніе, Учителя Церкви увѣщевали родителей не предоставлять этого важнаго дѣла рабамъ, а

¹⁾ Златоустъ, De vidnis, III, p. 317.

обязывали ихъ самихъ заниматься этимъ, потому что въ добреі этого дѣла рабамъ они видѣли причину нравственаго растлѣнія цѣлаго человѣчества¹). Обязательность воспитанія особенно возлагается на мать. Ея первою обязанностью Учителя Церкви считали именно воспитаніе²). Благодаря этому исторія христіанства представляетъ памъ примѣры многихъ знаменитыхъ матерей — воспитательницъ, напр. Нонну-мать Григорія Назіанзена, Монику — мать Августина, Анфису — мать Златоуста. Такимъ образомъ мать сдѣлалась разсадникомъ возрожденія человѣчества. Христіанскій бракъ послужилъ не только средствомъ къ размноженію рода человѣческаго, но и орудиемъ къ духовному возрожденію человѣчества. Новѣйшая цивилизація, гордящаяся своими познаніями, есть плодъ этого прекраснаго учрежденія. Среди язычества начало вырождаться всякое образованіе, все истинно прекрасное и высокое въ немъ прекратилось, всѣ жизненные силы просвѣщенія исчезли. Явилось христіанство, измѣнило воспитаніе, дало ему другое направленіе, и положило новые основы, — и человѣчество пошло спасающими шагами впередъ.

Измѣнивши человѣчество чрезъ новую поставовку воспитанія, христіанство тѣмъ самымъ положило крѣпкую основу и для государственной жизни. Язычество стремилось къ этой государственной жизни, какъ къ своей цѣли, и въ корень уничтожило ее; христіанство поставило цѣлью индивидуальное перерожденіе человѣка и тѣмъ возвысило силы государства. Христіанство, положивши въ основѣ брака личность, вместо языческой государственной обязанности, способствовало возвышенію каждого отдельнаго человѣка. Бракъ есть основа общественной жизни и потому христіанство, возвысивъ бракъ, тѣмъ самымъ возвысило и общество, и государство. Какое печальное зреѣлище представляло язычество предъ пришествиемъ Спасителя! Всюду распространившееся отвращеніе отъ брачной жизни, истребленіе своихъ дѣтей, чтобы не воспитывать ихъ, — все это въ совокупности довело состояніе язычества до самой крайней степени упадка: цѣлые провинціи опустѣли, потому что народонаселеніе съ каждымъ днемъ все больше и

1) Златоустъ, Hom. 9 in Col. § 2, t. XI, p. 392.

2) Златоустъ, Quales ducendae sint uxores, t. III, p. 227; Иеронимъ, Comm. in Tit. c. 2, t. III, p. 427; Ep. 107, 128, t. 1, p. 681, 961.

больше вымирало; поля оставались невоздѣланными, потому что некому было воздѣлывать ихъ; распространившаяся анастезия и презрѣніе къ труду завершали общественное бѣдствіе. Напрасны были усилия Августа и другихъ императоровъ хотя сколько-нибудь поправить бѣду¹⁾). Отъ чего же это произошло? Главнымъ образомъ отъ упадка брачнаго института. Когда бракъ потерялъ значеніе государственного долга, когда въ немъ стали искать только удовлетворенія своимъ чувственнымъ наклонностямъ и страстиамъ, тогда естественно должно было упасть законный бракъ; его избѣгали, потому что считали лучшимъ для себя жить виѣ брака. Цѣлью брака въ язычествѣ было рождать новыхъ гражданъ, слѣд. цѣлью государственія. Когда человѣчество развратилось, оно стало тяготиться этимъ служеніемъ государству; мужья старались сбѣтъ руки этихъ слабыхъ существъ. Слѣдствіемъ этого было обезлюдепье цѣлыхъ провинцій и недостатокъ рабочихъ силь.

Христіанство, установивъ правильное понятіе о бракѣ, возвысивъ и освятивъ отношенія между супружами, тѣмъ самымъ способствовало возвышепю брачной жизни въ глазахъ общества. Браку были сообщены новыя силы, и онъ снова сталъ привлекать къ себѣ вмѣсто того, чтобы отталкивать, такъ какъ оно имѣло высокую и священную цѣль, а не удовлетвореніе одной лишь чувственной похоти. Благодаря всему этому начинается возрождаться общественная жизнь; снова быть данъ толчекъ дѣятельности, снова были возбуждены силы, находящіяся въ язычествѣ въ состояніи сна и бездѣятельности. Новѣйшая цивилизациѣ, процвѣтаніе наукъ, искусствъ и наконецъ гуманныя идеи суть плоды христіанства. Если бы не явилось христіанство, все это умерло бы среди погибающаго язычества при самомъ началѣ. Правда, теперь трудно и не съ первого взгляда можно увидѣть, что всѣмъ этимъ мы обязаны христіанству, потому что мы родились въ немъ и воспитались подъ его вліяніемъ. Всѣ гуманныя идеи, которыя оно проповѣдуетъ, кажутся намъ совершенно естественными, прирожденными человѣку; кажется, что мы получаемъ ихъ и доходимъ до нихъ сами собой; но если такъ на самомъ дѣлѣ, то почему же язычество не могло возвыситься до этихъ гуманныхъ идей, которыми гордится современное

¹⁾ Döllinger, Neidenthum und Judenthum, въ отдѣлѣ о Греціи и Римѣ.

человѣчество? И тамъ была своего рода наука и образованность, но все же язычество было чуждо гуманистическихъ идей. Торговля и ремесла своимъ высокимъ состояниемъ также обязаны христіанству. Оно возстановило индивидуумъ, дало ему новыя силы трудиться, и человѣчество снова принялось за трудъ и быстро пошло впередъ, между тѣмъ какъ языческій міръ предъ пришествиемъ Спасителя шелъ быстрымъ шагомъ назадъ, къ первоначальной грубости и дикости. Представляя все это, нельзя безъ глубокаго уваженія и удивленія смотрѣть на великое дѣло, совершенное христіанствомъ. Но если мы будемъ слѣдить за самымъ процессомъ, какъ христіанство возрождало жизнь семейную и общественную, поставило все на другихъ основахъ и сообщило всему новый толчекъ, то мы ясно можемъ увидѣть, что *главной причиной было бракъ*. Посредствомъ его былъ возрожденъ союзъ семейный, а чрезъ этотъ послѣдній и жизнь общественная, потому что семья служитъ основой общества, которое есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе семьи.

IV.

ВЛИЯНИЕ МУХАММЕДАНСКАГО БРАКА НА СЕМЕЙНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЪКА.

Критика различныхъ взглядовъ на положеніе женщины въ Аравіи до Мухаммеда и послѣ Мухаммеда.

Мухаммаданское законоположение о бракѣ, противоположное почти во всѣхъ отношеніяхъ христіанскому, естественно должно было принести и противоположные плоды. Многоженство, дозволенное Мухаммедомъ, легкость развода по требованію и желанію мужа, поглощеніе имъ личности жены и чувственныи характеръ, обнаруживающійся во всемъ законодательствѣ ислама о бракѣ, не могли не произвести печальныхъ послѣдствій и не оставить послѣ себя горькихъ следовъ въ жизни какъ отдѣльныхъ семей, такъ и цѣлыхъ государственныхъ корпорацій. Бракъ есть договоръ двухъ лицъ, мужа и жены. Потому нерациональность этого законоположенія прежде всего должна была отразиться на которомъ-нибудь изъ лицъ, вступающихъ въ брачный договоръ. Правдѣ, мухаммаданскій бракъ по причинѣ неравности отпослѣдній, какая онъ установилъ между супругами, слишкомъ гибельно повлиялъ на одну половину человѣческаго рода, имѣющію на женщину, — она упала до самой послѣдней степени.

Никто изъ ученыхъ не спорить о томъ, что положеніе женщины въ мусульманствѣ чрезвычайно плохо сравнительно съ христіанствомъ. Но когда обращаютъ вниманіе на положеніе женщины въ Аравіи до и послѣ Мухаммеда, то ученые во мнѣніи относительно мусульманского законодательства расходятся. Одни изъ нихъ думаютъ и доказываютъ, что Мухаммѣдъ ухудшилъ и безъ того уже незавидное положеніе женщины въ Аравіи; другіе напротивъ стараются доказать, что онъ значительно улучшилъ это положеніе женщины и далъ ей

многія права, которыхъ она раньше этого времени была лишена. Къ числу первыхъ принадлежитъ англійскій ученый, Мюръ, который очень сильно обвиняетъ Мухаммада въ крайнемъ уніженіи женщины въ Аравії¹⁾. Къ числу послѣднихъ принадлежать французскіе известныя ученые Коссенъ-д-Персеваль²⁾, Сентъ-Илеръ³⁾ и Ренанъ⁴⁾. Замѣчательно, что французскіе ученые ориенталисты очень щедры на панегирики въ честь Мухаммада,—на панегирики, которые отзываются часто явными патійками. На противъ, нѣмецкіе и англійскіе ученые не находятъ въ мусульманствѣ этихъ похвальныхъ сторонъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Потому решеніе этого вопроса требуетъ большаго труда. Насколько по своему интересу онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, настолько по разногласію о немъ ученыхъ изслѣдователей опѣ требуетъ не мало труда. Мы постараемся решить этотъ вопросъ, не отступая отъ тѣхъ фактovъ, которые представляются въ подтвержденіе того и другаго мнѣнія. Изложимъ сначала мнѣніе защитниковъ Мухаммада и тѣ доказательства, которыя они приводятъ въ свою пользу, потомъ сдѣласмъ критическую оценку ихъ и выведемъ свое заключеніе.

Защитники Мухаммада говорятъ, что опѣ не только не ввелъ многоженства, но нашелъ его въ Аравіи очень распространеннымъ и употребилъ всѣ усилия ограничить его и действительно ограничилъ его четырьмя женами, что составляло большой шагъ впередъ при всеобщемъ господствѣ край-

¹⁾ M. W. Muir, *The life of Mahomet*, t. III, p. 302 et seq. Здѣсь Мюръ между прочимъ говоритъ: «положеніе, усвоенное Мухаммедомъ женщинамъ, есть положеніе, зависшее отъ пизней твари, назначеною исключительно для служенія своему господину..... Тогда какъ мужъ владѣетъ такой абсолютной, непосредственной, безотвѣтственной властью развода, эта привилегія не соотвѣтствующей степени не сохранила за женой. Лишепна свободы, находящаяся въ пренебреженіи, или превращенная въ ничто, она назначена быть постоянной работой мужа..... Находясь въ такомъ стѣсненіи, въ такомъ заключеніи, упражненіи, будучи почти рабою чувственного удовольствія, она назначена для минутнаго каприза или страсти. Трудно послѣ этого сказать, что положеніе женщинъ было улучшено кодексомъ Мухаммада, — и не колеблюсь высказать рѣшительное мнѣніе, что при предшествовавшихъ институтахъ Аравіи женщины владѣли болѣею свободой и использовались болѣе сплѣнными, болѣе здравыми и болѣе законными вліяніемъ».

²⁾ *Essai sur l'histoire des Arabes*, t. III, p. 336.

³⁾ Barthélémy Saint-Hilaire, *Mahomet et le Coran*, p. 202—206.

⁴⁾ Renan, *Origines de l'islamisme*, p. 244—249, 285—288.

пяго многоженства. Они думаютъ, что многоженство было сильно укоренено въ нравахъ и обычаяхъ арабовъ, такъ что Мухаммеду не было никакой возможности искоренить его, не подвергаясь опасности быть отвергнутымъ и не имѣть никакого успѣха; многоженство вообще составляетъ отличительную черту жизни восточныхъ народовъ и всегда было язвою ихъ обществъ. „Нужно признаться, говоритъ Сент-Плеръ, что не Мухаммедь ввелъ полигамію. Онъ иаписъ се укоренившееся съ незапамятныхъ временъ у тѣхъ народовъ, которыхъ онъ обратилъ въ исламъ; она была къ несчастію обычаемъ почти цѣлой Азіи. Итакъ не слѣдуетъ укорять его, будто бы онъ ввелъ ее и внесъ въ міръ этотъ порокъ и бичъ..... Справедливая критика не должна преувеличивать темныхъ сторонъ ислама. Аравія не была римской провинціей; доктрина христіанская вмѣстѣ съ іудействомъ дѣлала усилия проникнуть къ тѣмъ племенамъ, которыя населяли этотъ полуостровъ. Христіанство положило основаніе моногаміи у тѣхъ народовъ, которые вполнѣ были приготовлены къ принятію ея, потому что на практикѣ они почти всѣ соблюдали ее¹⁾). „Что касается полигаміи, говоритъ другой французскій ученый, то она существовала въ нравахъ и законахъ Востока съ глубокой древности; самые знаменитые правители іудейского народа, Давидъ и Соломонъ, не были свободны отъ нея; Александръ Македонскій, вслѣдствіе своихъ завоеваній въ Азіи, послѣдовалъ тѣмъ же самымъ традиціямъ. Его знаменитые военачальники, сдѣлавшіеся царями Египта и Сиріи, равно усвоили себѣ этотъ обычай; слѣд. Мухаммѣдъ, ставшійся сообразоваться съ древними привычками арабовъ, не могъ уничтожить полигаміи, но онъ регулировалъ ее. Въ этомъ отношеніи исламъ представляется замѣчательный прогрессъ..... Мусульманинъ по Корану можетъ жениться на четырехъ законныхъ женахъ, по изъ этихъ четырехъ законныхъ женъ каждая должна имѣть свой отдельный покой и прислугу. Это сдѣлало полигамію условиемъ роскоши, нераздѣльной съ богатствомъ²⁾). Того же мінѣя, т. е. что полигамія была до Мухаммѣда въ Аравіи въ гораздо болѣе распространенномъ видѣ, чѣмъ послѣ его

¹⁾ Mahomet et le Coran, p. 176—177.

²⁾ Bibliothèque du journal le Levant. La civilisation musulmane, p. 31 et ceter.

законодательства, держатся Коссенъ-де-Персеваль¹), Гарсенъ-де-Тасси²) и Лоранъ³). Всъ эти поименованные ученые единогласно утверждаютъ, что полигамія была сильнѣе распространена въ Аравіи до Мухаммеда, чѣмъ послѣ него, хотя ни одинъ изъ нихъ не приводитъ никакого доказательства въ пользу своего мнѣнія, исключая общихъ разсужденій о полигаміи, какъ отличительномъ признакѣ Востока. Всѣдѣствие полигаміи и унизительного взгляда на женщину, какой существовалъ въ Аравіи до Мухаммеда, по мнѣнію этихъ ученыхъ⁴), основывающемся на словахъ Корана, положеніе женщины въ Аравіи было столь плачевно и презрѣніо, что

¹⁾ *Essai sur l'histoire des Arabes*, t. III, p. 336—338: t. 1, p. 351.

²⁾ *L'islamisme d'apres le coran*, preface.

³⁾ *Etudes sur l'histoire de l'humanit *, par Laurent, t. V, p. 494

⁴⁾ Шолль, французскій ученый, въ такихъ словахъ изображаетъ положеніе женщины въ Аравіи до Мухаммеда: «Не смотря на страстные стихи эротическихъ поэтомъ, на женщины, сказать правду, смотрѣли только какъ на существа, необходимыя для продолженія рода человѣческаго. Не трудно также понять, что общества (societe) не поймѣши значеній этого слова не существовало. Арабы, какъ и большая часть семитическихъ народовъ, славились въ особенностиюю любовью къ семейной жизни. Намъ съ особенной охотой предлагаютъ пѣхія описаний центральныхъ наслажденій того времени. Дѣйствительно въ этомъ мнѣніи есть доля истины, но оно также заключаетъ въ себѣ и ложь и неточность. Можетъ быть покажется страннѣмъ, если мы станемъ утверждать, что древніе арабы часто были плохими мужьями и плохими отцами, и что Мухаммедъ, не смотря на свою полигамію, былъ обходительнымъ мужемъ и пѣхіимъ отцемъ. Однакожъ это правда.

«Мы уже видѣли, что женщины у арабовъ пользовались самимъ исключительнымъ уваженіемъ. Ихъ называли «сѣтями демона», косвенно высказывая этимъ свое удивленіе ихъ прелестями. Но ихъ обвиняли также, и на этотъ разъ безъ аллегоріи, въ томъ, что опѣ подвержены насколько злости и глупости, настолько же лѣности и игрѣ. Не лѣстѣсть портретъ,—и я охотно бы отказался отъ него, но опѣ кажется не преувеличень....

«Далекій отъ того, чтобы унижать женщину, Мухаммедъ извлекъ ее изъ уничтоженія, все же объявляя ее болѣе несовершенство, пежели ея господинъ (мужъ), и назначеною для служенія ему. Упадокъ турецкихъ женщинъ, сѣдѣ, произошелъ отъ причинъ, не зависящихъ отъ Корана. Вирочеши въ Аравіи женщины отчасти обладаютъ энергической натурую своихъ мужей, сть которыми онѣ раздѣляютъ странническую и отважную жизнь. Ихъ главными добродѣтелями должны быть скромность, стыдливость, привязанность къ домашнимъ заботамъ и послушаніе. Любовь и ея развязки занимаютъ видное мѣсто въ поэзіи арабовъ. Не смотря на подицненное положеніе женщины, этотъ полуостровъ имѣетъ своихъ Abla. Это и естественно у нортическаго и чувственнаго народа. Но какъ и у всѣхъ народовъ міра, лишь только объявляется бракъ, вещи измѣняются. Влюбленный дѣлается обладателемъ, а обладательница рабой, или почти что рабой». (*L'Islam et son fondateur. Etude morale*. Par Jules-Charles Scholl. Pag. 13, 14, 16).

самое рожденіе дочери считалось несчастіемъ для отца, между тѣмъ какъ рожденіе сына было знакомъ особенпаго счастья, знакомъ благословенія неба для отца семейства¹⁾). Въ Коранѣ есть мѣста, которыя служать прямымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія о лишеніи женщины почти всякихъ правъ и даже всякаго уваженія и снисходительности со стороны арабовъ. Вотъ что говорить Мухаммѣдъ въ Коранѣ о современныхъ ему арабахъ: „офи не желають этого (т. е. рожденія дочерей) для самихъ себя. Если кому-нибудь изъ нихъ объявляютъ о рожденіи дочери, лицо его помрачается и онъ дѣлается какъ бы пораженнымъ горестью. Онъ прячется отъ своихъ по причинѣ своего несчастія. Долженъ ли онъ сохранить дочь и подвергнуться стыду, или похоронить ее въ пескѣ?“²⁾). Такое сожалѣніе о дочери и стыдъ, что родился не сынъ, а дочь, выразительно говорить о низкомъ и печальному положеніи женщины въ аравіи до Мухаммѣда. Вслѣдствіе такого низкаго понятія о дѣвицахъ и того, что арабы, имѣли дурное понятіе о нравственныхъ качествахъ женщины, такъ какъ характеръ женщины составлялъ совершенную противоположность тому, на что арабы смотрѣли, какъ на совершенство человѣка; вслѣдствіе всего этого некоторые арабы, лишь только рождалась у нихъ дочь, тотчасъ зарывали ее въ землю, побуждаемы къ этому варварскому поступку или бѣдностью, которая заставляла ихъ бояться дѣлить пищу съ существомъ, которое не способно помогать имъ, или—трубою жестокостью и преувеличеннмъ чувствомъ страха: они желали избѣжать позора, который могъ пастъ на нихъ, если когда-нибудь дочь ихъ была похищена и обезчещена врагами³⁾). Мухаммѣдъ постоянно при всякомъ удобномъ случаѣ старался искоренить между арабами этотъ варварскій обычай. Онъ запрещалъ имъ отъ имени Бога убивать дѣтей, говорилъ, что они должны будуть дать отвѣтъ предъ судомъ Божіимъ за убійство своихъ невинныхъ дочерей⁴⁾). Въ подтвержденіе факта погребе-

1) Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, t. V. p. 494.

2) Коран. гл. 16, ст. 59—61; ср. примѣчанія къ 26 ст. гл. 19 и къ ст. 46, гл. 2, къ русскому переводу Корана Николаева.

3) *Essai sur l'histoire des Arabes*, C. Perseval, t. 1, p. 352—353. 325: *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, par Laurent, t. V, p. 494.

4) Кор. гл. 6, ст. 152; гл. 18, ст. 33; гл. 81, ст. 89 и примѣч. къ этимъ стихамъ въ русскомъ переводе Николаева.

нія арабами своихъ дочерей живыми приводятъ нѣсколько исторій и разсказовъ. Вотъ пѣкоторые главнѣйшіе изъ нихъ. Въ Китабъ-ель-Агхани разсказывается, что Кайсъ, сынъ Асима, имѣлъ множество дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ приказалъ убивать всѣхъ дѣвочекъ, которыхъ будуть рождаться вновь, при самомъ рожденіи. Къ этому жестокому приговору онъ былъ вызванъ слѣдующимъ случасмъ: молодой глава колѣна Яхоръ, по имени Мухамради, въ походѣ противъ Темимитовъ, потомковъ Садъ-ибнъ-Зайдъ-Моната, похитилъ между пленницами молодую дѣвушку, по имени Рамимъ, мать которой была сестра Кайсу. Этотъ послѣдній пришелъ къ Мухамради просить обратно свою племянницу, предлагая ему выкупъ. Мухамради предоставилъ Рамимъ на выборъ: оставаться съ пимъ, или возвратиться къ своимъ родственникамъ. Рамимъ изъ любви къ своему похитителю предпочла его своимъ родителямъ. Кайсъ возвратился въ такомъ негодованіи на слабость пола, способнаго на подобный выборъ, и былъ настолько пораженъ мыслью, какъ бы которая-нибудь изъ его дочерей когда-нибудь не навлекла на него этого же безчестія, что извратившись домой, онъ похоронилъ живыми двухъ своихъ юныхъ дочерей и поклялся, что будетъ поступать подобнымъ же образомъ со всѣми дочерьми, которыхъ будуть у него рождаться. Онъ былъ слышкомъ вѣренъ этой клятвѣ. Послѣ обращенія въ исламъ колѣна Бену-Темимъ, Кайсъ, находясь въ Мединѣ, пришелъ однажды къ Мухаммеду и засталъ его въ то время, когда онъ держалъ на колѣнахъ свою маленькую дочь и покрывалъ ее поцѣлуйами. „Что за овечку ты обнююиваешь?“ сказалъ Кайсъ Мухаммеду. „Это мое дитя“, отвѣчалъ Мухаммедъ. „Клянусь Богомъ, сказалъ Кайсъ, я много имѣлъ маленькихъ дочерей такихъ же, какъ эта, но я всѣхъ ихъ похоронилъ живыми, не пожалѣвъ ни одной.—„Несчастный! воскликнулъ Мухаммедъ,—должно быть Богъ лишилъ тебя всякаго человѣческаго чувства; ты не вкушалъ самаго пріятнаго наслажденія, какое только доступно человѣку“¹⁾). Приводятся еще другіе менѣе извѣстные случаи, доказывающіе существованіе у арабовъ обычая погребенія нѣкоторыми своихъ дочерей за-живо²⁾). Мухаммедъ сопротивлялся

¹⁾ C. Perseval, t. II, p. 574—575, t. III, p. 336. Eг. Renan, p. 245—246: 286—287.

²⁾ C. Perseval, t. II, p. 373—374.

этому обычаю и старался всѣми силами искоренить его. Онъ даже потребовалъ клятву отъ медиинскихъ представителей, при первомъ ихъ обращеніи въ исламъ, чтобы они между прочимъ оставили этотъ варварскій обычай¹⁾. Благодаря стараніямъ Мухаммеда этотъ варварскій обычай вышелъ изъ употребленія. Не только этимъ однимъ обязаны Мухаммеду арабскія женщины. Но словамъ панегиристовъ Мухаммеда, онъ далъ имъ личность и права, которыхъ опѣ не имѣли до него. Въ прежнее время женщина въ Аравіи была лишена не только всякихъ правъ, но даже личности и была унижена до степени простаго орудія мужчины, была собственностью его. Потому на нее смотрѣли какъ на наслѣдство, которое по смерти мужа доставалось его сыновьямъ и другимъ родственникамъ; даже не нужно было заключать брачнаго контракта для новаго супружества; жену умершаго родственники получали также, какъ и прочее наслѣдство безъ всякихъ формальностей²⁾). Мухаммедъ строго запретилъ этотъ обычай, заклеймилъ подобные браки именами не-законныхъ и училъ, что жена по смерти мужа не только не составляетъ наслѣдства родственниковъ его, но напротивъ она есть законная участница въ наслѣдствѣ мужа и должна получить свою законную часть. Наслѣдникамъ строго воспрещается обижать вдову³⁾). Мухаммедъ всегда требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они почитали и уважали своихъ матерей даже предпочтительно предъ отцами, потому что дитя стоитъ большихъ непрѣятностей и беспокойствъ матери, нежели отцу. Потому, какъ картино выражается Мухаммедъ, „сынъ получить рай у ногъ своей матери“. Такое высокое понятіе о женщинѣ принесено въ Аравію Мухаммедомъ только и составляетъ рѣзкую противоположность съ крайнимъ униженіемъ женщины до-мухаммедова времени. Послѣ Мухаммеда, послѣдователи его даровали женщинѣ еще болѣе права, права рыцарскихъ по духу, и возвели женщину на такой же высокій пьедесталь, на какомъ она была поставлена въ средніе вѣка христіанскими рыцарями. Такъ во время войны женщины всегда

1) C. Perseval, t. II, p. 373—374 въ примѣчаніи.

2) C. Perseval, t. III, p. 336—337. Garcin de Tassy, *L'islamisme d'apres le Coran*, preface—въ примѣчаніи, Laurent, t. V, p. 494. Weil, *Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre*, S. 20.

3) Кор. гл. 4, ст. 8, 12, 14; гл. 2, ст. 241, 176, 178; гл. 4, ст. 15, 37, 38.

уважались и уважаются. „Извѣстны подвиги корейшитскихъ женщинъ въ оходской битвѣ, говоритъ Авриль. Въ столицѣ Расса въ 1817 году вагабитскія женщины освѣщали путь защищникамъ въ ночной схваткѣ, неся факелы изъ пальмовыхъ вѣтвей, которые онѣ намазали древесной смолой. Во время сраженія съ Ибрагимомъ пашей, авторомъ Дерріехъ, онѣ носили пить сражающимся, какъ французскія дамы въ шансонѣ Антіоха, или какъ юныя дѣвушки Бени-Абсѣ, которая возбуждали „своихъ воиновъ“ въ романѣ Антара. М. Гюармани присутствовалъ въ одномъ сраженіи въ Неджедѣ. Иногда, говоритъ онѣ, меня привлекали стопы раненыхъ, которые просили по-заботиться о нихъ, и крики женщинъ, которая встрѣчали ихъ съ радостнымъ восторгомъ. Онѣ побуждали ихъ возвратиться въ сраженіе, если могутъ, послѣ того какъ пыль и уголь оставили кровь и онѣ обвязали раны бинтами. Женщины Ехтеба показали себя достойными соперницами геройнѣ Гимайора.

М. Тамисиръ разсказываетъ, что когда загорается война между племенами, женщины первыя побуждаютъ своихъ мужей идти на сраженіе. Жена говоритъ: „встань, пойдемъ мужъ!“ Если мужъ отказывается, жена, размахивая копьемъ или ружьемъ труса и испуская сильные крики, идетъ къ своему отцу. „Доселѣ, говоритъ она, я думала, что ты отдалъ меня за-мужъ за мужчину, теперь я вижу, что это женщина, — и оставляю его. Выбери мнѣ мужа достойнаго имени мужчины“.

„Во время войнъ Мегемстѣ-Али, одно арабское колѣно вступило въ сраженіе подъ предводительствомъ женщины, по имени Халіе, которая возбуждала суевѣрный страхъ въ турецко-египетскихъ солдатахъ, мало приготовленныхъ своими собственными идеями понять героическую роль женщины. Вотъ какъ напр. турецкій авторъ Фациль-Бей въ „книгѣ прекрасныхъ“ выражается относительно этого участья женщинъ въ сраженіи: „женщины пользовались столь высокимъ уваженіемъ въ этой странѣ, что если два колѣна брались за оружіе, то при началѣ битвы съ той и другой стороны выступала богато одѣтая дѣвушка. Верхомъ на своей верблюдицѣ каждая изъ нихъ составляла центръ въ кругу мужчинъ. Честь состояла въ томъ, чтобы защитить эту дѣвушку и прославиться въ ся глазахъ, сражаясь подъ нея и не отступая отъ нея. И нужно присутствовать при этомъ, чтобы представить все волненіе и рѣзину, которая происходила между этими арабами. Всякій

храбрецъ рисковалъ своей головой, лишь бы защитить юную дѣвушку. Въ случаѣ пораженія начинается другое зрѣлище! Побѣжденные не обращаются въ бѣгство: сгруппировавшись кругомъ дѣвушки, они обрекаютъ себя на смерть. Только тогда врагъ овладѣетъ ею, когда она сломитъ себѣ шею въ этомъ кругу и предастъ себя за свое колѣно. Ужели я не долженъ пожалѣть обѣ этихъ племенахъ, гдѣ двѣ тысячи человѣкъ умерли за одну женщину!“ „Арабы сохраняютъ дѣлающій честь ихъ расѣ обычай, котораго я только что коснулся. Обѣ этомъ находятся свидѣтельства въ разсказахъ современныхъ путешественниковъ. М. Нальгрэвъ такъ разсказываетъ о сраженіи, которое происходило между войсками Неджеда и бедуинами Аймана: „впереди бедуинской арміи согласно обычаю ѣхала hadee'yah, т. е. молодая дѣвушка изъ хорошей фамиліи, отличающаяся своимъ мужествомъ. Она ѣхала на верблюда въ первомъ ряду для того, чтобы устыдить трусовъ и воодушевить храбрыхъ своими сатирическими и элегическими разсказами. Она была замѣчательна по своему стану и краснорѣчію. Она погибла отъ удара копья, и полагаютъ, ся смерть рѣшила пораженіе айманской арміи“¹⁾). Несчастному воину, который успѣетъ скрыться въ гаремѣ, дается пощада. Въ прежнее время это право, дарованное женщинѣ въ духѣ рыцарства, могло даже спасти жизнь преступника. Во времена Мамелюковъ преступника, приговоренного къ смерти, выводили на мѣсто казни съ завязанными глазами, потому что, если бы онъ встрѣтилъ на дорогѣ гаремъ и, увидѣвъ его, коснулся рукою одежды одной изъ женщинъ составляющихъ его, жизнь его была бы спасена²⁾). Въ этихъ правахъ, предоставленныхъ женщинѣ, видно то же самое желаніе возвысить ее, какое было постояннымъ стремлениемъ Мухаммѣда, глубоко пораженного иечальнымъ положениемъ современной ему арабской женщины. Благодаря такому покровительству религіи, женщины начали такъ высоко поставлять заслугу Мухаммѣда и его законодательства для себя, что результатомъ этого получилась сильная привязанность ихъ къ своему законоположенію, которое направлено къ поддержкѣ и охраненію правъ женщины отъ при-

¹⁾ L'Arabie contemporaine. Par Adolphe D'Avril. Pag. 138—142.

²⁾ Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи. Соч. Клотъ-Бемъ, ч. 1, стр. 261.

тъснѣй со стороны мужчины; женщины начали видѣть въ судьяхъ своихъ охранителей и оберегателей своихъ интересовъ. Однажды французскій генералъ Домасъ спросилъ Шамби (племя арабское въ Сахарѣ): „желали ли бы ваши жены жить подъ покровительствомъ однихъ европейскихъ законовъ?—Не думаю, отвѣчалъ ему тотъ, жены наши навѣрное пожалѣли бы о покровительствѣ кадиевъ¹). Вслѣдствіе такой защиты женскихъ правъ мусульманской религіей, вслѣдствіе такого вниманія Мухаммѣда къ женщинамъ, онъ запяли высокое положеніе въ исламѣ, онъ даже принимали участіе въ самой религіи Мухаммѣда, и имѣли вліяніе на судьбу цѣлаго строя мусульманскаго учнія. „Первый вѣкъ ислама, говоритъ Ренанъ, представляется много поистинѣ замѣчательныхъ женскихъ характеровъ. Послѣ Омара и Алія, двухъ главныхъ личностей этой великой эпохи, запоминаютъ мѣсто двѣ женскія личности, Айша и Фатима. Ореолъ святости блестаетъ кругомъ Хадиджи; поистинѣ самое почетное свидѣтельство въ пользу Мухаммѣда составляется то, что въ исторіи пророчества единствено только его божественное посланничество признано было тою сначала личностью, которая могла лучше знать его слабости. Въ началѣ своей проповѣди, обвиненный во лжи и подвергаемый за это насыпкамъ, онъ довѣряетъ ей свои страданія; она утѣшаетъ его словами нѣжности и подкѣрѣпляетъ его колеблющуюся вѣру. Поэтому-то Хадиджа никогда не была вытѣснена изъ его сознанія другими женщинами, которая слѣдовали за нею. Рассказываютъ, что одна изъ нихъ, ревнуя за такое постоянство, однажды спросила пророка, ужели ему не даль Аллахъ кого-нибудь, чтобы заставить забыть старую Хадиджу? „Нѣтъ отвѣчалъ онъ, когда я былъ бѣденъ, она обогатила меня; когда я былъ про克莱янъ своимъ народомъ, она осталась мнѣ вѣрною, и чѣмъ я болѣе страдалъ, тѣмъ болѣе она любила меня“²). Такое вниманіе Мухаммѣдъ могъ обратить на женщину не иначе, какъ измѣнивши древній унизительный взглядъ на нее. Только на такомъ высокопоставленномъ постѣ, какой даль Мухаммѣдъ женщинамъ, онъ могли имѣть вліяніе на начало ислама и быть въ числѣ первыхъ двигателей его послѣ смерти

¹⁾ Библіот. для чтенія. 1860 г. Ноябрь; 162 т. Женщины въ Алжирѣ, стр. 18.

²⁾ Etudes d'histoire religieuse. Origines de l'islamisme, p. 287—288.

пророка. Въ противномъ случаѣ исторія прошла бы ихъ молчаниемъ и забыла бы ихъ. Благодаря такому законодательству ислама и въ дальнѣйшой исторіи его встрѣчаются личности женщинъ, которымъ суждено было приносить важное участіе въ дѣлахъ правленія. Въ Аравіи и у Мавровъ въ Іспаніи иногда являлись высокообразованныя женщины, которыхъ пользовались громаднымъ вліяніемъ на цѣлое общество и были знамениты по своимъ произведеніямъ литературы¹⁾. Правда, нынѣ рѣдко можно встрѣтить въ мусульманскомъ мірѣ женщинъ, которыхъ имѣли бы какое-нибудь значение въ правительственномъ отношеніи, исключая гаремные интриги, которыхъ возможны при самомъ крайнемъ унижениіи женщины; но и нынѣ между арабами Африки встрѣчаются еще отдельные племена, въ которыхъ женщины не совсѣмъ лишины права управлѣнія даже законнымъ офиціальнымъ путемъ. Въ Сахарѣ у некоторыхъ племенъ существуетъ обычай, освященный временемъ, чтобы жена шейха по смерти мужа управляла племенемъ; только въ помощь ей назначается совѣтъ старшинъ. Если она изберетъ себѣ нового мужа, онъ дѣлается шейхомъ племени²⁾. Такимъ образомъ еще до сихъ поръ сохранился тотъ гуманій духъ, которымъ проинкуто мусульманское законодательство относительно женщинъ, — законодательство, благодаря которому онъ только и получили права человѣческой личности, которыхъ онъ были лишены въ Аравіи до пришествія Мухаммеда. Съ Мухаммедомъ начинается возрожденіе арабской женщины, начинается для нея заря новой жизни.

Таковы высокопарные похвалы въ честь Мухаммеда и той заслуги, которую онъ оказалъ для арабскихъ женщинъ, будто бы загнанныхъ и униженныхъ до крайней степени многоженствомъ и жестокостью мужчинъ. Со временеми Мухаммеда онъ будто бы получили свои законные права, права личности, собственности, получили свободу располагать собою и даже возможность имѣть власть надъ другими. Вотъ какъ объ этомъ говорить одинъ французскій ученый: „Я далекъ отъ мысли выступить защитникомъ полигаміи и вообще того состоянія, въ какое привели женщины древніе нравы Востока болѣе, нежели исламъ. Однако должно оберегаться довѣрять писате-

¹⁾ La civilisation musulmane, р. 32 и слѣд.

²⁾ Бпбл. для чтенія. 1860 г. Ноябрь, т. 162 стр. 13.

лямъ, которые, не зная Востока, утверждаютъ, что женщина всегда здѣсь составляеть предметъ презрѣнія... Женщины въ Аравіи, исключая нѣкоторыхъ народовъ, пользуются болѣею свободой и особенно болѣею властью въ своихъ домахъ. Опѣ кажутся Нибуру настолько же счастливыми, насколько могутъ быть счастливыми европейскія женщины. М. Пальгрэвъ говоритъ о нихъ тоже самое. Тамизиръ въ своемъ „путешествіи по Аравіи“ говоритъ, что женщины Асира трудолюбивы и что онъ разговариваетъ съ болѣею граціей и легкостью. Онъ говоритъ также о ихъ благородной гордости; онъ встрѣтилъ одну молодую очи, прекрасную, по бѣдную бедуинку, которая желала лучше ниществовать, чѣмъ выдти за-мужъ за городскаго жителя.

Полигамія также не всеобща между арабами, какъ думаютъ въ Европѣ; она даже рѣдко здѣсь встрѣчается. Разводъ болѣе частъ; но нужно замѣтить, что женщины могутъ также требовать его. Впрочемъ пужно побывать въ мусульманской Азіи для того, чтобы встрѣтить непрочныя брачныя союзы и доказать печальная послѣдствія этого. Присовокупимъ, что арабская женщина сохраняеть свое приданое въ продолженіе супружества и послѣ его, приданое ея составляеть полную собственность. У бедуиновъ молодая дѣвочка не отдается въ супружество безъ ея согласія. Нужно также напомнить, что, по свидѣтельству Буркгардта, во время военныхъ грабежей, женщины всегда уважаются.

Но особенно показываетъ, что спутницы горцевъ и бедуиновъ не рабыни, то участіе, какое онѣ принимаютъ въ правственной жизни колѣна. У старого тирана Неджеда Фейссала одна изъ его дочерей, Егерія, писала всю его дипломатическую корреспонденцію въ продолженіи тридцати лѣтъ. Встрѣчаются постоянныя свидѣтельства о томъ, что арабскія женщины сами оказываютъ гостепріимство. Когда палатки *дуара*¹⁾ спорятъ между собою о чести принять гостя, женщины вмѣшиваются въ шумныя настоятельныя просьбы своихъ родственниковъ. М. Гюармони разсказываетъ, что женщины Сцерарата „принимаютъ гостей и бесѣдуютъ съ ними въ отсутствіи своихъ мужей и ихъ родственниковъ. Опѣ разговариваютъ съ ними и спокойно позволяютъ смотрѣть на себя. Такъ какъ посѣ-

¹⁾ Арабскій аулъ.

щепіе іностранцемъ ихъ палатки событіе довольно рѣдкое, то едва опѣ успѣсть вѣзти, какъ видитъ себя уже окруженымъ всѣмъ женскимъ пародопаселеніемъ аула. Болѣе взрослыи дѣвушки прислоняются къ занавѣсу, который раздѣляетъ палатку на два покоя; замужнія женщины помѣщаются въ кругу мужчинъ, а маленькия дѣвочки прячутся, куда могутъ¹⁾). Что сказать на эти возгласы панегиристовъ Мухаммеда? Имѣютъ ли они за собой историко-критический научный освованія?

Безпристрастный судь исторіи произнесетъ совершенно другой приговоръ обѣ этомъ предметѣ. Только одно мнѣніе этихъ ученыхъ, именно обѣ обычай убивать своихъ дочерей, можно признать достовѣрнымъ и вполнѣ историческимъ, остальныи же мнѣнія суть ничто иное, какъ бездоказательныя положенія, лишенныя почти всякой научной почвы. Изъ тѣхъ фактовъ, которые они приводятъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній, никакъ не слѣдуетъ то заключеніе, какое они выводятъ. Начнемъ съ полигаміи. Панегиристы Мухаммеда, какъ мы показали выше, утверждаютъ, что полигамія существовала въ аравіи до-Мухаммеда и была въ гораздо сильнѣйшихъ размѣрахъ. Гдѣ же основанія для этого мнѣнія? Ихъ нѣтъ. Но крайней мѣрѣ эти ученые не приводятъ ни одного факта въ доказательство громаднаго распространенія полигаміи среди арабовъ до-мусульманскаго периода. Поэтому мы, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, рѣшаемся утверждать, что полигамія не была утверждена въ обычаяхъ Аравіи до Мухаммеда, а если и существовала, то имѣла очень ничтожное число своихъ приверженцевъ. Сколько известно лицъ, обратившихся въ исламъ, и ни обѣ одномъ изъ нихъ не замѣчено, чтобы оно состояло въ полигамическомъ бракѣ. Отецъ Мухаммеда имѣлъ одну жену; дядя Мухаммеда, Абу-Талибъ, былъ также единоженецъ, не смотря на то, что по своему состоянію могъ бы содержать многихъ женъ; Абу-Бекръ, богатства которого слу-жили великой помощью Мухаммеду и который, слѣд., также могъ имѣть многихъ женъ, оставался единоженцемъ. П рѣши-тельно ни обѣ одномъ лицѣ во всей исторіи Мухаммедова вре-мени не упоминается, какъ о полигамистѣ. Притомъ есть по-водѣ думать, что полигамія даже въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ позволилъ ее себѣ Мухаммедъ, была чужда народу

1) *L'Arabie contemporaine*. Par Adolphe D'Avril. p. 136—142.

арабскому и казалась ему чѣмъ-то новымъ, страшнымъ и даже развратнымъ, потому что когда Мухаммѣдъ набралъ себѣ до девяти женъ, арабы, даже искренно увѣровавши въ него, смущались этимъ и едва совершиенно не оставили Мухаммѣда, какъ человѣка, нарушившаго законы существующей морали¹). Благодаря только откровенію, къ помощи котораго онъ прибылъ въ этомъ случаѣ, ему удалось спастись отъ бѣды. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы полигамія, какъ говорятъ французскіе ученые, была доведена предъ Мухаммѣдомъ до громадныхъ размѣровъ, какъ объяснить отвращеніе арабовъ къ многоженству Мухаммѣда?

До нашихъ временъ дошло много пословицъ, которыя были въ употреблении у арабовъ во время Мухаммѣда и раньше его. Нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ свидѣтельствуютъ о воздержности арабовъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ и показываютъ, что наклонность къ женщинамъ, которая дошла въ мусульманствѣ до безобразія, была до Мухаммѣда очень умѣренная, и арабы до-мухаммѣдовскаго времени очень неблагосклонно относились къ людямъ, запятнавшимъ себя чувственными страстями. Пословицы эти гласятъ: „кто желаетъ быть сильнымъ въ мудрости, тотъ не долженъ предаваться женщинамъ“; „не будетъ мудрый мудрый до тѣхъ поръ, пока не оставитъ всякую чувственную страсть“ [т. е. къ женщинамъ]²). Законъ, которымъ Мухаммѣдъ ограничилъ число женъ четырьмя, нисколько не говоритъ въ пользу противнаго мнѣнія. Мухаммѣдъ позволилъ себѣ брать столько женъ, сколько ему угодно. Для того, чтобы послѣдователи не приняли его примѣра за законъ, онъ и ограничиваетъ количество женъ простыхъ вѣрующихъ четырьмя³). Такимъ образомъ запрещеніе брать больше четырехъ женъ было ограниченіемъ не прежде существовавшаго крайняго многоженства, а безграничнаго многоженства, позволеннаго Мухаммѣдомъ самому себѣ. По крайней мѣрѣ, если нельзя признавать это мнѣніе за несомнѣнное и вполнѣ доказанное, все же оно имѣть за собою больше шансовъ на вѣрность, нежели мнѣніе панегиристовъ Мухаммѣда, ничѣмъ не доказанное. Кромѣ того, дозволеніе полигаміи и неизвинительно Мухаммѣду, потому что онъ

¹⁾ См. приложение 1, стр. 37—38.

²⁾ Арабская христоматія Болдырева, стр. 5.

³⁾ Кор. гл. 4, ст. 3; гл. 33, ст. 49.

имѣлъ предъ собой образцы чистой моногаміи и могъ видѣть всѣ выгоды ея. Въ Аравіи было много христіанъ и іудеевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по свидѣтельству самихъ мусульманскихъ историковъ, даже стояли въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Мухаммеду¹⁾, такъ что онъ вполнѣ могъ познакомиться съ моногамическимъ принципомъ, хотя бы даже, согласно съ мнѣніемъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, полигамія и была сильно распространена въ Аравіи.

По мнѣнію Ренана и другихъ ученыхъ французскихъ, полигамія, дозволенная Мухаммедомъ, есть неизбѣжная дань, которую онъ заплатилъ своему народу и обычаямъ своей страны. Но мы находимъ въ Аравіи христіанъ, которые были моногамисты, слѣд., принципъ моногаміи могъ быть привить къ арабскому народу, если бы даже и не знали о немъ въ Аравіи. Примѣръ христіанъ и евреевъ убѣждаетъ насъ, что Аравія не была безнадежно предана въ добычу многоженству настолько, чтобы невозможно было основать и утвердить въ пей единожества. Потому полигамію можно считать скорѣе дѣломъ удовлетворенія личной страсти Мухаммеда къ чувственнымъ удовольствіямъ. Онъ часто говорилъ о себѣ, что больше всего на свѣтѣ любить женщинъ и благовонія²⁾. Приближенныя личности къ Мухаммеду тоже замѣтили въ немъ эту господствующую страсть и считали его самымъ страстнымъ человѣкомъ въ мірѣ³⁾. Съ другой стороны можно предполагать, что этой поблажкой чувственности Мухаммедъ хотѣлъ привлечь къ себѣ больше послѣдователей, такъ какъ военные походы давали обильную добычу, состоящую изъ женщинъ, которыхъ должны были дѣлить между собою поклонники Мухаммеда.

Вредныя послѣдствія полигаміи, отразившіяся на женщинахъ.

Но чѣмъ бы ни было вызвано это законоположеніе, оно было причиной сильнаго нравственнаго и правового ущербія

¹⁾ Напр. Еврей Варака, двоюродный братъ Хадиджи, который впослѣдствіи перешелъ въ христіанство.

²⁾ Renan, p. 245.

³⁾ Секретарь Мухаммеда, Вакиди, передаетъ слѣдующія слова Ибнъ-Аббаса: «самый великий изъ мусульманъ былъ также и самымъ страстнымъ къ женщинамъ». Bartholemey Saint-Hilaire, p. 178.

женского пола въ исламѣ. Какъ дозволеніе Мухаммедомъ, основателемъ ислама, и какъ освященіе, даже чрезъ мѣру, его примѣромъ, многоженство быстро распространілось по всему мусульманскому Востоку и даже прошло въ Европу, гдѣ издревле укоренился принципъ моногаміи. Въ Турцію ежегодно ввозили и ввозятъ до настоящаго времени безчисленное множество черкешенокъ, грузинокъ и женщинъ другихъ націй для пополненія турецкихъ гаремовъ¹⁾). Въ Персіи, Египтѣ и другихъ мусульманскихъ странахъ существуетъ множество гаремовъ, гдѣ заключены несчастныя женщины Востока. Даже во внутренности Африки, куда исламъ успѣлъ проникнуть, всюду за нимъ сопутствуютъ, какъ неизбѣжная язва, многоженство и гаремы. Вотъ что пишетъ новѣйшій путешественникъ Г. Стэнли: „здѣсь [т. е. во внутренности Африки] какъ и въ Персіи, Афганістанѣ и Турціи, гаремы составляютъ необходимую принадлежность арабскаго хозяйства: чувственность магометанъ бросается въ глаза и здѣсь, какъ и на Востокѣ. Каждый арабъ сообразно своимъ средствамъ содержитъ толпу любовницъ²⁾). Многоженство обратилось въ плоть и кровь каждого мусульманина, такъ что всякое ограниченіе числа женъ производитъ на него непріятное впечатлѣніе; по разсказамъ путешественниковъ, мухаммедане не могутъ хладнокровно говорить объ уменьшениіи и ограниченіи количества своихъ женъ³⁾). Невольницъ дарятъ высокопоставленнымъ лицамъ, чтобы заслужить ихъ благосклонность, и дарятъ иногда въ большомъ количествѣ, смотря по своимъ средствамъ и по важности и положенію лица, которому дарятъ⁴⁾). Такое громадное распространеніе невольницъ въ качествѣ кошубинъ обязано своимъ существованіемъ религіи Мухаммѣда, который ограничилъ количество женъ четырьмя, но позволилъ кромѣ ихъ имѣть столько наложницъ, сколько достанетъ средствъ содержать ихъ⁵⁾). Потому мусульмане обыкновенно не пускаются

¹⁾ Турки и ихъ женщины, Султанъ и его гаремъ, Соч. Османа-Бея, стр. 176—197.

²⁾ «Какъ я отыскала Ливингстона», Генри М. Стэнли, стр. 214.

³⁾ Отеч. записки, 1855 г. Ст. т., Судьба женщины на мусульманскомъ Востокѣ, стр. 46.

⁴⁾ Османъ-Бей, стр. 185—186.

⁵⁾ Кор. гл. 23, ст. 6.

и тонкія объясненія и разсужденія по этому поводу. Они на возраженія путешественниковъ обыкновенно отвѣчаютъ, что дозволеніе полигаміи есть воля Аллаха, выраженная весьма понятно въ Коранѣ; что это привилегія, дарованная избранному народу¹⁾; хотя въ то же время въ мусульманской литературѣ преимущественно древнихъ временъ есть много трактатовъ, где употребляются всѣ усилия діалектики, чтобы какъ-нибудь согласить полигамію съ требованіями человѣческаго разума и законами человѣческой природы²⁾. Нельзя конечно довѣрять тѣмъ личностямъ, которые утверждаютъ, что многоженіство не очень распространено между мусульманами Востока³⁾. Правда, полигамія служитъ отличиемъ богача, а бѣднякъ обыкновенно довольствуется одною женою; но это нужно принимать съ ограниченіемъ. На Востокѣ при богатствѣ природы почти ничего не стоитъ содержать нѣсколько женъ. Всѣдствіе этого многіе могутъ имѣть нѣсколько женъ. Лишь только успѣсть бѣднякъ пріобрѣсти хотя какос-нибудь состояніе, онъ считается своею первою обязанностью завести нѣсколько женъ и предаться чувственнымъ удовольствіямъ. О богачахъ нечего и говорить. Окруженные десятками женъ, лишенные почти всякой дѣятельности, мусульмане проводятъ жизнь въ лѣни и скучѣ, ожидая за гробомъ получить несравненно лучшихъ женъ, вѣчныхъ дѣственницъ. Впрочемъ и самые бѣдные и ничего не имѣющіе мусульмане въ странахъ Востока, а главнымъ образомъ въ Африкѣ и Аравіи, находятъ для себя не только возможнымъ, но и выгоднымъ, содержать нѣсколькихъ женъ. Жены становятся въ нѣкоторомъ отношеніи рабочею силою мужа и не только содержать себя, но даже прокармливаютъ и его, благодаря чему мусульманинъ при многихъ женахъ еще больше можетъ предаваться лѣпи и беспечной нѣгѣ, въ которой поклонники Мухаммеда доходятъ до артистичности⁴⁾. Вотъ почему, по словамъ Кипризіи-Мелекъ-Хапумъ, у самаго бѣднаго араба по меньшей мѣрѣ двѣ жены⁵⁾.

¹⁾ Босфоръ и новые очерки Константиноополя, соч. Базиліи, т. 2, стр. 43.

²⁾ Sale, Civilisation musulmane. Panthéon littéraire, p. 476.

³⁾ L'islamisme d'apres le coran, p. Garcin de Tassy, preface.

⁴⁾ Видл. для чтенія 1860 г. Поябръ, т. 162 стр. 22.

⁵⁾ Тридцать тѣхъ изъ турецкихъ гаремахъ, стр. 65.

Если Мухаммедъ позволеніемъ многоженства далъ мусульманамъ право на полигамію и былъ причиною того, что она сдѣлалась всеобщею язвою мусульманского общества, то дозволеніемъ развода онъ уничтожилъ всякую прочность брачного союза и нарушилъ святость супружескихъ узъ. Благодаря его законоположенію, брачныя узы ни для кого изъ правовѣрныхъ не стали представлять какой-нибудь прочной силы; всѣ начали пользоваться тою легкостью развода, которую Мухаммедъ предоставилъ своимъ послѣдователямъ, такъ что въ настоящее время весь Востокъ страдаетъ этой язвой. Какъ предъ пристивѣемъ Спасителя Римъ славился частыми разводами, такъ въ настоящее время не лучшее представляетъ современное состояніе мусульманского міра. „Арабы, говоритъ Клотъ-бей, болѣе всего злоупотребляютъ правомъ развода. Нѣкоторые изъ нихъ перемѣняютъ женъ не менѣе пятидесяти разъ“¹⁾. Однѣй французскій путешественникъ спросилъ одного араба въ Египтѣ, помнитъ ли онъ Бонапарта? „Какъ же, отвѣчалъ тотъ, я былъ женатъ на семнадцатой женѣ, когда великий человѣкъ послѣтилъ Египтѣ“²⁾. Буркгардъ встрѣчалъ арабовъ, которые въ сорокъ пять лѣтъ были женаты уже на пятидесяти женѣ, на одной послѣ другой³⁾. Какъ Сенека говорилъ о римскихъ жепахъ, что онѣ считаютъ свои годы не по консуламъ, а по числу своихъ мужей, такъ относительно современныхъ арабовъ и вообще восточныхъ мусульманъ можно сказать, что они считаютъ годы по числу своихъ женъ. Разводъ распространяется между ними до послѣдней степени. Впрочемъ между мусульманами высшихъ классовъ разводъ бываетъ нѣсколько рѣже. Съ одной стороны удерживаетъ мужа необходимость выплатить мехръ, съ другой — крайняя, чисто мусульманская ревность, особенно сильно развитая между персами, не позволяетъ мужьямъ перенести того, чтобы нынѣшняя ихъ жена завтра вышла за-мужъ за другаго. Что касается низшихъ классовъ, то между ними разводъ явленіе ежедневное даже у болѣе постоянныхъ по характеру бедуиновъ онъ до того обыкновенное явленіе, что мужъ лишь успѣетъ развестись съ женой

¹⁾ Египтѣ въ прежнѣмъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи 1 ч. стр. 196.

²⁾ Islam. Its History, Character and Relation to Christianity, By John Mischleisen. Arnold. London, 1874. 3 eg. pag. 208—213.

³⁾ Тамъ же.

какъ тутъ же вступаетъ въ бракъ съ другою¹⁾). Кто же виноватъ въ столь сильномъ распространеніи развода между мусульманами? Никто другой, какъ Мухаммедъ, который допустилъ такую легкость его въ своей религії²⁾.

Въ какомъ же отношеніи къ разводу стоятъ супруги по закону Мухаммеда и по укоренившимся обычаямъ въ мусульманскихъ земляхъ? Въ совершенно неровномъ. По закону Мухаммеда мужъ можетъ развестись съ женою безъ всякаго повода съ ея стороны³⁾). По мусульманскому законодательству нѣтъ ничего легче мужу, какъ развестись съ своей женой; стоитъ только мужу сказать женѣ: „я отвергаю тебя“ и жена должна удалиться. Между тѣмъ жена можетъ развестись лишь послѣ многихъ лишеній, преодолѣвши много препятствій. Вотъ какъ характеризуетъ мусульманскій разводъ Османъ-Бей: „самостоятельно говоря, разводъ есть не болѣе, какъ рѣшительный способъ, употребляемый мужемъ, чтобы освободиться отъ докучливой супруги…… Мужу стоитъ только сказать: „жена уйди отъ меня!“ и въ ту же минуту его покорная подруга должна окутать лицо свое покрываломъ, собрать всѣ свои пожитки и удалиться изъ-подъ супружескаго кровя. Само собою разумѣется, что при такой системѣ мужскаго полновластія жена не можетъ сказать супругу своему: „не угодно ли вамъ самимъ убраться изъ дома!“. Такимъ-то образомъ участъ жены въ рукахъ мужа. Одного слова его достаточно, чтобы лишить женщины ея домашняго кровя и всего, что дорого ея сердцу, и чтобы разомъ отнять у нея все; на это не требуется ни судей, ни суда, ни тяжбъ. Слово, приказъ — дѣлаетъ все“⁴⁾). Здѣсь женщина является униженою до послѣдней степени; мужъ можетъ распоряжаться ея судбою по произволу, и никто не имѣетъ права остановить его въ памѣреніи развестись съ женою, когда ему вздумается. И дѣйствительно арабы и вообще всѣ мусульмане пользуются этимъ правомъ въ его безграничныхъ размѣрахъ, имѣя въ виду дозволеніе, данное Мухаммадомъ и освященное примѣромъ его самого, такъ какъ онъ, желая вступить въ бракъ съ женой Зеида, далъ послѣднему

¹⁾ Döllinger, *Muhammed's Religion*, S. 26.

²⁾ Кор. гл. 2, ст. 229—232; 237—238.

³⁾ Кор. гл. 2, ст. 226 и слѣд.; гл. 65, ст. 1 и слѣд.; гл. 38 и 58.

⁴⁾ Турки и ихъ женины, сultans и его гаремъ, стр. 15—16.

намекъ, чтобы онъ развелся со своею женою въ пользу его¹). Мусульмане довели это позволеніе до послѣдней степени, разводясь по самыи пустыи причинамъ и нерѣдко единствено по своей прихоти. Одинъ французскій путешественникъ, во время своего пребыванія въ Мансурѣ, зналъ одного мусульманина, который прогналъ и даже выбросилъ свою жену на улицу за то только, что за день предъ этимъ она родила девочку, а не мальчика, какъ онъ ожидалъ²). Даже между простыми бедуинами охладѣвшая любовь мужа служитъ достаточнымъ поводомъ къ разводу³). Я считаю нелишнимъ здѣсь привести разсказъ, который доказываетъ, какъ легко разрываются брачныи узы въ исламѣ. Абдъ-Аллахъ, сынъ Абу-Бекра, былъ захваченъ въ расплохъ своимъ отцемъ въ пятницу со своей юной женой Ахтикой, когда онъ забавлялся съ ней и забылъ идти на молитву. Абу-Бекръ, для наказанія сына за его нерадѣніе, приказалъ ему немедленно развестись со своей женой, что тотъ и сдѣлалъ, хотя и любилъ ее. Впослѣдствіи времени, видя печаль Абдъ-Аллаха, Абу-Бекръ позволилъ своему сыну возвратить свою жену⁴). Правда, эта свобода стѣсняется иѣкоторыми материальными препятствіями, именно по мусульманскому законоположенію, если мужъ разводится съ женою, то мѣхръ ея долженъ поступить въ полную собственность ея⁵); но и здѣсь развратившаяся натура мусульманъ находитъ средство избѣжать этого непріятнаго для чувственности стѣсненія. Мужъ своими побоями и разнаго рода притѣспеніями доводитъ жену свою до того, что она сама предложитъ ему разводъ и чрезъ то лишится своего приданаго⁶). Установленная преграда къ разводу оказалась непрочною, не могла остановить пагубнаго обычая и не въ состояніи была сколько-нибудь обезпечить безотрадное и бѣдственное положеніе женщины; дозволеніе развода уничтожило всѣ можетъ быть и благія стремленія Мухаммеда. Такимъ образомъ женщина является въ крайнемъ униженіи сравнительно съ мужчиной,— мужъ можетъ прогнать ее изъ дома во всякое время.

1) Кор. гл. 33, ст. 4, 6, 37, 38 и 39.

2) Döllinger, Muhammed's Religion, S. 26, Anmerk. 44.

3) Islam, By John Muebleisen Arnold, p. 208—213.

4) L'islam et son fondateur. Par Jules-Charles Scholl. Pag. 18.

5) Döllinger, Muhammed's Religion, S. 24—27.

6) Islam, By John Muebleisen Arnold, p. 208—213.

Это заставляет жену сознавать себя въ вѣчномъ рабствѣ у мужа и питать къ нему вмѣсто любви только страхъ, какъ предъ своимъ господиномъ и неограниченнымъ деспотомъ. Она должна стараться всѣми мѣрами угодить мужу, привлечь его къ себѣ и чрезъ то подальше отсрочить разводъ, который ей грозитъ постоянно со стороны мужа. Благодаря законодательству Мухаммеда, жена является рабою своего мужа. Клотъ-Бей, долго наблюдавшій за мусульманами въ Египтѣ, предъставляетъ намъ слѣдующую грустную картину отношеній между мужемъ и женой: „жена оказываетъ безпредѣльное уваженіе мужу; въ обращеніи ея къ мужемъ нѣтъ этой короткости, этой небрежности, которая на западѣ служатъ знакомъ равенства обоихъ половъ. Она расточаетъ предъ нимъ всю заботливость, всю предусмотрительность, какихъ въ Европѣ сдѣлали можно требовать и отъ служанки..... Она привыкла, такъ сказать, исчезать въ своемъ мужѣ; у нея нѣть другой заботы, кромѣ мысли угодить ему; ни другаго занятія, кромѣ попеченій объ услажденіи его существованія¹⁾). Это притомъ не есть плодъ любви къ мужу, когда естественно по своему внутреннему влечению жена предается ему до глубины души; все это возбуждается страхомъ жены предъ грознымъ властелиномъ своей особы, который можетъ распоряжаться ею, какъ ему угодно, единственно по своему благоусмотрѣнію. Мужъ есть властитель личности жены, онъ можетъ наказывать ее по данной ему отъ Мухаммеда власти²⁾). Замѣчательно, что Мухаммедъ позволилъ мужьямъ бить своихъ жѣй, не опредѣливши даже при этомъ количества ударовъ, больше котораго мужъ не имѣетъ права наказывать свою жену; между тѣмъ какъ даже относительно рабовъ имѣ установлено, что господинъ не можетъ ихъ наказывать болѣе извѣстного числа ударовъ, какое бы ни было преступленіе³⁾). Этимъ Мухаммедъ предоставилъ своимъ послѣдователямъ полнѣйшее право надъ своими женами. Ученые послѣдователи его давали наставленія мужьямъ въ томъ же духѣ. Такъ Саади Ширазскій въ „Гюлистанѣ“, — одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ произведеній мусульманской поэзіи, — говорить: „когда жена твоя расхажи-

1) Египтѣ въ прежнемъ и пылѣніемъ своемъ состоялъ, ч. 1, стр. 209.

2) Кор. гл. 4, ст. 38.

3) Коранъ.

ваетъ по базару, бей се; въ противномъ случаѣ ты въ своемъ дому будешь какъ женщина¹⁾.

Но исламу показалось еще мало такого стѣсненія жены и лишенія ея всякихъ личныхъ правъ въ пользу мужа, мухаммаданство лишаетъ жену и естественныхъ и ни у кого неотъемлемыхъ правъ, именно правъ на выраженіе религіознаго чувства. Въ исламѣ жена не можетъ предаваться своему естественному религіозному стремленію, она скована въ этомъ отношеніи желѣзными узами рабства, которое налагаетъ на нее мужъ. Что болѣе естественно и болѣе зависитъ отъ личной свободы человѣка, какъ не добровольное наложеніе на себя поста на извѣстный периодъ времени²⁾. Но жена - мусульманка не можетъ исполнять добровольного поста, не испросивши на то позволенія отъ своего мужа³⁾. Что естественнѣе для человѣка, какъ не свободное исполненіе обѣта, даннаго Богу и состоящаго въ какомъ-нибудь религіозномъ обрядѣ, но и въ этомъ естественномъ правѣ мусульманство отказывается женѣ. Она не можетъ сдѣлать обѣта безъ согласія мужа⁴⁾; она даже не можетъ принять присяги безъ воли его⁵⁾. Какое рабство можетъ быть больше этого? Чего еще недостаетъ до полнаго уничтоженія личности жены предъ личностью мужа? Не свободная сдѣлать ни одного шага безъ согласія мужа, лишенная даже права на проявленіе всякаго религіознаго чувства безъ его воли, жена мусульманина есть ничто иное какъ самка, орудіе для удовлетворенія похоти мужа; она полнѣйшая раба мужа и не имѣеть никакого человѣческой свободы; личность только въ личности мужа; безъ него она ничто. Мужъ въ такой мѣрѣ является ея господиномъ, что можетъ располагать ею по своему расположению. По свидѣтельству Буркгардта, между иѣкоторыми арабскими племенами существовалъ обычай предлагать въ видѣ гостепріимства гостю свою жену, — обычай только недавно вышедший изъ употребленія⁶⁾. Очевидно, что арабы смотрѣтъ на жену, какъ на ору-

¹⁾ Холмогоровъ, Шейхъ Муслиххудинъ, Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы, стр. 35—36.

²⁾ Срвн. 1 Коринт., гл. 7, ст. 5.

³⁾ Торнау, стр. 109.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 374.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 370.

⁶⁾ Döllinger, Muhammed's Religion, S. 28.

діе своихъ похотей,—орудіе, которымъ они могутъ распоряжаться по своему произволу. Въ мусульманствѣ женщина никогда не достигала почетнаго мѣста хозяйки дома. Домъ есть собственность мужа; жена есть только раба, присматривающая за домомъ; даже въ самыхъ языкахъ мусульманскихъ неѣтъ названія для хозяйки дома. Говоря о женахъ, мусульмане по большей части употребляютъ нелестныя фразы [„кашинъ душманы“—врагъ ложекъ и т. п.]¹). На мусульманскомъ Востокѣ пельзя встрѣтить мужа прогуливающимся съ женой, что служить отличіемъ европейца, который смотритъ на жену, какъ на существо равное ему по своимъ человѣческимъ свойствамъ. Мусульманинъ считаетъ жену свою рабою и конечно не позовитъ себѣ прогуляться съ пею²). Одинъ пашъ соотечественникъ, много времени проведшій въ Самаркандѣ, такъ изображаетъ положеніе женщины на мусульманскомъ Востокѣ: „мужъ—абсолютный глава женъ и всего дома. Жена не имѣеть никакихъ правъ и за каждый поступокъ, почему-либо не поправившійся мужу, почти всегда бываетъ бита. Въннедиши со двора безъ позволенія мужа, она непремѣнно подвергается колотушкамъ (побоямъ). Если жена слишкомъ молода, то въ первое время мужъ сильно ухаживаетъ за ней, любезничаетъ, балуетъ. Въ другихъ случаяхъ относится къ ней ище ферентно. Вообще ласкать жену при комъ-либо изъ постороннихъ считается *mauvais genr*s. Въ богатыхъ семьяхъ мужъ иногда дѣлаетъ подарки женамъ. Жена не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать того же мужу. Прежде всего у нея для этого пѣтъ средствъ; да еслибъ и были, то она будетъ заподозрѣна мужемъ въ связяхъ и непремѣнно побита. Собственно говоря, жена не имѣеть права имѣть у себя какія-либо свои деньги; мужъ какъ только узпаетъ обѣ этомъ, отколотитъ и деньги отберетъ. Жена въ семьѣ—безотвѣтная работница. Она дѣлаетъ все, что только можетъ; на неѣ лежать всѣ хлопоты по хозяйству и кромѣ того еще работы въ родѣ пряжи, тканья, шитья и т. п. Всякій мужъ держитъ столько женъ, сколько въ состояніи завести [т. е. уплатить калымъ] и содержать“³).

¹⁾ Отеч. Записки, 1855 г., LXVIII. Березинъ, мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Статья первая, стр. 90.

²⁾ Библ. для чтенія, 1860 г. 162 т., Ноябрь. Женщины въ Алжирѣ, стр. 10.

³⁾ Беѣда. 1872 г. Сентябрь. Внутреннее обозрѣніе. Самаркандъ, стр. 29.

Чему же обязаны женщины своимъ крайнимъ порабощеніемъ среди мусульманъ? Нѣть сомнѣя, что причиной ихъ униженія былъ исламъ, въ которомъ жена рассматривается не какъ подруга мужа и его неразлучная спутница, а какъ орудіе его похоти. Этимъ характеромъ проникнуто все законоположеніе Мухаммеда объ отношеніяхъ мужа къ женѣ. Мухаммедъ прямо называетъ жену полемъ, которое назначено мужу для воздѣлыванія¹⁾, а говоря о достоинствѣ человѣка онъ отводить женѣ низшее мѣсто сравнительно съ мужемъ²⁾. Понятно, что не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь свободно-нравственныхъ отношеніяхъ между мужемъ и женой при господствѣ такого взгляда на женщину. При такомъ отношеніи мужа къ женѣ, она не можетъ надѣяться получить уваженіе даже и отъ сына, отъ которого сама природа требуетъ уваженія къ своей матери. Видя постоянное униженіе своей матери, видя, что съ ней постоянно обращаются какъ съ рабой, смотрятъ на нее какъ на орудіе мужа и почти доводятъ ее до состоянія бессловесныхъ животныхъ, видя все это, можетъ ли сынъ питать любовь и уваженіе къ своей матери? Съ самого ранняго дѣтства ему бросается въ глаза крайнее презрѣніе къ его матери, и онъ мало-по-малу привыкаетъ самъ смотрѣть на нее, какъ на существо низшее, а при этомъ естественно теряется у него всякое уваженіе къ пей. Мы не говоримъ, что всѣ мусульмане такъ безчеловѣчны къ своимъ матерямъ; нѣть сомнѣя, что и между ними бываютъ премѣры истинной сыновней любви, преданности и уваженія, но на подобныхъ личностей нужно смотрѣть, какъ на исключеніе, какъ на явленіе, которое обязано своимъ существованіемъ ипому постороннему вліянію, а никакъ не духу мусульманскаго законоположенія объ отношеніяхъ мужа и жены.

Всѣдѣствіе такихъ обидныхъ отношеній супруговъ у мусульманъ составился самый низкій взглядъ на женщину вообще, взглядъ до того оскорбительный для послѣдней, что по справедливости это служить самымъ темнымъ пятномъ для Мухаммеда. Если бы его законодательство было совершенно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то одного этого достаточно, чтобы произнести надъ пимъ самый строгій приго-

1) Кор. гл. 2, ст. 223.

2) Кор. гл. 2, ст. 228.

воръ. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ мы видимъ крайнее унижение женского пола, крайне унизительный взглядъ на женщину вообще, такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что унижение женщины служить отличительнымъ признакомъ мусульманскихъ обществъ; а все это обязано ничему другому, какъ законодательству Мухаммѣда и его собственному взгляду на женщину, какъ на существо низшее мужчины. Мухаммѣдъ постоянно проповѣдывалъ и его всегдашимъ убѣжденіемъ было то, что женщина во всякомъ случаѣ несравненно ниже мужчины по своимъ душевнымъ качествамъ и естественно должна находиться въ рабствѣ у мужчинъ¹⁾. Во всякомъ законодательствѣ Мухаммѣда проглядываетъ тотъ взглядъ на женщину, что она составляетъ какъ бы половину мужчины. Этотъ взглядъ яснѣе всего обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда Мухаммѣдъ дѣлаетъ постановленія о свидѣтеляхъ. Здѣсь онъ всегда ставитъ женщину вдвое ниже мужчины, такъ что одинъ мужчина въ свидѣтельствѣ равенъ двумъ женщинамъ²⁾. Этимъ принципомъ проникнуты и всѣ юридическая постановленія о женщинахъ въ мусульманскихъ земляхъ. Возмите любое изъ этихъ законоположеній и вы увидите, что женщина дается половина цѣни сравнительно съ мужчиной. Послѣдователи Мухаммѣда остались вѣрны такому взгляду Мухаммѣда на женщину и всѣми мѣрами старались и стараются унизить ее. Унизить женщину сильнѣе, чѣмъ она унижена мусульманами, едва-ли возможно. Въ глазахъ мусульманъ женщина составляетъ только предметъ чувственныхъ наслажденій, даже предметъ торговли, такъ что благодаря полигаміи, на Востокѣ особенно въ прежнее время сильно была распространена торговля женщинами. На женщину мусульманинъ всегда смотрѣлъ какъ на существо низшее себя. Она есть игрушка его страстей, отъ которой онъ требуетъ свѣжести и полноты формъ, словомъ—обращаетъ вниманіе исключительно на ея физическія качества, нисколько не думая о ея душевныхъ способностяхъ и характерѣ. Поэты, всегда и вездѣ болѣе благосклонные къ женскому полу и часто выступающіе поборниками свободы женщинъ и ихъ правъ, и тѣ даже высказываютъ унизительныя мнѣнія для

¹⁾ Кор. гл. 2, ст. 133; гл. 4, ст. 38; гл. 53, ст. 21.

²⁾ Кор. гл. 2, ст. 282.

женщинъ. Такъ знаменитый поэтъ мусульманскаго міра, пользующійся всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, Саади Ширазскій въ своемъ стихотвореніи „Гюлистанъ“ высказываетъ такое сужденіе: „мужчина бесполезный походитъ на женщину“, „позорно держать совѣтъ съ женщинами, грѣшно оказывать благодѣяніе нечестивымъ“¹). Что это какъ не крайняя степень презрѣнія къ женщинамъ, — презрѣнія, высказываемаго публично всему миру. Притомъ это мышлѣе высказывается ученымъ человѣкомъ, уважаемымъ поэтомъ. Должно быть хорошо то общество, отъ лица котораго высказывается подобное сужденіе ученый Саади! Дѣйствительно, по разсказамъ путешественниковъ, которымъ приходилось разговаривать съ мусульманами на Востокѣ обѣ этомъ предметѣ, всѣ они безъ исключенія точно такого же мнѣнія о женщинахъ и даже еще худшаго. Одинъ мусульманинъ въ Каирѣ на вопросъ путешественника: вмѣстѣ съ женами или отдельно отъ нихъ живутъ мусульмане? — отвѣчалъ: „да есть-ли возможность жить съ женщинами вмѣстѣ? Они оглушатъ васъ несносной болтовней.... гораздо пріятнѣе бесѣдовать съ друзьями, слушать исторіи или мечтать, куря трубку, нежели разговаривать съ женщинами, которая заняты грубыми предметами, нарядами или злословиемъ.... Обхожденіе съ женщинами дѣлаетъ мужчину жаднымъ, эгоистомъ и жестокимъ; оно уничтожаетъ между нами братство и дружбу; оно бываетъ причиной ссоръ, несправедливостей и жестокости.... Довольно и того, что въ часы отдыха, или по возвращеніи домой, хозяинъ встрѣтить улыбающіяся лица, роскошныя формы, красиво одѣтыхъ“²). Правда, это сужденіе вложено въ уста мусульманина навѣрное самимъ авторомъ, но оно хорошо и вполнѣ вѣрно выражаетъ взглядъ мусульманина на женщину, какъ на существо настолько низкое, что съ нею не можетъ быть никакихъ нравственно-свободныхъ отношеній, никакого взаимнаго обмѣна мыслей. Всѣ мусульмане смотрятъ на женщину не какъ на человѣка, имѣющаго одинаковое достоинство съ мужчиной, а какъ на вещь.

Самыя нравственные свойства женщины должны были измѣниться и обезобразиться до послѣдней степени. Заклю-

¹⁾ Шейхъ Мұслихуддинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы, Соч. Холмогорова, стр. 82—83.

²⁾ Отчественныя Записки. 1846 г. XLVII т. Каирскія женщины, стр. 10.

ченная въ гаремъ, съ раннихъ лѣтъ встрѣчая одно презрѣніе со стороны мужчины, не имѣя никакихъ правъ, женщина естественно должна была вырождаться. Такое униженіе не могло пройти безъ слѣда для женщины, — оно должно было унизить и изуродовать нравственную природу ея. И вотъ мы встрѣчаемъ преданія мусульманскія, въ которыхъ женщинѣ приписываются нравственные недостатки, открывается вся крайность презрѣнія, бросаемаго на женщинъ. Преданія эти выражаютъ мнѣніе, что „женщина — существо съ ограниченнымъ смысломъ“, что „женщины суть веревки сатаны“, что „большая часть обитателей ада состоятъ изъ женщинъ“¹). Видно, что преданія очень усердно стараются развить мысль Мухаммеда о низкомъ состояніи нравственно-духовной природы женщины²).

Государственное значение женщины въ исламѣ.

Всѣдѣствіе такого взгляда на женщину и ея нравственную природу, могъ ли исламъ допустить, чтобы женщина была членомъ государства. Женщина исключена изъ его состава согласно требованію самого Мухаммеда³); общество навсегда закрыто и недоступно для женщины. Она лишь раба, а не свободная гражданка; она лишена даже права самостоятельного существованія; для нея пужень мужъ, чтобы онъ былъ ея руководителемъ въ жизни и обществѣ; она не можетъ жить одна самостоятельно. Мухаммедъ ясно и опредѣленно говорилъ, что женщина создана для мужчины⁴). Онъ не хотѣлъ признать за ней права самостоятельного существованія. Этотъ взглядъ на женщину вытекалъ изъ того принципа, что женщина по слабости совей какъ физической, такъ и духовно-нравственной природы не можетъ оставаться въѣ брака; ей нуженъ постоянный руководитель, надзиратель и воспитатель; она является существомъ несовершеннолѣтнимъ. Поэтому па женщину, не вышедшую за-мужъ до из-

¹⁾ Отеч. Записки. 1855 г. XLVIII т. Мусульманскія религія въ отпоменѣніи къ образованности. Березинъ, стр. 89.

²⁾ Кор. гл. 43, ст. 17—18.

³⁾ Кор. гл. 24, ст. 31; гл. 32, ст. 31, 53, 57.

⁴⁾ Кор. гл. 30, ст. 20; гл. 26, ст. 166.

вѣстнаго срока, мусульмане смотрятъ очень оскорбительно для нея,—она подвергается осуждению общества. Всѣ даже религіозныя от правленія женщины поставлены въ зависимости отъ супружества. Хожденіе въ Мекку, обязательное по закону Мухаммѣда для всякаго мусульманина, не можетъ быть исполнено незамужней женщиной, — только бракъ дасть женщинѣ право на этотъ священный обрядъ. Женщина не можетъ взойти на вершину Арафата иначе, какъ только вступивъ въ бракъ. Незамужнія женщины, чтобы исполнить этотъ священный обрядъ, обыкновено вступаютъ съ кѣмъ-нибудь изъ пилигримовъ въ бракъ, который послѣ путешествія немедленно расторгается¹⁾). Притомъ, нужно замѣтить, это священное дѣйствие и необязательно для женщины; даже общественная молитва необязательна для нея по закону Мухаммѣда. Мухаммѣдъ позволилъ женщинамъ ходить въ мечеть, но объявилъ, что лучше было бы, если бы они молились дома. Мусульмане сдѣлали изъ этого совѣта почти запрещеніе, удаливъ почти окончательно женщину отъ общественнаго богослуженія²⁾). Рѣдко женщину и то престарѣлую можно встрѣтить въ мечети, закрытую съ ногъ до головы покрываломъ и стоящую гдѣ-нибудь у порога. Мухаммѣдалскій унизительный взглядъ на женщину не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы и она была обязана совершать тѣ же самые религіозныя обряды, какіе обязанъ совершать мужчина. Развѣ женщина такое же существо, какъ и мужчина, развѣ она одарена всѣми правами человѣка, развѣ она свободно-нравственная личность, чтобы ее побуждать исполнять религіозныя обряды? Такимъ образомъ освобожденіе женщины отъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ есть плодъ того унизительного взгляда на нее, по которому она лишена и правъ гражданскихъ. Мусульмане даже намѣренно стараются отвлекать женщину отъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ, чтобы не дать ей дойти до сознанія своихъ общечеловѣческихъ правъ, при сознаніи которыхъ она можетъ потребовать себѣ права, которыми должно пользоваться всякое свободное существо какъ въ религіозномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. Мусульмане боятся, чтобы исполненіе религіозныхъ обрядовъ, на-

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 186.

²⁾ Mills, *Histoire du mahometisme*, p. 335; Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 189.

ровиѣ съ мужчинами, не дало повода женщинѣ высоко смотрѣть на себя, считать себя способною жить самостоятельно свободной гражданкой и пользоваться всѣми правами предоставленными мужчинѣ. Не льготу должна видѣть мусульманка въ освобождении себя отъ обязательныхъ для мужчинъ религіозныхъ обрядовъ, а рабское униженіе и отпятое естественныхъ правъ.

Съ самого первого дня рожденія мусульманка предназначается въ жертву самому печальному жребію; съ первыхъ дней ей стараются внушить, что назначеніе ея состоить только въ томъ, чтобы быть утѣхой мужа, стараются уничтожить въ ней всѣ проблески свободы, настроить ее такъ, какъ они желаютъ этого, именно, чтобы она смотрѣла на себя, какъ на орудіе, назначное для удовлетворенія похотей мужа. Родители ничего не видятъ въ своей поворожденной дочери, кроме ея физическихъ свойствъ, — свойствъ, которыхъ однѣ только и цѣнятся мусульманами въ женщинѣ. За доказательствами пѣть нужды ходить далеко, достаточно для этого только сравпить имена даваемыя мальчикамъ и дѣвочкамъ ихъ родителями. Мальчики называются постоянно именами какихъ-нибудь здѣсненитыхъ личностей, о которыхъ исторія сохранила воспоминаніе. Какія же имена даются женщинамъ? Имъ даются имена не въ честь какихъ-нибудь героинь, даже не въ ознаменованіе ожидаемыхъ какихъ-нибудь прекрасныхъ чертъ души, имъ даются имена просто въ ожиданіе какихъ-нибудь чисто физическихъ свойствъ, какого-нибудь тѣлесного совершенства, — совершенства, имѣющаго цѣлью возбудить чувственность въ мужчинахъ¹⁾). Такимъ образомъ женщина съ самого первого дня рожденія предназначается для удовольствія своего мужа, для возбужденія его чувственности.

Рожденіе дитяти женского пола встрѣчается на Востокѣ родителями съ печалью. Рождается сынъ, родители считаютъ

¹⁾ Вотъ списокъ именъ, даваемыхъ обыкновенно женщинамъ въ Персіи: Гюльчегре—розолица, Нарцис-ханумъ—царница-барыня, Пери-нейкеръ—одаренная видомъ пери, Гюль-ендамъ—имѣющая тѣлосложеніе розы, Джейрапъ-ханумъ—серна-барыня, Бенефише-ханумъ—фіалка-барыня, Тутн-ханумъ—псогай-барыня, Нура-феримъ—сладоворная, Гаучерь-ханумъ—драгоценный камень-барыня, Мачтабъ—сіянье мѣсяца, Нариндж-ханумъ—анельсинъ-барыня, Шахъ-исендъ—такая, что и шахъ похвалить, Назеитъ—шѣхнезе-кал, Нейлуферъ—лилія, Нур-джашъ—блескъ-дущенка, Гаус-ханумъ—лавлии-барыня, Нист-ендер-джегон-ханумъ—такая барыня, что иѣтъ ей подобной въ цѣломъ сѣтѣ. См. Огеч. Записки 1855 г. СІ т., стр. 50.

это особымъ благословенiemъ неба, потому что рождается новый мусульманинъ, который продолжить потомство отца-мусульманина; но вотъ рождается дѣвочка и вместо радости появляется на лицѣ родителей глубокая печаль,—отецъ, пораженный печальной новостью, ходитъ самъ не свой, не зная, что дѣлать; случается, что при этомъ онъ впадаетъ въ какое-то дикое отчаяніe¹⁾. Вотъ какъ встрѣчаются рожденіе дѣвочки мусульмане Востока. Имѣя предъ собой слова Мухаммеда, который ставитъ выше и радостнѣе рожденіе сына, нежели дочери²⁾, нечего удивляться взгляду мусульманъ на рожденіе дочери, какъ па несчастіе. Это есть результатъ того униженія женщины, на которое она осуждена въ мусульманствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чому же радоваться и какъ не приходить въ печаль отцу, когда является на свѣтъ существо, по его же собственному мнѣнію не имѣющее даже правъ человѣческихъ,—существо, лишенное даже личности человѣческой, будущая раба своего мужа, постоянная мученица и жертва прихоти своего мужа — этого ангела хранителя женщины, какъ его считаютъ мусульмане? Невольная грусть должна охватить отца при появлѣніи отъ его сожительства такого существа. Нечего удивляться этому явленію,—оно есть одно изъ печальныхъ послѣдствій того ложнаго и жестоко-несправедливаго мнѣнія о женщинахъ, которое было высказано самимъ основателемъ ислама и потомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалось на Востокѣ.

Увидя появленіе на свѣтъ этого презрѣннаго существа, родители-мусульмане и не заботятся о немъ, какъ о человѣческой личности, не стараются развить его духовно-нравственno; они отлагаютъ всякое воспитательное попеченіе о немъ. Все ихъ воспитаніе дочери ограничивается лишь однимъ питаніемъ. Даже родители-аристократы и тѣ не заботятся о духовномъ развитіи своихъ дочерей, —онъ ростутъ безъ всякаго воспитанія, дикия и необразованныя. Впрочемъ мусульмане и не требуютъ себѣ образованныхъ супругъ. Такого печальнаго нравственства женщины и должно ожидать, коль скоро онъ назначены единственno для услажденія своихъ будущихъ му-

¹⁾ Отеч. Записки 1855 года СІ т. Судьба женщины на мусульманскомъ Востокѣ, 48 стр.

²⁾ Кор. гл. 52, ст. 39.

жей. Они не должны вмѣшиваться ни во что, опѣ не имѣютъ на это права; все за нихъ выбираетъ и решаетъ мужчина; для чего же имъ и образованіе? Опѣ, какъ рабыни, должны слѣпно повиноваться и безпрекословно исполнять то, что имъ прикажетъ деспотическая власть мужа. Даже религіозное образованіе, получаемое женщиными, ограничивается самыми необходимыми и въ высшей степени скучно. Въ самыхъ аристократическихъ семействахъ оно ограничивается только чтеніемъ Корана и выучиваніемъ наизусть пѣсколькихъ самыхъ необходимыхъ молитвъ¹⁾). Смотря на женщину, какъ на игрушку своихъ чувственныхъ страстей, мусульмане не могутъ освободиться отъ того, чтобы въ ихъ душѣ не гнѣздила ревность. Эта-то страсть и побуждаетъ между-прочимъ мусульманъ Востока ограничивать обученіе грамотѣ дѣвочекъ однимъ только чтеніемъ Корана, а не простирать его дальше до письма. Мусульмане боятся, что женщина, научившись писать, легко можетъ завести любовныя интриги, такъ какъ письмо даетъ легкое и удобное средство передачи своихъ мыслей. Потому они рѣдко обучають письму своихъ дочерей. Напрасная опасность и ложная предосторожность! Женщина всегда можетъ найти средство увидѣться съ любовникомъ, если только захочетъ. Не репрессивными мѣрами здѣсь нужно дѣйствовать, а должно стараться возвысить женщину нравственно, довести ее до сознанія важности супружескихъ узъ; тогда и письменность не будетъ обращена въ орудіе любовныхъ похождѣній. Въ противномъ случаѣ и самая репрессивная мѣры не приведутъ ни къ чему и даже больше будутъ привлекать женщину къ желанію нарушить супружескую вѣрность. Къ несчастію этой повидимому простой истины и не могутъ понять мусульманскіе мужья.

Побуждаемые ревностью, которая не даетъ имъ покоя, смотря на женщину какъ на существо слабое, которое не можетъ существовать безъ поддержки мужа, видя въ ней существо, по своей природѣ способное на всякую пизость, лишь бы только была воля, мусульмане и стараются лишить ее этой воли, стараются положить преграды всѣмъ ея свободнымъ дѣйствіямъ, уничтожить всякое проявленіе ея воли.

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. I стр. 261 Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1. S. 362.

Смотря на нее исключительно съ точки зрења чувственности, они наблюдаютъ очень строго, чтобы жена не досталась на долю кого-нибудь другаго. Мусульманинъ не можетъ смотрѣть на нее иначе, какъ на орудіе чувственного удовольствія, которое принадлежитъ только ему одному, потому онъ и преслѣдуетъ ее и старается не давать ей ни малѣйшаго хода для свободнаго проявленія своей личности. Мусульманскага чувственность и ревность выдумала гаремы, гдѣ можно удобно и легко стеречь женщину, чтобы не лишиться исключительного права на чувственное удовольствіе съ нею. Среди мусульманскихъ городовъ и селеній возвышаются огромныя зданія, обращенные окнами на дворъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, такъ что никакой любопытный взглядъ не можетъ проникнуть туда. Что это такое? Тюремные замки? Нѣчто похожее на нихъ, но не они. Это гаремы мусульманъ. Это своего рода тюрьмы, гдѣ стерегомыя евнухами и лишенныя всякой возможности выдти изъ нихъ куданибудь, проводятъ дни несчастныя жены сладострастныхъ мусульманъ. Законъ Мухаммеда далъ мужчинѣ право на чувственность; чувственная же природа жителей Востока устроила гаремы, гдѣ должны томиться несчастныя жертвы ихъ страстей. Въ этихъ тюрьмахъ, разобщенная съ міромъ, проводятъ скучную жизнь бѣдныя женщины—жены богатыхъ мусульманъ. Самый строгій надзоръ тяготѣть надъ ними въ продолженіи цѣлой жизни; толпы евнуховъ, какъ аргусы, стерегутъ всѣ входы и выходы въ эти храмы мусульманскаго сладострастія. Всюду проникаетъ бдительное око этихъ выродковъ человѣческаго рода, которые сами лишенныя мужескаго отличія, раздражаемыя своимъ безсиліемъ, весь свой гиѣвъ изливаютъ на бѣдныхъ пленницахъ; они вмѣшиваются въ самыя увеселенія ихъ и здѣсь стараются уничтожить веселое проявленіе свободы, стѣснить и безъ того уже бѣдственное положеніе этихъ куколъ, облеченныхъ въ дорогія платья¹).

¹) Я не могу здѣсь не привести одного стихотворенія, въ которомъ въ краткихъ словахъ очень вѣрно изображена гаремная жизнь женщины со всемъ ея убѣйственностью.

Вотъ это стихотвореніе:

Нѣлкая, словно рабыня въ цѣпяхъ,
И молчаливая, скорбная, блѣдная,—

Страшась грозного взгляда своего деспота-мужа, вынужденная постоянно ласкаться къ нему, постоянно трепеща за свое существование, жена теряетъ всякое чувство свободной супружеской любви. Деспотизмъ мужа уничтожаетъ въ ней всякую возможность проявления этой высокой супружеской любви. Смотри на себя, какъ на игрушку мужа, какъ на существо, цѣль жизни котораго состоитъ въ томъ, чтобы услаждать мужа, не имѣя никакихъ средствъ пуститься въ ту или другую дѣятельность, то или другое занятіе, обеспечивающее ихъ положеніе, жены всю жизнь проводятъ только въ нарядахъ, перемѣнѣ платья и разныхъ поддѣлкахъ искусственной красоты, чтобы поддержать какъ можно больше любовь къ себѣ мужа, или снова возвратить ее, если случилось потерять ее. Во всѣхъ этихъ нарядахъ и украшеніяхъ ихъ замѣтно лишь одно желаніе, одно стремленіе, какъ бы удовлетворить чувственнымъ прихотямъ своего мужа, потому что вся ихъ судьба, все ихъ существование зависитъ единственно отъ того, чравится ли своему деспоту - мужу, или нѣтъ. Здѣсь ничѣмъ не препобрегаютъ для достиженія своей цѣли, пускаютъ въ ходъ всѣ интриги, и благодаря искусной интригѣ счастливой соперницы, котораял-нибудь изъ женъ отходить

Вотъ она, наша страдалица бѣдная,
Съ робкой улыбкой на грустныхъ устахъ....

Грудь надорнутъ ли рыданія—
Плакать не с眉ѣтъ она.
Не обнаружить страданія
Деспота злого жена,

Въ самой любви до конца оскорблена
И отупиѣвшая, и истомлена.
Рядомъ съ несчастной ребяночъ больной,
Взглядъ не сводить съ нея боязливаго....
Бѣдный, не знаетъ онъ дѣства счастливаго!
Вскормленный жалкой и слабой рабой,

Выпесеть школу суповую,
И,—такова ужъ судьба,—
Выльется въ форму готовую
Иль налача, иль раба.

Будетъ онъ деспотомъ, всѣхъ оскорбляющимъ
Или невольникомъ, выю склоняющимъ....

В. Н. Славянскій.

па задній планъ. Вниманіе мужа отъ нея отвращается и вмѣстѣ съ тѣмъ для нея затворяются двери счастія и спокойствія; ей не откуда ожидать теперь чего-нибудь хорошаго; на долю ея падаетъ холодная суворость со стороны мужа, ненависть и презрѣніе со стороны прочихъ женъ, не выносимая бдительность строгаго евнуха, проникающаго во всякое время во всѣ ся покой. Для евнуха даже спальня жены не затворена; во всякое время дня и ночи онъ можетъ и имѣть право туда проникнуть и собственными глазами убѣдиться, все ли благополучно въ этомъ звѣрицѣ восточнаго мусульманина. Прибавьте къ этому еще и то, что жены не могутъ показываться безъ покрывала никому изъ мужчинъ, исключая самыхъ близкихъ родственниковъ и прислуги, по требованію основателя ислама¹⁾). Ревность Мухаммеда установила этотъ обычай²⁾), а ревность его послѣдователей приняла и продолжаетъ поддерживать его, не смотря на всѣ неудобства и даже на невозможность его выполненія для пизніихъ классовъ, гдѣ полевыя работы исполняются вмѣстѣ мужчинами и женщиныами и гдѣ между тѣмъ нельзя быть постоянно подъ покрываломъ. Но не смотря на это мусульмане твердо следуютъ этому обычая, и на всемъ мусульманскомъ Востокѣ считается порокомъ для женщины показать свое лицо постороннему мужчинѣ. Лишь только женщина выходитъ изъ своего логовища, она обязана какъ можно плотнѣе закрывать свое лицо покрываломъ и показываться на улицѣ не иначе, какъ въ видѣ муміи, съ погъ до головы покрытой и обвязанной, чтобы никто не могъ видѣть черты лица. Опять новое стѣсненіе для женщины! Постановленіе повидимому пустое, но оно ясно указываетъ на то, что женщина не признана исламомъ гражданкой; ей поэтому и быть надобности присутствовать въ обществѣ,—покрывало должно полагать преграду между ей и обществомъ.

Но не одно покрывало должно стѣснить женщину въ домашнемъ и общественномъ быту, при выходѣ на улицу или

¹⁾ Кор. гл. 33, ст. 55 и 59.

²⁾ Предание говоритъ, что Мухаммедъ ввелъ это постановленіе по убийствѣ Омара, который однажды сказалъ Мухаммеду: «о пророкъ! къ тебѣ ходятъ разные люди, хороши и худы, не хорошо, что всѣ они видятъ лицо твоихъ женъ: иначе спопытъ женщины закрывать свое лицо, слѣдя этому совѣту, Мухаммедъ и сдѣлалъ это законоположеніе (Ширенгеръ).

къ другимъ постороннимъ людямъ. Вездѣ, куда-бы ни показалась жена-мусульманка, затворница гарема, ее сопровождается мрачная, подозрительная фигура съ желтымъ цвѣтомъ лица, безъ бороды и усовъ. Эта фурія, преслѣдующая жену богатаго мусульманина, есть никто иной, какъ евнухъ¹). Одного женоподобнаго пискливатаго звука этого кастрата достаточно, чтобы направить жену, куда ему вздумается, заставить возвратиться домой. Она должна вести себя съ крайней осторожностью, выходя изъ дома въ сопровождѣніи этого слуги-деспота, или встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь внутри своего гарема; иначе доносъ ненавистнаго стражи уже готовъ и падѣнную жену обрушатся со стороны мужа всѣ невзгоды. Одного неосторожнаго слова, одного взгляда часто бываетъ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ черномъ рабѣ и чрезъ то подвергнуться брани и нерѣдко жестокимъ побоямъ со стороны мужа. Этого мало; даже самъ евнухъ можетъ собственоручно расправиться съ несчастной жертвой гарема.

Вотъ какъ печально положеніе каждой женщины въ мусульманскомъ мірѣ. Заперта въ гаремѣ, какъ въ домашней тюрьмѣ, подъ стражей цѣлой толпы евнуховъ, не имѣя возможности скрыться отъ ихъ внимательнаго надзора, всюду сопровождаемая ими, строго обязаннай скрывать свое лицо отъ всякаго посторонняго мужчины, подвергаясь даже наказанію евнуховъ за всякій неосторожный поступокъ, вѣчнай жертва ревности мужа, занятая исключительно нарядами — такова женщина-мусульманка на Востокѣ и таково ея положеніе. Всѣ путешественники такъ описываютъ ея положеніе. Вотъ что пишетъ пашъ отечественныи очевидецъ о положеніи щенщины въ Самаркандѣ: „изгнанная изъ общества, зашитая въ своеемъ несчастномъ дворѣ, съизмала веденная подъ строгимъ надзоромъ и колотушками старшихъ, не имѣвшая никакой воли, ни малѣйшей самостоятельности, и затѣмъ вдругъ, невѣдомо для нея, попавшая подъ деспотическую руку мужа, часто ей совершенно до того неизвѣстнаго, для котораго она должна была или играть роль забавы, или быть безответственной работницей, — женщина должна была изуродоваться. Ея пылкому, извращенному воображенію рисовались наслажденія невѣдомаго ей міра въ грандіозныхъ

¹⁾ Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 347.

увлекательныхъ размѣрахъ; фантазія уносила ее въ нечеловѣческій міръ; понятія складывались дико, безобразно, узко, неестественно; интересы мельчали. И вотъ въ этихъ-то дворахъ предполагаемаго цѣломудрія и высокой нравственности придумываются тысячи сказокъ, объясняющихъ дѣла міра; вырабатывается самая затѣйливая и многосложная система о сосѣднихъ дворахъ; изобрѣтаются хитрости, прикрывающія любовныя связи на сторонѣ, и наконецъ является та болѣзнина раздражительность, которая прибѣгасть къ дикому искусству неестественного удовлетворенія половыхъ инстинктовъ. Женщина преслѣдуется, наказывается за всякую попытку быть хоть немного самостоятельной, и поэтому она выучивается лжи, коварству, лицемѣрію; должна стоять вѣчно на-сторожѣ, если въ ней осталось хоть малѣйшес желаніе быть свободной; должна тщательно прятать часть тайкомъ заработанныхъ и тайкомъ же вырученныхъ денегъ и т. д.—словомъ, въ ней являются всѣ тѣ пороки, которые неминуемы при такой системѣ замкнутости и забитости¹⁾). Такъ печально положеніе женщины въ мусульманскомъ мірѣ.

Положеніе старухи-мусульманки еще печальнѣе, мрачнѣе. Съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, безнадежнѣе и безнадежнѣе становится положеніе бѣдной супруги мусульманши. Все, что прельщаетъ мусульманшина въ женѣ, это именно чисто вѣнчанія ея свойства; опь не ищетъ въ иной по-други, а смотритъ на нее, какъ на чувственное удовольствіе для своихъ страстей. Красота и свѣжая молодость составляютъ для мусульманшина все, чѣмъ онъ дорожитъ въ своей женѣ. Естественно послѣ этого, что когда красота ея упадасть, когда она теряетъ свѣжестъ силъ и цвѣтущую молодость, она съ этого времени теряетъ въ глазахъ мужа всякую цѣпу; оставленная и забытая имъ, она влачить въ печали и горести послѣдніе дни своей жизни. Она походитъ на како-то полумертвое существо, лишенное всѣхъ отрадныхъ мыслей и чувствованій, съ однимъ ожиданіемъ скоропить въ могилѣ всѣ невзгоды жизни, покончить тамъ всѣ мучепія, которыхъ она вынесла въ продолженіе своего существованія. А что же дѣти? Что же они не уладятъ остатка днѣй своей

1) Бесѣда, 1872 года, книга VIII, Августъ. Внутрен. обозр. Самаркандъ, стр. 38.

матери? Ихъ-то, этихъ пѣжныхъ дѣтей, для мусульманки и не существуетъ. Сынъ, съ дѣтства получивши чувство мужскаго превосходства предъ матерью, съ дѣтства видѣвшій въ ней одно лишь рабское существо, мало заботится о доставлении покоя для своей несчастной матери. Дочери, вышедши замужъ и сами заключенныя въ гаремахъ мусульманскихъ богачей, также не могутъ оказать никакой помощи, никакого успокоянія для своей матери. Одинъ безотрадный путь отчаянія и наконецъ смерть остаются впереди этой ста-рухъ.

Такимъ образомъ женщину-мусульманку съ самаго первого дня рождения и до самой смерти преслѣдуютъ однѣ нен-взгоды, однѣ лишенія и обиды. Лишь только она успѣеть появиться на свѣтѣ, ее встрѣчасть разочарованное и пораженное исчадіемъ лице родителей, которые думали встрѣтить дитя мужскаго пола. Она начиная приходить въ дѣтскій воз-растъ, — ее сопровождастъ одно презрѣніе и небрежность со стороны отца и матери, ее оставляютъ безъ всякаго воспи-танія, потому что все это считаются излишнимъ для нея. Она приходитъ въ возрастъ возмужалости и совершеннолѣтія, вступаетъ въ бракъ, и здѣсь судьба ся едва ли не дѣлаетъ еще хуже. Вѣчная плѣнница, заключенная въ гаремѣ подъ надзоромъ чернокожихъ свиуховъ, она проводить дни въ ску-кѣ, самомъ глубокомъ уединеніи и постоянномъ страхѣ за любовь и расположеніе мужа. Наконецъ она достигастъ старо-сти.... Здѣсь-то, когда по естественнымъ человѣческимъ зако-намъ она должна бы успокоиться и наслаждаться мирнымъ нокосемъ подъ кровомъ своихъ дѣтей, — ее преслѣдуютъ раз-наго рода притѣшнія и пренебреженіе до конца жизни. Такимъ образомъ ни одна пора жизни не представляется въ ро-зовомъ цвѣтѣ для мусульманки.

Но можетъ быть женщина свыкается со своимъ положе-ніемъ и по привычкѣ ей нисколько не кажется эта жизнь мрачною, какъ кажется она намъ? Не думаемъ Правда, лишен-ная съ дѣтства всякой вниманія, не испытавшая никогда лучшей жизни, женщина въ мусульманствѣ не можетъ чув-ствовать вполнѣ своего безвыходно-невыносимаго положенія; но въ то же время она, какъ человѣкъ, не можетъ прими-риться съ полнымъ лишеніемъ свободы и окончательною без-правностью. Рабы, съ дѣтства не видавши свободы и никог-

да ненаслаждавшіеся ею, часто возмущаются своимъ положеніемъ, и это недовольство своимъ жребісмъ нерѣдко было причиною жестокихъ возмущеній. Тѣмъ болѣе женщина должна почувствовать на себѣ весь гнетъ мужа; у ней должно появиться желаніе свергнуть съ себя ненавистное иго мужа, его беспрестанный контроль надъ всѣми ея дѣйствіями.

Мы старались охарактеризовать положение женщины, принадлежащей къ высшимъ классамъ и вообще къ болѣе богатымъ семействамъ. Положеніе женщины въ бѣдныхъ семействахъ мало чѣмъ отличается въ этомъ отношеніи. Всякій мусульманинъ, имѣющій маленькое состояніе, стремится жить по образцу богачей, соблюдать тѣ же самые привычки и обычай; всякий, кто можетъ содержать двѣ жены, стремится поставить дѣло такъ, чтобы у него выходилъ маленький гаремъ. Выше мы замѣтили, что на Востокѣ ничего не значитъ содержать нѣсколько женъ. Потому у большинства восточныхъ мусульманъ ихъ имѣется нѣсколько. Такимъ образомъ и въ низшихъ классахъ женщина находится въ такомъ же печальному положеніи, какъ и въ гаремахъ богачей. Правда, ее здѣсь не стерегутъ толпы евнуховъ, она можетъ иногда, особенно на полевыхъ работахъ, показываться постороннимъ лицамъ безъ покрываля (замѣтимъ — противъ закона Мухаммеда); но насколько судьба ея улучшается въ этомъ отношеніи, настолько ухудшается въ другомъ. Здѣсь сильнѣе чувствуется грубый деспотизмъ мужа, здѣсь несравненно чаще пускаются въ ходъ кулаки и плеть. Притомъ, смотря на жену какъ на рабу, мусульманинъ низшаго класса еще старается извлечь изъ нея какъ можно болѣе материальной пользы; она здѣсь превращается въ рабочій скотъ, зарабатывающій пропитаніе себѣ и хозяину. Между тѣмъ какъ жена трудится, промышляя пропитаніе для цѣлаго семейства, мужъ, истый поклонникъ восточной пѣни, наслаждается пріятнымъ кѣйфомъ, —кѣйфомъ, къ которому способны одни только восточные мусульмане и въ которомъ они доходятъ до такой артистичности, что, по ихъ собственнымъ словамъ, они стараются даже не мыслить въ этомъ состояніи, —мысль кажется даже имъ утомительною. При такой наклонности къ лѣни мужъ употребляетъ жену почти для всѣхъ работъ, чтобы самому не оставлять своей бездѣятельности. Притомъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, жена знатнаго мусульманина меныше подвергается опасности быть выгнанною своимъ мужемъ, потому что

ревность не позволяетъ ему часто воспользоваться правомъ развода. Между тѣмъ жена простаго мусульманина постоянно принуждена бывать переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія до тѣхъ поръ, пока она состарѣется и сдѣлается уже никому ненужнымъ хламомъ; тогда ея единственная надежда на мірскос подаяніе. Къ счастію этихъ старухъ между мусульманами не совсѣмъ исчезъ духъ древней наклонности къ подаянію и пропитанію бѣдствующихъ и страждущихъ. Въ противномъ случаѣ имъ часто приходилось бы умирать съ голоду на Востокѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ почти帮忙енъ, никакихъ вспомогательныхъ учрежденій.

Намъ нужно еще сказать нѣсколько словъ о правѣ мусульманской женщины на собственность, но чрезвычайно трудно сказать что-нибудь объ этомъ правѣ; не знаю, право ли это, предоставленное женщинѣ, или насмѣшка надъ всѣми человѣческими правами. Мухаммѣдъ даровалъ женщинѣ право на собственность, право на полученіе наслѣдства¹⁾. Но дѣйствительно ли это право? Если вникнемъ въ положеніе мусульманской женщины, если разсмотримъ всѣ ея отношенія къ мужу, то дѣйствительно убѣдимся, что это есть не болѣе, какъ блестящая фикція, ловкій обманъ. Право дѣйствительно есть, но оно всегда оставалось и остается только правомъ безъ всякой возможности и даже надежды приложить его къ дѣйствительности. Мухаммѣдъ лишилъ женщину личности, лишилъ всѣхъ человѣческихъ правъ, и въ то же время далъ ей право на собственность. Не страшно ли говорить послѣ этого о правѣ женщины на собственность. Жена есть полуѣшная раба мужа, мужъ можетъ напести ей какое-угодно оскорблѣніе, не подвергаясь за это никакой ответственности; онъ можетъ даже бить ее сколько-угодно, не давая въ этомъ никому отвѣта,—словомъ, можетъ распоряжаться ея личностью, какъ ему вздумается. Можно ли послѣ этого ожидать, чтобы жена когда-нибудь воспользовалась правомъ на собственность. Она должна на-вѣки проститься съ приложеніемъ этого права, считать себя только имѣющею это право. Впрочемъ и это сдвали когда-нибудь пріѣдетъ въ голову женщинѣ, — женщинѣ, которая ежедневно переносить отъ мужа поруганіе не только этого права, но даже права личности. Мехрѣ, который долженъ защитить ее отъ притѣз-

1) Кор. гл. 2, ст. 176—241; гл. 4, ст. 8, 12—15.

сненій мужа, удержать его отъ развратнаго и похотливаго желанія развода, тоже не можетъ оказать надлежащей защиты женѣ, потому что мужъ можетъ чрезвычайно легко угрозами и побоями принудить жену самоѣ искать развода и чрезъ то лишиться мехра. А на побои и угрозы мужа она не имѣеть права жаловаться ни на какомъ судѣ, потому что бить свою жену сколько-угодно есть одно изъ правъ мужа, предоставленныхъ ему закономъ Мухаммеда, какъ мы видѣли выше. Такимъ образомъ это право существуетъ только въ воображеніи лицъ, желающихъ сколько-нибудь оправдать Мухаммеда относительно его жестокой несправедливости къ женщинѣ. Вотъ какъ характеризуетъ это право природный турокъ, самъ постоянно видѣвшій всю призрачность его: „какъ скоро Коранъ дѣластъ мужчину властелиномъ женщины и безусловнымъ распорядителемъ ея судебъ, какъ на этомъ такъ и на томъ сѣѣтъ,— коль скоро мужъ властенъ однимъ повелительнымъ словомъ или жестомъ вышвырнуть жену свою изъ дома на улицу, а также открыть ей или закрыть двери рая, то спрашивается послѣ того: къ чему послужитъ женщина обладаніе какимъ-либо имуществомъ? Какую пользу извлечь она при такихъ условіяхъ изъ своего права распоряжаться своимъ имуществомъ? Мужу стоитъ только изъ-за чего-нибудь придраться къ своей женѣ, затѣять ей скору, и онъ тотчасъ же прибереть къ своимъ рукамъ ключъ отъ жепина сундука. Къ тому же невѣжественность и неопытность женщины ставить ихъ несчастныхъ въ такую зависимость отъ мужчины, что ему стоитъ только сказать слово — и вся женщина богатства у его ногъ. Вотъ, собственно говоря, каковы въ сущности права мусульманской женщины на припадлежащее ей имущество. Эфемерность этихъ правъ подтверждается ежедневными весьма грустными фактами окончательного разоренія женъ ихъ мужьями. Прежде чѣмъ высказать какое-либо сужденіе о правахъ турецкихъ женщинъ, нужно вникнуть въ сущность ихъ; поверхностный же взглядъ на нихъ легко можетъ ввести въ заблужденіе¹⁾. Такимъ образомъ и это мнимое право мусульманской женщины сколько не можетъ улучшить ихъ участія. При немъ также, какъ и безъ него, перспектива ихъ жизни представляется въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ. Трудно придумать даже намѣренію

¹⁾ Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 28—29.

болѣе сильное униженіе женщины и болѣе рабское подчиненіе ея произволу мужа.

Мухаммѣдъ заботился только о благѣ мужчинъ и почти оставилъ безъ вниманія участъ женщины. Отъ разсчитываль, кажется, иривлечь къ себѣ вниманіе арабовъ и потому представилъ имъ всевозможныя права на чувственность, между тѣмъ, какъ бѣдныя спутницы ихъ жизни остались безъ всякаго призрѣнія. Мало того, Мухаммѣдъ не упомянулъ обѣихъ даже при описаніи будущей блаженности жизни. При всѣхъ описаніяхъ рая упоминаются одни только мужчины, о женщинахъ ни слова. Правда, и въ раю будуть женщины для услажденія похотливыхъ мусульманъ, но это женщины не земные, это гуріи — вѣчныя дѣственницы, которыхъ на долю каждого мусульманши достается до восьмидесяти. Мухаммѣдъ, желая какъ можно лучше и привлекательнѣе представить будущую жизнь для своихъ приверженцевъ, описываетъ прелестъ тѣхъ неземныхъ созданій, тѣхъ небесныхъ дѣвъ, которыхъ имъ будутъ даны. Райскія дѣвы должны быть прекраснѣе здѣшнихъ спутницъ ихъ жизни; бѣдныя женщины не достойны того, чтобы услаждать мужа по смерти въ раю; достаточно для нихъ и того, что они служили орудіемъ похоти мужа въ этой жизни. Можетъ быть Мухаммѣдъ, стараясь увлечь только мужчинъ своимъ описаніемъ райскаго блаженства, забылъ упомянуть о женщинахъ. Но во всякомъ случаѣ онъ не войдуть въ рай вмѣстѣ съ мужчинами, потому что онъ тамъ будуть лишни съ точки зреінія мусульманскаго богословія¹⁾. Это удаленіе женщины изъ райскихъ обителей мусульманъ дало поводъ многимъ ученымъ мусульманскаго міра думать, что женщины лишены даже души²⁾. Вирочемъ это совершенно несправедливо, потому что самъ Мухаммѣдъ обѣщалъ имъ бессмертіе и даже награду за добрыя дѣла³⁾. Поэтому большинство мусульманскихъ ученыхъ думаютъ, что женщины получать награду за гробомъ, но будутъ помѣщены въ особомъ отдѣленіи⁴⁾. Нѣкоторые же,

¹⁾ Кор. гл. 2, ст. 23; гл. 36, ст. 56; гл. 37, ст. 47; гл. 38, ст. 52; гл. 44, ст. 54; гл. 52, ст. 20; гл. 55, ст. 56, 70—72; гл. 56, ст. 22, 33—36; гл. 78, ст. 33; гл. 81 ст. 7.

²⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 261.

³⁾ Кор. гл. 3, ст. 13; гл. 4, ст. 123; гл. 40, ст. 8—43, гл. 43, ст. 70; гл. 48, ст. 5—6; гл. 57, ст. 12—17.

⁴⁾ Mills, Histoire du Mahometisme, p. 330; Sale, civilisation musulmane, p. 504; Reland, La religion des Mahometans, § XVIII. p. 166—172.

впрочемъ немногіе, ученые полагаютъ даже въ видѣ догадки, что женщины будутъ сожительствовать за гробомъ съ джиннами, которые подобно людямъ имѣютъ способность и силы къ супружескому сожитію¹⁾. Намъ нѣть надобности подробнѣ разбирать этотъ вопросъ, мы только упомянули о немъ съ цѣлью показать, какъ низко Мухаммѣдъ поставилъ женщину, что считалъ се даже недостойно получить мѣсто въ раю, назначенному для мужчинъ, такъ что потребовались особыя существа—гуріи для того, чтобы замѣнить женщинъ въ загробной жизни.

Позволимъ теперь себѣ спросить: въ чёмъ же заключается возвышеніе женщины и то блестящее положеніе, какое она, по мнѣнію французскихъ ученыхъ, получила въ исламѣ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ въ Аравії? Ограничение многоженства есть чистѣйшая выдумка панегиристовъ Мухаммѣда,—мы всюду видимъ, что мусульманскіе гаремы полны женами. Притомъ если и была полигамія въ Аравіи до Мухаммѣда, то она не сопровождалась такимъ лишеніемъ всякой свободы женщинъ. Мы нигдѣ не находимъ указаній, что у арабовъ раньше ислама существовали гаремы; женщина могла показываться везде, что видно изъ исторіи Мухаммѣда; основатель ислама также первый ввсль для женщинъ покрывало, какъ это видно изъ самого узаконенія. Гаремное затворничество женщинъ, отнятіе у нихъ всякой свободы, лишеніе всякаго доступа въ общество суть продукты мусульманства; прежде него Аравія не знала такого униженія женщины. До Мухаммѣда женщины пользовались уваженіемъ среди арабовъ. Поэтъ Антаръ убилъ раба за то, что онъ не имѣлъ уваженія къ арабскимъ женщинамъ, и правитель Зубайръ одобряетъ его въ слѣдующихъ словахъ: „вотъ мальчикъ, который поразитъ несправедливость и будетъ ревностно защищать женщинъ“²⁾). Исторія ко всему этому еще присовокупляетъ, что среди арабовъ до-мухаммѣдова времени были женщины очень образованныя, были женщины—поэты, которые пользовались заслуженною славою между современниками³⁾. Могли ли появиться подобныя лично-

¹⁾ Кор. гл. 55, ст. 56—74; Sale, civilisation musulmane, p. 504; Mills, Histoire du mahometisme, p. 330.

²⁾ L'Arabie contemporaine, par Adolphe D'Avril.

³⁾ Renan, p. 285—288.

сти при крайнемъ стѣсненіи свободы женщинъ, какое предполагаютъ защитники ислама? Мусульманство, не смотря на большую сравнительно цивилизацию, не представляетъ намъ ни одного примѣра женщины, известной въ области науки или искусства. Правда, въ цвѣтущее время халифата въ Испании были некоторые женщины, известные своими литературными произведеніями, напр. Келамъ, любимая султанша Хакима II, известна своими историческими и поэтическими сочиненіями¹⁾; но это нисколько неопровергаетъ нашего мнѣнія, что исламъ былъ причиной крайняго невѣжества женщинъ, вслѣдствіе ихъ униженія. Ученые женщины испанского халифата обязали своимъ появленіемъ крайнему упадку или по крайней мѣрѣ крайнему искаженію и ослабленію мусульманства въ средѣ высшихъ классовъ испанскихъ мусульманъ. Они были не продуктомъ мусульманского строя общественной жизни, а напротивъ явились благодаря только тому, что мусульманскій строй жизни былъ нарушенъ въ испанскомъ халифатѣ и жизни стремились утвердить на новыхъ основахъ. Справедливость нашихъ словъ подтверждается то, что послѣ упадка испанского халифата ни одно мусульманское государство не представляетъ памъ образованныхъ больше или менѣе замѣчательныхъ женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы исламъ не носилъ въ себѣ зародышей невѣжества женщины, образованныя женщины въ немъ не прекратились бы. Мы невольно убеждаемся, что судьба женщины въ Аравіи стала со временеми Мухаммеда печальнѣе и хуже, свобода ихъ стѣснена несравненно больше, нежели до Мухаммеда.

Вредное вліяніе мухаммеданского брака на нравственность мухаммеданъ.

Такое низкое состояніе брачного законодательства и униженное положеніе женщины не могли не произвести гибельного вліянія на нравственность мусульманъ. Многоженство, постоянная перемѣна женъ, затворничество женщинъ и крайнее униженіе ихъ, — развѣ все это не могло убить почти окончательно нравственное чувство у поклонниковъ Мухаммеда. Можетъ ли быть чистая нравственность у мусуль-

¹⁾ Всемирная история Шлоссера, т. V, стр. 206.

манина, окруженного многочисленными женами, содергимыми въ затворъ и упижени? Смотри на женщину какъ на игрушку для своихъ похотливыхъ желаний, мусульмане проникаются чувственностью до нес plus ultra; переходя отъ одной жены къ двумъ и болѣе, мусульманинъ доходитъ до того, что кажется всѣ женщины міра уже не въ состояніи удовольствовать его скотскимъ страсти. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе воспламеняется его воображение образами чувственности; наконецъ его страсть къ чувственному удовольствію доходитъ до предѣловъ положенныхъ самой природой,—онъ становится неспособнымъ къ супружескому сожитію. Какова же должна быть страсть, если множество мусульманъ доходитъ до этого болѣзнишаго состоянія? По свидѣтельству путешественниковъ, на Востокѣ постоянно можно встрѣтить мусульманъ въ раннемъ еще возрастѣ, которые дошли до невозможности продолжать супружескую жизнь. Заставлять ли по крайней мѣрѣ это болѣзнишаго состояніе мусульманина раскаяться и убѣждаетъ ли его, что чувственность въ такихъ размѣрахъ гибельна и противосстественна? Нѣтъ. Угрюмый, досадуя на себя и на свои физическія силы, онъ и въ этомъ состояніи думаетъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе поправиться отъ болѣзнишаго растройства, съ новыми силами предаться грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ среди своего многочисленнаго гарема, или вѣтъ его провести время съ развратными женщинами. Поэтому онъ постоянно обращается отъ одного врача къ другому; дервиши, старухи-знахарки и разные шарлатаны посѣщаются имъ съ неутомимымъ рвениемъ. Ничѣмъ не пренебрегаютъ, чтобы возвратить себѣ хоть наѣсколько времени то чувственное удовольствіе, которое мусульмане весьма часто богохульственно называютъ „божественнымъ наслажденіемъ“. Европейцы, которыхъ мусульмане Востока обыкновенно считаютъ врачами, особенно бываютъ осаждаемы просьбами этихъ страждущихъ помочь ихъ жалкому состоянію, нерѣдко доводящему ихъ до неистовства, когда всѣ пособія медицины остаются тщетными¹⁾). Афродитическія средства, возбуждающія половую дѣятельность,—средства, которыя въ другихъ странахъ отпускаются только по рецептамъ врачей, здѣсь продаются совершенно открыто и въ громадномъ количе-

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 271. Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 73—76.

ствѣ¹⁾). Мусульмане твердо вѣрятъ словамъ лже-пророка, который сказалъ, что мужчина въ этихъ чувственныхъ удовольствіяхъ походитъ на колодезь: чѣмъ больше чернаешь изъ него воды, чѣмъ больше прибываетъ ся и тѣмъ она становится чище²⁾). Вѣря этимъ словамъ лже-пророка, они никакъ не могутъ прийти къ мысли, что болѣзньное состояніе приключилось съ ними отъ неумѣренаго наслажденія тѣми удовольствіями, для которыхъ исламъ не положилъ предѣла, а напротивъ далъ средства предаваться имъ съ несобузданностью. Свое плачевное состояніе, это наказаніе природы за преступленіе предѣловъ, положенныхъ ею, мусульмане считаютъ дѣйствіемъ какого-нибудь злого человѣка, колдуна или колдуньи; нѣтъ никакой возможности убѣдить ихъ въ противномъ.

Чувственность составляеть душу мусульманина. Во всѣхъ своихъ разговорахъ онъ на первомъ мѣстѣ поставляетъ чувственное наслажденіе. Эта страсть къ женщинамъ превратилась въ плоть и кровь мусульманина. Но разсказамъ извѣстныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ жизнью мусульманъ на Востокѣ, въ разговорахъ этихъ послѣднихъ первое мѣсто по своей важности и частовременному употребленію занимаютъ разсказы о любовныхъ похожденіяхъ. Съ чего бы ни началъ мусульманинъ свой разговоръ, онъ непременно дойдетъ до своего любимаго предмета, сведѣтъ разговоръ на извѣстную тему о любовныхъ похожденіяхъ³⁾). Ни лѣта, ни состояніе здѣсь не производятъ никакого различія: старикъ и юноша, богачъ и бѣднякъ, все равно бредятъ въ своихъ разговорахъ о женщинахъ и тѣхъ удовольствіяхъ, которая онъ имъ доставляютъ. Но словамъ путешественниковъ, нужно слышать, чтобы вполнѣ представить характеръ этихъ разговоровъ, все развращеніе, всю чувственность души говорящаго; циническая, грубая форма этихъ разсказовъ, крайне поражаетъ непривычное ухо европейца и заставляетъ невольно покраснѣть и отвернуться болѣе или менѣе скромнаго путешественника. Но мусульмане предаются подобнымъ разговорамъ съ самыми страстными жаромъ; безжизненное лицо мусульманина, преждевременно одряхлѣвшее отъ разгульной жизни и опіума, вдругъ оживляетъ

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 271.

²⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 73—74.

³⁾ Döllinger, Mohammed's Religion, S. 28.

ся, глаза начинаютъ блестѣть какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, во всѣхъ его жестахъ и тѣлодвиженіяхъ видно крайнее сладострастіе, всюду замѣты слѣды самой неистовой страсти къ женщинамъ,— вотъ обыкновенное отношеніе мусульманина къ тѣмъ чувственнымъ образамъ, которые составляютъ плоть и кровь его.

Можно подумать, что Мухаммѣдъ дозволеніемъ многоженства хотя и довѣрь чувственность мусульманъ до крайней степени, но въ замѣнъ этого оказалъ другую услугу—прекратилъ незаконное сожительство съ посторонними женщинами, потому что кажется достаточно уже того количества женъ, какое онъ дозволилъ мусульманину, чтобы удовлетворить его и заставить прекратить всякое незаконное сожительство. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. По разсказамъ путешественниковъ, нигдѣ такъ сильно не развитъ развратъ, какъ въ восточныхъ мусульманскихъ странахъ¹⁾. Нашъ соотечественникъ, имѣвший возможность хорошо изучить права мусульманъ въ Самаркандѣ, такъ изображаетъ нравственное состояніе ихъ: „семья для сарта не представляетъ ничего утѣшительного, почему онъ при всякомъ удобномъ случаѣ скитаются въѣхъ дома, ища развлечений и забывая совершенно своихъ запертыхъ женъ. Такое положеніе женщины заставило ее искать выхода изъ этого томительного состоянія, отваживаться на самыя смѣлые рискованныя вещи, чтобы хоть сколько-нибудь вкусить запрещенныхъ наслажденій. Такимъ образомъ выработался двойной развратъ въ семье—и мужей, и женъ. Незаконная любовная связи чрезвычайно часты, не смотря на всѣ строгости надзора. Женщины видятся съ мужчинами гдѣ-попадо, гдѣ удобнѣе и возможнѣе, но главнымъ образомъ любовные интриги идутъ чрезъ посредство знакомыхъ старухъ, задариваемыхъ съ обѣихъ любящихъ сторонъ. Вообще подобныя дѣла ведутся слишкомъ тайно и въ большинствѣ случаевъ повѣренныхъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ лицъ, избѣгаютъ, боясь, что проболтаются. Связь идетъ непремѣнно за деньги со стороны любовника или изъ-за подарка. Это вошло въ обычай.—Мужья тоже не даютъ маху относительно *фермакурства* съ женщинами и бачами на сторонѣ... Съ занятіемъ края русскими, при такой массѣ мужскаго военнаго населенія въ Самаркандѣ, неминуемо должны

¹⁾ Клотъ-Бей, стр. 264, 271; Niebuhr, 75—76.

были явиться и дома терпимости. Они образовались изъ проститутоокъ — туземокъ. Объ этомъ фактъ упоминается здѣсь потому, что появленіе этихъ домовъ имѣло немаловажное значеніе для самарканцевъ. Въ прежнее время, придерживаясь словъ Корана, администрація не могла допустить явное существованіе подобнаго рода домовъ. Было значительное число женщинъ, тайно промышлявшихъ развратомъ и платившихъ громадныя деньги мѣстной полиціи за скрыванье ихъ поведенія отъ глазъ общества и начальства (подобныя женщины должны были избиваться камнями). Повидимому, населеніе должно было отнести къ появленію открытыхъ проститутоокъ враждебно или, по крайней мѣрѣ, индифферентно. Но въ томъ то и дѣло, что самарканцы были рады этому нововведенію. Въ проститутскихъ домахъ стали собираться цѣлья сборища туземцевъ, которые просиживали тамъ чуть не по цѣлымъ днямъ, угощаясь чайкомъ и каламбуря съ женщинами. Самыя проститутки находятся у нихъ въ почтепіи: къ нимъ они относятся съ полнымъ уваженіемъ и тонкою любезностью, какъ къ свободнымъ сомостоятельнымъ хозяйствамъ и своей личности и своего добра. И женщины, дѣйствительно, держать себя предъ туземцами съ большимъ достоинствомъ. Гляди на эти тамани самарканцевъ у свободныхъ самарканокъ, кажется, что гости именно утѣшаются тѣмъ, что въ ихъ обществѣ сидятъ наконецъ незыкрытыя, настоящія, свободныя женщины¹⁾. Это не должно казаться страннымъ, если мы постараемся быть внимательными къ дозволенію многоженства. Это увеличиваетъ чувственныя наклонности, противъ чего едва ли кто и будетъ возражать; упижая женщину, опоѣтъ самимъ побуждаться человѣка смотрѣть на брачныя отношенія къ ней, какъ на простое удовлетвореніе своихъ чувственныхъ потребностей, а не какъ на актъ Божественной воли, связывающей супруговъ на всю жизнь и полагающей на нихъ высокія, священные обязанности, какія налагаетъ бракъ христіанскій. Бракъ въ исламѣ никогда не былъ актомъ Божественной воли, а всегда былъ простымъ гражданскимъ договоромъ. Поэтому мужчина стала естественно легко смотрѣть на отношенія къ

¹⁾ Бесѣда. 1872 года. Сентябрь. Внутреннее обозрѣніе. Самарканъ-стр. 29—31

женщинъ и считать почти извилительными незаконные спошения съ женщинами. А побуждаемые чувственностью мусульмане предались уже безъ всякихъ границъ этимъ порокамъ. Вотъ почему на Востокѣ въ такомъ громадномъ развитіи находится публичный развратъ. Присоедините къ этому еще частовременный разводъ,—и будетъ вполнѣ понятна причина, вызвавшая огромное число развратныхъ женщинъ на Востокѣ. Мусульманинъ не отказывается развестись съ женой при всякомъ удобномъ случаѣ; жена поступаетъ въ руки другаго, потомъ получаетъ разводъ и отъ этого и переходитъ въ руки третьаго. Конечно съ каждымъ разводомъ и при возрастаніи годовъ, постепенно понижается на нее цѣна,—и несчастная странница, иерешедши чрезъ руки нѣсколькихъ мужей, принуждена бываетъ въ концѣ концовъ сдѣлаться публичной женщиной. Вотъ главныя причины того грустнаго и на первый взглядъ трудно объяснимаго факта, что на Востокѣ при сильной полигаміи существуетъ еще громадный развратъ. Особенно Египетъ славился и славится своимъ развратомъ,—Египетъ, где на улицахъ можно постоянно встрѣтить публичныхъ женщинъ, почти открыто предлагающихъ свои услуги проходящимъ мужчинамъ. Не смотря на жестокія мѣры султановъ, очень нерѣдко топившихъ этихъ несчастныхъ жертвъ мусульманскаго разврата и сладострастья въ Босфорѣ или въ волнахъ Нила, развратъ весьма силенъ по всему мусульманскому Востоку. Въ стѣнѣ за этимъ развратомъ является извѣстная болѣзнь, какъ его неизбѣжный спутникъ. Эта болѣзнь, которая должна бы считаться позоромъ человѣчества, настолько обыкновенна въ восточныхъ земляхъ и мусульмане такъ привыкли встрѣчать множество людей, зараженныхъ этой болѣзнью, что она превратилась тамъ въ очень обыкновенное явленіе, о которомъ не стѣсняются говорить мусульмане даже открыто въ обществѣ и не стыдятся публично признаваться въ этой болѣзни.

Но обыкновенный развратъ не могъ удовлетворить чувственной наклонности мусульманъ. Одно нарушеніе естественныхъ границъ природы вызвало за собой другое. Противоестественныя отношенія между мужчинами, которыхъ, по слову Апостола, составляли отличительную черту нравственнаго упадка языческаго общества, такъ распространены на Востокѣ, что рѣдкий мусульманинъ не предается этому пороку для дополненія крайняго своего разврата. Объ этомъ единогласно свидѣтель-

ствуютъ лица, долгое время жившія на Востокѣ,—лица, которыхъ въ другихъ отношеніяхъ выражаются очень благосклонно, такъ что мы не имѣмъ никакого права сомнѣваться въ истинѣ ихъ показаній¹⁾). Этотъ порокъ такъ распространенъ, что мальчики, отправляющіе эту унизительную профессію, открыто ходятъ по улицѣ, имѣя при себѣ пѣкоторые отличительные условные значки; они могутъ насладиться этими мальчиками за извѣстную, впрочемъ ничтожную, плату, такъ какъ мальчиковъ, занимающихся этой профессіей, очень много²⁾). Самые знатные и высокопоставленные люди доходить въ этомъ отношеніи до такой явной бесцеремонности, что нисколько не стыдятся открыто призываться въ этомъ порокѣ³⁾), — словомъ, развратъ этотъ дошелъ до громадныхъ размѣровъ. Д'Оссонъ говоритъ, что мало есть такихъ господъ, которые, даже содержа многочисленный гаремъ, не имѣли бы любимца подъ именемъ пажа, который почти всегда бываетъ орудіемъ интригъ своихъ господъ, и при посредствѣ такихъ фаворитовъ могутъ люди торговать своей протекціей⁴⁾). Другой путешественникъ полагаетъ, что этотъ порокъ въ мусульманствѣ также силенъ, какъ прежде въ языческихъ земляхъ⁵⁾). Не только простые люди, но и знатные аристократы заражены этимъ порокомъ, даже дворцы султановъ не свободны отъ него. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Баберомъ, при дворѣ султана Махмуда этотъ порокъ господствовалъ съ такой силой, что на человѣка, въ которомъ мусульманское воззрѣніе на бракъ еще не успѣло заглушить нравственного чувства и стыдливости и который потому чуждался этого порока, на такого человѣка смотрѣли какъ на глупца и человѣка слабаго⁶⁾). Исторія Османлидовъ представляеть намъ иримѣръ знаменитаго Мирида, который былъ смертельно влюбленъ въ одного армянскаго юношу и возвысилъ его до важнѣйшаго поста *Silahdar'a*, благодаря

1) Lüdeke, B. III, S. 70: Кютъ-Бей, ч. 1 стр. 189; Mouradgea d'Ohson, T. III, p. 270; Mischaud, T. VII, 86.

2) Тамъ же. Ср. Современность 1874 г. 24 № — выдержка изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей.

3) Lüdeke, B. III, S. 70.

4) Mouradgea d'Ohson, T. III, p. 270.

5) Mischaud, T. VII, 86.

6) Memoirs of. Baber, p. 59.—Дѣллингера, стр. 29.

единственно только тому, что этот юноша имѣлъ печальную участъ удовлетворять скотскимъ инстинктамъ развратнаго султана. Мухаммедъ IV сдѣлалъ самыи приближенныи человѣкомъ своего любимца, извѣстнаго Евлогія, который впослѣдствіи былъ самыи деспотическимъ правителемъ. Кромѣ этихъ есть еще много примѣровъ, показывающихъ, какъ дреинъ этотъ порокъ въ стѣнахъ сераля и какъ сильно онъ былъ распространенъ еще въ древности въ странахъ мусульманскихъ¹⁾. Въ нынѣшнее же время его можно встрѣтить во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ въ громадныхъ размѣрахъ, такъ что нѣтъ ни одного сословія, ни одного сана даже между служителями религіи, которые были бы свободны отъ этого порока²⁾.

Рядомъ съ этимъ порокомъ идетъ другой еще худшій его, который еще болѣе заслуживаетъ презрѣнія. Я разумѣю неестественное отношеніе человѣка къ животнымъ. И этотъ порокъ, который въ христіанскихъ земляхъ составляетъ рѣдкое исключительное явленіе, считается слѣдствіемъ разстроениаго разсудка, дѣйствіемъ идіотовъ, между мусульманами сильно распространенъ, хотя и не въ столь громадныхъ размѣрахъ, какъ неестественное преступное употребленіе мальчиковъ, по бываетъ оченъ частъ, особенно Турція славится наиболѣшімъ распространеніемъ этого порока³⁾.

Почему эти гнусные и противоестественные пороки господствуютъ на мусульманскомъ Востокѣ съ такой ужасной силой, между тѣмъ какъ въ христіанскихъ земляхъ составляютъ исключеніе? Видѣть въ этомъ слѣдствіе единственю очень пизкой ступени образованія въ земляхъ мусульманскихъ пельзя, потому что эти неестественные пороки встрѣчаются между султанами и правителями народа, слѣд. людьми стоящими сравнительно на высокой ступени умственнаго развитія. Въ этомъ нельзя не замѣтить вліянія, произведенаго мухаммеданскими законами вообще о бракѣ. Женщины унижены и исключены изъ общества мужчинъ, ихъ място заступаютъ мальчики, сладострастіе мусульмана естественно еще болѣе должно усиливаться отъ этого разобщенія женщинъ отъ мужчинъ; его страстия по-

¹⁾ Lideke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. III, S. 70.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Клотъ-Бей, Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи, ч. 1 стр. 189.

желанія воспламеняются разговорами, въ которыхъ, какъ мы замѣтили, главную роль играютъ любовныя похожденія; воображеніе его останавливается на мальчикѣ, который исполняетъ роль танцовщицы или пѣвицы,—и невинный мальчикъ становится жертвой скотскихъ страстей мусульманина. Потомъ этотъ порокъ, при обстоятельствахъ благопріятствующихъ ему, входитъ во всеобщее употребленіе; нравственное чувство общества, которое сначала возмущалось этимъ порокомъ, мало-по-малу притупляется, и этотъ порокъ получаетъ право гражданства и даже пользуется почетомъ, такъ что законы бессильны уничтожить его. Сами блестители этихъ законовъ и тѣ не пропускаютъ случая воспользоваться этимъ запрещеннымъ удовольствіемъ; даже служители религіи не особенно стараются ратовать противъ него, чувствуя, что и сами подлежатъ ответственности въ немъ.

Спутницы развращенныхъ мусульманъ не лучшіе своихъ мужей; онѣ не уступаютъ имъ въ развратѣ, правда только въ скрытомъ, а не въ явномъ, такъ какъ явный развратъ составляетъ преимущество мужчинъ. Чувственныій взглядъ на женщину, составляющій отличительную черту ислама, и впущенная съ дѣтства привычка смотрѣть на себя, какъ на средство, назначенное удовлетворять чувственности мужа, естественно должны еще съ раннихъ лѣтъ положить на женщину печать чувственности. И дѣйствительно женщины въ мусульманствѣ отличаются этимъ характеромъ. Опѣ всегда поставляютъ идеаломъ мужа такого человѣка, который бы исполнялъ свои супружескія обязанности по отношенію къ женѣ весьма аккуратно, не дѣля опущеній по разнымъ причинамъ¹⁾. Онѣ никакъ не могутъ возвыситься, вслѣдствіе давленія мусульманскаго законоположенія и существующихъ на практикѣ обычаевъ, до понятія о болѣе высокомъ и духовно-нравственномъ отноженіи между мужемъ и женой, которое должно бы стоять на первомъ планѣ. Опѣ наоборотъ ставятъ на первомъ планѣ чисто чувственное физическое отношеніе между супругами. И какъ мужья ищутъ въ нихъ орудія для своей похоти, такъ и онѣ со своей стороны смотрѣть на мужей какъ на лицъ, обязанныхъ удовлетворять ихъ чувственнымъ наклонностямъ и неимѣющихъ права

¹⁾ Библіотека для чтенія 1860 г. Ноябрь. 162 т. Женщины въ Азії, стр. 15.

отказываться отъ услугъ, предлагаемыхъ женами. Это есть естественное послѣдствіе ихъ положенія; нравственность ихъ не должна имѣть никакого высокаго духовнаго элемента, потому что сій недостаетъ прочныхъ чисто духовныхъ основъ. „У турокъ, говоритъ одна писательница, женщины, подобно своимъ обладателямъ, беспечны, вялы и беззутны. Не обладая никакимъ достоинствомъ, онѣ не внушаютъ къ себѣ никакого уваженія: ихъ собственныя сыновья смотрятъ на нихъ какъ на рабынь и причишаютъ имъ оскорбленія; оглушенія, униженія жизнью въ гаремѣ, невѣжественныя, суевѣрныя, онѣ проводятъ время въ спаніѣ, въ бесѣдахъ съ дервишами, въ пѣніи эротическихъ стиховъ и въ наслажденіи сладострастными танцами своихъ рабынь. Онѣ сильно преданы также сплетнямъ съ торговками, — іудейками и армянками, — и шутовскимъ представленіямъ карагеуза — оттоманскаго паяца. Вообще турчанки слишкомъ вольны, кокетки, обжоры и расточительны“. „Женщины Туниса, говоритъ Полль, кажется не лучше. Мой отецъ, путешествуя по этой странѣ, имѣлъ случай посѣтить домъ и семейство одного ренегата прусского происхожденія, который показалъ ему свою жену, туниску четыриадцати — пятнадцати лѣтъ, и двухъ своихъ дѣтей. Но въ то же время онѣ присовокупилъ по-турецки: мою жену такою, какъ вы видите [т. е. безъ покрыва], я ни за что въ мірѣ не показалъ бы ни одному магометанишу, будь онъ моимъ лучшимъ другомъ. Это было бы неблагороднымъ поступкомъ противъ обычавъ, и никто не посовѣтился бы пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы соблазнить ее, что было бы легкимъ дѣломъ. Здѣнія женщины исколко не заслуживаютъ довѣрія и иредпочитаютъ цвѣты, благовонія и паряды самимъ иѣжинъ чувствамъ“¹⁾). Да и въ самомъ дѣлѣ почему жена мусульманина обязана сохранять цѣломудріе и вѣрность своему мужу? Потому ли, что она вступаетъ съ нимъ въ священный, непарущій союзъ? Совсѣмъ нетъ; мусульмане не знаютъ священнаго неразрывнаго брачнаго союза. Женщину удерживаетъ отъ прелюбодѣянія вовсе не уваженіе къ собственному нравственному достоинству, не сознаніе своего долга и глубокой преданности мужу, съ которымъ она бы должна составлять едино тѣло, по плану Божественнаго домостроительства, по орудіе котораго она составляется по мысли

1) *L'islam et son fondateur.* Par Jules Charles Scholl. p. 15.

Мухаммеда. Женщину удерживает страхъ и только онъ одипъ, иначе она не была стѣснена ничѣмъ въ своей нравственности вольности. Не будь бича въ рукахъ мусульманина, онъ ничѣмъ не былъ бы гарантированъ отъ невѣрности жены. Но мусульманинъ, смотря на женщину какъ на свою собственность, на свою принадлежность, старается всѣми репрессивными мѣрами удержать ее и приковать къ своей персонѣ. Таковъ взглядъ мусульманъ на замужнихъ женщинъ; дѣвицъ же они не имѣютъ права привязывать къ себѣ. Правда, они должны беречь ихъ, какъ будущую принадлежность мужа, но все же въ этомъ случаѣ ихъ взглядъ не могъ быть строгъ, потому что здѣсь не затрагиваются личные интересы мужа. Вотъ почему между мусульманами нерѣдко составляется очень снисходительный взглядъ на легкость поведенія женщинъ до ихъ замужества. Они не принадлежатъ еще мужу, почему же и не позволить употребить имъ свою свободу для удовлетворенія чувственности? Крайне псевдовнѣрительное понятіе о нравственности и чрезмѣрный эгоизмъ мужа проглядываютъ въ этомъ и доходятъ даже до такой степени, что арабы не стѣсняются открыто высказывать этотъ въ высшей степени безнравственный принципъ. „Женщина, замѣчаютъ они совершенно хладнокровно, которая свою молодость проводитъ разгульно, научается жить и узnaетъ людей; узnaетъ мужчинъ и паучается обязанностямъ жены. Если у дѣвушки есть дѣти, тѣмъ лучше; мужъ вмѣстѣ съ женою получаетъ работниковъ и помощниковъ для обработанія полей, и чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ больше онъ приобрѣтаетъ значенія въ своемъ племени. Для бѣднаго человека вдова, разводка или дѣвушка, имѣющая дѣтей есть самая лучшая жена, потому что отлично знаетъ свои обязанности. Процессъ женщины принадлежитъ ей одной и мужчина не имѣетъ права требовать въ немъ отчета“¹⁾). Что выражаютъ эти суждепія мусульманъ, какъ не крайнесъ эгоистический интересъ и взглядъ на супружество, совершенно лишенный высшаго нравственнаго значенія. Женщины не преминули воспользоваться этимъ случаемъ.

Такимъ образомъ нравственного принципа, который останавливалъ бы женщину отъ разврата и нарушенія супружеской вѣрности, въ исламѣ пѣтъ. Взглядъ общества на этотъ пред-

¹⁾ Библ. для чтенія, 1860 г. Ноябрь; 162 т. стр. 15.

метъ совершенно сбиваетъ женщину съ толку и окончательно лишаетъ ее нравственной опоры въ отношеніяхъ къ мужу. Поэтому мусульмане совершенно резонно со своей точки зрѣнія запираютъ женщинъ, лишь только они успѣютъ выдти за-мужъ, чтобы предохранить себя отъ бѣзчестія быть предпочтеннѣми другому мужчинѣ и обманутыми невѣрною супругою. Чего не измыслила въ этомъ отношеніи мусульманская подозрительность! Гаремы, окруженные стѣнами; толпы евнуховъ, стерегущихъ женъ подобно миѳическимъ аргусамъ; угрозы и паконецъ самое законодательство, позволяющее мужу убить на мѣстѣ преступленія невѣрную жену и ея любовника¹⁾ — все это направлено къ тому, чтобы успокоить эгоистическую ревность мужа-мусульманина.

Привело ли это къ чему-нибудь ирочному? Принесло ли ожидаемые плоды? Поставило ли мужей въ совершенной безопасности отъ невѣрности женъ и застраховало ли отъ опасности быть обманутыми? По повѣркѣ оказывается, что нѣтъ. Между женщинами гарема развратъ господствуетъ, и если кажется, что не съ такою силою, какъ между мужчинами, то потому только, что они скрытѣнъ и вслѣдствіе этого мало доходить до ушей путешественниковъ, между тѣмъ какъ развратъ мужчинъ при своемъ публичномъ характерѣ очень сильно бросается въ глаза. Но на самомъ дѣлѣ развратъ женъ доходитъ до грандиозныхъ размѣровъ. Ни евнухи, ни заключеніе въ гаремѣ, ничего не можетъ сохранить честь мужей отъ невѣрности ихъ женъ. Они изобрѣтаютъ тысячи средствъ провести бдительность евнуховъ и завести любовныя интриги съ какимъ-нибудь мужчиной. Евнухи подкупаются, или просто бываютъ обманутыми хитростью женъ, допедихъ въ этомъ отношеніи до артистической ловкости, къ которой пріучило ихъ стѣненіе положеніе и непримѣрное отложеніе къ мужу, къ которому они пытаются только страхъ, а не любовь. Такимъ образомъ всѣ стѣнительныя мѣры мусульманъ не привели и не могутъ привести ни къ чему прочному въ этомъ отношеніи, какъ скоро уничтожены самыя основы нравственности. Развратъ прописъ даже въ гаремы сultановъ и тамъ имѣеть множество адептовъ между супругами преемниковъ Мухаммѣда; таковы напр. раз-

1) Торнау, стр. 471. До Мухаммѣда прелюбодѣліе наказывалось смертной казнью. Кор. гл. 4, ст. 19—30.

вратные поступки женъ Абдулъ - Меджиды¹). Разврату даетъ большую легкость и удобство еще одно существующее обыкновеніе мусульманъ. На Востокѣ, въ домѣ всякаго мусульманина есть комната у жены, назначенная специально для приема ея гостей. Сюда не имѣетъ права проникнуть мужъ безъ воли своей супруги. Мужъ, нарушившій этотъ обычай, подвергается наемщикамъ со стороны общества. Это право женщины на такую комнату, куда не можетъ проникнуть мужъ, даетъ ей легкую возможность увидѣться здѣсь съ своимъ любовникомъ. Бывали случаи, что въ этомъ убѣжищѣ любовники проживали и нескользко недѣль, не замѣченныя мужемъ²). Такимъ образомъ надзоръ не можетъ заставить женщину жить цѣломудрено, коль скоро отношенія ея къ мужу и ея вѣрность ему не имѣютъ подъ собой прочной нравственной основы. Эгоизмъ мужа хотѣлъ замѣнить эту основу жестокими наказаніями за нарушеніе супружеской вѣрности. Начиная съ первого появленія ислама и до самаго послѣдняго времени были поставлены и возстановлены самая строгая наказанія за прелюбодѣяніе. Мухаммѣдъ положилъ наказаніе плетьми за невѣрность³). Согласно этому и послѣдующему законодательству ислама полагасть самая строгая тѣлесныя наказанія за это преступленіе, которое считается однимъ изъ самыхъ главныхъ по мусульманскому законопадѣнію⁴). Нельзя сказать, чтобы эти законы оставались безъ приложения. Мужья, оскорбляемые невѣрностью своихъ женъ, на которыхъ они смотрѣли всегда какъ на собственность, никогда не пропускали случая воспользоваться строгостью закона и всегда старались подвергнуть свою жену жестокому наказанію. Этимъ еще не удовлетворялось оскорбленное самолюбіе мусульманъ; раздражаемые невѣрностью своихъ женъ, которая при нравственной слабости женщинъ повторялась чрезвычайно часто, они придумывали съ каждымъ днемъ все новыя и новыя наказанія, болѣе и болѣе безчеловѣчныя; невѣрныя женамъ и пойманные любовниками обрѣзывали носы, губы, не щадили и головъ. Когда Турки владѣли Сахарою, то прелюбодѣяніе жены тамъ обыкновенно наказывалось убіеніемъ ея; въ Кабулѣ невѣрныхъ жепъ сажали въ

¹) Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ, стр. 42.

²) Библ. для чтенія 1860 г. 162 т. Поябрь, стр. 8.

³) Кор. гл. 4, ст. 19—30; гл. 17, ст. 31; гл. 24, ст. 2—10; гл. 33, ст. 30.

⁴) Торнау, стр. 465—466.

мѣшокъ и бросали въ пропасть съ одиою высокой скалы; а въ Константинополь известна одна обрывистая скала, которую турки называютъ „скалою невѣрныхъ женъ,“ потому что въ прежнее время съ нея бросали женщины, нарушившихъ супружескую вѣрность¹). Кромѣ того мрачныя бездны Босфора и Нила скрыли въ себѣ не одну тысячу этихъ несчастныхъ жертвъ. „Во время одной изъ нашихъ поѣздокъ въ сообществѣ правителя по окрестностямъ Пешауара²), мы, говоритъ А. Борисъ, имѣли случай видѣть образецъ магометанского правосудія и возмездія. Проѣзжая предмѣстьемъ города, мы замѣтили толпу народа и, приблизившись, увидѣли на павозной кучѣ обезображенныя тѣла мужчины и женщины, изъ коихъ первый сице не совсѣмъ умеръ. Толпа немедленно окружила правителя и все наше общество; изъ нея отдѣлился человѣкъ и дрожащимъ голосомъ объявилъ султану Магомеду Хану (имя правителя г. Пешауара), что онъ изобличилъ свою жену въ невѣрности и умертвилъ какъ ее, такъ и обольстителя: держа въ руки окровавленный мечъ, онъ подробно описывалъ, какимъ образомъ онъ совершилъ месть свою. Жена его была беременна и до этой поры принесла ему трехъ дѣтей. Правитель сдѣлалъ ему пѣсколько вопросовъ, не продолжавшихся болѣе трехъ минутъ, и потомъ громкимъ голосомъ сказалъ ему: „ты поступилъ какъ добрый магомеданинъ и совершилъ справедливое дѣло.“ За этимъ онъ двинулся впередъ и вся толпа закричала ему вслѣдъ: „афринъ! афринъ!“ (славно!). Убийцу немедленно пустили на свободу. Во все время изслѣдованія этого дѣла мы находились подлѣ самого правителя, который по окончаніи распросовъ обратился къ намъ и подробно объяснилъ законъ, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ..... Хотя во всемъ этомъ происшествіи не было ничего особенно новаго, однакоже я, какъ европеецъ, чувствовалъ, что кровь моя застывала въ жилахъ, когда я смотрѣлъ на обезображенныя трупы и слушалъ слова человѣка, оправдывавшаго себя въ убийствѣ жены, родившей ему трехъ дѣтей: да и самая поспѣшность приговора правителя, случайно проѣзжавшаго мимо мѣста злодѣянія, представилась не менѣе замѣчательною стороною этого ужаснаго обстоятельства.³).

1) Библ. для чтенія 1860 г. Ноябрь, 162 т. 16 стр.

2) Въ Афганистанѣ.

3) Путешествіе въ Бухару: разсказъ о плаваніи по Инду отъ моря до

Мусульмане старались этими жестокими смертельными казнами прекратить и уничтожить неврность женъ; но ихъ старания не имѣли никакого успѣха; неврность только дальше скрылась отъ глазъ обманываемыхъ мужей; еще замыловатъ, еще хитрѣе выдумывали средства обмануть мужа затворницы мусульманскихъ гаремовъ, но не прекратили своихъ преступныхъ связей. Преступленіе противъ супружеской вѣрности стало обнаруживаться рѣже, но не уменьшилось; жены, побуждаемыя страхомъ быть брошенными въ Босфоръ, стали болѣе осмотрительными. Такимъ образомъ честь супруга нисколько не была обезопасена. Наказаніе само по себѣ, какъ бы оно ни было строго, не можетъ прекратить преступленія. Наказаніе есть только средство преступленія и ни мало не можетъ прекратить его. Для того, чтобы уничтожить преступленіе извѣстного рода, нужно прекратить всѣ поводы къ обнаруженню, тѣ соціальные звѣнья, па которыхъ оно опирается; только съ прекращенiemъ этихъ соціальныхъ недостатковъ, можетъ прекратиться и само преступленіе. Чѣмъ христіанство прекратило ужасную безправственность временъ языческихъ, постоянное нарушеніе супружескихъ узъ со стороны обоихъ супруговъ? Не наказаніями, а тѣмъ новымъ духомъ, тѣмъ перерожденіемъ соціального строя жизни, которые оно сообщило всему человѣчеству. Мусульманство напрасно трудилось изобрѣтать жесточайшія наказанія, — оно не могло прекратить этимъ неврности женъ, потому что причина ся заключается съ одной стороны въ униженіи женщины законоположеніемъ о бракѣ, съ другой — въ самомъ бракѣ, который рассматривается какъ удовлетвореніе страсти мужа посредствомъ жены, и наконецъ въ самой гаремной жизни, обусловливаемой тоже исламомъ. Представьте себѣ множество женъ одного мужа, которыхъ онъ никакъ не можетъ любить одинаково. Естественно при такомъ положеніи, что жена, менѣе другихъ любимая своимъ мужемъ, не удостоивается часто видѣть его въ продолженіи долгаго времени; скучное одиночество пріучаетъ ее употреблять въ дѣло всю свою изворотливость, чтобы найти себѣ лицо, которое

могло бы замѣнить сї мужа, — она пускается въ преступныя связи. Таково правственное состояніе Востока. Трудно сказать, кто превосходитъ въ развратѣ, мужья или жены.

Съ легкой руки Мухаммеда развращенная правственность стала составлять отличительную черту восточныхъ правовъ. Страсть самого Мухаммеда къ женщинамъ была такъ велика, что мусульмане въ способности къ сладострастному сожительству вздумали видѣть одно изъ преимуществъ посланниковъ Божіихъ и составили представлѣніе, что чѣмъ выше посланникъ, тѣмъ больше онъ способенъ имѣть сожительства съ женщинами. Мусульмане не только не старались извинить Мухаммѣда въ многоженствѣ и оправдать его какими-нибудь обстоятельствами, а напротивъ стремились пріискать извинительныя причины тому факту, что у Мухаммеда было меныше женъ, нежели у некоторыхъ лицъ древности, въ чемъ по ихъ понятію можно было видѣть униженіе для самого Мухаммеда¹⁾. Впрочемъ мусульмане могутъ и безъ доказательствъ гордиться сладострастіемъ лже-пророка, потому что трудно представить человѣка сладострастнѣе его. Не довольствуясь сладострастіемъ на землѣ, онъ перенесъ его даже въ вѣчныя обители, и тамъ по его ученію и къ великой радости сластолюбивыхъ его приверженцевъ, мусульмане будутъ вести такую же сладострастную жизнь, какъ и на землѣ, конечно только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ²⁾. Вотъ какой образецъ правственности имѣютъ жалкіе мухаммедане въ своемъ лже-пророкѣ Мухаммѣдѣ!

Нельзя видѣть въ этой развращенности мусульманъ плодовъ исключительно климатическихъ условій Востока. Конечно климатическая условія имѣли здѣсь вліяніе, но не думаемъ, чтобы ими однѣми можно было объяснить подобный упадокъ правственности, потому что при этихъ же самыхъ климатическихъ условіяхъ жили христіане древнихъ временъ, которые отличались самою строгою правственностью, и въ настоящее время ни у одного путешественника пѣть указанія, чтобы христіане Востока отличались такимъ же безправственнымъ характеромъ, какъ и мусульмане. Но допустимъ, что чувственныій харак-

1) См. приложеніе 1, стр. 37—38.

2) Кор. гл. 2, ст. 23; гл. 3, ст. 13; гл. 36, ст. 56; гл. 37, ст. 47; гл. 33, ст. 52; гл. 64, ст. 54; гл. 52, ст. 20; гл. 55, ст. 56, 70—72; гл. 56, ст. 22, 33—36; гл. 78, ст. 33; гл. 81, ст. 7.

теръ мусульманъ зависитъ отъ климатическихъ условій и отъ географического положенія странъ, занимаемыхъ ими,—и въ этомъ случаѣ дѣло религіи стараться положить границы чувственности и всѣми мѣрами противиться развращенности. Въ мусульманскомъ мірѣ мы встрѣчаемъ совершенно противоположное явленіе,—религія не только не полагаетъ предѣловъ развращенности, не только не уменьшаетъ разврата, а напротивъ всѣми мѣрами покровительствуетъ сладострастному настроенію жителей Востока. Она предлагаетъ многоженство, которое даетъ человѣку возможность доходить въ сладострастіи до послѣднихъ предѣловъ, она унижаетъ женщину, чтобы мусульмане въ нихъ имѣли орудіе своей чувственности; подрываетъ всѣ нравственные основы въ отношеніяхъ между половами и тѣмъ способствуетъ разврату уже непосредственно. Вслѣдствіе такого гибельного вліянія религіи, постановившей такой бракъ, развращенность мусульманъ достигла до крайней степени.

Вліяніе мухаммеданской брака на семейную жизнь мухаммеданъ.

Кромѣ этихъ послѣдствій, мусульманскій бракъ оказалъ пагубное вліяніе и на самыя отношенія между членами семьи. Бракъ есть основа семьи; потому самое незначительное измѣненіе въ немъ должно непремѣнно вліять на судьбу семьи, на ея благоустройство, или разстройство. Вслѣдствіе этого и мусульманскій бракъ имѣлъ огромное вліяніе на семейный бытъ жителей Востока,—вліяніе самое гибельное. Онъ уничтожилъ въ семье всѣ качества и свойства, которыя составляютъ основу ея,—онъ уничтожилъ любовь между разными членами семьи. Вражда въ семье членовъ другъ противъ друга была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мусульманскаго брака. Ни между мужемъ и женами, ни между женами, ни между дѣтьми не могло быть внутренняго согласія и любви, которыя составляютъ душу семьи.

Вслѣдствіе обычного уже заключенія женщинъ, *всльствіе* покрывалъ, которая по закону Мухаммеда должны скрывать ихъ отъ глазъ всякаго постаронняго мужчины, женихъ до конца свадѣбы не видѣтъ своей невѣсты. Только по заключеніи брачнаго контракта, въ брачной комнатѣ мужъ впервые уви-

дитъ лице свой жены. Обыкновенно мать или другая близкая родственница жениха отправляются по гаремамъ извѣстныхъ имъ лицъ, чтобы высоватать невѣсту своему сыну или родственнику. При этомъ та и другая сторона не преминуть расхвалить себя; одна хвалить сына, другая—дочь. Если невѣста понравилась матери, она, пришедши домой, объявляетъ о своемъ выборѣ сыну; тотъ безпркословно соглашается, потому что все равно—онъ никогда ни увидитъ своей невѣсты¹). Такимъ образомъ любовь никогда не предшествуетъ браку въ мусульманствѣ. Потомъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сходствѣ характеровъ, о томъ, могутъ ли мужъ и жена ужиться вмѣстѣ въ мірѣ и согласіи. Если и обращается здѣсь внимание на что-нибудь, то на физическія качества невѣсты, на богатство и положеніе жениха,—условія чисто виѣшія, потому не существенныя для супружества. А необходимо-то, именно обоядная любовь, и забывается. Мало того, среди мусульманъ часто бываетъ и такъ, что родители высоватываютъ невѣсту сыну, когда тотъ еще въ лѣтахъ дѣтства,—и бракъ дѣлается орудіемъ разсчетовъ родителей жениха и невѣсты²). Здѣсь уже и совершенно нельзя ожидать взаимной любви между супругами. Впрочемъ она въ исламѣ и не составляєтъ необходимо-го требования. Но мнѣнію мусульманъ жена, какъ существо низшее, не имѣтъ и права на исключительную любовь мужа; женщина ни мало не обязывается посредствомъ брака любить жену, потому что онъ ея господинъ, а она его раба. Вслѣдствіе такого неравенства супруговъ не можетъ быть требования взаимной любви между ними. Потому-то на Востокѣ и не кажется страшнымъ, что мужчина не видитъ своей невѣсты до самого вступленія въ супружество. Однако такой характеръ брака не могъ не производить самыхъ печальныхъ послѣдствій въ отношеніяхъ между мужемъ и женой. Мужъ, увидѣвши жену, тотчасъ же разочаровывается въ ней; его воображеніе начертывало гораздо лучшій и болѣе прекрасный образъ, нежели настоящая жена, потому что дѣйствительность бываетъ всегда ниже идеала. Жена тоже очень часто въ первый день брака разочаровывается въ своемъ супругѣ,—и мож-

¹⁾ Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 48—61.

²⁾ Клотъ-Бей, Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи, 1 ч., стр. 268. Прилож. 3, стр. 50.

ду ними начинается холодность въ обращеніи и недовольство другъ другомъ, которое съ каждымъ днемъ растетъ и растетъ, пока не дойдетъ до явной вражды. Конечно, это бываетъ не всегда; чаще случается, что супруги при первой встречѣ поправляются другъ другу, только потому, что они не возносились далеко въ своихъ мечтахъ и не оставили дѣйствительности безъ вниманія. Но это расположеніе супруговъ вскорѣ уничтожается взглядомъ мусульманина на жену, какъ на орудіе своей похоти, а на бракъ, какъ на средство своего страдострастія. При такомъ взгляде немыслимо, чтобы любовь между супругами была продолжительна,— жена скоро наскучиваетъ мужу. Между супругами начинается вражда, часто доходящая до самого грубаго своего обшаруженія. Мужъ нерѣдко пользуется своею властью побить свою жену, которая стала ему противною. Стоитъ только, по словамъ Османа - Бея, пройти по улицѣ какого-нибудь мусульманскаго города, чтобы услышать доносящіеся изънутри домовъ крики, шумъ и драку. Спросите, и вамъ отвѣтятъ: въ такомъ-то домѣ драка — новобрачные не сошлись характеромъ, мужъ бьетъ свою жену¹⁾. Положимъ, что супруги примирятся и станутъ жить безъ драки и ругани, но невозможно, чтобы между ними вдоворился миръ и ирочная любовь навсегда. Такая любовь, какой требуется здравое попяте о бракѣ отъ супруговъ въ отношеніяхъ другъ къ другу, невозможна между ними. Допустимъ даже, что сначала и существуетъ любовь между супругами, но вотъ мужъ беретъ себѣ другую жену. Развѣ этимъ онъ не возбудитъ къ себѣ враждебныхъ отношеній со стороны своей первой жены. Не можетъ быть, чтобы жена любезно приняла свою новую подругу и осталась любящей супругой. При полигаміи рѣшительно не мыслима любовь женъ къ своему мужу; здѣсь можетъ быть только какое-то рабское неудовольствие, скрываемое подъ лициной наружной ласки, расточаемой мужу. Скоро эта ласка становится мужу невыносимою, падоѣдаетъ ему до такой степени, что онъ готовъ часто оставить свой гаремъ²⁾. Причина этого кроется въ характерѣ самыхъ отношеній между супругами. Я уже сказалъ, что мухаммедане смотрятъ на

¹⁾ Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 104—105.

²⁾ Mem. sur les Turcs, les Tartares et les Egypt. par M. de Tott, t. 1. Disc. prelim. p. 52,—ц. въ слов. Бержье.

бракъ, какъ па средство для удовлетворенія своихъ чувственіыхъ наклонностей. При такомъ взглѣдѣ на этотъ предметъ, брачное сожительство съ женами срочно дѣлается противнымъ; жены, которая спачала нравились, мало-по-малу дѣлаются предметомъ отвращенія въ глазахъ мужа; ненависть и обоюдное отвращеніе бываетъ слѣдствіемъ такого отношенія между супругами. Такимъ образомъ въ мусульманскомъ бракѣ не только не существуетъ любви между супругами, но даже она и невозможна по самому существу предмета. Для этого нужно, чтобы мусульманскій бракъ имѣлъ самый характеръ и прежде всего оставилъ свою полигамию; только тогда возможна будетъ любовь между супругами, иначе на любовь между супругами въ мусульманствѣ нужно смотрѣть какъ на исключеніе и при томъ исключеніе самое рѣдкое. Въ исламѣ и самый образъ жизни супруговъ служить только къ тому, чтобы какъ можно сильнѣе уменьшить любовь между ними. На Востокѣ у всякаго нѣсколько порядочнаго человѣка домъ раздѣляется на две половины; одна изъ нихъ — гаремъ назначается для женъ, другая — для мужа¹⁾), такъ что мужъ весьма рѣдко видитъ своихъ женъ. Онъ даже избѣгаетъ близкаго общенія съ ними. Мусульмане, какъ мы уже видѣли, такъ низко смотрятъ на женщинъ, что не только не беспокоятся этимъ отдѣленіемъ отъ женъ, а напротивъ стремятся всѣми силами, какъ можно дальше отъ нихъ держаться, потому что общество ихъ считаются унизительнымъ для себя. Такимъ взглѣдомъ на женщину уничтожаются всякия хорошія отношенія между супругами. Если не появляется при этомъ открытой вражды, то единственно только потому, что страхъ мужнаго кулака или плети удерживаетъ жену отъ обнаруженія своихъ враждебныхъ чувствъ. Всѣдѣствіе такого положенія дѣла не любовь связываетъ между собою супруговъ, а плеть мужа служить связывающимъ звѣномъ между ними. Недостатокъ любви восполняется страхомъ наказанія. По словамъ одного нашего соотечественника, живущаго въ Туркестанѣ, „девять десятыхъ жалобъ возникаютъ изъ - за побоевъ. Одна показываетъ разсѣченную серпомъ руку, другая пробитую камнемъ голову, третья патертыя кандалами раны на рукахъ и ногахъ и т. д. Прибавьте къ этому, что одинъ ревнивецъ выжигаетъ раскаленнымъ

1) *Musulmane civilisation, bibliothèque du journal le levant, p. 30 et. cet.*

желѣзомъ дѣтородныя части у двухъ своихъ женъ; другой совсѣмъ убиваетъ жену за то, что она не такъ пѣшио его любить, какъ его покойнаго брата. Ко всему этому падобно вспоминать, что за истязанія, увѣчья и даже за убійство жены туземецъ не несъ почти никакой отвѣтственности¹. Далѣе тотъ же авторъ говоритъ: „мужу приглянулась другая, онъ задумалъ взять ее въ жены. Старая жена отступаетъ на второй планъ и, какъ постылая, не видитъ больше ласки. Она обижена, ревнуетъ и мститъ по своему: небреженіемъ о хозяйствѣ. Начинаются ссоры, открытая война и побои..... Мужу невыгодно отпустить дорогую работницу, и развода онъ ей не даетъ. Жена понимаетъ, что ее удерживаютъ только для работы, и рѣшается сложить руки, чтобы потерять цѣну и въ смыслѣ работницы -- авось мужъ прогонитъ какъ дармоѣду! Побои усиливаются. Жена, напоенецъ, не въ силахъ терпѣть далѣе и съ помощью родныхъ, тайкомъ, спасается подъ защиту русскихъ“..... „Однажды, продолжаетъ авторъ, явилась (въ судѣ) очень молодая женщина, лѣтъ пятнадцати, бывшая уже годъ за-мужемъ, съ жалобой, что мужъ приковываетъ ее къ ножкѣ кровати, когда уходитъ изъ дома. На рукахъ и ногахъ ея дѣйствительно видны слѣды отъ натертыхъ кандалами ранъ“¹). Вотъ характеръ отношений между супругами въ мусульманскомъ бракѣ.

Такое же отсутствіе, или слабое присутствіе любви обнаруживается и въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Правда, здѣсь не можетъ быть отвращенія и ненависти, какія часто господствуютъ между супругами; однако же можетъ быть и любви такой, какая существуетъ въ христіанствѣ между родителями и дѣтьми. При многоженствѣ любовь отца не должна слишкомъ останавливаться на одномъ изъ дѣтей различныхъ супругъ, чтобы сохранить равновѣсіе между супругами. Но не можетъ же отецъ любить одинаково всѣхъ дѣтей отъ многихъ женъ; о самихъ же дѣтяхъ нечего и говорить. У нихъ не можетъ быть искрѣнней любви къ отцу, потому что они должны дѣлить отца съ другими дѣтьми отъ другихъ матерей. Вследствіе этого они чувствуютъ не сыновнюю любовь, а страхъ предъ отцемъ, какъ предъ своимъ господиномъ, которому

¹) Вѣстникъ Европы. 1875 г. Ноябрь. Туркестанъ и туркестанцы. М. Терентьевъ. Стр. 149, 151 и 155.

должны только повиноваться, а не любить его, какъ съѣдало бы. Многоженство, нарушивъ правильность однихъ отношений, нарушило тѣмъ самыи и другіи,—упичтоживъ любовь супружескую, вмѣстѣ съ тѣмъ поколебало и любовь родительскую.

Подобное же вліяніе бракъ ислама окказалъ и на родственныя отношенія къ отцу и матери жены. Жена, какъ мы видѣли, находится часто въ самыхъ непріятныхъ отношеніяхъ съ мужемъ; мужъ очень часто пользуется правомъ побить свою жену; любовь не смягчаетъ жестокаго обращенія мужа съ женой. Родители жены естественно желаютъ помочь безвыходному положенію своей дочери и нерѣдко увѣщиваютъ своего зятя къ болѣе человѣколюбивому и кроткому обращенію съ ней. Мужница деспотическая власть чрезъ это встрѣчаетъ на практикѣ иѣкоторое противодѣйствіе со стороны родителей жены. Оскорбленный эгоизмъ и самовластіе мужа не можетъ конечно хладнокровно сносить этого вмѣшательства,—и между родителями жены и ихъ зятемъ начинаются столкновенія самого непріятнаго характера, такъ что, по словамъ Османа-Бея¹⁾, въ этомъ отношеніи мусульмане и особенно турки составляютъ рѣзкую противоположность съ христіанскими народами. У послѣднихъ тесть и теща всегда пользуются уваженіемъ и даже почетомъ со стороны зятя, между тѣмъ какъ у мусульманъ они заслуживаютъ лишь ненависть со стороны зятьевъ и ненависть, нужно сказать, самую ожесточенную. Это есть естественный исходъ и послѣдствіе того деспотического права, какое предоставляетъ исламъ мужу надъ женою, между тѣмъ какъ въ христіанствѣ мужъ и жена, вступая въ бракъ, чувствуютъ самую иѣжиную привязанность и любовь другъ къ другу. Они вступаютъ между собою въ самыя правильныя, нормальныя и нравственно-свободныя отношенія. Потому мужъ естественно долженъ уважать родителей своей жены.

Но еще не столь печальное вліяніе бракъ въ исламѣ производить на отношенія мужа къ различнымъ членамъ семьи, какъ на отношенія различныхъ членовъ семьи между собой. Прежде всего онъ разрываетъ связь между женами. Съ первого взгляда уже можно видѣть, что никакъ не можетъ быть со-

¹⁾ Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 213.

гласія между многочисленными женами одного мужа и даже между двумя или тремя изъ нихъ. Только мусульмане, привыкши къ многоженству и по своей чувственности, не могутъ понять той простой истинѣ, что при многочисленности женъ не можетъ быть между ними согласія, а напротивъ должна быть постоянная вражда; ревность необходимо должна нарушить всякия миролюбивыя отношенія женъ между собою. Всякая вновь поступающая жена возвуждается къ себѣ самое сильное негодованіе и ревность въ прежнихъ женахъ; ее преслѣдуютъ насмѣшки, колкости и разнаго рода пакости, творимыя изъ-за ревности. По прошествіи болѣе или менѣе продолжительного периода времени эта явная ревность переходитъ въ скрытую, до самаго гроба продолжающуюся злобу и ненависть. Такимъ образомъ жены всѣ другъ противъ друга питаютъ самую непримиримую ненависть и ревность. Сколько памъ не приходилось читать разсказовъ путешественниковъ по Востоку и лицъ хорошо знакомыхъ съ внутреннимъ бытъ гаремовъ, всѣ единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ печальному и грустному фактѣ, общемъ всему мусульманскому Востоку, именно, что гаремы мусульманъ представляютъ зрѣлице постоянной вражды и непримиримой ревности многочисленныхъ женъ поклонниковъ лже-пророка¹⁾). Законъ Мухаммеда, допустивъ полигамію, предпринимаетъ всѣ средства, чтобы прекратить вражду между женами и уничтожить всякой поводъ къ ревности ихъ другъ къ другу. Мужъ долженъ уравнивать ихъ другъ съ другомъ: для каждой жены должно быть отдельное помѣщеніе, каждая жена должна быть почтена такимъ же вниманіемъ, какъ и прочія; всѣ жены должны быть содержимы совершенно одинаково²⁾). Но къ несчастію это учрежденіе не привнесло ожидаемыхъ выгодъ; ревность нашла и много другихъ причинъ достаточныхъ, чтобы возбудить самую непримиримую ненависть между женами. Немыслимо, чтобы мужъ совершенно одинаково и равно любилъ женъ; особенно при чувственной природѣ мусульманъ это совершенно невозможно. Самъ даже Мухаммедъ не могъ со-

¹⁾ Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. III, S. 342; M. de Tott, mem. sur les Turcs, les Tartars et les Egyp. p. 52; Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 117—118.

²⁾ См. приложеніе 3-е стр. 103. Bibliothèque du journal le levant, la civilisation musulmane, p. 30 и дал.: Османъ-Бей, стр. 112.

хранить одинаковую любовь ко всемъ своимъ женамъ, а предпочитать Айшу другимъ¹). А кто можетъ быть такимъ искуснымъ актеромъ, чтобы въ продолженіи всей жизни ни разу не обнаружить особенного предпочитительного вниманія къ какой-нибудь женѣ? Словомъ, взглядомъ, тѣлодвиженіемъ или даже тономъ своего голоса мужъ непремѣнно когда-нибудь выскажетъ это предпочтеніе, когда-нибудь, обнаружить, тѣмъ болѣе, что положеніе женъ заставляетъ ихъ быть подозрительными и постоянно следить за мужемъ, не отдастъ ли онъ которой-нибудь ея соперницѣ предпочтенія предъ нею. И вотъ малѣйшая неосторожность мужа, совершенно неизбѣжная для самого искуснаго дипломата въ этомъ отношеніи, служить причиной сильнейшей вспышки гибели и ревности. Это въ богатыхъ домахъ, гдѣ мужъ можетъ построить отдельное помѣщеніе для каждой изъ своихъ женъ и такимъ образомъ уменьшить возможность обнаруженія предъ другими женами своей исключительной привязанности къ которой-нибудь изъ нихъ. Но что же предприметъ мужъ небогатый, который не имѣть средствъ для постройки отдельныхъ помѣщеній для каждой жены? Здѣсь уже исчезаетъ даже самое представленіе о возможности сохранить миръ между своими женами. У арабовъ обыкновенно одна жена отдаляется отъ другой лишь занавѣскою, а часто и обѣ находятся въ одномъ помѣщеніи, такъ что всѣ разговоры мужа съ одной женой бываютъ слышны для другой²). Возможно ли, чтобы другая жена оставалась спокойной въ то время, когда ея супругъ окажетъ какую-нибудь любезность ея соперницѣ? Немного нужно наблюденій надъ человѣческой природой, чтобы убѣдиться, что здѣсь дѣло не можетъ обойтись безъ постоянныхъ враждебныхъ и самыхъ непрѣятельскихъ отношеній между женами. Говорятъ, что на Востокѣ девочка съ раннихъ лѣтъ приготовляется къ этой жизни, приготовляется раздѣлять брачное ложе съ другими женами; говорятъ, что воспитаніе и постоянное наблюденіе надъ другими должно притупить это щекотливое чувство. Все это правда, но человѣческая природа все же остается въ женщинахъ; воспитаніе не можетъ же довести ее до степени жи-

¹⁾ См. приложеніе 1-е, стр. 10—23.

²⁾ Библ. для чтенія, 1860 года. 162 т. Ноябрь, стр. 21—22.

вотиаго. Такимъ образомъ не только бѣднякъ, но и богачъ, размѣстившій своихъ женъ въ разныхъ комнатахъ, не можетъ застраховать себя настолько, чтобы не подать повода къ ревности женъ между собой.

По положимъ, что мужу удалось поставить себя такъ искусство, замаскировать свои внутреннія чувства такъ ловко и быть такимъ необыкновеннымъ актеромъ, что онъ ни однімъ словомъ никогда не показалъ предпочтенія одной женѣ предъ другими. Допустимъ все это, хотя и сознаемъ полнѣйшую невозможность существованія такого человѣка. Исчезнетъ ли совершило иенависть между женами гарема? Рѣшительно нѣтъ. Жена по чувству эгоизма и подозрительности постоянно будетъ думать, что мужъ за ближайшей каменной стѣной обращается съ ея счастливой соперницей гораздо ласковѣе и любезнѣе, нежели съ нею въ прошедшій день. И это ей не будетъ давать никогда полнаго покоя; она никогда не перестанетъ ревновать каждую жену къ своему мужу. Прибавьте къ этому еще сплетни, особенно сильно господствующія при такой заключенной жизни Востока и вы вполнѣ представите неизбѣжность чувства ревности между женами. Ревность не даетъ покоя, жена представляеть, что съ каждымъ днемъ любовь мужа къ ней охладѣваетъ все больше и больше; ей начинаеть представляться, что другая жена совершенно вытѣсняетъ ее изъ сердца мужа; она призываетъ на нее всѣ проклятия неба. На этомъ дѣло не останавливается; она клянется свою счастливую соперницу, часто совершенно мнимую, а сама въ тоже время старается пріобрѣсти любовь мужа. Она рѣшается въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ колдовству. Всякія надежды возвратить къ себѣ любовь мужа естественными средствами остаются тщетными, — и она въ полномъ отчаяніи въ своихъ силахъ прибѣгасть къ таинственной наукиѣ какого-нибудь колдуна или колдуны, чтобы получить отъ нея помощь въ этомъ мучительномъ для нея состояніи. Колдунъ или колдунья всегда готовы подать помощь этимъ несчастнымъ и страждущимъ плѣнницамъ мусульманскихъ гаремовъ, потому что не съ пустыми руками они приходятъ просить помощи ихъ чудной науки, а обыкновенно имѣя при себѣ порядочное вознагражденіе. Есть много личностей, запамавшихся этимъ ремесломъ, которыхъ пажили большой капиталъ, благодаря только единственно своему минимуму зпанію чудесныхъ наукъ. Такимъ образомъ ревность

женъ даетъ еще поддержку и распространяетъ на Востокъ различныхъ шарлатановъ. Ими полны города и селенія мусульманскаго Востока, потому что ремесло ихъ очень выгодно, — за какую-нибудь бумажку, исчерченную карандашемъ, за сколько бесполезныхъ и ни къ чему негодныхъ строкъ они получаютъ нерѣдко большую сумму особенно отъ женъ знатныхъ лицъ, увѣряя этихъ послѣднихъ, что мужъ будетъ принадлежать исключительно имъ. Конечно эти спеціи не приносятъ никакой пользы, развѣ только служить успокаивающимъ средствомъ для разстроеннаго ревнивымъ подозрѣніемъ сердца жены. Но случается и противное; если мужъ узнаетъ, что его стараются околовать, то бѣдной женѣ достается сверхъ прежняго горя еще много новыхъ побоевъ, нерѣдко самаго жестокаго характера, потому что мужья опасаются быть отравленными этими спеціями, такъ какъ знахари часто употребляютъ для нихъ нѣкоторыя вещества, вредныя для здоровья¹⁾.

Нерѣдко дѣло доходитъ и до болѣе грандіозныхъ размѣровъ. Если жена, считающая себя оставленной мужемъ, имѣть характеръ болѣе рѣшительный, лишенный женственности, то ревность часто простирается до лишенія жизни своей соперницы. Въ этомъ случаѣ не пренебрегаютъничѣмъ; всѣ средства считаются хорошими, лишь бы избавиться отъ своей соперницы. Конечно тайная отрава составляетъ самое распространенное средство сбыть съ рукъ какую-нибудь изъ соперницъ — женъ своего мужа. Впрочемъ болышею частью жена не прямо липаетъ жизни соперницу, а старается повредить ея здоровью и красотѣ и тѣмъ положить конецъ симпатіи, привлекающей мужа къ ней. Такого рода отрава менѣе пугасть воображеніе женщины. Потому женщины особенно часто прибегаютъ къ этому средству и предпочитаютъ его лишенію жизни. Однако нужно сознаться, что и самое лишеніе жизни очень распространено въ мусульманскихъ гаремахъ; и не рѣдкое явленіе, что молодая и красивая жена мусульманина, сегодня совершило здоровая, завтра умираетъ несчастной жертвой ревности, причиненной полигаміей, которую дозволилъ лже-пророкъ. Конечно и здѣсь, какъ и въ колдовствѣ, главную

¹⁾ См. прекрасное описание этого безнокойшаго состоянія женъ, заставляющаго ихъ прибѣгать къ помощь колдуновъ и колдуньи, у Османа-Бея стр. 118—123.

роль играютъ старухи и старики-знахари, которымъ совѣсть нисколько не запрещаетъ дать въ извѣстной мѣрѣ цѣлитель-наго для ревности средства. И къ незавидной чести этихъ лицъ нужно сказать, что искусство составлять отравы доведено ими до высокой степени совершенства; составляются такія сна-добыя, которыя лишаютъ жизни весьма медленно и почти всегда безъ той предсмертной агоніи, которая служить признакомъ принятаго въ чистомъ видѣ какого-нибудь яда. Тихо, но вѣрно и безъ явныхъ признаковъ отравы — вотъ стремленіе всѣхъ отправителей и отправительницъ Востока. При такомъ искус-ствѣ, составляющемъ въ пѣкоторомъ родѣ необходимую при-надлежность восточныхъ гаремовъ вслѣдствіе полигамического брака, лишеніе жизни соперницы ничего не значитъ и ничего не стоитъ. Притомъ самое положеніе гарема много этому спо-собствуетъ. Подчиненный единственно надзору мужа, сокрытый отъ глазъ постороннихъ людей, недоступный даже для право-судія, гаремъ представляетъ самое удобное мѣсто для скрытія всѣхъ тайныхъ интригъ и трагическихъ развязокъ, даже не подвергая виновныхъ никакой отвѣтственности при небольшомъ умѣнии свести концы съ концами¹⁾. Конечно не каждый га-ремъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ трагическихъ развязокъ ревности женъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость побуж-даетъ сказать, что и эти развязки, даже кончающіяся смертію, очень часты на Востокѣ. Все это происходитъ благодаря поли-гаміи, которая составляетъ едва ли не самое черное пятно ислама, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ соціальной жизни.

Впрочемъ и безъ этихъ трагическихъ развязокъ ревность женъ даетъ себя почувствовать. Едвали можно себѣ представить что-нибудь производящее болѣе разстройства въ отноше-ніяхъ другъ съ другомъ, какъ ревность мусульманскихъ женъ. Не имѣя рѣшительности отправить на тотъ свѣтъ свою со-перницу, ревнивая супруга изобрѣтастъ противъ нея тысячи клеветъ; она не пропускаетъ случая выставить ее въ самомъ дурномъ свѣтѣ предъ всякой личностью, съ которой ей удастся говорить, направляя всѣ свои клеветы и интриги къ тому, чтобы охладить къ ней любовь своего мужа. Потому она па-прягаетъ всѣ свои силы, употребляетъ всю свою ловкость и

1) Islam, I. M. Arnold, p. 208—213; Отеч. Записки. 1855 г. СІ т. стр 82. Справн. Döllinger, Mohammed's Religion, S. 22.

умъные, чтобы достичнуть этого желаемаго успѣха—отвратить своего мужа отъ нея. При всякомъ удобномъ случаѣ она не преминетъ выставить предъ нимъ свою соперницу въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ; ею употребляются въ дѣло вымышенные обстоятельства и факты. Она стремится предъ посторонними лицами оклеветать ее какъ можно сильнѣе съ тою же цѣлью, именно, чтобы эти невыгодные для ея соперницы слухи дошли до ушей мужа. Кромѣ этой, такъ сказать, подпольной работы, жена не пропуститъ случая и явно высказать соперницѣ всю свою вражду къ ней. При первой представившейся возможности жена старается оскорбить ее чѣмъ-нибудь, старается всѣми мѣрами выставить ее съ самыхъ худыхъ сторонъ, поставить на-показъ всѣ ея недостатки, не пропуская при этомъ употребить такія отборныя слова, которыхъ едвали бы снесло ухо нашихъ дамъ. Соперница ея также не стоитъ безгласной слушательницей, а старается ей заплатить тою самой монетой,—начинается брань. Рѣдко дѣло кончается этимъ. Соперницы при первой возможности затѣваютъ драку,—и вотъ дѣй разъяренныя женщины вѣплюются другъ другу въ волосы—и пошла такая потасовка, что кажется никакія усилія не въ состояніи прекратить ихъ драки. Стыдъ и женская мягкость характера, все здѣсь исчезаетъ; жены одного мужа превращаются въ свирѣпыхъ тигрицъ, готовыхъ поглотить другъ друга, если бы это было возможно. Конечно жены высшихъ аристократовъ рѣжь прибѣгаютъ къ этому энергическому изъявленію своей ненависти; но за то тамъ гораздо больше и съ дипломатическимъ тактомъ пускается клеветъ, тамъ даже чаще употребляются разныя отравы, — тайныя, но вѣрныя средства.

Такимъ образомъ семейство мусульманина, состоящее изъ многихъ женъ, раздѣляется на множество соперницъ. Этимъ беспорядокъ въ домѣ еще не ограничивается. Каждая жена старается пріобрѣсти себѣ приверженыхъ лицъ; около каждой мало-по-малу составляется своя партія, смертельно ненавидящая партію другой жены и ищущая только случая, какъ бы побольше надѣлать непріятностей враждебной партіи, отомстить ей и унизить ее въ глазахъ хозяина дома. Всѣдѣствіе этого домѣ мусульманина представляеть безпорядочную толпу людей, враждующихъ другъ противъ друга. Представляется удобный случай, одинъ клевещетъ предъ хозяиномъ на другого; въ слѣдующую затѣмъ минуту является и другой, хитрыми пу-

тъями старается возбудить гнѣвъ хозяина противъ третьяго. Такъ проходитъ весь день и даже ночью составляются разные заговоры; тогда очередная жена старается пустить въ ходъ свое искусство, чтобы заградить сердце своего мужа для другихъ женъ. Мужъ является жертвой, обреченной служить орудіемъ этихъ клеветъ и видѣть кругомъ себя обманъ и измѣну однихъ и ненависть другихъ¹⁾). На его плечи падаетъ вся тяжѣсть домашней жизни, разстроенной полигаміей; онъ несетъ спра-ведливое наказаніе за нарушеніе естественного закона, который положенъ Самимъ Богомъ при твореніи человѣка, именно закона единоженства. Мусульманинъ, слѣдя за своимъ сласто-любивымъ лже-пророкомъ, преступаетъ этотъ божественный законъ и за это бываетъ обреченъ на постоянную вражду и злобу между всѣми членами семейства. Ему не суждено уви-дѣть той тихой, спокойной семейной жизни, какую даетъ хри-стіанскій бракъ при одной женѣ и при нравственно-свободныхъ отношеніяхъ супруговъ. Онъ мучится за свои пороки и страдаетъ по правдѣ, какъ нарушитель естественныхъ закоповъ.

Все, что сказано относительно разстройства семьи, о рев-ности женъ, о враждѣ ихъ между собой и о разныхъ партіяхъ между членами семейства и прислугой, все это не вымыселъ какой-нибудь, не плодъ ненависти христіанскихъ путешествен-никовъ, къ мусульманамъ. Это сознается самими мусульманами. Многіе даже самые интеллигентные изъ нихъ и высоко стоя-щіе на общественной лѣстнице открыто признавались, что состояніе гарема въ высшей степени неудовлетворительно и вражда женъ между собой рѣшительно непримирима, что партіи въ гаремѣ нельзѧ совершенно уничтожить, что гаремъ представляетъ страшный хаосъ вражды и ненависти. Потому они считали самою трудною задачею и почти невыполнимымъ дѣломъ держать женъ въ постоянномъ довольствѣ своимъ по-ложеніемъ и въ мирѣ между собой. Такъ египетскій паша Магометъ-Али призналъ это искусство чрезвычайно труднымъ²⁾. Мусульманскіе историки даже прославляли за это искусство

¹⁾ Для того, чтобы провѣрить правдивость многихъ словъ, стоитъ только прочитать книгу Османа-Бея, который, какъ воспитанникъ въ гаремѣ, могъ отлично знать всю гаремную жизнь. Так же хорошее понятіе о враждѣ и ненависти женъ въ гаремахъ можетъ дать и автобіографія его матери подъ заглавіемъ «Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ».

²⁾ Mischaud, VII, 92. См. Дѣллингера, стр. 23.

тѣхъ изъ своихъ государей, которымъ удавалось усмирить своихъ женъ. Такъ объ испанскомъ правителѣ Абенъ-Алимарѣ замѣчено, что благодаря огромной ловкости ему удалось устроить и поддержать миролюбивыя отношенія между женами своего гарема¹⁾. Вѣроятно, очень труднымъ казалось это искусство, коль скоро мусульмане въ исторіи въ числѣ похвальныхъ качествъ своихъ любимыхъ государей не забыли упомянуть объ этомъ. Впрочемъ мусульмане могутъ видѣть примѣръ трудности сохранить миръ въ своемъ гаремѣ и изъ исторіи самого Мухаммеда. Ихъ лжѣ-пророку также не удалось сохранить тѣхъ миролюбивыхъ отношеній между женами, какихъ ему хотѣлось,—и онъ былъ поставленъ въ такое непріятное отношеніе ревнѣстю своихъ женъ, что могъ успокоить ихъ благодаря только своей безсовѣтности, заставляя божество являться къ нему на помощь всякий разъ, какъ только онъ былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ²⁾.

Вида въ примѣрѣ Мухаммеда всю трудность сохранить миръ и любовь между женами и сами испытывая постоянную вражду и непримиримую ревнѣсть въ своихъ гаремахъ, мусульмане волей-неволей приходятъ къ заключенію, что моногамія въ этомъ отношеніи гораздо спокойнѣе и что съ одной женой можно жить удобнѣе, нежели со многими. Многіе изъ нихъ не стѣсняются даже предъ христіанскими путешественниками признаваться, что со многими женами живется не такъ счастливо, какъ съ одпой³⁾. Только чувственность, непомѣриое сладострастіе и примѣръ Мухаммеда удерживаютъ мусульманъ окончательно оставить полигамію и обратиться къ моногаміи.

Но вся эта вражда женъ и прислуги ничего не спаситъ въ сравненіи съ тѣмъ раздоромъ, какой производить полигамія между дѣтьми разныхъ матерей. Вѣдь съ ненавистью и враждой доходятъ до крайней степени; жестокость мести и стремленіе уничтожить другъ друга превосходятъ даже всякое вѣроятіе. Впрочемъ въ такомъ явленіи нѣть ничего удивительного; напротивъ было бы весьма удивительно, если братья и сестры отъ одного отца и отъ разныхъ матерей стали бы чувствовать взаимную любовь другъ къ другу. Представьте себѣ дитя, ко-

¹⁾ Conde, III, 29. См. Дѣллингера, стр. 23.

²⁾ См. приложеніе 1-е, стр. 28—29, 35—38.

³⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 73.

торое каждый день, каждый час слышитъ голосъ своей матери, проклипающей свою соперницу и ея дѣтей; оно видитъ съ первого днѧ своего рожденія непримиримую ненависть матери къ другимъ его братьямъ и сестрамъ. Можетъ ли дитя при такой обстановкѣ питать какое-нибудь родственное чувство къ своимъ братьямъ и сестрамъ? Оно съ первыхъ днѣй жизни увлекается этой ненавистью матери; его вражда и злоба къ братьямъ и сестрамъ возрастаютъ постепенно съ каждымъ днemъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ у него развивается самосознаніе. Сначала безсознательная антипатія къ братьямъ постепенно переходитъ въ открытую вражду къ нимъ. Извѣстенъ законъ, что самая сильная ненависть есть ненависть между родственниками, потому что здѣсь постоянно могутъ представляться случаи для обнаруженія взаимной ненависти и вслѣдствіе этого ненависть постепенно увеличивается. Къ этому въ мусульманствѣ еще присоединяется и то, что здѣсь нѣть сближающаго вліянія семьи и не можетъ быть, потому что дѣти разныхъ матерей воспитываются совершенно раздѣльно въ разныхъ комнатахъ; прислуга приверженная къ матери старается и ребенку винить туже ненависть къ прочимъ дѣтимъ своего хозяина, какую имѣть сама. Когда дитя приходитъ въ совершенполѣтіе, оно уже бываетъ врагомъ своихъ братьевъ и сестеръ разныхъ по матери,—и эта вражда нерѣдко кончается убийствомъ или остается на всю жизнь тяжелымъ бременемъ, лежащимъ на его сердцѣ¹⁾. Какое громадное различие въ этомъ отношеніи представляется христіанское моногамическое семейство! Здѣсь царствуетъ между родственниками полная родственная любовь; здѣсь братья дружно стараются помочь другъ другу; все родственники смотрятъ на себя какъ на членовъ, связанныхъ между собой самыми тѣсными узами родственной любви, представляя этимъ совершенный контрастъ съ мусульманскимъ семействомъ, гдѣ родственники грызутся между собой, какъ собаки.

При такомъ характерѣ отношеній между членами семьи, не можетъ быть и хорошаго хозяйства. Хозяйство требуетъ единодушнаго дѣйствія, постояннаго стремленія къ одной общей цѣли. Но можетъ ли быть одно общее стремленіе въ полига-

1) Mohler, *Ueber das Verhauiss des Islams zum Evangelium. Gesammelte Schriften*, 399—402, цит. въ «Islam», I. M. Arnold, p. 208.

мическомъ семействѣ, гдѣ самые близкіе родственники въ тоже время и самые сильные враги? Если одинъ начнетъ что-нибудь, даже и относящееся къ общей пользѣ, то другой непремѣнно постарается испортить его предприятіе и тѣмъ причинить ему вредъ. Въ мусульманствѣ всѣ братья разные по матери стараются какъ можно менѣе сообразоваться другъ съ другомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого беспорядочнаго семейнаго состоянія бываетъ то, что хозяйство мало-по-малу приходить въ совершилій упадокъ. На Востокѣ на продолженіе богатыхъ фамилій нужно смотрѣть какъ на рѣдкость. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можетъ продлиться на много поколѣй богатое состояніе предка при такомъ быстромъ стремлѣніи членовъ семьи уничтожить благосостояніе другъ у друга?

Кромѣ вражды членовъ семьи другъ съ другомъ, полигамія производитъ погубное вліяніе и на самый душевный строй мужа. Окруженный многочисленными женами, смотря на нихъ какъ на орудіе своей страсти, мусульманинъ постоянно бываетъ поражаемъ ревностью. Она рѣшительно не оставляется его ни на мишуту; мучимый ею, онъ изобрѣтаетъ тысячу средствъ, чтобы быть спокойнымъ относительно вѣрности своихъ женъ. Онъ строить глухіе и высокіе гаремы, поставляетъ стражами этихъ гаремовъ евнуховъ; сверхъ всего этого онъ имѣеть постоянныхъ шпіоновъ въ лицѣ враждующихъ партій гарема. Не смотря на все это, онъ никогда не можетъ успокоиться. Ревность его самого бурнаго свойства. Горе женѣ, вздумавшій измѣнить своему мужу, горе и соучастнику ея преступленія, если мужъ какъ-нибудь успѣетъ замѣтить ихъ незаконную связь,— кинжалъ порѣшить участъ ихъ обоихъ. Мужъ-мусульманинъ ци на шагъ не остановится предъ пролитіемъ крови въ этомъ случаѣ; онъ чуждъ всякаго состраданія къ своей женѣ. Всѣ описанія странъ Востока наполнены рассказами объ ужасныхъ проявленіяхъ этой ревности, такъ что это уже превратилось въ общее мѣсто, какъ фактъ вполнѣ извѣстный каждому. Ревность мусульманина глубоко отличается отъ ревности мужа-христіанина. Положимъ, что христіанинъ, увидѣвши свою жену съ любовникомъ, не пропустить случая поколотить того и другого (исключеній можно встрѣтить очень немногі), но въ душѣ его всегда остается что-то такое, что заставляетъ жалѣть свою жену въ этомъ случаѣ, остается состраданіе къ ней. Ничего подобнаго нѣть въ душѣ мусуль-

манина. Онъ обрекаетъ свою жену на смерть безъ всякаго чувства состраданія къ ней. Убийство невѣрной жены въ христіанскомъ мірѣ рѣдкость, на мусульманскомъ Востокѣ оно каждодневное явленіе. Отъ чего зависитъ подобное различіе между христіанскимъ міромъ и мусульманскимъ въ этомъ отношеніи? Причина этого различія заключается безъ сомнѣнія въ самомъ характерѣ брака мусульманского и христіанского. Въ христіанствѣ вступаютъ въ бракъ двѣ равноправныя личности, соединенные между собой самыми тѣсными узами любви и имѣющія между собой свободно нравственныя отношенія. Не то представляетъ намъ мусульманскій бракъ. Здѣсь вступаютъ въ бракъ два индивидуума, совершенно неодинаковые по правамъ: одинъ изъ нихъ — мужъ — обладаетъ всѣми правами, другой — жена — почти лишенъ всѣхъ правъ. Здѣсь нѣтъ обойдной любви; мужъ смотритъ на жену какъ на свою собственность, исключительно назначенную для удовлетворенія его страстей. Это, по моему мнѣнію, и сообщаетъ различный характеръ ревности мужа — христіанина и мужа — мусульманина. Первый, ревную свою жену, въ тоже время любить ее и потому щадить; другой, ревную жену, видеть въ этомъ потерю своей собственности, потому не имѣть къ ней никакого сожалѣнія, какъ къ вещи, переставшей быть его собственностью, а отнятой другимъ. Вслѣдствіе только такого взгляда на жену и можетъ мусульманинъ въ порывѣ ревности убить свою жену. Доказательствомъ такого характера ревности мусульманского мужа служить разводъ. Будь у него ревность другого свойства, разводъ былъ бы невозможенъ, потому что ему было бы невыносимо видѣть свою жену, которую онъ любилъ, за-мужемъ за другимъ мужчиной. Между тѣмъ мусульманинъ нисколько не тревожится этимъ; онъ можетъ смотрѣть на этотъ фактъ совершенно равнодушно, потому что разводъ прекращаетъ его право собственности надъ женою; послѣ развода жена дѣлается чужою собственностью, и мужъ можетъ быть хладнокровенъ также, какъ человѣкъ, который продалъ свою вещь кому-нибудь другому. Исключеніе изъ этого составляютъ развѣ одни аристократы особенно въ Персіи, которымъ дѣйствительно непріятно видѣть свою жену вышедшую за другого мужа, но и въ этомъ случаѣ не по сохранившемуся къ ней сочувствію, а по чувству гордости и самолюбія, потому что они смотрѣть на это явленіе такъ, какъ будто бы жена предпочла ему другого, или будто мужъ не умѣлъ уладить съ ней

безъ развода. Ужасный и подозрительный характеръ ревности мужа - мусульманина имѣть своего представителя въ лицѣ самого основателя ислама. Онъ тоже рѣшился однажды на убйство по одной ревности, при томъ не къ женѣ, а къ konkubинѣ, но случай спасъ его отъ этого нового преступленія, потому что подозрѣваемая личность оказалась евнухомъ, — и Мухаммѣдъ могъ не запятнать себя убйствомъ¹⁾). Такимъ образомъ не нужно считать ревность мусульманина чувствомъ свойственнымъ всѣмъ вообще людямъ; по указаннымъ свойствамъ ея, нельзя не признать ее явленіемъ совершенно искусственнымъ, прошедшемъ отъ чувственного характера мусульманского брака и отъ униженія женщины до обыкновенной собственности своего мужа.

Вліяніе мухаммѣданскаго брака на общественную жизнь мухаммѣданъ.

Полигаміческій бракъ мусульманъ, произведши самое крайнее униженіе женщины, былъ причиной разстроеннаго состоянія цѣлаго мусульманскаго міра. Онъ унизилъ всякую умственную дѣятельность на Востокѣ, уничтожилъ на немъ цивилизацию и повергъ его въ крайнее невѣжество и грубость. Все это случилось отъ того, что въ мусульманскомъ бракѣ, при крайнемъ униженіи женщины, лежали элементы, уничтожающіе всякое воспитаніе въ семье, воспитаніе, которое есть корень и источникъ общественнаго просвѣщенія и основаніе цивилизаціи. Разсмотримъ, какимъ образомъ совершилось постепенное огрубѣніе Востока, его возвратъ къ невѣжеству; прослѣдимъ, какъ мусульманскій бракъ могъ произвести и произвелъ этотъ застой общественной жизни и убилъ цивилизацию.

Мы уже видѣли, что Мухаммѣдъ своимъ полигамическимъ бракомъ окончательно унизилъ женщину, лишилъ ее почти всѣхъ правъ свободнаго человѣка. Это-то несчастное законоположеніе и было причиной умственнаго невѣжества цѣлаго Востока. Всѣми учеными изслѣдователями признано за несомнѣнное, что положеніе женщины связано самымъ тѣснымъ образомъ съ положеніемъ и состояніемъ цѣлаго общества; воз-

¹⁾ См. приложение 1-е, стр. 36—37.

вышеніе и упадокъ общественной жизни всегда слѣдуетъ за возвышениемъ или упадкомъ женщины. Женщина есть основа цивилизациі, потому что на ней основывается домашнее первоначальное развитіе и воспитаніе человѣка; а домашнее первоначальное воспитаніе есть корень цивилизациі и нравственаго состоянія націи. Потому всякое измѣненіе въ состояніи женщинъ переходитъ на дѣтей, а чрезъ нихъ и на цѣлую націю. Это неизмѣнныи законъ исторіи. Перея, Греція и Римъ представляютъ намъ неопровергимыи доказательства этого. Они процвѣтали, когда женщина у нихъ стояла высоко; они пали, лишь только было нарушено правильное отношеніе между мужчинами и женщинами. Тоже самое явленіе представляется и мусульманскій Востокъ. Онъ коснѣтъ въ полномъ невѣжествѣ отъ Мухаммеда, который, унизивъ женщину, лишилъ своихъ послѣдователей благотворныхъ плодовъ цивилизациі.

Мы не станемъ повторять того, что уже говорили о крайнемъ унижениі женщины въ мусульманствѣ. Вслѣдствіе этого униженія ея состоянія, на нее не обращаютъ въ мусульманскомъ мірѣ почти никакого вниманія, нисколько не заботятся о ея воспитанії; даже религіозное образованіе считаются для нея излишнимъ, какъ мы видѣли выше. Въ домахъ самыхъ знатныхъ лицъ мало найдется женщинъ, которые знали бы болѣе или менѣе порядочно грамоту¹⁾). Какъ мало мусульмане занимаются обученіемъ дѣвочекъ, такъ же мало, если только не меныше, они обращаютъ вниманія и на нравственное и эстетическое ихъ развитіе. Вслѣдствіе чувственности и сладострастныхъ наклонностей мужъ-мусульманинъ съ женой въ частной бесѣдѣ въ присутствіи своихъ дѣтей нисколько не остегаетъ произносить такія слова и вести разговоры о такихъ предметахъ, которыхъ совершенно не слѣдовало бы доводить до свѣдѣнія малолѣтнихъ дѣтей, а тѣмъ болѣе дѣвочекъ. Лаская свою дочь отецъ - мусульманинъ высказываетъ ей такие комплименты, которые могутъ вырваться изъ устъ только закорснѣлаго развратника, для которого чувственное удовольствіе важнѣе всего и голова котораго всегда занята сладострастными образами и мыслями. Само собой разумѣется, что дѣвочка, слыша съ самыхъ первыхъ дней рожденія подобныя

¹⁾ Клотъ-Бей, ч 1 стр. 261. Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 362.

суждения и слова, высказываемые своими родителями, до такой степени свыкается съ ними, что начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на вещь вполнѣ обыкновенную, какъ на самый невинный разговоръ. По словамъ людей бывшихъ на Востокѣ, на улицѣ отъ малолѣтнихъ дѣвочекъ во время игръ можно услышать такія слова, которая въ состояніи заставить отвернуться и покраснѣть даже мужчину - европейца съ болѣе или менѣе иениспорченною нравственностью¹⁾. Мусульмане же смотрѣтъ на это, какъ на вещь вполнѣ обыкновенную; отцы и матери ни мало не думаютъ останавливать подобныхъ разговоровъ своихъ юныхъ дочерей. Такимъ образомъ съ самого первого дѣтства дѣвочки привыкаетъ къ этимъ чувственнымъ образамъ и картинаамъ сладострастія. Въ исламѣ все стремится къ тому, чтобы окончательно подорвать основы нравственности въ женщинѣ и превратить ее въ орудіе мужской похоти и сладострастія. Женщина выходитъ изъ-подъ руки своихъ родителей лишенная точки опоры для нравственности. Еще менѣе заботятся родители объ эстетическомъ развитіи своей дочери. Съ первыхъ дней рожденія ее окружаютъ неряшество и неопрятность всевозможнаго рода. Богачи и бѣдняки различаются въ этомъ отношеніи немногимъ. Все различіе заключается въ томъ, что дочь знатныхъ и богатыхъ родителей осуждена жить въ неряшествѣ и неопрятности, окруженная дорогими матеріями и золотомъ, а дочь бѣдняка живетъ въ неряшествѣ съ бѣдной обстановкой²⁾. Само собой разумѣется, что неряшество и отсутствіе эстетического воспитанія всасывается въ плоть и кровь мусульманами съ молокомъ матери. Такимъ образомъ дочь выходитъ изъ родительской школы домашнаго воспитанія лишенной всякаго воспитанія: безъ научнаго образованія, безъ прочныхъ основъ нравственности, даже безъ полнаго знакомства съ религіей, съ совершенно неразвитымъ эстетическимъ вкусомъ.

Можно ли ожидать отъ такой дочери, когда она выйдетъ замужъ и сдѣлается матерью, хорошей воспитательницы своихъ дѣтей? Можно ли надѣяться, что она будетъ вполнѣ удовлетворительно исполнять свою первую обязанность, имѣю воспитаніе дѣтей? Все убѣждаетъ насъ, что отъ подобной матери

¹⁾ Отчественные Записки. 1855 г., т. СІ, стр. 57.

²⁾ Отчественные Записки 1855 г. т. СІ, стр. 52.

нельзя ожидать, чтобы она дала своимъ дѣтямъ надлежащее рациональное воспитаніе. На обязанности матери лежитъ приготовить своихъ дѣтей, особенно сыновей, къ общественному положенію, познакомить ихъ со всѣмъ строемъ общественной жизни, чтобы изъ нихъ вышли хорошие граждане; она должна познакомить ихъ со всѣми превратностями, встрѣчающимися въ жизни, чтобы укрѣпить ихъ въ борьбѣ съ препятствіями; она должна подробно и обстоятельно показать своимъ юнымъ дѣтямъ, сколько искушений, сколько соблазновъ для человѣка представляется жизнь; должна пріучить дѣтей пользоваться въ этомъ случаѣ тѣми средствами, которыя составляютъ единственноe условіе хорошей жизни. Мало того; она обязана постепенно вводить сына въ самую жизнь и руководить имъ въ ней съ первыхъ порахъ. Только тогда, когда дѣти сдѣлаются мужчинами, ирекраращается воспитаніе въ буквальномъ его значеніи. Можетъ ли исполнить эту великую задачу воспитанія мусульманка-мать, со дня рожденія заключенная въ гаремѣ, не видавшая жизни и плохо знающая объ ней даже по слухамъ, потому что съ рапиныхъ лѣтъ ее всѣми мѣрами старались изолировать отъ всѣхъ постороннихъ людей? Очевидно такого воспитанія рѣшительно нельзя ожидать отъ мусульманской матери; она не можетъ приготовить своихъ дѣтей къ жизни, сдѣлать изъ сыновей хорошихъ гражданъ. Она не въ состояніи сообщить имъ свѣдѣній дальше мелочныхъ интригъ гарема; только нравы, обычаи и жизнь гарема съ вполнѣ знакомы; потому только въ эту область она можетъ ввести своего сына, дальше ея она идти не можетъ.

Допустимъ, что это образованіе можетъ быть замѣнено вполнѣ школою или самою жизнью, но существуютъ двѣ великия области, которая уже никакъ не могутъ быть замѣнены посторонними лицами съ такимъ успѣхомъ, какъ матерью; даже отецъ долженъ уступить свое мѣсто матери въ этихъ важныхъ и обширныхъ областяхъ воспитанія дитяти. Я разумѣю религіозное и нравственное развитіе дитяти. Здѣсь мать должна быть самой главной воспитательницей дитяти. Къ несчастью эти двѣ области почти также не могутъ быть заняты матерью - мусульманкой. Мать, не получившая съ дѣства надлежащаго полнаго религіознаго воспитанія, оставленная своими родителями при самомъ первоначальномъ свѣдѣніи о своей религіи, какъ существо, не обязанное знать вполнѣ сво-

его завѣта съ Богомъ, даже какъ существо, которому излишне основательно знать религию,—такая мать не можетъ сообщить своимъ дѣтямъ полнаго знакомства съ религіей. Свѣдѣнія, сообщенные ею, естественно должны отличаться самыми поверхностными характеромъ; никакихъ разумныхъ основаній въ этомъ воспитаніи нѣтъ и быть не можетъ. Если и можетъ она сообщить что-нибудь дѣтямъ изъ области религіи, то все это запечатлѣно характеромъ легендарнымъ, все это требуетъ только одной слѣпой вѣры и больше ничего. Развитіе нравственного характера въ дитяти тоже не можетъ быть исполнено матерью-мусульманкой. А между тѣмъ это дѣло первой важности. Отъ первоначального развитія характера и нравственного образа человѣка почти постоянно зависитъ все направление его жизни. Нѣтъ кажется ни одного человѣка, даже подвергавшагося самому разнообразному вліянію среды, чтобы оно совершенно отрѣшился отъ того толчка, который ему сообщило первоначальное воспитаніе въ семьѣ. Это первоначальное семейное воспитаніе кладетъ на человѣка неизгладимую печать на всю жизнь. Нравственный характеръ человѣка взрослаго, его наклонности и часто даже самыя страсти зависятъ отъ первоначального воспитанія. Все это заставляетъ относиться къ образованію дѣтского характера самимъ тщательнѣмъ образомъ. Но что можетъ здѣсь сдѣлать женщина, сама не получившая твердой опоры для нравственности, у которой нравственный образъ не развитъ до крайней степени? Какимъ путемъ можетъ действовать сообразно съ цѣлью выработать нравственный характеръ дитяти та мать, которая съ ранняго дѣтства разсматривалась исключительно какъ игрушка мужа, а не какъ человѣческая личность, и о которой никогда не заботились, чтобы развить ея нравственный характеръ? Единое дитя въ рукахъ такой матери осуждено на самое случайное извращеніе характера, брошено, можно сказать, на произволъ судьбы. Разг҃ъ только благодаря какому-нибудь счастливому случаю подъ руководствомъ матери-мусульманки можетъ образоваться твердый нравственный характеръ.

Мать - мусульманка, сознавая свое бессиліе, сознавая, что она сама не можетъ воспитывать надлежащимъ образомъ дѣтей, особенно сына, предназначеннаго къ общественной дѣятельности, слагаетъ съ себя бремя воспитанія и препоручаетъ его рабу. Такъ бываетъ въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ.

Дѣти же простыхъ мусульманъ осуждаются обыкновенно на полнѣйшее отсутствіе всякаго воспитанія за недостаткомъ въ ссмѣъ личностей, которая могли бы замѣтить неразвитую мать¹⁾. Всѣдѣствие этого громадное большинство мусульманскихъ дѣтей лишаются всякаго воспитанія. Но и воспитаніе дѣтей знатныхъ и богатыхъ мусульманъ вызываетъ самое горькое сожалѣніе о плохой постановкѣ этого великаго дѣла въ мусульманскихъ земляхъ. Въ раннемъ возрастѣ, т. е. до 6—7 лѣтъ, дѣти остаются въ гаремахъ вмѣстѣ съ матерями и слѣд. лишаются всякаго воспитанія. Притомъ затворничество и крайнее униженіе женщины, среди которыхъ воспитывается первоначально сынъ, не можетъ не отозваться на воспитаніи и на нравственномъ характерѣ его. Видя кругомъ себя постоянное униженіе и самое крайнее рабство, дитя съ раннихъ поръ лишается той благородной свободы, которая должна отличать человѣка гражданина; лишается той нравственной твердости, которая заставляетъ человѣка смѣло бороться съ превратностями счастія, той отваги, съ которой свободный человѣкъ принимается за разныя предпріятія и исполняетъ съ успѣхомъ самые трудные проекты, словомъ, лишается всѣхъ тѣхъ качествъ, которые служатъ признакомъ жизненности народа, залогомъ его прочнаго существованія. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ сообщить любовь къ гражданской свободѣ женщина-раба? Сынъ среди рабовъ самъ становится рабомъ вѣчнаго произвола, когда находится подъ властію, или превращается въ полнѣйшаго доспota, когда достигнетъ какой-нибудь власти, потому что не привыкъ уважать свободу въ другихъ. Потомъ дитя выходитъ изъ гарема своей матери. Здѣсь его встрѣчасть суровый произволъ отца; сынъ долженъ до совершеннолѣтія сидѣть около отца въ рабскомъ отдаленіи, съ благоговѣніемъ прислушиваться къ его разговорамъ и изъ нихъ получаться. Кромѣ того ему дается рабъ, который сообщаетъ ему иѣкоторыя свѣдѣнія. Этимъ и заканчивается воспитаніе мусульманскихъ дѣтей въ самыхъ знатныхъ и богатыхъ семействахъ. Образованіе, какъ видно, самое плохое и неудовлетворительное ни въ какомъ отношеніи. Воспитанія же, какъ созданія цѣлостнаго образа человѣка, здѣсь совершенно не существуетъ. Напротивъ здѣсь, какъ можно видѣть съ пер-

¹⁾ Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 342.

ваго же взгляда, все клонится къ одной цѣли, какъ бы ухудшить человѣческій родъ чрезъ нѣсколько поколѣній. Можетъ показаться страннымъ тотъ фактъ, что мусульмане славятся своимъ религіознымъ энтузіазомъ, а мы говоримъ о плохомъ и неудовлетворительномъ воспитаніи ихъ въ религіозномъ отношеніи; но этому явлению нечего удивляться. Религіозный энтузіазъ мусульманъ основывается не на разумномъ религіозномъ образованіи и глубокомъ попиманіи свойствъ своей религіи, а на томъ фанатизмѣ, который умѣлъ внушить своимъ послѣдователямъ Мухаммедъ и который скорѣе требуетъ слѣпой вѣры и отсутствія раціональнаго воспитанія, чѣмъ основательнаго религіознаго обученія. Потому религіозный энтузіазъ мусульманъ и неудовлетворительное воспитаніе въ религіозномъ отношеніи суть двѣ вещи вполнѣ совмѣстимыя.

Плохое домашнее воспитаніе не могло не обнаружиться роковымъ гибельнымъ образомъ на самомъ строѣ общественнаго мусульманскаго образованія. Оно естественно должно было уничтожить всякий прогрессъ и произвести всеобщій застой и жалкое невѣжество. Не получивъ никакого воспитанія, мусульманинъ не заботится, чтобы и другіе получали какое-нибудь образованіе, которое способствовало бы цивилизаціи и служило бы источникомъ прогресса. Духъ ислама произвелъ полное рабское унижение женщины. Вслѣдствіе этого произошелъ совершенный упадокъ интеллигенціи между женщинами, между тѣмъ какъ онѣ, по сознанію лучшихъ мыслителей, служили и служатъ основаніемъ общественнаго развитія.

Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему мусульманскій міръ представляетъ печальное зрѣлище невѣжества и даже регресса. А что таково состояніе мусульманскихъ государствъ, этого кажется и пѣтъ надобности доказывать, — это засвидѣтельствовано всѣми путешественниками и людьми хорошо знакомыми съ Востокомъ. Приведемъ слова одного писателя, вполнѣ изучившаго бытъ Востока и притомъ такого, котораго нельзя заподозрить въ преувеличеніи, потому что въ другихъ отпопленіяхъ онъ очень благосклонно относится къ мухаммеданамъ. Опъ такъ описывается умственное состояніе Египта: „массы египетскаго народа погружены въ самое глубокое невѣжество.... Исключая людей, получившихъ образованіе въ недавно осно-

ванныхъ школахъ, можно найти нѣсколько ученыхъ, которыхъ все образованіе ограничивается знаніемъ священныхъ книгъ и двумя—тремя поэтическими произведеніями¹⁾). Впрочемъ защитники ислама говорятъ, что упадокъ цивилизациіи нельзя искать въ исламѣ; нельзя видѣть въ этомъ слѣдствій неправильного и ложнаго законодательства Мухаммеда, унизившаго женщину и тѣмъ погубившаго цивилизацию на Востокѣ. Они ставятъ въ видѣ возраженія, что цивилизациія была и даже процвѣтала подъ вліяніемъ мусульманъ въ былое время. Этого мало; въ багдадскихъ арабахъ и испанскихъ маврахъ они видѣть предшественниковъ возрожденія наукъ и искусствъ,—будто бы среди всего христіанскаго міра, погруженаго во мракъ невѣжества среднихъ вѣковъ, однѣ только мусульманскія земли были разсадниками наукъ. По мнѣнію французскихъ ученыхъ, исламъ будто бы встрѣтилъ на Востокѣ одно варварство и невѣжество; потому не можетъ быть и рѣчи объ упадкѣ цивилизациіи подъ вліяніемъ ислама,—Востокъ настоящаго времени, хотя и стоитъ на низкой ступени цивилизациіи, все же онъ выше въ интеллектуальномъ отношеніи, нежели Востокъ до-мухаммедской²⁾). Вотъ мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, благосклонно смотрящихъ на вліяніе ислама. Но всѣ эти превыс-пренныя похвалы исламу носятъ печать явнаго пристрастія. Что такое арабская мудрость среднихъ вѣковъ, какъ не передѣлка Аристотеля. Ничего новаго, ничего выходящаго изъ круга поверхностныхъ изслѣдований, не произвела арабская философія. Одно мертвое передѣлываніе философіи Аристотеля на разные лады, да присоединенія къ ной еще нѣкоторыхъ новыхъ элементовъ — вотъ и все³⁾). Притомъ арабскіе философы и ученые, правда бывшіе образоваными людьми своего времени, не были мусульманами въполномъ смыслѣ этого слова. Прочитайте философскія сен-тепции любаго изъ нихъ и вы увидите, что тутъ очень мало мусульманскаго. Напротивъ, эти ученые являются самыми явными противниками всего мусульманскаго ученія⁴⁾). „Воздавая удивленіе блестящему періоду исламической образован-

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 226.

²⁾ Laurent, T. V, p. 503—507.

³⁾ Шлоссеръ, Всемірная Исторія, т. 5, стр. 190—208.

⁴⁾ Тамъ же,

ности, говоритъ Вамбери, мы забываемъ очень часто, что животворный умъ магометанскихъ мыслителей того времени находился, по большей части, въ оковахъ мертвой схоластики, и что образованіе было тогда далеко отъ того, что мы понимаемъ теперь подъ этимъ словомъ, и стояло въ такихъ же отношеніяхъ къ народной массѣ, въ какихъ находятся, напр., великолѣпные дворцы султановъ Испагани, Самарканда и Агръ къ массѣ окружающихъ ихъ бѣдныхъ мазанокъ,—однимъ словомъ, что образованіе, въ которомъ мы видимъ фундаментъ нашей европейской культуры, встрѣчалось тогда только случайно. Причины этого совершенно ясны. Школы и церкви, медрессе и мечети были также тѣсно связаны между собою у мусульманъ, какъ и у христіанъ. Правовѣрный и благочестивый человѣкъ, желавшій посвятить свои земныя сокровища для спасенія души, строилъ медрессе или мектебе, чтобы въ нихъ изучалось слово божіе и распространялось такимъ образомъ. Если въ этихъ, нерѣдко весьма богатыхъ, коллегіяхъ изъ большаго числа занимающихся экзегетикой корана, догматикой, исламическимъ правомъ, грамматикой, риторикой и птицкой, выдавался такой ученикъ, любознательный умъ котораго обращался къ той или другой отрасли точныхъ знаній,—это случалось такъ рѣдко, что подобное явленіе можно считать исключительнымъ. Къ такимъ исключительнымъ личностямъ современники далеко не относились съ похвалой и уваженіемъ, какими пользуются христіанскіе ученые новѣйшаго времени. Долго нужно перелистывать біографическіе словари какого-нибудь Ибнъ - Халликана - Ташкепризаде или Кятиба Тсялеби, пока встрѣтишь тамъ естествоиспытателя или математика. За занятіе этими науками находилось въ противорѣчіи не столько съ положеніями ислама, сколько съ господствующимъ духомъ того времени, и если бы съ астрономіей не связывали астрологическихъ цѣлей, изслѣдованія въ этой области знанія не дошли бы до потомства. Подъ именемъ науки, тогдашніе послѣдователи ислама, подобно нынѣшнимъ, разумѣли по преимуществу теологію и теософію, грамматику, логику и ораторское искусство. Только корифеи на этомъ поприщѣ изслѣдованія пользовались нераздѣльнымъ уваженіемъ своихъ современниковъ; только ихъ имена по преимуществу считались достойными нерѣсти въ потомство. Тѣ, которые уклонялись отъ освященнаго пути божественнаго ученія на иуть естество-

знанія, казались тогда, также какъ и теперь, *крайними еретиками*, усиленная любознательность которыхъ извинялась только въ томъ случаѣ, если точные науки употреблялись ими какъ посторонніе аргументы для подтвержденія истинъ божественного ученія. Иное умственное направлѣніе было бы осуждено въ самыхъ своихъ основахъ, такъ какъ Коранъ считается квінть-эссенціею и энциклопедіею всѣхъ наукъ. Въ силу всего сказанного выше, я нахожу достаточную долю преувеличенія въ томъ прославленіи, какое мы воздаемъ прошлой культурѣ ислама¹⁾). Очевидно, что большее или меньшее просвѣщеніе арабовъ и мавровъ появилось и проявляло благодаря не вліянію ислама, а вліянію предшествовавшей мысли и отчасти христіанского понятія о соціальной жизни, „такъ какъ исламъ, говорить Вамбери, въ смыслѣ религіи, представляетъ собою пеструю мозаику прежнихъ религій, и исламическую культуру можно рассматривать какъ агломератъ образованности тѣхъ народовъ, которыхъ арабы покорили своей власти въ короткій періодъ своего могущества. Въ государственной и общественной организаціи восточнаго ислама преобладало вліяніе древней культуры персовъ, вліяніе, противъ котораго тщетно боролись первые халифи и которое безъ труда привело къ господству дружественаго персамъ Маймuna. Въ западномъ исламическомъ мірѣ можно найти столько же очевидныхъ слѣдовъ византійской цивилизації; Константинія [Константинополь] самимъ пророкомъ называлась драгоцѣннымъ камнемъ между городами, сокровищемъ искусства, и послѣдователи его, не смотря на темное невѣріе Запада, часто брали ее себѣ въ образецъ. Подобные же факты мы наблюдаемъ по всему сѣверу Африки, въ Сициліи и, какъ уже было упомянуто, въ Испаніи. И вообще трудно было распознать въ духѣ магометанской культуры самостоятельный національный характеръ, если бы не одѣяніе, въ которое она была облечена, а именно арабскій языкъ, который былъ для нея болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ²⁾). Не соціальная жизнь по идѣи ислама создала эту образованность, а напротивъ полѣбѣвшее отсутствіе ся; и лишь только соціальная жизнь ис-

¹⁾ Вамбери, «Исламъ въ XIX вѣкѣ». Запис. 1876 года. Февраль. стр. 71—73.

²⁾ «Исламъ въ XIX вѣкѣ». Знаніе. 1876 г. Февраль, стр. 71—73.

лама вступила въ свои права, Востокъ и Испанія мавровъ должны были погрузиться во мракъ невѣжества.

Что же касается того, что исламъ будто бы ввель въ страны Востока цивилизацію, которой будто бы не существовало раньше, то это совершенная неправда и явная натяжка мыслителей, стремящихся приписать мусульманству заслуги, которыхъ оно не имѣть. Въ Малой Азіи, въ Византіи, Египтѣ была самая цвѣтущая цивилизациѣ предъ исламомъ, правда уже потерявшая свой прежній блескъ, но не смотря на это стоящая на высокой степени. Что же представляютъ въ настоящее время эти страны, завоеванныя мусульманами? Грубость, варварство и отсутствие всякой цивилизациї. Вотъ что появилось на тѣхъ мѣстахъ, где блистала наука какъ христіанская, такъ и языческая. Что же сдѣлалось съ колыбелью ислама — Аравіей? Она по-прежнему осталась въ томъ же грубомъ и полудикомъ состояніи, въ какомъ была и до Мухаммеда.

Чему же все это приписать? Коранъ относится къ образованности повидимому очень благосклонно. Онъ нерѣдко даже хвалить образованіе. Потому отсутствие цивилизациї и регрессъ въ мусульманскихъ государствахъ нельзя приписывать прямо заповѣди Мухаммеда, будто бы онъ самъ неблагосклонно относился къ образованности. Это печальное явленіе произошло вслѣдствіе постановленія Мухаммеда, унизившаго цѣлую половину человѣческаго рода — женщины и лишившаго ихъ даже правъ человѣческихъ. Вслѣдствіе этого униженія женщины произошелъ упадокъ ихъ интеллектуального развитія, а чрезъ это и упадокъ развитія и регрессъ въ цѣломъ обществѣ. Всѣ передовые мыслители мусульманского міра, которые, стоя во главѣ управленія мусульманскихъ государствъ и особенно Оттоманской имперіи, старались поставить ихъ въ ряду передовыхъ государствъ Европы, всѣ они убѣдились въ необходимости реформы, которая проникла бы въ жизнь семейную, возвысила бы положеніе женщины и дала ей права единой нераздѣльной супруги мужа, состоящей съ нимъ въ свободно-нравственномъ отношеніи, обладающей всѣми человѣческими правами¹). Такимъ образомъ даже мусульманскія передовыя личности могли уже замѣтить это и видѣли въ

¹⁾ Bibliothèque du journal le levant, la civilisation musulmane, p. 30 et seq.

полигаміи и слѣдующемъ за ней уніженіи женщины главныя причины застоя мусульманскихъ государствъ.

Само собой разумѣется, что подобное отсутствіе развитія пагубно вліяетъ и на виѣпнєе благополучіе державъ мусульманскихъ. Мы не будемъ говорить объ этомъ, потому что это не требуетъ доказательствъ и всѣ согласны въ томъ, что образованіе служить прочнымъ ручательствомъ благополучія государства, а напротивъ упадокъ развитія интеллигенціи въ государствѣ вызывалъ за собой и упадокъ самого государства. Мы коснемся вреднаго вліянія мусульманскаго брака на государственную жизнь съ другой стороны, именно со стороны его прямаго и непосредственнаго вліянія.

Мы говорили выше, что полигамія бываетъ причиной постоянной вражды между членами семейства. Эта вражда въ частномъ семействѣ ограничивается только этимъ семействомъ, но коль скоро она происходитъ въ семье правителя — султана, то она не можетъ не быть гибельной для цѣлаго государства, она производить постоянныя распри при вступлениі на престоль каждого государя; междусобія были почти при каждой перемѣнѣ государя и поглощали множество подданныхъ. При каждомъ новомъ престолонаслѣдіи лились потоки крови мусульманъ по причинѣ вражды нового государя со своими братьями, такъ что для избѣжанія этого зла Мухаммедь II возвелъ въ государственный законъ братоубійство при вступлениі государя на престоль. Онъ сдѣлалъ обязателынмъ, чтобы всѣ братья нового султана были убиваемы¹⁾. Въ персидской династіи Суфи утвердился обычай въ подобныхъ случаяхъ ослѣплять всѣхъ братьевъ. Фрезеръ — англійскій ученый — посѣтилъ одпого юношу-принца при дворѣ Мирзы — Аббаса и напелъ что онъ съ вожмуренными глазами обѣими руками ощупывалъ кругомъ себя. На вопросъ: что онъ дѣлаетъ? — принцъ отвѣчалъ: я пріучаюсь къ слѣпотѣ, — вѣдь ты знаешь, что по смерти моего отца настъ всѣхъ или умертвятъ или ослѣпятъ²⁾. Вотъ до какой жестокости довѣль султановъ полигамической бракъ. Должно быть велики были

¹⁾ Annals of the Türkisch Empire, translated by Fraser, 1829, I, p. 41; Mouradgea d'Ohsson, III, 315; Hammers, Geschichte des osmanischen Reiches, II, p. 220, Islam, I. M. Arnold, p. 208—213.

²⁾ Malcolm, history of Persia, II, p. 432; Chardin, V, 242. Д. Деллингеромъ въ его сочиненіи «Mahammed's Religion», S. 24.

происходящіе при престолонаслѣдіи беспорядки и раздоры и разрушительны для государства, что вынудили такія жестокія и безчеловѣчныя мѣры. Между тѣмъ все это—печальные слѣды полигаміи, допущенной Мухаммедомъ. Братоубійство при престолонаслѣдіи, междуусобныя брати, хитрые происки каждой изъ женъ, чтобы умирающей монархъ назначилъ своимъ преемникомъ ея сына, безчисленные потоки крови поданныхъ и вслѣдствіе этого огромпый ущербъ для государства и неминуемый его упадокъ—вотъ то громадное зло, какое полигамія причинила государству. Въ подтверждение своихъ словъ мы позволимъ себѣ выписать пѣсколько словъ изъ писателя, вполнѣ знакомаго съ исторической судьбой мусульманскихъ государствъ. „Никакое человѣческое благоразуміе, говорить Дѣллингеръ, не въ состояніи предотвратить гибельныхъ послѣдствій полигаміи; сыновья различныхъ матерей, еще при жизни господствующихъ монарховъ и почти всегда послѣ ихъ смерти, своими возмущеніями и междуусобными брачными опустошали, ниспровергали или раздробляли мусульманскія государства. Если еще Тацитъ упоминаетъ о *solita fratrum odia*, если и въ христіанскихъ государствахъ всыхивалъ иногда бѣдственный раздоръ между сыновьями одного отца и одной матери, то что должно быть съ мусульманскими государствами, гдѣ часто отцы не знаютъ числа своихъ сыновей, а сыновья, воспитываясь раздельно другъ отъ друга, съ ранняго дѣтства посвящаются въ глубокую ненависть и мстительные планы своихъ матерей, не получая успокоивающаго вліянія семейной жизни, гдѣ каждый видѣтъ въ своихъ братьяхъ опасныхъ соперниковъ, грозящихъ похитить его наслѣдство? Въ одной только династіи мусульманской — оттоманской — чрезъ многія поколѣнія въ непрерывномъ послѣдовательномъ рядѣ совершаются правильное и бесспорное престолонаслѣдіе. Но этотъ порядокъ былъ купленъ дорогою цѣною: братоубійство было возведено Могометомъ II-мъ въ государственный законъ, когда онъ и его прадѣдъ, Баязетъ, подали примѣръ этому. Не только надъ братьями султана, но и надъ внуками и племянниками его заразѣ было произнесенъ смертный приговоръ. Поэтому они были умерщвляемы тотчасъ при своемъ рожденіи, такъ что не позволяли даже завязать имъ пуповины. Это убійство фетвою мусульманскихъ законовѣдовъ было признано законнымъ на основаніи изреченія Корана, что беспокойство хуже

смертоубийства, — и намѣстники пророка, осуждавшаго выкидываніе новорожденныхъ дѣтей у языческихъ арабовъ какъ жестокость предъ Богомъ, дѣлаются законными убійцами братьевъ, племянниковъ и внуковъ. Такимъ образомъ преступленіе возрастаю порождаетъ новое преступленіе и законъ сладострастія вызываетъ законъ убійства¹⁾. Вотъ печальная, но правдивая картина тѣхъ беспорядковъ государственной жизни, которые произвела полигамія въ мусульманскихъ державахъ. Дѣйствительно, говоря словами Дѣллингера, никакими средствами нельзя поправить этихъ гибельныхъ послѣдствій полигаміи.

Кромъ междуусобныхъ браней и кровопролитія при престолонаслѣдіи, полигамія служить источникомъ и корпемъ еще одного явленія, гибельного по своимъ послѣдствіямъ для государственной жизни и иесогласнаго съ законами гуманности, именно рабства. Мухаммѣдъ дозволилъ своимъ послѣдователямъ кромъ четырехъ законныхъ женъ имѣть столько невольницъ, сколько можетъ содержать по своимъ средствамъ²⁾. Это гибельное узаконеніе, разсчитанное на чувственность арабовъ и можетъ быть данное съ цѣлью возбудить въ нихъ особенное влеченіе къ войнѣ, где легко достать огромное число невольницъ при небольшомъ трудѣ, — это узаконеніе принесло самые горькіе плоды. Мухаммѣдане по своей чувственной природѣ, имѣя особенную склонность къ невольницамъ, старались и стараются обзавестись ими при всякомъ удобномъ случаѣ, лишь бы средства представляли хотя малѣйшую къ тому возможность; гаремы мусульманскихъ богачей биткомъ набиваются невольницами всѣхъ націй. Тутъ находятся черкешенки и негритянки, христіанки и мусульманки, грузинки и гречанки, словомъ — женщины различныхъ вѣръ и націй. Мусульманинъ, пользуясь позволеніемъ Мухаммѣда имѣть служанокъ, предпочитаетъ ихъ даже законнымъ женамъ, потому что здѣсь онъ гораздо поправище и ему не обязательъ никакой мехръ; власть его надъ служанкой не стѣсняютъ никакіе родственники со стороны ея, какъ это можетъ случиться при законной женѣ, где родители жены иногда, при крайней жестокости мужа, имѣютъ обыкновеніе защищать

1) *Muhammed's Religion*, S. 23—24.

2) Коранъ, гл. 4 ст. 29.

своихъ краине обиженныхъ дочерей. Ничего подобнаго не можетъ быть, когда онъ сожительствуетъ со служанкой, потому что ее некому защищать. Къ этому присоединяется еще одинъ законъ, способствующій размноженію рабынь, имѣю законъ, по которому султанъ можетъ жениться только на невольницахъ¹⁾). Такимъ образомъ самые громадные въ мірѣ гаремы, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ женщинъ, пополняются невольницами. Все это вызываетъ большую потребность въ рабыняхъ для пополненія мусульманскихъ гаремовъ; искусственные и вмѣстѣ безчеловѣчные торговцы привозятъ ихъ несметное количество на мусульманскіе рынки, набирая частью насильно, частью посредствомъ покупки у родителей ихъ, доведенныхыхъ бѣдностью до крайности.

Впрочемъ этотъ родъ рабства еще не такъ поразительенъ и отвратителенъ, какъ другой родъ рабства, самый постыдный и безчеловѣчный, порожденный ревностью мусульманскихъ мужей и который такъ сильно распространенъ въ восточныхъ земляхъ, какъ нигдѣ и никогда, ни прежде, ни нынѣ. Я разумѣю сословіе евнуховъ. Правда, они существовали и въ древнія времена, потому справедливость требуетъ признаться, что евнухи не плодъ мусульманства; но вмѣстѣ съ тѣмъ пельзя согласиться и съ мнѣніемъ Османа-Бея, который полагаетъ, что сословіе евнуховъ въ исламѣ есть плодъ дальнѣйшей исторіи мусульманства и не допущено самимъ Мухаммедомъ²⁾). Это мнѣніе Османа-Бея опровергается самимъ Кораномъ, гдѣ Мухаммѣдъ допускаетъ ихъ существованіе, и отводить имъ мѣсто въ женскихъ покояхъ, дозволивъ женамъ показываться безъ покрывалъ изъ постороннихъ мужчинъ только „слугамъ, которые не имѣютъ нужды въ женщинахъ“³⁾). Такимъ образомъ самъ Мухаммѣдъ признавать евнуховъ необходимыми для охраненія многочисленныхъ женъ, чтобы успокоить мучительную ревность мужа-мусульманина. Этого мало; исторія и преданія арабовъ не представляютъ намъ свидѣтельствъ, чтобы евнухи существовали въ Аравіи до Мухаммѣда; самъ Мухаммѣдъ также ни разу не упоминаетъ объ этомъ. Поэтому

1) Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 215; Османъ-Бей, стр. 250—251.

2) Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 232.

3) Коранъ, гл. 24, ст. 31. По объясненію Бейзавія въ указанномъ мѣстѣ нужно разумѣть ишкого другаго, какъ кастраторовъ.

можно предполагать, что основатель ислама первый ввелъ въ Аравіі этотъ безчеловѣчный обычай. Мусульмане воспользовались имъ, какъ законнымъ дозвoleniemъ своего пророка, этимъ необходимымъ спутникомъ полигаміи. Такъ какъ полигамія очень распространена на мусульманскомъ Востокѣ, то и евнухи, неизбѣжные спутники ея, въ большомъ количествѣ пополняютъ гаремы мусульманъ. Особенно много ихъ въ Египтѣ сравнительно съ другими мусульманскими государствами¹⁾. Приготовляются же они въ самомъ большемъ количествѣ въ Нубії и Габешѣ²⁾. Такимъ образомъ неизбѣжное введеніе Мухаммедомъ полигаміи повлекло за собой столь звѣрское учрежденіе, какъ сословіе евнуховъ. Эти лица, лишенныя естественного отличія мужчины, мрачные, сердитые мизантропы, вѣчные завистники чужаго счастья, — эти лица стадами наполняютъ гаремы мусульманъ. А сколько ихъ погибаетъ при самой операции, которая совершается обыкновенно самымъ грубымъ образомъ и притомъ падъ дѣтьми? Сколько проклятій отъ умирающихъ или влачащихъ горькую судьбу евнуховъ должно сыпаться на голову ихъ оскапителей и въ лицѣ ихъ самому Мухаммеду, допустившему этотъ варварскій обычай.

Вслѣдствіе этихъ двухъ неизбѣжныхъ плодовъ мусульманскаго брака, именно невольницъ и евнуховъ, рабство составляетъ неизбѣжное требование мусульманства; невольницы и евнухи распространены въ мусульманскихъ государствахъ до невѣроятности. Такъ въ прошлее время въ одинъ Константинополь ежегодно привозили для продажи до 15 тысячъ рабовъ и рабынь³⁾. Такіе грандіозные размѣры рабства не могли не принести вреда государству. Допустимъ даже, что отъ этого не будетъ прямаго, непосредственнаго вреда государству, однако несомнѣнно, что доставка невольницъ повлечетъ за собой громадный ущербъ для государства съ другой стороны. Вывозъ невольницъ изъ чужихъ земель долженъ рано или поздно произвести столкновеніе соѣдніхъ государствъ съ мусульманскими державами. Само собой разумѣется, что ни одно государство не будетъ хладнокровно смотрѣть, какъ изъ его границъ похищаются цѣлые массы народонаселенія

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 264.

²⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 81—82.

³⁾ Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 342.

для пополненія мусульманскихъ гаремовъ. При первомъ удоб-
помъ случаѣ сосѣднія державы постараются дать отпоръ мусульманамъ и наказать ихъ по справедливости. Начинается война, которая уже сама по себѣ вредна бываетъ для государства; но если случаѣ дастъ побѣду не мусульманамъ, то конечно ихъ положеніе дѣлается еще хуже. Впрочемъ если бы и не было вооруженія для мести со стороны сосѣднихъ державъ, то мусульмане сами должны начать войну для доставленія себѣ рабынъ, потому что заповѣдь Мухаммеда позволяетъ имъ брать рабынъ съ боя. Исторія представляетъ памъ много примѣровъ войны мусульманъ съ сосѣдними державами по поводу захвата мусульманами женщинъ въ чужихъ краяхъ, напр. Турція должна была дорого поплатиться за свой постоянный захватъ рабынъ съ Кавказа. Вотъ какія гибельныя послѣдствія имѣлъ законъ, основанный на неправильныхъ отношеніяхъ между людьми и позволившій нарушить одно изъ главныхъ отношеній между полами, именно единоженство.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ, какъ относится полигамія къ размноженію людей? Способствуетъ ли она размноженію людей или нѣтъ? Думать, что мужчины съ нѣсколькими женами произведутъ гораздо больше дѣтей, нежели въ моногамическомъ бракѣ, совершенно неосновательно. Немнogo нужно труда, чтобы убѣдиться въ совершенномъ противномъ, чтобы увидѣть, что полигамія чрезвычайно вредно отзывается на размноженіи народонаселенія. Кажется, всякий долженъ согласиться съ тѣмъ, что женщины, имѣя каждая своего мужа, больше произведутъ дѣтей, нежели всѣ они вмѣстѣ взятыя за одинъ мужемъ, напр. 10 женщинъ, вышедши за-мужъ за 10 мужчинъ произведутъ потомства гораздо больше, нежели тѣ же 10 женщинъ вышедши за-мужъ за одного мужчина. Мухаммедъ оправдывалъ полигамію стремленіемъ произвести больше потомства. Но онъ горько ошибся, потому что мужчина, живя со многими женами, до такой степени скоро теряетъ способность производительности, что кажется сама природа полагаетъ наказаніе за нарушеніе ея законовъ. Надежды Мухаммеда видѣть большее потомство у мужей полигамистовъ оказались тщетными; браки при сильной полигаміи остаются безплодными. Обыкновенно только первыя супружества бываютъ плодовиты, когда мужъ ограничивается одною женою, или многою двумя; позднѣйшіе же

браки остаются по большей части бесплодными. Мухаммель самъ на себѣ испыталъ весь вредъ полигаміи для потомства; только первое его супружество сопровождалось плодомъ, позднѣйшія же были бесплодны, несмотря на всю горесть и отчаянія Мухаммела; всѣ его дѣти (исключая одного) относятся къ первому супружеству. Притомъ невозможно имѣть много женъ не истощаясь до крайней степени. Выше мы видѣли, что многіе мусульмане страдаютъ безсиліемъ въ очень раннихъ лѣтахъ. Причину этого конечно нужно искать въ полигаміи. Основатель ислама самъ служитъ доказательствомъ вредности своего учрежденія. Сначала онъ, конечно побуждасмы сладострастіемъ, объявилъ отъ имени Бога, что ему позволено брать столько женъ, сколько захочетъ; потомъ почувствовалъ, что онъ не въ состояніи имѣть супружеское спошеніе со многими женами, и долженъ былъ предложить своимъ супругамъ на выборъ --или развестись съ нимъ, или жить при немъ, но не требовать отъ него супружескихъ отнosiеній¹⁾. Природа наказала того, кто рѣшился нарушеніе законовъ естества превратить въ соціальный и даже религіозный законъ. Такимъ образомъ полигамія производить постепенное ослабленіе производительности мужа и уменьшеніе потомства. Печальное доказательство этого представляютъ всѣ мусульманскія государства. Гдѣ прежде были густо населенные мѣста, гдѣ процвѣтали города, гдѣ находились селенія, тамъ теперь однѣ пустыни и безлюдныя необитаемыя пространства; напр. Египетъ, по свидѣтельству арабскихъ историковъ, при завоеваніи его мусульманами, имѣлъ до 12 миллионовъ жителей и около 20 тысячъ городовъ и деревень²⁾. Допустимъ даже, что это число нѣсколько преувеличено, и въ такомъ случаѣ покажется намъ крайне поразительнымъ обезлюденіе его, когда мы знаемъ, что въ настоящее время число жителей его не простирается выше трехъ миллионовъ³⁾. Конечно много было причинъ этого явленія, но нельзя не согласиться, что такому обезлюденію этой страны много способствовало и гибельное вліяніе полигаміи мусульманъ⁴⁾.

1) Коранъ, гл. 33 ст. 28 и слѣд. См. приложение I-е, стр. 31—32.

2) Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 128—129.

3) Тамъ же.

4) «Уменьшеніе народонаселенія и опустошеніе всегда слѣдовали за исламомъ. Въ началѣ 18 столѣтія въ окрестностяхъ Алеппо насчитывалось 300

Итакъ, что же представляетъ нашему взору жизнь семейная и общественная подъ вліяніемъ мусульманскаго брака? Невольно поражаешься печалью и невольно вырывается упрекъ Мухаммеду, когда видишь, что дозволенный имъ, обращенный въ законъ и освященный его примѣромъ, полигаміческій бракъ оказалъ такое пагубное дѣйствіе на человѣчество и осудилъ 135 миллионовъ на иенormalную жизнь, жизнь противъ естественныхъ отношеній, установленныхъ самой природой. Это гибельное учрежденіе, эта развратная полигамія разрушила семью, унизвѣжъ женщину и сведя ее на степень существа, назначенаго для удовлетворенія похоти мужа; повредила соціальному строю жизни, произвела беспорядки и раздоры въ государствѣ, а главное—причинила всеобщій застой и упадокъ цивилизациі, подорвавъ всѣ основы прочности мусульманскихъ государствъ. Сильныя въ началѣ мусульманскія государства, воздвигнутыя руками великихъ завоевателей, теперь представляютъ жалкіе остатки своего прежнаго величія и вѣчать жизнь во мракѣ невѣжества и грубости, пораженные общественнымъ развратомъ. Гдѣ въ древности были сильныя и цивилизованныя государства христіанъ, тамъ теперь, подъ владычествомъ мусульманъ, безлюдныя пустыни; гдѣ процвѣтала образованность, тамъ теперь невѣжество и дикость; отечество древней цивилизациі—Египетъ и Греція, вслѣдствіе мусульманскаго владычества, дошли до такой степени невѣжества, что представляется невѣроятнымъ, чтобы здесь нѣкогда процвѣтала цивилизация. Таково дѣйствіе ислама. Въ чёмъ же заключается причина этого пагубнаго и разрушительного его вліянія? Не

деревень, по къ концу его ихъ осталось только 12! Въ окружѣ Мардинъ, въ Месопотаміи, изъ 1600 деревень въ настоящее время существуетъ одна 500. До завоеванія мухаммедацами, Кипръ имѣлъ 1400 городовъ и деревень, по съ 1670 г. только 700. Не лучше была участъ острова Кандіи. Теперь существуетъ только немногіе изъ городовъ и мѣстечекъ, которые были многолюдны и цвѣтущи во время халифата; хорошо изѣбѣто, сколько выстрадалъ Египетъ со временемъ завоеванія его сарацинами.

Персія покрыта развалинами; Ширазъ и Испаганъ представляютъ просто остаты ихъ прежнаго величія и великолѣпія, и нѣкогда прекрасная, плодородная провинція Хорасанъ доведена до крайней бѣдности.

Сѣверная Африка, даже во время вандаловъ насчитывавшая у себя до 400 епархій, доведена до полного упадка. Паконецъ Турецкая имперія доведена до крайней политической несостоятельности: ея подданные поставлены въ самое плачевное положеніе, и провинціи, нѣкогда падучіи въ цѣломъ мірѣ, опустѣли и лежатъ невоздѣланными. (Arnold, Islam. Its History, Character and Relation to Christianity, p. 236—237).

въ климатическихъ условіяхъ странъ, потому что на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ прежде была цвѣтущая цивилизациѣ; не въ человѣческихъ расахъ, потому что многие мусульманскіе народы принадлежать къ кавказскому поколѣнію. Здѣсь нельзя не видѣть вреднаго вліянія полигаміи. Она разрушила въ мусульманствѣ жизнь семейную и общественную. Я не отвергаю того, что при этомъ имѣла значеніе вся соціальная система мусульманскихъ государствъ. Но гдѣ основаніе этой системы? Не есть ли она дальнѣйшее развитіе семьи? Не семья ли служитъ основаніемъ соціальной жизни и не бракъ ли есть первый источникъ соціальной жизни народа? Потому опять приходится громадный упадокъ соціальной жизни мусульманъ искать въ многочисленствѣ ислама и разрушеніе общественной жизни считать слѣдствіемъ той же полигаміи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Такимъ образомъ предъ нашими глазами стоятъ два совершио противопожнія явленія жизни, два различныя законоположенія — бракъ христіанскій и бракъ мусульманскій. Оба они настолько противоположны, что трудно даже указать на какія-нибудь сходныя черты въ нихъ. Какъ одинъ изъ нихъ отличается нравственпою чистотою и возвышенностью и составляетъ таинство Церкви, такъ другой запечатлѣнъ характеромъ чувственности и есть простой гражданскій договоръ. Различаясь въ своемъ основномъ характерѣ, бракъ христіанскій и мусульманскій различаются и своими частными чертами, различаются во всѣхъ подробностяхъ. Въ христіанскомъ бракѣ памъ представляется строгое единоженство, нерасторжимость и равенство супруговъ какъ человѣческихъ личностей; напротивъ въ мусульманскомъ бракѣ наскѣ поражаетъ безграницная полигамія, ничѣмъ неограниченная легкость развода, совершенное порабощеніе жены и вполнѣйшій деспотизмъ мужа, — жена разсматривается какъ орудіе похоти мужа. Два такія діаметрально противоположныя учрежденія должны были произвести и противоположныя дѣйствія. Дѣйствительно они оказали самое противоположное вліяніе. Христіанскій бракъ возвысилъ женщину, которая находилась въ крайнемъ упадкѣ у языческихъ народовъ; мусульманскій же бракъ довелъ ее до крайней степени униженія. Христіанскій

бракъ благотворно повліялъ на нравственность и спасъ человѣчество нравственю растлѣнное въ язычествѣ; напротивъ исламъ со своимъ бракомъ былъ причиню крайняго развращенія нравовъ, какое теперь господствуетъ на Востокѣ. Моногамія христіанства возстановила семью, которая была почти разрушена язычествомъ; полигамія же ислама окончательно убила ее, потому что внесла въ нее крайніе раздоры между всѣми ея членами. Вслѣдствіе возвышенія женщины и возстановленія семьи въ христіанствѣ возвышается образованіе какъ домашнее, такъ и общественное, возвышается цивилизация, дается толчекъ прогрессу, начинаютъ процвѣтать науки, искусства и ремесла; между тѣмъ въ исламѣ противоположныя причины произвели и противоположныя дѣйствія: образованіе домашнее и общественное упало, цивилизациія погибла, весь Востокъ погрузился во мракъ невѣжества и идетъ быстрымъ шагомъ къ дикости. Возвышение семейной жизни и интеллектуального развитія, совершившіяся подъ вліяніемъ христіанскаго брака, оказали самое благотворное дѣйствіе и на государство, — доставили ему прочность и силу. Упадокъ же семьи и грубое невѣжество въ мусульманствѣ были причиной слабости мусульманскихъ государствъ, которые быстро слабѣютъ все болѣе и болѣе. Вотъ отличительныя черты христіанскаго и мусульманскаго брака и то вліяніе, которое произвелъ тотъ и другой бракъ на семейно-общественную жизнь человѣка.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

При изложении мухаммеданского законодательства о бракѣ памъ представлялось много постановлений о самыхъ мелкихъ частностяхъ мухаммеданского брака. Если бы всѣ эти постановления ввести въ самый текстъ нашего сочиненія, то наше сочиненіе безъ пужды затрудняло бы читателя-неспеціалиста. Частнія постановленія мухаммеданского законодательства о бракѣ, введенныя въ текстъ сочиненія, могли бы препятствовать цѣлостному представлению объ общемъ характерѣ и духѣ мухаммеданского законодательства о бракѣ, особенно въ сравненіи съ христіанскимъ законодательствомъ о томъ же предметѣ. Между тѣмъ большая часть этихъ частныхъ постановлений и подробностей не только не лишены научнаго интереса, но даже имѣютъ болыину важность для желающаго познакомиться съ юридическимъ характеромъ мухаммеданского законодательства о бракѣ. Эта важность увеличивается еще отъ того, что до сихъ поръ не было сдѣлано на русскій языкъ перевода мухаммеданского законодательства. Два сочиненія Барона И. Торнау¹⁾ суть *единственныя* пока книги, сообщающія русскимъ свѣдѣнія о мухаммеданскомъ брачномъ законодательствѣ; но эти книги построены по образцу европейскихъ юридическихъ сочиненій, чрезъ что они выигрываютъ въ понятности изложения предмета, но проигрываютъ въ точности передачи самого *духа* подлиннаго мухаммеданского законодательства. Въ виду всего этого мы считали себя обязанными сдѣлать къ своему сочиненію не сколько приложенийъ, въ которыхъ передаемъ подробныя свѣдѣнія о мухаммеданскомъ бракѣ.

Въ одномъ (*второмъ*) приложении мы представляемъ переводъ не сколько молитвъ, читаемыхъ мухаммеданами при

¹⁾ «Изложепіе началь мусульманскаго законовѣдѣнія» и «Мусульманское право». Выпускъ первый.

совершени брака, и илькоихъ образцевъ такъ называемой брачной „Хутбы“¹⁾). Представляемый въ этомъ приложениі перево́дъ мы сдѣлали съ изданной въ первый разъ въ Казани, въ 1872 году, книги на арабскомъ и татарскомъ языкахъ, извѣстной подъ названіемъ „Хутбыалык“, т. е. книги, содержащей въ себѣ *хутбы* на разные случаи мухаммеданской религіозной жизни.

Въ другомъ (*третьемъ*) приложениі мы представляемъ перево́дъ сокращенаго мухаммеданскаго законоположенія о бракѣ, молочномъ родствѣ и разводѣ. Перево́дъ этотъ произведенъ съ изданнаго въ Казани, въ 1845 году, покойнымъ А. К. Казембекомъ арабскаго подлинника сокращенаго мухаммеданскаго законовѣдѣнія, извѣстнаго подъ заглавіемъ: «*Мухтасару-ль-викая*». Мы избрали для своего перевода это именно сочиненіе потому, что оно очень распространено между мухаммеданами нашего отечества, какъ самыи употребительный учебникъ въ мухаммеданскихъ школахъ (*мадрасахъ*) Россіи. Но такъ какъ буквальный перево́дъ арабскаго подлинника на русскій языкъ представляется чрезвычайно неудопонятнымъ, особенно по необыкновенности сжатости выраженій; то мы, сдѣлавъ буквальный перево́дъ арабскаго текста подлинника, прибавили къ перево́ду объясненіе, заимствованное изъ второй части книги, изданной въ Казани, въ 1873 году, подъ заглавіемъ: „*Китаб мустатаб, Шаръ нункай Мухтасару-ль-викая*“, т. е. „*Прекрасная книга—избраннаго толкованіе на Мухтасару-ль-викая*“. Толкованіе это составлено, на основаніи подлинныхъ арабскихъ толкованій мухаммеданскаго сокращенаго законовѣдѣнія, на татарскомъ языке муллою Симбирской губерніи Абду-л-Гаифомъ, а издано Казанскимъ ишаномъ Бага-уд-диномъ. Ихъкоторые пеудобопонятные юридические термины мы объяснили въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Къ ихъкоторымъ мыстамъ подлинника мы сдѣлали также подстрочныя указанія на текстъ Корана, послужившій основаніемъ мухаммеданскаго законовѣдѣнія. Такимъ образомъ читатель можетъ ясно видѣть связь позднѣйшаго мухаммеданскаго законовѣдѣнія о бракѣ съ основнымъ вѣроучительнымъ кодексомъ мухаммеданъ—Кораномъ.

1) Объясненіе выраженія «*хутба*» см. ниже, въ приложениі второмъ.

Наконецъ мы считаемъ не лишнимъ передать въ приложении (*первомъ*) русскій переводъ одной главы изъ сочиненія Шпренгера—«О женахъ Мухаммеда». Приложить этотъ переводъ къ своему сочиненію мы считаемъ приличнымъ потому, что на мухаммеданскомъ законодательствѣ о бракѣ очень рельефно отразились нравственный характеръ Мухаммеда и личная его семьяная жизнь. Интересъ сообщаемыхъ въ этомъ приложении свѣдѣній увеличивается еще отъ того, что знаменитый повѣшій изслѣдователь „Жизни и ученія Мухаммеда“, А. Шпренгеръ составилъ переведенную нами главу о женахъ Мухаммеда па основаніи арабскихъ мухаммеданскихъ историковъ и передалъ содержаніе ихъ разсказовъ почти совершенно языкомъ арабскаго подлинника. Переводъ нѣмецкаго текста Шпренгера, какъ болѣе удобопонятный и интересный для читателей—исспеціалистовъ, мы помѣщаемъ въ началѣ своихъ приложений къ сочиненію; затѣмъ слѣдуетъ переводъ изъ книги „Хутъбальк“ и наконецъ переводъ изъ книги «Мултасару-и-вакая».

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Жены Мухаммеда.¹⁾

1) Первою женою Мухаммеда была *Хадиджа*, и онъ не женился на другой до тѣхъ поръ, пока она была жива. Мухаммѣдъ лишился Хадиджи въ 619 году, послѣ 24-лѣтнаго супружества съ нею. Она умерла 65-ти лѣтъ.²⁾ О личности Хадиджи и ея супружествѣ съ Мухаммѣдомъ въ 1 томѣ сочиненія Шпренгера на стр. 149—153 разсказывается такъ:

Въ Меккѣ жила одна почтенная, зажиточная вдова, по имени *Хадиджа*, которая по смерти своего мужа продолжала его торговыя дѣла. Мухаммѣдъ на двадцать четвертому году своей жизни напался къ ней въ услуженіе и, по ся порученію, совершилъ одно или пѣсколько торговыхъ путешествій. Такъ онъ по ся воль посѣщалъ ярмарку въ Сукѣ-Хобашѣ, который лежитъ на Красномъ морѣ, къ юго-западу отъ Мекки, и гдѣ покупались у абиссинцевъ рабы и другіе товары. Онъ посѣщалъ также Джарашъ, большой рынокъ для кожи, къ югу отъ Мекки, а можетъ быть йздили и въ Босру, главный городъ плодопоснаго Хаврана, который былъ одною изъ главныхъ житницъ для арабовъ, откуда еще его праідѣдъ вывозилъ хлѣбъ въ Мекку. Въ плодоносные годы священный городъ Емена заасался хлѣбомъ именно здѣсь, гдѣ росла лучшая пшеница въ мірѣ и гдѣ были прекраснѣйшія женщины. Въ послѣдствіи, когда Мекка, благодаря исламу, сдѣлалась

¹⁾ Das Leben und die Lehre des Mohammed, von A. Sprenger. Berlin. 1865 B. 3, S. 61—87. «Die Frauen des Propheten». Въ распорѣженіи жены Мухаммѣда Шпренгеръ слѣдуетъ тому порядку, въ какомъ онъ приведены у Ибн-Саада; только Зайнабу-бнит-Хузаймѣ Шпренгеръ помѣстилъ подъ № 4, въѣсто № 8.

²⁾ Да же слѣдуетъ перевѣдь изъ перваго тома Шпренгера тѣхъ страницъ, на которыхъ описывается личность Хадиджи.

самымъ могущественнымъ мѣстомъ въ Азіи, сѣйстные припасы стали привозиться изъ Египта. Но во время Мухаммеда по большей части было самымъ выгоднымъ, не смотря на дальность разстоянія, вывозить зерновой хлѣбъ изъ Босры, гдѣ, вполне вѣроятно, цѣны постоянно стояли самыя низкія и гдѣ удобно можно было купить кожи, ладанъ и другіе предметы, которые привозились арабами.

Мухаммѣдъ не находился въ постоянномъ услугеніи у Хадиджи, но напимался только для путешествій, и за свое путешествіе въ Босру получалъ молодаго верблюда, что на наши деньги стоить около 200 франковъ (50 р. сер.). Притомъ очень вѣроятно, что по крайней мѣрѣ въ первомъ путешествіи управляющимъ дѣлами былъ не онъ, а Хузайма, родственникъ вдовы; Мухаммѣдъ же исполнялъ только обязанность по-гоинщика верблюдовъ.

Хадидка была не очень молода; она достигла уже стеченнаго возраста въ 38 или 39 лѣтъ,¹⁾ почувствовала, что она еще не совсѣмъ состарилась для чувственныхъ пожеланій. Чего не доставало ей въ юной прелести, то пополняло ея богатство. Мухаммѣдъ былъ интересный молодой человѣкъ 24 или 25 лѣтъ, но такъ бѣденъ, что не могъ и думать о женитьбѣ, хотя по арабскимъ понятіямъ уже довольно прожилъ. По разсказамъ арабскихъ писателей, Богъ долженъ былъ для него совершить чудо, чтобы воспаменить сердце вдовы. Будь она европейская женщина, было бы напротивъ чудомъ то, если бы она не вела съ нимъ любовныхъ интригъ уже въ то время, когда лишь только панила его. Можетъ быть и здѣсь былъ подобный случай; но одно препятствіе было на пути.

Отецъ Хадиджи былъ противъ брака ея съ Мухаммѣдомъ. Однако хитрая вдова съумѣла преодолѣть это препятствіе: она напоила старика до-пьяна, получила его согласіе, заранѣе все приготовила для сватъбы и, прежде нежели онъ протрезвился, она уже была женою Мухаммѣда.

Ховайлидъ, такъ назывался отецъ невѣсты, былъ раздраженъ такимъ коварствомъ дочери и сдѣлалъ ей сильный упрекъ. Члены его фамиліи, Азадиты, взялись даже быдо за оружіе,

¹⁾ Она была пятнадцатью годами старше Мухаммѣда. Біографы Мухаммѣда единогласно свидѣтельствуютъ, что ей было сорокъ лѣтъ. Я перевожу зуинные годы на солнечные.

чтобы отомстить за позоръ. Родственники Мухаммеда поспѣшили къ нему на помощь, и споръ былъ конченъ дружелюбно: Мухаммедь остался владѣтелемъ своей Хадиджи.

Со стороны Хадиджи это былъ бракъ по любви иуваженію, которая она вѣрно сохранила до конца своей жизни. Мухаммедь отвѣчалъ ея иаклонности къ нему и долго послѣ смерти имѣлъ обыкновеніе разъказывать о добродѣтеляхъ Хадиджи, иногда даже закалалъ овцу и мисо раздавалъ бѣднымъ въ ея память. Айша, на которой Мухаммедь женился, только спустя три года по смерти Хадиджи, говорила, что она ни къ одной изъ его женъ не была такъ ревнива, какъ къ Хадиджѣ, потому что она по обыкновенію постоянно выставляла старую, беззубую женщину въ образецъ своимъ женамъ.¹⁾ Нѣть никакого сомнѣнія, что по душевнымъ способностямъ и по образованію Хадиджа далеко превосходила своихъ землячекъ. По свидѣтельству Балими, она умѣла даже читать и со своимъ двоюроднымъ братомъ Варакой читала пѣчи изъ Евангелія. Хотя едва ли можно сомнѣваться, чтобы она впродолженіи всей жизни могла вести свои обороты, не умѣя читать; появляется сомнѣніе, чтобы Евангеліе въ то время было извѣстно въ Меккѣ. Впродолженіи всей ея жизни, Мухаммедь не имѣлъ другой жены, кромѣ ея. Это стѣндеуетъ приписать не склонности его къ ней, но его зависимости отъ нея. И послѣ своего замужества она съ умысломъ свое собственное имущество удержала подъ своей властью и доставляла ему лишь столько, сколько ему было нужно, или сколько ей желалось.

О прежнихъ бракахъ Хадиджи мы знаемъ только то, что она была дважды за-мужемъ. Отъ первого мужа она имѣла двухъ дѣтей, а отъ втораго — одного. Относительно периода ея вдовства источники молчатъ, и мы не знаемъ, что сдѣлалось съ ея дѣтьми. Однако вполнѣ достовѣрно, что они не признавали Мухаммеда за пророка. Только по смерти Мухаммеда, послѣ того, какъ исламъ выступилъ побѣдителемъ, являются на сцену потомки ея дѣтей отъ двухъ первыхъ браковъ.

Послѣ брака Мухаммедь жилъ въ домѣ своей жены, который находился въ лучшей части города, немного повыше храма (къ сѣверу), но имѣлъ нѣсколько плохихъ сосѣдей.

¹⁾ Бухари, стр. 538—539.

Мухаммедъ продолжалъ также торговыя операциі (Коранъ, гл. 25, ст. 6) и находился въ очень хорошихъ обстоятельствахъ (Коранъ, гл. 93, ст. 6; гл. 108, ст. 1) почти до 617 года по Р. Х. Впрочемъ нельзя допустить, чтобы онъ былъ очень богатъ.....

Бракъ съ Хадиджей наградилъ Мухаммеда шестью дѣтьми—двумя мальчиками и четырьмя дѣвочками. Мальчики, изъ которыхъ старшаго звали Аль-Касимъ, а младшаго—Абдъ-Манафъ (т. е. рабъ идола Манафа),—умерли въ дѣтствѣ. Согласно еще доселѣ существовавшему обычая арабовъ, Мухаммедь по своему первородному сыну былъ названъ *Абу-ль-Касимомъ*, т. е. отцемъ Касима. Дѣвочки, по достиженіи совершеннолѣтія, были выданы за-мужъ; старшая вышла за-мужъ за одного язычника даже раньше, чѣмъ отецъ ея выступилъ въ качествѣ пророка. Потомство осталось только отъ самой младшей, Фатимы,—и мусульманскій Востокъ нынѣ стонетъ отъ фатимитовъ, занимающихъ важныя и неважныя мѣста.¹⁾

2) *Савда*. Первымъ мужемъ ея былъ Сакранъ. По смерти Хадиджи пришла къ Мухаммedu веселая супруга Османа-бен-Матбуна, предложила ему свои услуги въ качествѣ свахи и сказала, что, по ея мнѣнію, Савда будетъ приличною для него женою. Мухаммедъ тотчасъ согласился и женился на Савдѣ, хотя не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ послѣ погребенія Хадиджи (по Ибн-Сааду—въ мѣсяцѣ Рамазанъ, который соотвѣтствовалъ въ 619 г. Апрѣлю). Въ началѣ 628 года Савда, кажется, пользовалась еще благосклонностю Мухаммеда, потому что онъ назначилъ ей, какъ Лайшъ и прочимъ женамъ своимъ, 80 ваксовъ финиковъ, ячменя или пшеницы изъ добычи послѣ Хайбарскаго похода.²⁾ Впослѣдствіи (по Баладзори—въ осьмомъ году гиджры, т. е. въ 629 г. по Р. Хр.) Мухаммедъ хотѣлъ удалить отъ себя Савду по причинѣ ея преклонныхъ лѣтъ, какъ говорятъ бiографы его. Но истинною причиною этого было, кажется, то, что Савда имѣла любовника. Благодаря тому, что она имѣла своимъ другомъ одного свиуха и отказалась въ пользу Айши отъ своего права на супружеское ложе, Савдѣ удалось помириться

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ перевѣдь изъ третьаго тома Ширенгера, изъ главы «Жены Мухаммеда».

²⁾ Такой подарокъ называется тайма. Вакиди оставилъ объ этомъ монографію «Китабъ-ль тайма».

съ Мухаммедомъ. Богъ одобрилъ это примиреніе, какъ сказано въ Коранѣ.¹⁾ Мухаммедъ обѣщалъ оставить Савду при себѣ и въ день воскресенія; согласно ея желанію, она будетъ воскрешена въ числѣ его супругъ. Савда умерла въ Мединѣ около 643 года. Если справедливо мнѣніе Ибн-Саада, что Савда умерла въ 674 году, то она достигла глубокой старости.

3) *Айша*, дочь Абу-Бекра. Ей было шесть лѣтъ, когда пятидесятимѣтній Мухаммедъ влюбился въ нее; девятымъ лѣтъ она вступила уже въ бракъ съ Мухаммедомъ. «И сидѣла съ другими дѣвочками на качели, рассказывала Айша, когда позвала меня мать; я пошла къ ней, но не знала, зачѣмъ она звала меня. Она взяла меня за руку и подвела къ дверямъ. Предчувствіе произвело трепетъ въ моемъ сердцѣ, но я скоро успокоилась. Я вымыла себѣ лицо и голову; потомъ мать ввела меня въ домъ, где было много женщинъ. Они встрѣтили меня поздравленіями и благожеланіями и нарядили меня. Когда они приготовились, то отдали меня пророку». Айша была единственная супруга Мухаммеда, которая вышла за него замужъ дѣвицей.

Цивилизaciя и образованiе развивають нѣкоторыя прекрасныя свойства; но паивное, шаловливое существо, исполненное лукавой игривости, естественного остроумiя и дѣтской откровенности, какова была Айша, выше цѣнится на Востокѣ. Она принесла въ домъ своего супруга игрушки и забавлялась здѣсь куклами. Мухаммедъ, который нѣсколько преждевременно вступилъ во второе дѣтство, забавляясь ее анекдотами и игралъ съ нею въ запуски. Онъ былъ такъ страстно влюбленъ въ нее, что даже въ мечети во время богослуженiя пряталъ голову подъ ея покрывало, ласкалъ ее, игралъ ея волосами (Таляби, Толкованiе на гл. 2, ст. 183) и возвѣщалъ вѣрующимъ, что и въ раю она будетъ его женой.

Дома она носила только штаны (*накѣ*), или обвязывала среднюю часть тѣла передникомъ (*изарѣ*). Въ рѣдкихъ случаяхъ она набрасывала на плечи кусокъ коленкора вмѣсто шали. Если она выходила изъ дома, то надѣвала сорочку (*диріз*), обвязывала шею, подбородокъ и нижнюю часть лица

¹⁾ Гл. 4, ст. 127, гдѣ сказано: «Если женщина боится насилия со стороны своего супруга или его отвращенія къ себѣ, то хорошо помириться, потому что миръ есть великое благо».

сукномъ (*химаръ*), которое прикрывало также и часть груди. Голова, лобъ и затылокъ были покрыты другимъ сукномъ (*джилибабъ*), которое спускалось по плечамъ до груди. Меньше этихъ трехъ одеждъ (*диръ*, *химаръ* и *джилибабъ*), говорила она, никакая женщина не должна имѣть на себѣ, ибо ѿщущая мечеть. Даже этого платья было не достаточно и по этой причинѣ биографы обращаютъ внимание на то, что Маймунѣ однажды явилась на молитву въ одной длинной сорочкѣ и химарѣ безъ изара. Айша обвертывала себѣ большими изаромъ¹⁾ не сколько разъ, который покрывалъ голову и все лицо. Она не связывала его посрединѣ тѣла, какъ это было въ обычай въ древнія времена, но обивала его кругомъ головы, какъ *тилиябъ*, и, кажется, придерживала его спереди руками. Она имѣла также мантію изъ флоретового шелка,²⁾ но она надѣла ее на своего племянника и подарила ему.

Нальцы на рукахъ и на ногахъ она украшала золотыми кольцами.³⁾ Волосы она такъ обильно натирала благовонною мазью, что та иногда текла по лбу. Ея весьма красивая одежда состояла изъ *сера*—матеріи изъ шелка и хлопчатой бумаги; по мнѣнію другихъ *сера* означаетъ грубый атласъ. Она любила, какъ и всѣ обитательницы Востока, желтый цветъ. Часто она одѣвалась совершенно почти въ желтый цветъ; иногда шейная повязка (*химаръ*) и сорочка были розовыя, а штаны желтые. Впрочемъ самый обыкновеній цветъ мужскаго и женскаго платья, кажется, былъ бѣлый, какъ въ Индіи въ настоящее время. Если посили желтаго платья, то, по причинѣ непрочности этого цвета, ихъ послѣ

¹⁾ *Изаръ* первоначально означалъ всякую одежду, которой покрывали срамныя части (кулля ма сатаракъ), специально назывался такъ передникъ, поѣмнѣй на средину тѣла, который посили не только мужчины, но и женщины. Но такъ какъ заповѣдью Мухаммѣда о покрываахъ всякая часть женскаго тѣла уподобляется срамнымъ частямъ, то название это перенесли на льняную ткань, изъ которую облекаются женщины (если только это случилось не раньше вслѣдствія подобного же разсужденія). Въ одномъ преданіи упоминается еще о *мальхавѣ* въ гардеробѣ Айши. Это большой кусокъ колеснора въ видѣ мантіи, которымъ покрывалось все тѣло.

²⁾ Въ одномъ преданіи стоять «митравъ хаззинъ», а въ другомъ—«киса хаззинъ». Хаззъ означаетъ шелкъ, который посѣть того, какъ длинныя птицы будутъ вышрѣдены изъ яблока, придется какъ шерсть—исретсномъ.

³⁾ Хотя хатымъ'омъ собственно называется кольцо съ печатью, однако называются иногда и кольца, которыя восточныя женщины носятъ на пальцахъ ногъ. Ср. Ибнъ-Саадъ 12 т. 76 л. на об.

каждаго мытья опускали въ пастой шафрана, или только кропили имъ. Это случалось именно на свадьбахъ и другихъ празднествахъ. Однажды Мухаммедъ предложилъ Аишѣ въ подарокъ свою шубу; она съ жадностью схватила её.

Въ четвертый годъ гиджры (Инваря 626 г.) съ ней случилось одно маленькое любовное приключение, которое ей причинило много непріятностей. Вотъ ея разсказъ объ этомъ. Онъ былъ измѣненъ почитателями ея въ ея пользу, по Зогрѣемъ былъ исправленъ. И слѣдую тексту Бухари—594 стр.

„Когда пророкъ отправлялся въ путешествіе, онъ бросалъ между своими женами жребій и бралъ съ собой ту, которой выпалъ жребій. Такъ поступилъ онъ и предъ походомъ противъ Морайзигъ; жребій выпалъ на меня. Въ это время было уже открыто новелѣніе, чтобы женщины носили покрывало. Потому я, закрывшись покрываломъ, сѣла на посылки, въ которыхъ меня подняли на верблюда, крѣпко привязали ихъ къ животному и затѣмъ отправились въ походъ.

„По совершенніи похода, возвращаясь, мы расположились лагеремъ недалеко отъ Медины. По наступленіи ночи, пророкъ далъ приказъ отправляться въ путь. Услышавъ приказаніе, я встала, вышла изъ лагеря и, по совершенніи естественныхъ потребностей, возвратилась къ своему верблюду. Но тутъ я схватилась за шею и не нашла своего ожерелья изъ тзафарійскихъ раковинъ. Я пошла обратно поискать его и, стараясь найти, долго промедлила тамъ. Между тѣмъ люди, на которыхъ лежала обязанность поднимать меня на посылкахъ на верблюда, подняли посылки и привязали ихъ, думая, что я тамъ сижу; побѣздѣ тронулся. Ошибку ихъ легко понять,—женщины были въ то время легки и худы¹⁾ по причинѣ худой пищи, а я кромѣ этого была еще очень молода. Они не могли догадаться по тяжести посылокъ, что опѣ очень легки. Нашедши ожерелье, я поспѣшила къ лагерю, но не нашла никого и никто не откликался на мой голосъ. Я думала, что они, не найдя меня на посылкахъ, возвратятся и посадятъ меня на мое прежнее мѣсто. Мои глаза отяготѣли,—я заснула. Солаймитъ Сафванъ-бенъ-Моатталь не былъ въ это

1) У Соѣти, Роджугутъ альшахъ или ольшабаба, она говоритъ: такъ какъ я была любима пророкомъ, то онъ просялъ мою матеръ сѣдѣть меня голостою (Арабы любятъ толстыхъ женщинъ); матеръ нашла, что миѣ ничего не можетъ помочь лучше огурцовъ и свѣжихъ фруктовъ....., питаясь ими, я потолстѣла.

время въ лагерь, а оставался позади и утромъ проходилъ мимо. Онь замѣтилъ меня, подошелъ ко мнѣ и узналъ меня, такъ какъ онъ увидѣлъ меня прежде, нежели я успѣла надѣть покрывало. Онь разбудилъ меня воскликаніемъ: „мы принадлежимъ Богу и къ Нему возвратимся“. Я мгновенно опустила на лицо свою головную повязку и, клянусь Аллахомъ, онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, исключая упомянутаго воскликанія. Онь сонетъ съ верблюда, заставилъ его встать на колѣни; я сѣла на верблюда, и онъ повелъ его. Мы поехали за войскомъ и догнали его около полудня, когда оно уже памѣревалось остановиться лагеремъ. О моемъ отсутствіи еще не догадались. Только когда увидѣли, что я бѣду съ какимъ-то мужчиной, поднялась суматоха. Когда войско находилось въ пути, я нисколько не предчувствовала тѣхъ съній, которыя составлялись относительно меня. По приѣтіи въ Медину, я сдѣлалась тяжко больна и пролежала въ постели почти цѣлый мѣсяцъ. Худые слухи дошли до ушей пророка и моихъ родителей; но они мнѣ ничего не говорили, а мнѣ самой и въ голову не приходило, чтобы пророкъ былъ по отношенію ко мнѣ менѣе избѣженъ теперь, когда я была больна. Онь иногда посѣщалъ меня, цѣловалъ, но ничего не говорилъ кромѣ того: „какъ поживаешь“ и затѣмъ удалялся.

„Около двадцати дней спустя, я выздоровѣла и дѣлала съ Уммѣ-Мистаагъ почную прогулку къ Манаасигъ. На возвратномъ пути она рассказала мнѣ обѣ этой исторіи и проклинала своего собственнаго сына за то, что онъ вѣрилъ этому. Я попросила у пророка позволеніе сходить къ родителямъ и отъ своей матери узнала тоже, что о произшествіи всеѣ говорять. Я плакала цѣлую ночь. Пророкъ призвалъ къ себѣ Алія и Озаму - бенъ - Саида и совѣтовался съ ними о томъ, должно ли ему разводиться со мной, такъ какъ онъ не получалъ откровенія отъ Бога. Алій ему посовѣтовалъ развестись, но Озама выказалъ свое убѣженіе, что я невинна. На слѣдующій день пророкъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ меня: „виновна я, или невинна?“ Я просила родителей, чтобы они отвѣчали за меня, по они не знали, что сказать. Я сказала: „вы слишкомъ много наслушались этой дурной молвы, такъ что привыкли считать ее истиной. Если я скажу, что я невинна, то вы не повѣрите мнѣ; если же я признаюсь въ томъ, въ чёмъ я, клянусь Богомъ, не виновна, то вы повѣрите

этому. Я не нахожу сказать ничего, какъ только повторить слова (Иакова) отца Иосифа: „териъпие прекрасно“. Затѣмъ я пошла спать. Я думала, что пророкъ, можетъ быть, получить видѣніе, оправдывающее меня, но я не ожидала, чтобы Богъ ниспослалъ откровеніе изъ-за такого ничтожнаго существа, какъ я. (Однако, прежде нежели пророкъ и другие оставили комнату, съ нимъ случился пароксизмъ, какъ-бы въ лихорадкѣ, и продолжался до тѣхъ поръ, пока выступили у него капли пота, какъ перлы. Это происходило зимой, и потому было дѣйствіемъ тяжести откровенія, которое онъ получилъ.¹⁾ Когда припадокъ прошелъ, онъ улыбнулся и первыя слова его были: „Айша! Богъ призналъ тебя невинною!“ Моя мать сказала: „обойми его“. Но я отвѣтила: „нѣтъ, я не обниму его, но буду славить Бога“. Откровеніе, которое онъ получилъ при этомъ случаѣ, находится въ Коранѣ (гл. 24, ст. 11—21).

Въ подлинникѣ, который я сократилъ здѣсь, употреблено много стараний, чтобы мотивировать молчаніе болѣзненнаго супруга и пристыженныхъ родителей Айши. Въ самомъ дѣлѣ это былъ самый позорный періодъ въ цѣлой исторіи, какъ это ясно вытекаетъ изъ корана (гл. 24, ст. 15). Мать ся можетъ быть говорила ей: „послушай дочь, твои враги распространяютъ худые слухи; расскажи мнѣ весь ходъ дѣла, чтобы я могла оправдать тебя“. А если Мухаммедъ уже въ началь готовъ былъ вѣрить ей на слово, то онъ имѣлъ льстивую надежду открыто доказать ся невинность и въ продолженіи ся болѣзни могъ обнародовать обѣ пей. Я не могу подавить ся сомнѣнія въ томъ, что Айша не была больна, по удалена своимъ мужемъ по совѣту Алія. Этимъ объясняется

1) Проф. Вейль въ «Sybel's Zeitschrift für Geschichte» 1862 г.—изъ перевода этого мѣста, сдѣланнаго Ибнъ-Іешакомъ,—пытался доказать, что припадки Мухаммеда были по каталептическаго свойства, а эпилептическаго. Если бы мы могли съ увѣренностью сказать, что такъ говорила объ этомъ предметѣ Айша, или по крайней мѣрѣ редакторъ этого разсказа, то могли бы сдѣлать подобный выводъ изъ этого мѣста. Но предаія очень отличны отъ письменныхъ документовъ и имѣютъ слѣдуетъ пользоваться сонернеппо иначе: мы должны сравнить всѣ переводы, если хотимъ знать не одно только общее содержаніе. Эти предаія, которыхъ я знаю четыре (кромѣ предаія Ибнъ-Іешака, Вакиди, Бухари и Мусліма), различаются въ данимъ мѣстѣ такъ сильно, что единственное заключеніе, которое можно изъ нихъ сдѣлать, есть то, что редакторы предаія думали, что Мухаммедъ получалъ откровенія въ припадкахъ какого-нибудь рода и этимъ обстоятельствомъ онъ воспользовался, чтобы придать болѣе жизни своему разсказу. Болѣе или менѣе точное описание припадковъ есть дѣло лица, которое передавало о нихъ.

та ненависть, которую она питала до конца жизни къ Алію и его семейству и которая причинила много несчастий мухаммеданамъ, какъ гнѣвъ жены Брунгильды на Зигфрида—Нибелунгамъ.

Мухаммедъ могъ оставить еѣ въ подозрѣніи, или она должна быть побита камнями, хотя бы и безъ причины, если бы вина ея была доказана. Хотя Мухаммедъ безъ милосердія исполнилъ смертный приговоръ на двѣхъ іudeяхъ, нарушившихъ супружескую вѣрность, а также на Маицѣ и еще на одной хамидитянкѣ;¹⁾ но теперь онъ изъ вниманія къ Айшѣ и къ ея родителямъ измѣнилъ этотъ законъ, именно постановилъ, что соблазнитель и соблазненная должны быть наказаны сотнею ударовъ плетью, и послѣ позорнаго наказанія могутъ вступить въ бракъ только съ невѣрующими и паршивими брачную вѣрность (Корана гл. 24, ст. 2). Такимъ образомъ Айша, по совершеніи наказанія, могла быть женой Сафвата. Достойно вниманія то, что Мухаммедъ для спасенія чести своей возлюбленной удостовѣрялъ, что Сафванъ видѣлся съ Айшою въ его домѣ исключительно только въ его присутствіи. Итакъ кажется, совѣщанія и разговоры существовали на самомъ дѣлѣ. Въ продолженіи трехъ недѣль гнѣвъ Мухаммеда могъ пройти, и онъ могъ убѣдиться, что не можетъ жить безъ своей юной подруги, къ которой онъ чувствовалъ скорѣе синхронительную любовь отца, чѣмъ ревность мужа. Поэтому онъ получилъ откровеніе, что обвиняющій пѣломудренную жену въ преступленіи долженъ представить четырехъ свидѣтелей, которые должны видѣть собственными глазами самый актъ преступленія, какъ опредѣляетъ законъ. Если обвиненіе не будетъ доказано, то обвинитель долженъ подвергнуться восмидесяти ударамъ плетью. Мистахъ и Хамна, дочери Гапи, двѣ изъ главныхъ обвинительницъ, добровольно

¹⁾ Двое послѣдніе сами признались въ своемъ преступленіи и Мухаммедъ охотно желалъ, чтобы они уѣхали. Но они желали получить «очищеніе». Маніцѣ потеряла присутствіе духа, когда камни были брошены въ него и хотѣть было бѣжать. Одніи мусульманки сбили его съ ногъ костью верблюда,—и побіеніе камнями было совершено. Хамидитянкѣ были предоставлены срокъ родить и вскоромъ плодъ своей любви. Исполнивши свой долгъ относительно дитяти, она дала ему кусокъ хлѣба въ руку, показывая этимъ, что оно можетъ быть и прислана его къ Мухаммеду. Онъ отдалъ дитя одному мухаммеданину, а ее приказалъ зарыть въ землю по грудь. Потомъ Халидъ ударила ее камнемъ въ голову. Это было сигналомъ къ побіенію ея камнями. Минкатъ 308 стр.

подчинились этому наказанию, такъ какъ онъ были истинныя мухаммеданки.¹⁾

Однако худые слухи отъ этого не замолкли. „Личемпры“ (мунафикъ) еще хуже начали отзываться объ Айнѣ. Между ся порицателями самыи дѣятельныи были Ибнъ - Обайя. Поэтому Мухаммедъ искалъ случая какъ-нибудь лишить его жизни, чтобы устрашить этимъ остальныхъ, которые не хотѣли признавать новаго догмата о невинности Айни. Для этой цѣли онъ обратился къ Сааду - бену - Обаду, который между истинными мухаммеданами имѣлъ огромное влияніе на Хазраджитовъ; онъ взялъ его за руку и привелъ вмѣстѣ съ другими важными лицами въ домъ правовѣрнаго вождя Аситовъ Саадъ - бенъ - Моадза. Этотъ угощалъ ихъ, а Мухаммедъ старался убѣдить ихъ въ невинности своей жены и утвердить хорошія отношенія между ними. Спустя нѣсколько дней онъ привелъ послѣдняго въ домъ первого съ тѣмъ же намѣреніемъ. Послѣ этихъ приготовленій, онъ на слѣдующее утро взошоль на каѳедру и воскликнулъ: „кто будетъ защищати менѣ отъ дурныхъ послѣдствій, если я отомщу тому, кто издѣлъвается надо мною?“ „Я, отвѣтилъ Саадъ - бенъ - Моадзъ, если онъ Аситъ, я отрублю ему голову; но если онъ принадлежитъ къ нашимъ братьямъ Хазраджитамъ, то мы предпримемъ противъ него, что ты намъ прикажешь.“ Ясно было, что Мухаммедъ имѣлъ въ виду вліятельнаго Абдъ-Аллаха-бенъ-Обайя. Поэтому глава Хазраджитовъ отвѣчалъ: „это для тебѣ не составляетъ важности, Саадъ; но если это -- Аситъ, то мы не въ состояніи и не пожелаемъ убить его“. Въ мечети споръ между двумя колѣнами дошелъ до жестокихъ стычекъ, въ продолженіи которыхъ Мухаммедъ молчалъ. Убийственный планъ милосердаго теократа не исполнился. Хазраджитыне во главѣ съ Саадъ-бенъ-Обадомъ, теперь еще болѣе возвысившимся, такъ энергично выступили, что никто не отважился убить Ибнъ-Обайю.

Въ этомъ дѣлѣ участвовала другая также для настъ важная личность, имѣю поэтъ Хассанъ. Хотя таланты этого человѣка, судя по его поэтическимъ произведеніямъ, были очень ограничены, однако онъ превосходилъ всѣхъ медии-

1) Ибнъ-Исаакъ говоритъ, что и поэтъ Хассанъ былъ наказанъ плетью, но другіе сомнѣваются въ этомъ.

скихъ поэтовъ. Онъ былъ человѣкъ безхарacterный и трусь; вмѣсто того, чтобы выступать на войну, онъ постоянно оставался дома съ женами, даже въ такое время, когда отечество его было осаждено врагами. Но онъ имѣлъ злой языкъ, такъ что, по словамъ арабскихъ историковъ, не было ни одного поэта язвительнѣе его въ своихъ произведеніяхъ. Внѣшность его была фантастическая: волосы всегда спускались напередь и висѣли между глазами. Онъ носилъ черныя бакенбарды, по усы окрашивалъ въ красный цвѣтъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ такъ безобразить себя, онъ отвѣчалъ: чтобы походить на льва съ окровавленной мордой.

Если дѣйствительно онъ былъ наказанъ плетьми, то вѣроятно жѣль его была возбуждена, а неудача пророка въ убѣйственномъ замыслѣ противъ Ибнъ-Обайи дала ему смѣлость нападать въ своихъ стихахъ на тѣхъ колѣна, къ которымъ принадлежать Мухаммѣдъ. Сатира его была представлена Мухаммѣду и тотъ спросилъ: „кто желаетъ въ угоду мнѣ лишить жизни Хассана?“ Обиженный Хафванъ предложилъ свои услуги для этого кроваваго дѣла и попалъ съ этой цѣлью въ городъ Форайгъ, гдѣ находился Хассанъ. Тотъ обратился въ бѣгство, когда Хафванъ приблизился къ нему съ обнаженнымъ мечемъ. Всеже Хассанъ получилъ рану въ икру. Семейства Бену-Харитѣ и Бену-Хазрахъ, къ которымъ принадлежалъ поэтъ, схватили виновника и держали его нѣсколько времени въ изѣну. Саадъ-бенъ-Обайдъ и его родственники имѣвались въ это дѣло и, благодаря краснорѣчію или силѣ, имъ удалось припудрить Бену-Харитѣ отпустить Сафвана. Саадъ одѣлъ его и привелъ къ пророку. Пророкъ, увидѣвъ его, воскликнулъ: „Богъ одѣнется того, кто одѣлъ тебя“.¹⁾ Хассанъ пожелалъ перейти на сторону пророка. Родственники приводили его два раза къ Мухаммѣду, но онъ не былъ допущенъ. Онъ написалъ нѣсколько льстивыхъ стихотвореній, въ которыхъ обѣщался писать сатиры на Корейшитовъ до

1) Въ Вакиди, мац. Бр. муз. 20737, листъ 105, есть другая редакція этой исторіи. Хафванъ, ради поэта безъ вѣдома Мухаммѣда, былъ схваченъ, связанъ и привезенъ къ нему. Пророкъ приказалъ посадить его въ тюрьму и казнить въ случаѣ, если Хассанъ умретъ. Хассанъ и его родственники были усмигриены Саадомъ. Хафванъ получилъ свободу и почетное платье. Хотя Мухаммѣдъ былъ радъ этому въ высшей степени, однако не оставилъ безъ наказанія и поэта.

тѣхъ поръ, пока они оставятъ Лать и Уззу и увѣрутъ въ Мухаммеда. Онъ пришелъ въ третій разъ къ Мухаммеду и сказалъ: (стихи)

„Я писалъ сатиры противъ Мухаммеда, но я также и защищалъ его отъ нападокъ. Богъ наградилъ меня за это. Мой отецъ, мои предки и моя честь должны служить щитомъ чести Мухаммеда противъ его враговъ“.

Теперь его приняли и удовлетворили,—онъ получилъ въ видѣ награды за рану помѣстье Мухаммеда, которое впослѣдствіи купилъ у него Моавія за огромную сумму для того, чтобы построить на этомъ мѣстѣ *кафѣ-аль-даратинъ* (замокъ съ двумя дворами: одинъ для мужчины, а другой для женщинъ). Хассанъ, который и раньше этого случая писалъ похвальныя стихотворенія въ честь Мухаммеда, составилъ себѣ карьеру, сдѣлался „поэтомъ Бога и пророка“, восхвалять высокопоставленныхъ лицъ и насыпался надѣй врагами ислама. Онъ получалъ за это дорогія подарки. Когда правитель Египта послалъ пророку двѣ konkubины - коптички, тотъ оставилъ одну для себя, а другую по имени Сирену отдалъ поэту. И въ честь Айши Хассанъ составилъ панегирикъ. Онъ достигъ своей цѣли,—Айша простила ему и впослѣдствіи отзывалась о немъ не иначе, какъ только съ хорошей стороны. Я сообщу еще нѣсколько анекдотовъ о Хассанѣ изъ *китабу-ль-агани* 1 т. 201 л. и слѣд.

Три корейшита, Абдъ-Аллахъ бенъ-Зибари, Абу-Софіантъ бенъ-аль-Харітъ бенъ-Абдъ-аль-Мотталибъ и Амръ бенъ-аль-Асъ, дали слово писать сатиры на Мухаммеда. Кто-то обратился къ Алію бенъ-Абу-Талибу со слѣдующей просьбой: составь сатири противъ народа, который наасъ презираетъ. Алій отвѣтилъ: я охотно составлю ей, если пророкъ дастъ мнѣ на это позволеніе. Но когда онъ просилъ у пророка позволенія, тотъ отвѣчалъ: Алій не для этого предназначенъ. Потомъ онъ обратился къ ансарамъ и спросилъ: почему вы, помогавши памъ своимъ оружіемъ, не поможете своимъ языккомъ? Хассанъ вышелъ впередъ и вызвался взять на себя эту задачу. Пророкъ коснулся кончика его языка и сказалъ: „клянусь Богомъ, ни одинъ языкъ отъ Босры до Самы не доставитъ мнѣ радостей больше твоего. Но какъ ты можешь возводить презрѣніе къ Корейшитамъ, когда я одинъ изъ нихъ?“ Хассанъ отвѣчалъ: я тебя исключу изъ числа ихъ,

какъ волосъ вынимаютъ изъ тѣста. Три ансара составили сатиры на Корейшитовъ: Хассанъ, Кабъ бенъ - Маликъ и Абдъ - Аллахъ бенъ - Равага. Два первые написали на нихъ сатиры съ той же стороны, съ какой тѣ нападали на ансаровъ: они говорили о ихъ битвахъ и пораженіяхъ и насмѣхались надъ ними. Но Абдъ-Аллахъ бенъ-Равага представлялъ ихъ невѣріе. Пока они оставались язычниками, ихъ сильнѣе язвили нападки Хассана и Каба, когда же они обратились въ исламъ, то нападки Абдъ-Аллаха. Пророкъ такъ сильно удивлялся поэтическимъ дарованиемъ Хассана, что объявилъ его исполненнымъ Святаго Духа. Для того, чтобы дать ему возможность сдѣлать вѣрнѣе нападки на личностей, онъ приказалъ Абу-Бекру познакомить Хассана съ фамильными отношениями Мекканцевъ и даже употребить умѣренную цензуру. Когда до слуха Корейшитовъ дошла одна язвительная сатира, они сказали: Абу - Бекръ снова пустилъ въ ходъ свою руку. Однажды Мухаммель, совершая путешествіе, просилъ поэта сопровождать его и произносить предъ нимъ свои поэтическія произведенія. Пророкъ слушалъ его цѣлую ночь съ величайшимъ удовольствіемъ и, когда Хассанъ окончилъ свое чтеніе, сказалъ: опъ, т. е. сатиры, острѣе стрѣлъ для нашихъ враговъ. За его жестокія нападки и за то, что онъ не всегда одинаково мыслилъ съ пророкомъ, вѣрные по смерти его защитника прозвали его „проклятымъ“. Мухаммадане прежде были не столь расточительны на подобныя выраженія, какъ мы.

Когда Мекка была завоевана и жители ея обратились въ исламъ, направленный противъ нихъ сатиры производили свое дѣйствіе. Поэтому Халифъ Умаръ запретилъ произносить ихъ, потому что, говорилъ онъ, онъ теперь могутъ возбуждать только прежнія враждебныя отношенія, которыя искоренилъ исламъ. Однажды, уже послѣ этого запрещенія Самитъ-абдъ-Аллахъ-бенъ-Зибари и Фигрить-Диарть пришли въ Медину носить своего друга Абу-Ахмеда - бенъ - Гана. Они просили его пригласить Хассана, чтобы слышать изъ его устъ стихи его, а ему продекламировать свои, такъ какъ они совершенно примирились. Поэтъ радъ былъ ближе познакомиться съ своими прежними противниками и спросилъ ихъ: не хотятъ ли они открыть поэтическаго пренія? Они были довольны этимъ и произнесли всѣ сатиры, составленныя на него. Хассанъ потѣль отъ злости, слушая всѣ насмѣшки,

и ожидалъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда они кончать свою декламацію и онъ можетъ начать свои стихотворенія. Но, окончивши, они сѣли на верблюдовъ и уѣхали въ Мекку, не позволивъ ему начать рѣчи. Хассанъ обратился къ Халифу и рассказалъ ему, какимъ вѣроломнымъ образомъ нарушено его повелѣніе.

Диаръ предвидѣлъ послѣдствія своей шутки и, когда они прибыли въ Равгу въ 40 арабскихъ миляхъ отъ Мекки, онъ сказалъ своему спутнику: „ты увидишь, что Хассанъ будетъ жаловаться Халифу и Омаръ привлечетъ насъ къ ответственности. Поэтому намъ лучше было бы оставаться здѣсь и ожидать окончанія дѣла“. Но сдва онъ успѣлъ выговорить, какъ гонецъ Омара приблизился и потребовалъ ихъ возвратиться въ Медину. Когда они пришли къ Халифу, былъ призванъ и Хассанъ. Собралось огромное множество народа и Омаръ приказалъ Хассану произнести свои сатиры на этихъ двухъ поэтовъ; когда тотъ исполнилъ, Омаръ сказалъ обоимъ поэтамъ: „вы можете теперь оставаться здѣсь, или возвратиться въ Мекку. Хассанъ удовлетворенъ, потому что имѣлъ преимущество произносить свои стихотворенія публично, между тѣмъ какъ вы декламировали свои въ частномъ обществѣ“. Потомъ онъ обратился къ присутствовавшимъ ассарамъ и продолжалъ: „я запретилъ вамъ держать въ памяти стихи, которые напоминаютъ древнія враждебныя отношенія между мусульманами и язычниками. Но если противная партія не согласна на это распоряженіе, то вы должны написать свои стихотворенія, выучить ихъ наизусть и сбрать въ одинъ диванъ“ (сборникъ).

Для того, чтобы снова взять къ себѣ дочь своего вѣрийшаго друга и лучшаго совѣтника, не подвергаясь публичному презрѣнію, Мухаммѣдъ опредѣлилъ въ Коранѣ (гл. 24, ст. 6), что мужъ не долженъ нисколько сомнѣваться въ цѣломудріи своей жены, если онъ не имѣть четырехъ свидѣтелей. Если бы даже онъ схватилъ её во время самого преступленія, то долженъ совершить пятикратную клятву, но эта клятва уничтожается пятикратною клятвою жены. Наконецъ онъ, съ цѣллю успокоить умы, обнародовалъ слѣдующее хорошо обдуманное, но не поэтическое откровеніе (Корана гл. 24, ст. 11—22): „Тѣ изъ васъ, которые распространяютъ обвиненіе, не многочисленны: ихъ двѣ, три дюжины. Не думайте, чтобы они повредили вамъ,—они скорѣе послужатъ къ вашей пользѣ. Всѧ-

кій порицающій получитъ свое возмездіе за свое преступлениe. Большую часть падмennыхъ (Хассанъ) ожидаетъ великое наказаніе¹⁾.

Ст. 12. Почему вы вѣрные мужи и жены, слыша исторію, не подумали съ хорошей стороны о вашемъ ближнемъ, а говорили: это явная ложь?

Ст. 13. Почему обвинители не представили четырехъ свидѣтелей (чтобы доказать нарушеніе супружеской вѣрности); а такъ какъ не имѣютъ ни одного свидѣтеля, то пусть знаютъ, что они окажутся предъ Богомъ лжецами.

Ст. 14. Если бы милость и милосердіе Божіе не почило на васъ въ этомъ и томъ мірѣ, то вы подверглись бы великому наказанію за это пустословіе свое, такъ какъ вы распространяли клевету вашими языками. Вы говорите своими устами о вещи, о которой ничего не знаете, и легко относитесь къ предмету, который имѣеть великую важность предъ Богомъ.

Ст. 15. Почему вы, слыша эту исторію, не сказали: «не прилично намъ говорить объ этомъ. Слава Богу! Это жестокая клевета»?

Ст. 16. Богъ предостерегаетъ васъ, чтобы вы не дѣлали этого, если вы вѣрующіе,

Ст. 17. и Богъ объявляетъ вамъ знаменія, потому что Богъ всевѣдущъ и мудръ.

Ст. 18. По истинѣ ожидаетъ ужасное наказаніе тѣхъ, которые радуются, если распространяются о вѣрующихъ худые слухи,—

Ст. 19. Наказаніе въ этомъ и томъ мірѣ. Богъ знаетъ все, а вы нѣть.

Ст. 20. Если-бы милость и милосердіе Божіе не почили на васъ, тогда-бы.... Но Богъ милостивъ и милосердъ.

Ст. 21. О, вѣрующіе! не слѣдуйте по стѣдамъ сатаны. Кто слѣдуетъ по стѣдамъ сатаны, тотъ пусть знаетъ, что са-

1) Въ подлиннике нѣтъ никакого благода. Большая часть толковниковъ разумѣеть подъ этимъ осужденіе на адскія мученія: а такъ какъ Хассанъ умеръ мухаммаданиномъ, то думаютъ, что эти слова относятся къ Абдъ-Аллаху бену-Обайѣ. Однако Мазрукъ разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ Айшой и она понимала подъ этимъ временное наказаніе. Она сказала: «развѣ слѣпота не великое наказаніе». Если это вдохновеніе произошло раньше примиренія Мухаммада съ Хассаномъ, то она могла разумѣть здѣсь аль, или свой убийственный замыселъ противъ Хассана. Если же это стихъ открыты позднѣе, то его можно объяснить такъ: она заслуживалъ великаго наказанія, но получила оправданіе Сафвана.

тана предлагаетъ постыдное и недозволенное. И если-бы милость и милосердіе Божіе не почили на васъ, никто-бы между вами не остался чистъ. Но Богъ очистить того, кого хочетъ, потому что онъ слышить и знаетъ все.

Ст. 22. Поистинѣ тѣ, которые порицаютъ цѣломудренныхъ, невинныхъ и вѣрующихъ женщинъ будуть прокляты въ той и въ этой жизни и ихъ постигнетъ великое наказаніе".

Была-ли Айша виновна въ нарушеніи супружеской вѣрности, это остается недоказаннымъ. Но пятиадцатилѣтняя женщина, дочь Востока, безъ образования, шаловливая и уже шесть лѣтъ бывшая игрушкой шестидесятилѣтняго развратника, находится въ уединеніи съ молодымъ человѣкомъ и молодой человѣчкъ находится въ уединеніи съ хорошецкой женщиною!.... Впрочемъ для нась не такъ важна вѣрность Айши, какъ убѣженіе въ ней Мухаммеда. Изъ Корана кажется ясно проглядываетъ, что въ его глазахъ, а сще болѣе въ глазахъ публики, если она и не была виновною, то все же въ высшей степени подверглась сомнѣнію, такъ что Мухаммѣдъ въ своемъ домашнемъ несчастіи прибѣгаѣтъ къ откровеніямъ. Эта наглая пошлость достойна осужденія. Нѣсколько времени спустя постъ этого приключения, Айша снова сопровождала Мухаммѣда въ одномъ походѣ. Она имѣла не очень счастливый случай еще разъ потерять свое ожерелье. На этотъ разъ она сдѣлала тревогу и вѣрующіе пошли отыскивать его. Это стоило имъ много времени, такъ что они, далеко удалившись отъ лагеря, должны были совершать молитву на безводномъ мѣстѣ. Такъ какъ они нарушили предписанная омовенія, то и доложили объ этомъ случаѣ пророку. Онъ получилъ относительно этого откровеніе, въ которомъ предписывалось за недостаткомъ воды, въ замѣни омовенія, треніе лица и рука мелкимъ пескомъ.¹⁾

По смерти Мухаммѣда, Айша была самою священнюю личностью въ цѣломъ исламѣ; не было ни одной государственной интриги, въ которой она не играла бы главной роли, ни одной борьбы партій, которой бы она не заиравляла. Она пережила Мухаммѣда 47 годами и умерла 67 лѣтъ въ Мединѣ, 13 Июля 678 года. Она умѣла читать, владѣла экземпляромъ Корана; въ теологии, генеалогіи, въ арабскихъ сагахъ и поэзіи она имѣла больше свѣдѣній, нежели все вмѣстѣ остальные жены Му-

¹⁾ Бухари, 532 стр. Ибнъ-Исаакъ, 85 листъ.—Объ этомъ родѣ омовенія говорится въ 4 гл. 46 стр. и 5 гл. 9 стр. Корана. Прим. Ред.

хаммеда. Она знала наизусть стихотворения во сто и въ двѣстіи стиховъ, особенно стихотворенія Лябіда. Она передала многія изречения пророка и сказанія о его жизни, и большая часть ихъ носить на себѣ печать самостоятельности. Уже въ правлѣніе ся отца, Абу-Бекра, и еще болѣе въ позднѣйшее время на нее смотрѣли, какъ на высшую инстанцію въ религіозныхъ и юридическихъ вопросахъ.

Впрочемъ, уваженіемъ, которымъ пользовалась, она обя-зана не единственно своимъ талантамъ. Айшо пользовалась политическая партія ся отца, какъ талисманомъ противъ Алідовъ, которые противопоставили ей другую вдову Мухаммеда, Уммъ-Саламу. Алій назначилъ ея сына Омара правителемъ Бахрайна, а потомъ Мусибзана, а она находилась подъ его защитой. Но она не владѣла интригальными духомъ своей соперницы; Алій и его партія не была такъ свободна отъ мелкихъ раздоровъ, какъ ихъ враги,—и попытка найти противовѣсь вліянію Айши виолѣ не удалась. Когда Аббасиды, соединившись съ Алідами, начали интриги противъ Оммаядовъ, Айши давно уже не было въ живыхъ, и теперь нашли вѣкоторое число преданій въ пользу Хадиджи и она съ матерью потомковъ Алія должна была раздѣлить тотъ ночетъ, который мухаммедане питали еще къ Айшѣ.

4. *Зайнаба-бинтъ-Хазайма*, хиляперитянка, изъ одного хавазинскаго колѣна, была сначала женою Тофайля-бенъ-Харитса. Онъ оставилъ ее, и она вышла за-мужъ за его брата Обаида. Послѣ того, какъ Обайдъ палъ при Бедрѣ, Мухаммедь женился на Зайнабѣ въ мѣсяцѣ Рамазанѣ въ 3-мъ году гиджры (Февраля 625 г.) и далъ ей приданое, состоящее изъ двѣнадцати унцій золота.¹⁾ Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, она была похищена смертью, на 30 году жизни. По другимъ сказаніямъ предмѣстникомъ Мухаммеда былъ Абдъ-Аллахъ-бенъ-Гашъ, который палъ при Оходѣ и она умерла, спустя два мѣсяца послѣ свадьбы.

5. *Хавса, dochь Омара*. Она родилась въ 607 году и была сначала за-мужемъ за Хонайсомъ-бенъ-Годзофой. Онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ при Бедрѣ или Оходѣ, и Омаръ предложилъ ея руку сначала Абу-Бекру, потомъ Осману (который

¹⁾ Зогрій не упоминаетъ о днѣ свадьбы, а ся имъ упоминаетъ послѣ Зайнабы-бинтъ-Гашъ и прежде Райханы. Такимъ образомъ кажется, по его мнѣнію, свадьба была совершена въ 627 году.

въ это время лишился Рукайи). Но ни тотъ, ни другой не пожелалъ имѣть её женой. Затѣмъ онъ пришелъ къ Мухаммеду, который тотчасъ же согласился на предложеніе. Свадьба происходила въ Январѣ 625 года, такъ что Зайнаба была по крайней мѣрѣ двадцати лѣтъ. Мухаммѣдъ хотѣлъ было удаить ее, но изъ любви къ Омару оставилъ. Она умерла въ 45 или 41 году гиджры (Октября 665 или 661 года по Р. Хр.).

6) Уммъ-Салама изъ фамиліи Мазумъ. Такъ какъ гаремъ Мухаммѣда былъ очень многочисленъ, то она отказывалась быть его женою и мотивировала свой отказъ тѣмъ, что она очень стара, имѣть очень много дѣтей¹⁾ и страдаетъ ревностью. Но она была очень красива; поэтому онъ рѣшился овладѣть ею. Онъ отвѣчалъ ей: «я гораздо старше тебѣ; я позабочусь о твоихъ дѣтяхъ и буду молити Бога, чтобы онъ избавилъ тебя отъ ревности». По другимъ сказаніямъ, ся первый мужъ на смертномъ одрѣ молился, чтобы его иреемницѣ получиль въ раю мѣсто выше его и она повторяла эту молитву послѣ его смерти съ такимъ усердіемъ, что Богъ воспламенилъ любовью къ ней сердце Мухаммѣда. Послѣ свадьбы, которая праздновалась въ Мартѣ 626 года, онъ предоставилъ ей на выборъ: жить ли ему съ ней три дня, а потомъ по порядку посѣщать остальныхъ женъ и затѣмъ снова возвратиться къ ней, или оставаться у ней семь дней. Въ послѣднемъ случаѣ, прибавилъ онъ, я пробуду по семи дней и у твоихъ подругъ. Она выбрала первое, и съ этихъ поръ у мухаммѣданъ сдѣлалось правиломъ проводить три дня съ новою женой. По преданію она получила въ приданое ручную мельницу, деревянную чашку, постель и другія принадлежности, все вмѣстѣ на сумму въ 40 диргемовъ. По другимъ разъ сказамъ Мухаммѣдъ былъ очень щедръ по отношенію къ своимъ женамъ. «Я, сказалъ онъ Уммъ-Саламѣ, послалъ царю абиссинскому подарокъ, состоящій изъ огромнаго числа унцій мускуса и одной прекрасной одежды, верхней и нижней. Но я увѣренъ, что онъ уже теперь умеръ. Когда мои подарки будутъ возвращены, ты получишь ихъ. И подарки дѣйствительно были возвращены назадъ, и Мухаммѣдъ отдалъ каждой своей женѣ по унціи мускуса, а остатокъ вмѣстѣ съ одеждой отдалъ Уммъ-Саламѣ. Она умерла въ мѣсяцѣ Дзуль-кагда 59 или 62 года гиджры,—84 лѣтъ.

1) Омаръ, Салама и двѣ дѣвочки: Зайнаба и Барра.

7) *Джувайрія*. Во время похода противъ Морайза многіи женщины племени Мосталикъ попались мусульманамъ въ плѣнъ. Между ними находилась двадцатилѣтняя Барра, которая, по словамъ Айши, не имѣла соперницъ по своей граціи и веселости. При раздѣлѣ имущества она досталась Тсабиту бенъ-Кайзу. Она принадлежала къ знатной фамиліи и былаувѣренна, что её выкупятъ. Она освѣдомилась о цѣнѣ и согласилась на девять или десять унцій золота. Когда условія были заключены, она обратилась къ Мухаммеду посовѣтоваться съ нимъ. Онъ, при первомъ взглядѣ на ея красоту, былъ пораженъ, и, чтобы утѣшить себя въ цевѣрности Айши, сдѣлалъ предложеніе Джувайрійѣ, уплатилъ ея выкупъ и въ видѣ брачнаго подарка даровалъ свободу многимъ плѣнницамъ, имѣвшимъ съ ней одинаковую участъ. Мусульмане освободили остальныхъ, потому что, говорили они, женщины того колѣна, съ которыми породнился нашъ господинъ, не должны быть рабынями. Джувайрія умерла въ 56 году гиджры (676 году по Р. Хр.) 60 или 65 лѣтъ отъ роду. Первымъ мужемъ ея былъ Мосталикъ Мосафа.

8) Асадитянка *Зайнаба*, дочь *Джахши*. Она называлась первоначально Барра; имя Зайнабы было дано ей въ первый разъ Мухаммедомъ. Она была въ супружествѣ за его приемъ сыномъ Зайдомъ. Мухаммель влюбился въ нее и побудилъ Зайда развестись съ нею для того, чтобы могъ жениться на ней его господинъ. Зайнаба была серьезнаго характера, искренно убѣждена въ посланичествѣ Мухаммеда и плодомъ ея благочестія была сердечная привязанность къ нему. Такъ какъ любовныя отношенія къ ней случились во время невѣрности Айши, то вѣроятно, что Мухаммель устроилъ это дѣло съ цѣлью утѣшить себя. Она при условіяхъ о бракѣ достигла того, что онъ освящены были откровеніемъ. Исполнить это Мухаммedu не стоило большаго труда. Зайнаба до конца своей жизни хвалилась, что она есть та изъ его женъ, бракъ съ которой былъ заключенъ на седьмомъ небѣ. На землѣ же бракъ ея съ Мухаммедомъ сопровождался пиромъ, на который было приглашено много чужеземцевъ, въ 4 году гиджры (Апрѣля 626 г.), послѣ похода подъ Морайсигъ.¹⁾ Древ-

¹⁾ Ибнъ-Садъ, 12 ст. 89 и 179 стр. Это важно, если заповѣдь о покрывалахъ дана уже послѣ свадьбы: раньше мы привели преданіе о любовномъ

нее преданіе говоритъ, что для пира былъ заколотъ и изжаренъ ягненокъ. По болѣе новому преданію, Анасъ принесъ гостямъ скудное кушанье изъ масла и финиковъ. Мухаммѣдъ приказалъ ему пригласить своихъ друзей и весь народъ, который былъ въ мечети и на улицѣ. Стеченіе народа было столь велико, что хижинъ и дворъ были совершенно полны. Мухаммѣдъ коснулся кушанья тремя перстами и оно умножилось въ такой мѣрѣ, что всѣ вполнѣ насытились. Вѣроятно этотъ разсказъ составленъ въ подражаніе евангельскому описанію брака въ Канѣ Галилейской.

Послѣ пиршества, когда большая часть гостей удалилась, Мухаммѣдъ посѣтилъ хижину всѣхъ своихъ женъ и дружественно съ ними разговаривалъ. Потомъ онъ возвратился къ своей невѣстѣ и думалъ съ ней остататься наединѣ. Но онъ нашелъ еще на дворѣ двухъ или болѣе гостей. Эта невѣжливость побудила его обнародовать 53 ст. 33 гл. Корана, гдѣ Богъ запрещаетъ входить въ покой Мухаммѣда безъ позволенія и предлагаетъ посѣтителямъ удаляться, тотчасъ по окончаніи своихъ занятій,—запрещаетъ смотрѣть на женъ Мухаммѣда, а предлагаетъ разговаривать съ ними не иначе, какъ чрезъ покрывало. Это—заповѣдь, чтобы женщины покрывали свое лицо предъ мужчинами. Впослѣдствіи Мухаммѣдъ услышалъ, что Тальха внимательно посматриваетъ на Айшу и думаетъ жениться на ней послѣ его смерти. Потому въ приложеніи къ упомянутому стиху Мухаммѣдъ запретилъ жениться на его женахъ.

Зайнаба была очень трудолюбива; она знала кожевенное ремесло и шитье башмаковъ и продолжала заниматься этими ремеслами даже послѣ того, какъ сдѣлалась женою посланника Божія; но прибыль, получаемую отъ своихъ занятій, она раздавала бѣднымъ. Когда Халифъ Омаръ подарилъ ей вдовью пенсию въ 12000 диргемовъ, она прикрыла деньги сукномъ и сказала одной изъ своихъ подругъ: засунь руку подъ сукно, захвати горсть золота и отнеси бѣднымъ какои-нибудь фамиліи. Она продолжала дѣлить такимъ образомъ деньги до

приключеній Айши, которое произошло на возвратномъ пути изъ Морайсига, а тамъ упоминается, что заповѣдь тогда уже существовала. Для редактора исторій о любовномъ приключеніи допустить существование новеллій закрывать лицо было очень выгодно, потому что преступность Айши покажется менѣе вѣроятною, если она мгновенно скрыла свое лицо.

тѣхъ поръ, пока подъ сукномъ осталось 85 диргемовъ. Однажды Омаръ послалъ ей пять платьевъ изъ государственной казны. Она выбрала изъ нихъ одно, которое должно было служить ей саваномъ, другое дала для той же цѣли своей сестрѣ Хаммѣ.

На смертномъ одрѣ Зайнаба выразила желаніе, чтобы ес-
песли къ могилѣ на тѣхъ самыхъ носилкахъ, на которыхъ
лежалъ Мухаммѣдъ. Это отлічіе впослѣдствіи было оказы-
ва-
мо и другимъ женамъ. Марванъ-бенъ-Хакамъ приказалъ за-
гото-
вить множество носилокъ, надѣлилъ ими четвертую часть
жителей Медины и приказалъ, чтобы на будущее время на
носилкахъ Мухаммѣда выносили только высокопоставленныхъ
лицъ. Кажется раньше этого времени лицо покойника не было
закрываемо.

Когда умерла Зайнаба, Халифъ приказалъ, чтобы къ ней
приближались только самые близкіе родственники, потому что
было бы великимъ нарушеніемъ приличія, если бы на нее
смотрѣли посторонніе мужчины. Сестра Омайя предложила
покрывать трупы сукномъ по абиссинскому обычаяу, что впо-
слѣдствіи сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ исламѣ. Погре-
беніе Зайнабы подало поводъ еще къ другому нововведенію:
было очень жарко, потому Омаръ повелѣлъ разбить шатерь,
подъ которымъ и работали могильщики. Впослѣдствіи вошло
въ обычай воздвигать шатры надъ могилами. Зайнаба умерла
иъ 21 году гиджры, 53 лѣтъ, а когда Мухаммѣдъ женился
на ней, ей было около 30 лѣтъ. Она не оставила никакого
имущества, кромѣ своей хижини, которую родственники ея
продали Халифу Валиду за 50000 диргемовъ.

9) Іудеянка *Райхана* была вдова одного курайдзита, ко-
тораго Мухаммѣдъ безчеловѣчно приказалъ казнить въ Ап-
рѣлѣ 627 года. Она вмѣстѣ съ прочими курайдзитами попала
иъ плѣнъ и сдѣллась рабой, но Мухаммѣдъ плѣнился ею, по-
мѣстилъ ее у одной сосѣдки и сдѣлалъ ей брачное предло-
женіе. Сначала она отказывалась отречься отъ религіи сво-
ихъ отцевъ и согласиться на его предложеніе. Однако спу-
стя немногого пришелъ къ Мухаммѣду іудей-ренегатъ, Ибнъ-
Сайя и извѣстилъ его объ обращеніи Райханы. Мухаммѣдъ
даровалъ ей свободу, женился на ней и далъ въ приданое
двѣнадцать съ половиною унцій золота. Она умерла въ 632
году, раньше Мухаммѣда.

10) *Уммъ-Хабиба*, дочь Абу-Софіана. Она сопровождала своего мужа Убайда-Аллаха-бенъ Джахша во второмъ бѣгствѣ мусульманъ въ Абиссинію. Тамъ онъ обратился въ христианство и умеръ въ 7 или 8 году гиджры (627—8 года); Мухаммѣдъ послалъ вѣстника Амръ-бенъ-Омайя Замри къ Надждаши и высватали за себя вдову, которая имѣла дочь по имени Набибу и была уже 34 или 36 лѣтъ. Она вышла за него за-мужъ рго суга; Надждаши заступили въ церемоніи мѣсто Мухаммѣда, дали ей приданое въ 400 динаріевъ или въ 400 диргемовъ и послали ее въ Медину. Она умерла въ 41 или 44 году гиджры, когда братъ ея владѣлъ мусульманскимъ государствомъ.

11) *Иудеянка Суфійя, дочь Хойяи*, сначала была въ супружествѣ съ Саліяномъ-бенъ-Мискамомъ. Этотъ покинулъ ее и она сдѣлалась женою іудейского поэта Кинани. Она принадлежала къ колѣну Надзиръ и при изгнаніи его изъ Медины сопровождала свою фамилію въ Хайбаръ. Второй мужъ ея былъ убитъ при взятіи этого города въ 7 году гиджры (628 года) и она вмѣстѣ со многими дочерьми Израиля попала въ руки мусульманъ. Ея юность (ей было 17 лѣтъ) и красота плѣнили Мухаммѣда, и онъ подарили ей свободу съ условіемъ, чтобы она была его женою. Она приняла предложеніе съ отвращеніемъ. Любезность же Мухаммѣда простирадась до того, что онъ поддерживалъ ея ногу, помогая ей сѣсть на верблюда, а на пути прикрывалъ ее своей мантіей, если онъ сидѣлъ впереди ся. Уже на разстояніи двухъ часовъ пути отъ Хайбара онъ хотѣлъ совершить свадьбу, но она отказалась, что разумѣется очень оскорбило его. Въ Сабѣ, стоящемъ въ четырехъ часахъ пути отъ Хайбара, онъ сдѣлалъ стоянку и она нашла сообразнымъ со своею цѣлію больше не сопротивляться. Ее поручили двумъ женщинамъ, которые вымыли, причесали и нарядили ее. Между тѣмъ разбили шатерь или, какъ зовѣствуютъ нѣкоторые, повѣсили платья на дерево, чтобы образовать прикрытое мѣсто; на землѣ разослали нѣсколько шкуръ, которыхъ должны были служить брачнымъ ложемъ. Здѣсь посланникъ Божій принялъ свою цѣвѣсту. Онъ былъ въ такомъ восхищѣніи, что цѣлую ночь проговорилъ съ нею не смыкая глазъ. Между прочимъ онъ спросилъ ее, почему она на прежней станціи не соглашалась вручить ему своей руки? Суфійя умно отвѣтила, что считала

несообразнымъ его родство съ іudeями. Мусульмане изъ приличія удалились отъ его шатра, только Абу-Айюбъ остался вблизи въ саблею въ рукѣ. На слѣдующее утро Мухаммедъ спросилъ его о причинѣ. Тотъ отвѣтилъ: ты казнилъ родственниковъ этой женщины, и я думалъ, что она лицемѣрно приняла исламъ и потому могла имѣть намѣреніе убить тебя. Послѣ свадьбы новобрачный пригласилъ своихъ друзей на пиршество, а молодая хозяйка угощала гостей хайсомъ, т. е. давленными финиками, соединенными въ одну жидкую кашу съ поджареной мукой (*савикъ*), масломъ и финиковою водою (*набизъ*). Для того, чтобы приготовить послѣднее, она съ вечера истолкала въ ступѣ финики, налила на нихъ воды, на утро слила свѣтлую жидкость и предложила ее для питья.

Прочимъ женамъ Мухаммеда прибытие Суфійи доставило мало удовольствія. Онъ помѣстилъ ее въ домѣ сосѣдки, и все женское населеніе Медіны стеклось сюда, чтобы увидѣть новую „мать отъ рожденія“. Айша также была между любопытными. Мухаммедъ спросилъ ее, находить ли она Суфію красивой? Она отвѣчала съ презрѣніемъ: „фи, іudeянка“! Въ другой разъ Айша попрекала Суфію іудейскимъ происхожденіемъ, и Мухаммедъ сказалъ Суфійѣ: почему ты не отвѣчашь: мой отецъ—Ааронъ и мой дядя—Моисей! Зяйнаба, дочь Гаша, винила въ немилость за то, что была виновна въ подобной же болтливости, за что и была удалена Мухаммедомъ на два или на три мѣсяца. Суфія умерла въ 52 году гиджры и оставила послѣ себя имущество въ 100,000 диргемовъ; третью этого имущества она отказалась своему племяннику, какому-то іудею. Хотѣли было удержать это, но Айша требовала строго руководствоваться справедливостью, — и имущество было передано ему.

12) *Маймунѣ* изъ колѣна Хиляль. Она была уже дважды замужемъ, когда женился на ней Мухаммедъ въ мѣсяцѣ Шавваль или Ду-ль-кагда, въ 7 году гиджры (Инв. или Фев. 629 г.) въ Сарифѣ, на пути въ Мекку, въ десяти миляхъ отъ этого города. Она умерла въ 61 году гиджры (680—1 г.) восьмидесяти лѣтъ. Она была послѣднею вдовою Мухамеда.

13) *Фатима* изъ колѣна Кильябъ. Свадьба ея происходила въ Мартѣ 630 года. Вскорѣ она развелась съ Мухаммедомъ по обстоятельствамъ, о которыхъ мы разскажемъ ниже.

14) *Асма*, изъ царствующаго колѣна Кипдитонъ. Ея отецъ Номанъ былъ Ибнъ-Аби-Джадибъ-Асвадъ-бенъ-харітъ-бенъ-Ша-

рахиль-бенъ Джаднъ-бенъ-Акиль-аль-Мераръ. Этотъ Акилюль-Мераръ былъ киндитскимъ правителемъ. Родственники певѣсты поселились въ Надждѣ противъ Шарийи и обратились въ исламъ. Номанъ пришелъ къ Мухаммеду засвидѣтельствовать поченіе и сказалъ: „я хочу отдать за тебя свою дочь, красивѣшую во всей Аравіи. Она была въ замужествѣ за двоюроднымъ братомъ; но такъ какъ тотъ недавно умеръ, то дочь моя теперь вдовствуетъ и имѣетъ великую склонность къ тебѣ!“ Мухаммѣдъ съ радостью принялъ предложеніе и сказалъ, что онъ даетъ ей приданое въ двѣнадцать съ половиною унцій золота. Отецъ сочелъ это слишкомъ малымъ, но, будучи увѣренъ, что онъ ни одной женѣ не давалъ больше по заведенному порядку, согласился, и брачный договоръ былъ заключенъ. Мухаммѣдъ послалъ съ отцомъ невѣсты Абу-Озайда привести ее. Пришедши къ ней, Абу-Озайдъ объявилъ ей, что жены пророка не могутъ показываться безъ покрывала ни одному мужчинѣ, исключая самыхъ близкихъ родственниковъ. Асма согласилась подчиниться этому порядку; послѣ трехдневнаго пребыванія, онъ посадилъ ее покрытое покрываломъ на носилки, прикрепленныя къ верблюду, и поспѣшилъ съ нею въ Медину, гдѣ представилъ ее въ домъ ея родственниковъ. Городскія женщины пришли къ ней, чтобы увидѣть её и пожелать ей счастья. Онѣ были въ восхищеннѣ отъ ея красоты. Одна изъ нихъ имѣла глупость сказать: „если ты желаешь понравиться пророку, то должна, когда онъ приблизится къ тебѣ, привѣтствовать его словами: да сохранитъ меня Богъ отъ тебя!“

Между тѣмъ Абу-Озайдъ извѣстилъ Мухаммѣда о прибытии его возлюбленной и тотъ тотчасъ же отправился къ ней въ домъ, гдѣ она жила. Было обычаемъ, продолжаетъ разсказчикъ, что женихъ садился передъ ней и целовалъ невѣсту, если она снимала предъ нимъ покрывало. Мухаммѣдъ хотѣлъ, чтобы и Асма оказала ему это выраженіе любви, по она, встрѣчая его, воскликнула: „да хранитъ меня Богъ отъ тебя!“ Онъ отвѣчалъ: „пусть и меня хранитъ Богъ отъ тебя!“ и такъ обр. изрекъ роковое слово — развода. Это составляеть позднейшую редакцію не очень удачно выдуманной исторіи.

Въ одномъ древнемъ варіантѣ рассказываютъ: „шаловливая Айша и ея подруги предупредили юную невинную вдову, что будто бы существуетъ обычай такъ привѣтствовать пророка. Мухаммѣдъ привелъ ее въ брачную комнату, но вместо того,

чтобы выйти къ нему навстрѣчу, она сказала: „да хранитъ меня Богъ отъ тебя!“ На слѣдующій день Мухаммедъ отослалъ ее и далъ ей въ вознагражденіе (мута) двѣ штуки муслина (Варакійя, по объясненію Кирбаса).

Эта свадьба происходила въ юлѣ 630 года, слѣд. за годъ до смерти Мухаммеда,

Эта же исторія съ нѣкоторыми измѣненіями разсказывается и о другихъ невѣстахъ Мухаммеда (*Мулайкъ и Амръ*). Если сравнить всѣ сказанія, то придешь къ заключенію, что Мухаммѣдъ однажды или нѣсколько разъ, благодаря шалостямъ своихъ красавицъ, находилъ себя вынужденнымъ оставлять женъ на слѣдующее утро послѣ свадьбы. Необразованныя арабки, ожидая чуда отъ Мухаммеда, не замѣняли слабость тѣла бодростью духа.

Опыта этого рода побудили Мухаммѣда рѣшиться на удаленіе изъ своего гарема невѣжливыхъ женъ, которыхъ не имѣли никакого уваженія къ безсилію старика.¹⁾ „Однажды, разсказываетъ Айша (у Ибнъ-Исхака, 12 т. 52 листъ; ср. Бухари 792 стр.), приходитъ ко мнѣ пророкъ и говоритъ: „я сдѣлаю тебѣ одно предложеніе, но ты не спѣши разводомъ до тѣхъ поръ, пока посовѣтуешься съ родителями“²⁾. Я спросила: что ты хочешь мнѣ сказать? Онъ началъ торжественно произносить слѣдующее откровеніе:

Гл. 33, ст. 28. „О, Пророкъ! скажи твоимъ женамъ: если вы любите жизнь и ея радости, то идите, я дамъ вамъ вознагражденіе (мута) и разведусь съ вами приличнымъ образомъ“.

Ст. 29. „Но если вы любите Бога, его посланника и то, что за гробомъ; то знайте, что Богъ приготовилъ для васъ прекрасную награду за вашу доброту“.²⁾

„Я спросила его, продолжаетъ Айтъ: зачѣмъ мнѣ нужно спрашивать своихъ родителей? Я люблю Бога, Его посланника и то, что за гробомъ! Онъ былъ очень обрадованъ монимъ отвѣтомъ и сказалъ: „теперь я предоставлю выборъ твоимъ

¹⁾ Ширенгеръ (B. 1, S. 209, Anmerk.) приводить преданіе, помѣщенное у Ибнъ-Котайды на стр. 58 «de Foenina, quam inquit ducet propheta et cum ipsa concubit, sed quam non compressit.

²⁾ Ибнъ-Саадъ (12 т. 143—144 л.) приводить два обширныхъ стихотворенія о новодѣлѣ къ этому откровенію, во оба онѣ посятъ на себѣ печать вымысла. Оти кажется были вымыслены уже прежде Зоргія и появились вслѣдствіе спора о толкованіи этого стиха Корана. Откровеніе этого стиха произошло нѣ 629 году.

подругамъ⁴. Но ты не говори имъ, что я избрала, просила Айшу. Мухаммедь не исполнилъ ея желанія, но прочитавши имъ два (упомянутыя) стиха Корана, присовокупилъ: „Айша избрала Бога и его посланника“.

Остальные жены также послѣдовали ея примѣру, только Фатима (смотри выше стр. 29) предпочла пророку наслажденіе жизнью. Она впала въ такую бѣдность, что была вынуждена собирать верблюжій пометъ (который употреблялся вмѣсто топлива), чтобы снискать себѣ содержаніе. Поэтому она получила прозваніе „шакука“ — горемычная. Она умерла въ 60 году гиджры (679 г.).

Въ послѣдніе два года своей жизни Мухаммедь устрѣялъ все свое вниманіе на увеличеніе своего гарема. Если онъ слышалъ о какой-нибудь красивой женщинѣ, то дѣлалъ ей предложеніе на бракъ; арабскіе начальники, которые имѣли въ немъ нужду, поблажали его господствующей страсти и внушиали своимъ дочерямъ любовь къ нему. Для того, чтобы загладить оскорблѣніе, причиненное ему Асмой, Киндиты выдали за него другую красавицу своего колына, именно Катайлу, дочь Кайза изъ Хадрамаута, но Мухаммедь умеръ въ то время, когда она находилась на пути въ Медину. Получивъ извѣстіе о смерти Мухаммѣда, Катайла возвратилась въ отчество, отпала отъ ислама и уѣхала себѣ другимъ супружествомъ. Одинъ Соляймитскій начальникъ возвѣдилъ въ своей дочери Сабѣ¹) любовь къ Мухаммѣду. Но она вскорѣ умерла и не дожила до радости соединиться бракомъ со своимъ женихомъ. Такую же участь имѣла Тавлидитянка Хавла. Кромѣ того о дочери Джондоба и дочери Кальбиянина Шарафа разсказывается, что онѣ были ему вручены, но бракъ не былъ совершенъ.

Къ числу женщинъ, руки которыхъ Мухаммѣдъ тщетно добивался, принадлежитъ его кузина Уммъ-Ханій, дочь Абу-Талиба. Она уже была за-мужемъ и имѣла мнѣго дѣтей, по обѣ этомъ ничего не сказано. Она была вѣрюющею, по мужу ея былъ упорный язычникъ. Поэтому Мухаммѣдъ объявилъ, что этимъ бракъ фактически уничтожается.²⁾ Къ дочери-же ея,

¹⁾ Уже въ древнєе время она была называема пѣкоторыми генеалогами „Саянъ“. Эти измѣненія выговора можно объяснить только тѣмъ, что синеки имѣютъ распространялись письменно.

²⁾ Для того, чтобы склонить ее, ему было открыто одно мѣсто въ Коранѣ (тл. 33, ст. 49), въ которомъ говорится, что пророкъ долженъ жениться и па-

Зайнабъ, которая также была женою язычника, этотъ принципъ не имѣлъ никакого приложенія. Уммъ-Ханій объявила, что она почитаетъ Мухаммеда, какъ посланника Божія, но сохранить супружескую вѣрность и любовь къ своему мужу.

Аибаритянка *Суфійя* попала въ плѣнь къ мусульманамъ. Посланникъ Божій предоставилъ ей на выборъ: возвратиться къ своимъ родственникамъ, или быть его женою. Суфійя осталась вѣрна своему мужу. Въ исторіи самыхъ первыхъ обращений въ исламъ встрѣчается *Хавла*, игравая жена Османа-бена-Мазгуна..... Ея свадьба съ посланникомъ Божіимъ возбудила ревность въ мужѣ. Изъ 12-го тома Ибнъ-Саада видно, что она въ семействѣ Мухаммеда жила въ качествѣ служанки и что онъ сдѣлалъ ей брачное предложеніе. Такимъ образомъ не удивительно, что Османъ былъ не совсѣмъ доволенъ.

Междудѣй, какъ пѣкоторыя жены предпочли объятьямъ пророка супружескую вѣрность или удовольствія жизни, были другія, которыя, пропикувшись искреннимъ религіознымъ чувствомъ, сами предлагали Мухаммеду свои руки. Изъ нихъ я упомяну только обѣ одной. — Уммъ-Шарібъ была столь ревностной мусульманкой, что проинкала въ дома Мекканцевъ съ цѣллю проповѣдывать новую религію между прекраснымъ половомъ. Мекканцы замѣтили это, и такъ какъ она принадлежала къ колѣну Давсъ, то схватили ее и подъ предлогомъ отвести къ ся племени завели ее далеко въ пустыню на три дня пути и оставили тамъ безъ пищи и питья на произволъ судьбы. Здѣсь чудо было вполиѣ умѣстно и оно было совершено: она напила ведро съ водой и спаслась. Потомъ она пришла въ Медину и отдалась пророку.¹⁾ Этотъ случай, который повторяется иѣсколько разъ, нуждается въ объясненіи. Въ Аравіи и на всемъ Востокѣ браки заключались родственниками невѣсты.

своихъ кузинахъ, которая убѣжалла съ нимъ въ Медину. Опѣ хотѣлъ отнѣтъ сказать: «такъ какъ Уммъ-Ганій живеть въ Мединѣ, а ея невѣбрій мужъ въ Меккѣ, то ты долженъ женитися на ней». Выраженіе «съ пимъ» очень опредѣленно и Уммъ Ганій сказала, что откровеніе къ ней непримѣнно, потому что она прибыла въ Медину «за пимъ». Варочсъ это мнѣніе имѣть отношеніе п къ другому брачному плаву; именно Мухаммедъ хотѣлъ женитися на Омамѣ, дочери своего дяди Хамзы.

1) Балазори, Апсабъ-ал-Анрафъ, разсказываетъ, что Мухаммедъ женился на ней непосредственно послѣ Айши, по спустя пѣкоторое время удалилъ ее отъ себя, и что только послѣ этого она пошла въ Мекку и съ ней пріключилось это прописшество.

Мы думаемъ, что *женщины были продаваемы*. Это случалось часто; однако смыслъ этого учрежденія другой: оно было направлено къ *обеспечению женщинъ*.¹⁾

Подписывался брачный контрактъ и назначался *мѣхр*, т. е. приданое, которое мужъ уплачивалъ или тотчасъ же, или въ случаѣ развода. Если супруги жили вмѣстѣ до самой смерти мужа, то жена получала приданое въ томъ предположеніи, что она его еще не брала; кромѣ того она имѣла свою долю въ *наследствѣ*. Кто подумастъ о пользѣ этого учрежденія, тотъ не станетъ сразу осуждать его. Въ Индіи между уважаемыми мусульманами вошло въ обычай, чтобы обѣщанное приданое далеко превышало состояніе мужа. Къ этому не рѣдко присоединяется еще два условія: во-первыхъ, что приданое въ случаѣ развода должно быть выплачено все, и во-вторыхъ, чтобы произошелъ разводъ, если мужъ женится на другой женѣ.

На Востокѣ женщина и послѣ замужества принадлежитъ къ семейству отца... Семья распоряжается имуществомъ жены, включая сюда и приданое; она обязана въ случаѣ развода снова принять къ себѣ разведенную жену, пропитывать ее и по-заботиться о ея вторичномъ замужествѣ. Эти учрежденія патріархальны; наши же учрежденія, когда въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи суда,—государственныя. Если бы патріархальные обычай были хорошо выполнены, они имѣли бы некоторое преимущество. Но выполнение зависитъ отъ публичнаго мнѣнія, отъ морального чувства народа; въ безнравственныхъ земляхъ, напр. въ Египтѣ и Сиріи, которымъ лишены всякаго нравственнаго чувства, жена доведена до глубочайшаго униженія.

Если женщина предлагаетъ себѣ мужчинѣ, то значить, что она сбрасываетъ съ себѣ контроль семейства и бѣжитъ отъ него со своимъ мужемъ. Тутъ она предоставляетъ ему свободу оставить ее черезъ нѣсколько дней, и такъ какъ она сама предложила ему себя, то можетъ требовать себѣ развѣ только ма-

1) Ибнъ-Садъ, 12 т. 48 л. Абу-Бекръ спросилъ Мухаммада, почему онъ не беретъ къ себѣ своей наѣсты Айнъ? Тотъ отвѣчалъ: «я не могу дать никакого приданаго». Абу-Бекръ далъ ему $12\frac{1}{2}$ унцій золота, которая, разсказывается Айна, пророкъ послалъ къ памъ, потому взялъ меня къ себѣ. Это само по себѣ сомнительное преданіе показываетъ, что считалось честно предлагать приданое, чтобы не продавать дочери, потому что въ этомъ случаѣ деньги давались отцомъ наѣсты и хотя женихомъ обратно были посланы къ нему, но опять хранилъ ихъ для своей дочери.

лелькое вознаграждение (*мута*). У арабовъ-язычниковъ семейство убивало того мужчину, который позволилъ бы себѣ это. У шітовъ эти браки, которые они называютъ *мута*, имѣютъ силу законныхъ, и бракъ безъ свидѣтелей и родительского согласія можетъ быть заключенъ на одинъ часъ. Если мужъ разводится съ женою, то даетъ ей *мута* (вознаграждение).

Когда еще нѣсколько женщинъ, напр. Ляйля, дочь Хашима изъ Медины, предложила Мухаммеду свою руку, онъ не могъ устоять отъ искушенія и позволилъ себѣ выдать откровеніе (Корана гл. 33, ст. 49): „Если вѣрующая жена предается пророку, то пророкъ можетъ жениться на ней, если захочетъ. Но эта свобода предоставлена только ему, а прочимъ мусульманамъ пѣть.“ Нарушеніе Мухаммедомъ общепринятыхъ правилъ приличія было столь безстыдно, что Айса сказала ему въ лице: „Твой Господь спѣшить изъявить свое согласіе на твои удовольствія“. Нравственное негодованіе его приверженцевъ побудило его нѣсколько ограничить себя. Насколько мы знаемъ, онъ не взялъ въ свой гаремъ ни одной изъ тѣхъ красавицъ, которыхъ предавались ему, хотя хорошо известно, что по крайней мѣрѣ къ одной изъ нихъ онъ питалъ влеченіе, т. е. находился съ ней въ любовныхъ отношеніяхъ. Чтобы придать видъ, будто бы и здѣсь онъ поступаетъ по повелѣнію Божію, онъ обнародовалъ откровеніе (Корана гл. 33, ст. 51): „Ты можешьъ, если тебѣ угодно, утѣшить этихъ женщинъ на будущее время, или сейчасъ же можешьъ взять ихъ къ себѣ.“ Изъ трехъ konkubinъ, которыхъ услаждали жизнь Мухаммеда, я упомяну только обѣ одной. Въ 7 году гиджры правитель Александрия послалъ Мухаммеду прекрасный подарокъ: тысячу миткалей золота, двадцать штукъ благо египетского китаби - сукна, благо осла, мула, нѣсколько меду изъ Багны, свиуха Мабура¹⁾ и, что всего за-

¹⁾ Въ патріархальной Аравіи упоминается еще о другомъ свиухѣ, по имени Гитѣ, который извѣстилъ спутниковъ Мухаммеда о тайномъ замыслѣ одной женщины изъ Таифа. Поэтому кажется, что онъ былъ стражемъ гарема въ этомъ городѣ. Бухари 619 стр.

Къ несчастной Саидѣ, второй женѣ Мухаммеда, былъ привязанъ одинъ свиухъ. Онъ иногда посыпалъ ее и думалъ, что, по своей безвредности, онъ не возбудитъ вротицъ себѣ ея мужа. Но Мухаммедъ сосязъ его въ Гумуу при Дз-Голайфѣ. Приближеніе Мухаммеда имѣли состраданіе къ свиуху и сказали пророку: «тамъ въ пустынѣ оѣ умреть съ голода». Поэтому онъ

мъчательнѣе, двѣ рабыни. Онѣ обѣ обратились въ исламъ. Одну изъ нихъ, Сирену, онъ подарилъ поэту Хассану, сестру ея Марію оставилъ для себя. Марія была родомъ изъ Гафна, что въ области Анеситѣ, въ верхнемъ Египтѣ;¹⁾ она была бѣла и имѣла кудрявые волосы. Мухаммѣдъ любилъ ее страстно, и сначала помѣстилъ ее у одного сосѣда. Однажды онъ бѣсѣдовалъ съ нею въ хижинѣ Хавсы, которая ушла посѣтить своихъ родителей. Хавса пришла и восхлинула; „какъ! въ моей хижинѣ и въ мой день!... И ты называешь себя посланникомъ Божіимъ?! Мухаммѣдъ обѣщалъ разгнѣванной женѣ, что не будетъ болѣе имѣть сношеніе съ Маріей. Хавса потребовала клятвы и Мухаммѣдъ поклялся. Хавса же обѣщала съ своей стороны ничего не говорить обѣ этомъ происшествіи и его клятвѣ своимъ подругамъ и особенно Айшѣ; но рассказала всѣмъ эту исторію; въ наказаніе за то Мухаммѣдъ не посѣщалъ ея и Айшу цѣлый мѣсяцъ. Относительно коптінки Богъ открылъ ему (Корана гл. 66, ст. 1 — 2.): „О, пророкъ! изъ любви къ своимъ женамъ не отказывай себѣ въ томъ, что тебѣ позволилъ Богъ. Между тѣмъ (со времени твоей клятвы) Богъ предписываетъ вамъ уничтожить ваши клятвы примиреніемъ“.²⁾

Мухаммѣдъ отвелъ своей Маріи жилище въ верхней части города, гдѣ у него было имѣніе, и посѣщалъ ее очень часто; однако она чувствовала себя совершиенно одинокой, если не было около нея ся земляка. Послѣдній оказывалъ ей большое вниманіе и снабжалъ ее дровами и водой. Обѣ этихъ отношеніяхъ заговорилъ весь городъ, и Мухаммѣдъ послалъ Алія убить его. Приблизившись съ мечемъ въ рукѣ, онъ увидѣлъ

дозволилъ ему дважды въ недѣлю приходить въ городъ за пищею. Евпухъ умеръ въ своей ссылкѣ при Халифѣ Омарѣ. Этотъ евпухъ назывался Махапнаасъ, гермафродитъ. Можетъ быть онъ не былъ кастратомъ, но его неудачно создала сама природа. Нѣкоторые думаютъ, что онъ одно и то же лицо съ Гитомъ; по словамъ другихъ напротивъ имя его было Мати, и онъ былъ клиентомъ Махзумитянки Фахита-бинн-Амра.

¹⁾ Абу-Хашифа говорить, что дерево лобахъ никогда не достигало такой высоты, какъ въ Анеситѣ. Этотъ лѣсъ разрѣзали на балки и употребляли на постройку судовъ. Они были очень дороги и продавался иногда по 50 динаровъ за бревно. Рассказываютъ, что если сколачивали вѣбрѣ два бруса и полагали въ воду на шесть дней, то они такъ крѣпко приставали другъ къ другу, что дѣлались какъ бы однимъ деревомъ.

²⁾ Для того, чтобы понять профанацію религіозныхъ убѣждений и милосердіе Мухаммѣда, нужно прочитать 3—6 и 10—12 стихи этой (66) главы.

копта и, чтобы освидѣтельствовать его, сорвалъ съ него платье. Алій убѣдился, что это—евнухъ и возвратился, не причинивъ ему никакого вреда. Марія сдѣлалась беременною и родила сына въ Апрѣль 630 года. Ангель Гаврій пришелъ къ Мухаммеду и поздравилъ его съ новорожденнымъ. Мухаммѣдъ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ самъ былъ отцомъ дитяти, а не коптъ или какой-нибудь третій отецъ. Однажды онъ принесъ своего сына къ Айшѣ и сказалъ: „видѣла ли ты дитя, которое бы такъ было похоже на своего отца, какъ этотъ малютка?“ Но Айша не напала и самого отдаленнаго сходства и кто знаетъ, что подумала при этомъ злая жена. Мухаммѣдъ недолго наслаждался отцовскою радостю, потому что Ибрагимъ умеръ 16 Июня 631 года. Въ день его похоронъ случилось солнечное затмѣніе. Мусульмане говорили Мухаммѣду: солнце сокрылось вслѣдствіе печали о твоей потери. Но пророкъ объяснялъ, что ни жизнь, ни смерть человѣка не могутъ причинить затмѣнія; впрочемъ, присовокупилъ онъ, сынъ мой сидѣлъ въ раю и, если-бы онъ воскресъ, онъ сдѣлался-бы сыдыкомъ (праведнымъ и пророкомъ).

Хотя полигамія была въ употреблениіи въ Аравіи раньше Мухаммѣда, однако неумѣренность въ этомъ случаѣ считалась безнравственіою. Поэтому Мухаммѣдъ былъ вынужденъ успокоить общественное мнѣніе особыннымъ откровеніемъ: Богъ предоставилъ ему въ Коранѣ (гл. 33, ст. 49) болишу свободу въ числѣ и выборѣ женъ, нежели прочимъ людямъ. Мусульмане, чтобы оправдать его, уже раньше приходили къ этому заключенію, и такое мнѣніе не представляло-бы для нихъ трудностей, если-бы хоть одинъ изъ его позднѣйшихъ браковъ сопровождался бы плодомъ. Онъ самъ долженъ былъ увидѣть, что своимъ образомъ жизни онъ уничтожилъ ту цѣль, которую самъ назначилъ для брака, именно *достиженіе потомства*. Истинный мотивъ свой неумѣренности Мухаммѣдъ высказалъ самъ въ одномъ достовѣрномъ преданіи: „*мое единственное удовольствіе на земль составляютъ женщины, благовонія и молитва.*“

Пророчество, присовокупляли вѣрные, столь трудная задача, что Богъ вознаграждаетъ пророка въ любовныхъ наслажденіяхъ. Поэтому Онъ награждаетъ его большею силою, нежели какою владѣютъ *тридцать* обыкновенныхъ мужчинъ въ совокупности. Они не забыли упомянуть объ Авраамѣ, Давидѣ

и Соломонъ. О первомъ они рассказывали, что онъ каждодневно ъезжалъ на Боракъ въ Мекку, чтобы посѣтить Агарь, поселившуюся тамъ для присмотра за хдомъ (Каабой). Преданія о двухъ послѣднихъ настолько неприличны, что обѣ нихъ считаются неудобнымъ говорить. Этимъ примѣромъ мусульмане доказывали, что излишество въ любовныхъ паслажденіяхъ составляетъ преимущество пророковъ. Такъ какъ Соломонъ имѣлъ *болѣе ста* женъ, то они встрѣчали здесь затрудненіе, по совершеню другаго рода, нежели какого можно ожидать: они считали своею задачею доказать, что *хотя гаремъ Мухаммада не былъ столь многочисленъ, однако пророкъ ихъ не былъ ниже премудрого царя или псаломщика*.

Мухаммадъ не имѣлъ никакого жилища для самаго себя. Его главная квартира была въ хижинѣ Айши; публичныя же занятія онъ исполнялъ въ мечечи, по каждую ночь онъ проводилъ съ одною изъ своихъ женъ и кажется ъѣль съ ней въ качествѣ гостя,—однако онъ каждодневно, если былъ въ хорошемъ расположении духа, посѣщалъ всѣхъ своихъ женъ, каждую награждалъ поцѣлуемъ, говорилъ съ ними пошѣскольку словъ и игралъ. Мы видѣли, что его семейство владѣло девятью хижинами; такое же было и число его женъ, оставшихся послѣ его смерти. Однако были времена, когда гаремъ его былъ больше. Тогда онъ помѣщалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ красавицъ въ домахъ сосѣдей; случалось также, что двѣ жены жили въ одной хижинѣ. Сводные дѣти жили со своими матерями до тѣхъ поръ, пока они были юны.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ.

Брачная хутьба № 1¹⁾

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Хвала Богу, Властителю опредѣленій, опредѣляющему мѣсяцы, устрояющему

¹⁾ 119 стр. подавлиника. Хутьбою называются у мухаммаданъ особаго рода хвалебныя въ честь Бога и Мухаммада рѣчи на арабскомъ языке, изложенные непремѣнно риомованнымъ размѣромъ. Эти рѣчи, довольно однообразныя по содержанію, обыкновенно читаются въ сборныхъ мечетяхъ въ день Пятницы, во время полуденной (второй по счету) молитвы. При бракосочетаніи также читаются хутьбы, исповѣдь которыхъ мы и помышляемъ здѣсь. Обыкновенно хутьбу считаютъ мухаммаданской проповѣдью, но это не сираядливо: мухаммаданская хутьба не имѣть назиданія, самой существенной части христіанской проповѣди. Поэтому хутьбу нравильне считать ораторской рѣчью.

времена и вѣки, съ Которымъ бесѣдовалъ Моисей на горѣ Си-наѣ, Который писпослать Иятокнижіе, Евангеліе, Коранъ и Псалмы. Онъ установилъ бракъ достойный уваженія, при свидѣтеляхъ и подъ условіемъ приданаго, какъ сказаъ Всевышній и Превознесенный Богъ въ главѣ (Корана) „Женщины“¹⁾ и въ главѣ „Соитіе“²⁾ „ищу прибѣжица у Бога отъ сатаны, побитаго камнями;“³⁾ женитесь на столькихъ женщинахъ, на сколькихъ вамъ угодно: *на двухъ, трехъ, четырехъ;*⁴⁾ сочетавайте бракомъ сиротъ своихъ, вѣрныхъ рабовъ своихъ и служанокъ. Если они сочетаваются бракомъ, то дѣлаютъ угодное Богу и Богу наградятъ ихъ по своей щедрости: Богъ щедръ къ нимъ. Въ преданіи отъ избранныаго пророка нашего — да благословитъ Богъ всевышній его, семейство его и превосходныхъ сподвижниковъ его — разсказывается (что онъ сказаъ): „бракъ есть мое учрежденіе и кто удаляется отъ него, тотъ не отъ меня“. А въ другомъ преданіи: „сочетавайтесь бракомъ, рождайте и умножайтесь! Подлинно дамъ награду по числу народовъ въ день воскресенія, хотя бы вы родили уродовъ. Вступающій въ бракъ есть желающій, а выходящая за мужъ есть желаемая, а мя хръ есть то, на что они согласились“ (при вступленіи въ бракъ). Богъ всевышній утвердитъ въ сердцахъ супруговъ вожделенную любовь,—сказано: „это — слово мое“. И да помилуетъ Богъ, Который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ и ко всѣмъ мусульманамъ, находящимся здѣсь! Подлинно Онъ милостивый, милосердый, преславный, великий, превознесенный, высочайший!

Брачные молитвы № 1.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Боже, утверди отъ совершенный и превосходный союзъ, утверди между пими достославный союзъ, не допусти между ними развода и раздѣленія, соедини ихъ, какъ Ты соединилъ Айшу и Мухаммада — господина наѣ всѣми благочестивыми, Фатиму и Алія, славнаго и знающаго тайное и явное! Благослови, Боже, превосходившаго изъ тварей твоихъ — Мухаммада, семейство его и всѣхъ асхабовъ его, по милосердію Твоему! О милостивый изъ милостивыхъ!

¹⁾ Такъ называется 4-я глава Корана.

²⁾ Такъ называется 24-я глава Корана.

³⁾ Ср. Корана гл. 16, ст. 100; гл. 3, ст. 31.

⁴⁾ См. Корана гл. 4, ст. 3 и гл. 24, ст. 32.

Брачная хутьба № 2.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Хвала Богу, Царю всѣхъ состояній, преисполненному благъ, славы и совершенствъ, милостивому, милосердому, прощающему, великому, превознесенному Владыкѣ, Который сотворилъ мѣсто и Самъ существуетъ, Которому иѣть мѣста, Который сотворилъ времена и вѣки, а Самъ не имѣть нужды во времени и мѣстѣ, Который сотворилъ отца нашего—Адама изъ праха и поставилъ его начальникомъ надъ людьми, создалъ мать нашу Еву изъ ребра Адамова между сномъ и бодрствованіемъ, запрѣтилъ имъ сближеніе до тѣхъ поръ, пока установилъ между ними союзъ и бракъ! При нихъ присутствовали ангелы, а первую хутьбу прочиталъ надъ ними Самъ Всехвальный и Всеблагий и заповѣдалъ о дѣтяхъ ихъ. Подлинно онъ сочетался бракомъ подобно этому, по приказанию Достопоклоняемаго. Всѣ существа и твари Богъ сотворилъ по-парно, какъ-то: *пары и курсы*¹)—пара, таблица предопределенія и перо—пара, небо и земля—нара, мужчина и женщина — пары. Богъ есть единый и единственный, вѣчный, Которому иѣть подобнаго, у Котораго иѣть ни сыпа, ни подобнаго Ему, ни товарища, ни супруги, ни мѣста, какъ говорить Богъ всевышній и превознесеній въ Коранѣ: „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Женитесь на столькихъ женщинахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ. Жените сиротъ вашихъ, вѣрныхъ рабовъ вашихъ и служанокъ. Если женятся, то дѣлаютъ угодное и Богъ наградитъ ихъ по Своей щедрости,—Богъ щедръ къ нимъ“. Въ преданіи отъ избраннаго пророка нашего, да благословитъ Богъ всевышній его, семейство его и превосходныхъ асхабовъ его!—передаётся: „бракъ есть мое установлѣніе и кто удаляется отъ установлѣнія моего, тотъ не отъ меня“; а въ другомъ преданіи: женитесь, рождайте и умножайтесь! Подлинно я дамъ награду по числу народовъ, хотя бы вы родили уродовъ. Богъ всевышній утвердитъ въ сердцахъ супруговъ вожделенную любовь. Вступающій въ бракъ есть желающій, а выходящая за-мужъ есть желаемая, а мяхръ есть то, па что они согласились“ (при вступлении въ бракъ);—сказано: „это слово

¹) Названіе двухъ престоловъ божіихъ въ Коранѣ. См. гл. 7, ст. 52, и гл. 2, ст. 256.

мое". И да помилуетъ Богъ, который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ и ко всѣмъ мусульманамъ находящимся здѣсь. Подлинно Онъ милостивый, милосердый, преславный, великий, превознесенный, высочайший!

Брачнаѧ хутьба № 3.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу, Который украсилъ насть языкомъ и даромъ слова, одарилъ насть краснорѣчiemъ и способностью суждения, Который паградилъ насть красотою и совершенствомъ; хвала за то, что возвѣстилъ, „Предложилъ и заповѣдалъ памъ бракъ и запретилъ беззакониесо сожительство, какъ сказалъ Богъ всевышний и превознесенный: „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями. Женитесь на столькихъ женщинахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ". Вѣчно мы обязаны прославлять Тебя за установление брака; никогда не прекратится для насть благодѣяніе въ позволеніи брака; веди насть совершеннымъ путемъ къ превосходству и совершенству, утверди въ добрѣ дѣла наши отъ начала до конца Твою великою и совершенною щедростью! Исповѣдуя, что пѣтъ бoga кромѣ Бога единаго, у Котораго пѣтъ товарица, Который обладаетъ великими и совершенными свойствами; исповѣдуя, что Мухаммѣдъ рабъ и посланникъ Его, печать пророковъ, отмѣняющій вѣры. Благословеніе и міръ надъ посланикомъ Его—Мухаммѣдомъ, посланикомъ съ чудесами и доказательствами, надъ семействомъ его и надъ асхабами его, которыми возвѣщенъ обычай установленнаго и отмѣненнаго, которые установили для насть превосходный бракъ—различіе между позволеннымъ и запрещеннымъ, которые показали намъ сюнну и исламъ, чтобы мы приняли ихъ для руководства; какъ сказалъ—благословеніе надъ нимъ!—господинъ господъ, великий, владыка тварей (т. е. Мухаммѣдъ): „бракъ есть мое установленіе и кто удаляется отъ установленія моего, тотъ не отъ меня; вступающій въ бракъ есть желающій, выходящая за-мужъ есть желающая, а мя хръ есть то, на что они согласились" (при вступленіи въ бракъ). Да прославитъ ихъ обоихъ Богъ по Своей славѣ, благости, милости и благосклонности, и да помилуетъ Богъ, Который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ находящимся здѣсь мусульманамъ—мужчинамъ и женщинамъ. Подлинно Онъ—милостивый, милосердый, преславный, великий, внимающій молитвѣ!

Брачнаѧ хутъба № 4.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу, хвала Тому, кто сотворилъ отцъ и матерей для произведенія дѣтей и внушилъ мужчинамъ страстную любовь къ женшинамъ для умноженія служенія Ему, и позволилъ имъ изъ нихъ (женщинъ) дѣлъ, три, четыре; кто установилъ союзъ и сожитіе для продолженія рода. Онъ есть единый, единственный, Который не имѣть ни товарища, ни дитяти; Который ни рождалъ, ни рождался, и Которому нѣтъ подобнаго. Да будетъ благословеніе надъ пророкомъ нашимъ неграмотнымъ, великая слава Котораго чужда недостатковъ. (Да будетъ благословеніе надъ) Мухаммедомъ славнымъ, достохвальнымъ, препрославленнымъ! Пророкъ нашъ излилъ благость свою надъ людьми и джиннами; (да будетъ благословеніе Его надъ) дѣтями его, вступавшими въ бракъ по Ханифитскому обряду, угодному Богу, и падъ асхабами его, согласными съ общими законами божественными. Подлинно, Богъ всевышній и превознесеній заповѣдалъ намъ о бракѣ: „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Женитесь на столькихъ женахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ. Жените сиротъ вашихъ, вѣрныхъ рабовъ вашихъ и служанокъ. Если женятся, то дѣлаютъ угодное и Богъ наградить ихъ по своей щедрости,—Богъ щедръ къ нимъ“. Какъ сказалъ (Мухаммѣдъ),—милость и миръ надъ нимъ!—„бракъ есть мое установлѣніе и кто удаляется отъ установлѣнія моего, тотъ не отъ меня“; а въ другомъ преданіи: „женитесь, рождайте и умножайтесь! Подлинно я дамъ награду по числу народовъ въ день воскресенія, хотя бы вы родили уродовъ; вступающій въ бракъ есть желающій, выходящая замужъ есть желаемая, а махръ есть то, на что они согласились“ (при вступленіи въ бракъ). Богъ всевышній утвердить въ сердцахъ супруговъ возможленную любовь (три раза слѣдуетъ повторить);—сказано—это слово мое. И да помилуетъ Богъ, который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ и ко всѣмъ мусульманамъ, находящимся здѣсь! Подлинно, Онъ—милостивый, милосердый, преславный, великій, внимающій молитвѣ!

Брачнаѧ хутъба № 5.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу, Который сочetalъ душу съ тѣломъ, позволилъ бракъ и запретилъ

беззаконное сожительство! Милость и миръ посланнику нашему Мухаммedu, который раздѣлилъ запрещенное отъ позволеннаго, семейству его и асхабамъ его, которые суть люди благочестивы и спасенные! „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Женитесь на столькихъ женахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ! Жените сиротъ вашихъ, вѣрныхъ рабовъ вашихъ и служанокъ! Если женятся, то дѣлаютъ угодное, и Богъ наградитъ ихъ по Своей щедрости,— Богъ щедръ къ нимъ“. Правдивъ Богъ превознесенный! Сказалъ посланникъ Божій, да благословитъ его Богъ и помилуетъ!— „бракъ есть мое установление и кто удаляется отъ установления моего, тотъ не отъ меня“. Справедливъ посланникъ и рабъ Божій.

Брачная молитва № 2.

Боже, утверди этотъ союзъ, вѣрный и преславный! Утверди между ними союзъ достолюбезный и пріятный, и не производи между ними раздоръ, развода и раздѣленія! Боже, соедини ихъ, какъ ты соединилъ Адама и Еву; какъ ты соединилъ Мухаммеда-Мустафу,— да благословитъ его Богъ и помилуетъ!— и Хадиджу-Славную; Алія,— да будетъ онъ угоденъ Богу!— и Фатиму Лучезарную,— да будетъ ею доволенъ Богъ!— Боже, дай имъ благочестивыхъ дѣтей, долгую жизнь и обильное имущество! Господи нашъ, освободи супружества наши и семейства наши отъ дѣтей непокорныхъ; сдѣлай насть праведными вѣчно! Господи пашъ, дай памъ благо въ этомъ мірѣ и въ томъ мірѣ, освободи насть отъ мученія огнемъ! Слава Господу твоему, Господу великому, обладателю всѣхъ совершенствъ, миръ надъ посланниками и хвала Богу—Господу міровъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Глава о бракѣ (Китабу-н-Нияхъ.¹⁾)

Онъ исполняется посредствомъ предложенія и пріятія. Т. е. бракъ заключается предложеніемъ со стороны жениха и посредствомъ согласія на это предложеніе со стороны невѣсты.

¹⁾ 60 стр. подлиппика, изд. Казембекомъ.

Слова ихъ обоихъ въ прошедшемъ времени, напр. „я на тѣбѣ женился“ и „я за тебя вышла за-мужъ“; или въ повсемѣтномъ наклоненіи и въ прошедшемъ времени, напр. „отдаи за меня въ замужество“; а онъ скажетъ: „отдалъ за-мужъ“. Предложеніе со стороны жениха и согласіе со стороны невѣсты должно быть выражено въ прошедшемъ времени изъявительного наклоненія, напр. женихъ долженъ сказать: „я женился на тебѣ“; а невѣста должна отвѣтить: „я вышла за тебя замужъ“. Предложеніе можетъ быть выражено также въ повсемѣтномъ наклоненіи прошедшаго времени, напр. женихъ скажетъ отцу невѣсты: „отдай мнѣ дочь твою за-мужъ“, а тотъ отвѣтить: „я отдалъ“.

А если не знаютъ значенія этого, а слова ихъ: „отдала“ и „принялъ“ посль (словъ): „отдала ли“? и „принялъ ли“? какъ при продажѣ и куплѣ; но не посредствомъ словъ ихъ предъ свидѣтелями: „жена моя“ и „мужъ мой“. Если женихъ и невѣста не знаютъ по-арабски, то они могутъ заключать бракъ на персидскомъ языке. Въ этомъ случаѣ женихъ говорить невѣстѣ: „отдала ли ты себя“? а невѣста отвѣчаетъ: „отдала“. Или невѣста говоритъ жениху: „принялъ ли меня“? а женихъ отвѣчаетъ: „принялъ“. Подобная этому слова употребляются при продажѣ и куплѣ. Но бракъ не можетъ быть заключенъ словами жениха и невѣсты: „это—жена моя“, „это—мужъ мой“, сказанными предъ свидѣтелями.

И заключается словами: „бракъ и женитьба“ и посредствомъ тѣхъ словъ, которыя употребляются при приобрѣтеніи имущества свободного. Бракъ можетъ быть заключенъ словами, сказанными женихомъ и невѣстой: „бракъ и женитьба“. Равнымъ образомъ при заключеніи брака можно употреблять и тѣ слова, которыя положено произносить при приобрѣтеніи какой-нибудь вещи, напр. „я продалъ“, „я сдѣлалъ подарокъ или милостыню“.

Обусловливается слышаніемъ каждого изъ нихъ словъ послѣднія. А присутствуютъ два свободныхъ мужчины или одинъ свободный мужчина и девь женщины¹⁾ свободныхъ, совершившихъ, мусульмане, слышащіе оба вмѣстѣ слова ихъ. Правильность брачного договора обусловливается тѣмъ, чтобы каждый изъ свидѣтелей слышалъ слова вступающихъ въ бракъ.

¹⁾ Основано на 282 ст. 2 гл. Корана.

Количество свидѣтелей при бракѣ полагается два свободныхъ мужчины или одинъ свободный мужчина и двѣ свободныхъ женщины. Эти свидѣтели должны быть совершеннолѣтніе и мусульмане, такъ что дѣти и сумасшедшие не могутъ быть свидѣтелями. Кроме того оба свидѣтеля должны слышать брачный договоръ и притомъ оба вмѣстѣ въ одно и тоже время, такъ что брачный договоръ, заключенный въ присутствіи глухихъ свидѣтелей, считается неправильнымъ; также считается неправильнымъ тотъ брачный договоръ, который свидѣтели слышали поперемѣнно, сначала одинъ, потомъ другой.

Справедливъ предъ двумя нечестивыми, но не имѣетъ¹⁾ очевидности при тяжбѣ, и предъ сыновьями ихъ, или одного изъ нихъ, но не принимается въ пользу ближайшаго. Бракъ, заключенный въ присутствіи нечестивыхъ свидѣтелей, правиленъ, если имѣеть степени иссомнѣнности, если случится споръ между мужемъ и женой относительно брака и дѣло дойдетъ до суда. Также бракъ можно заключать и въ присутствіи сыновей мужа и жены, или въ присутствіи сыновей одного котораго-нибудь изъ нихъ, но только въ постѣднемъ случаѣ, если случится тяжба между мужемъ и женой относительно брака, то свидѣтельство сыновей въ пользу родителя не принимается, не въ пользу же родителя принимается.

Мусульманинъ вступаетъ въ бракъ съ женщиной—зимми въ присутствіи зимми, но не принимается противъ мусульманина. Если мусульманинъ вступаетъ въ бракъ съ зимми, т. е. христианкой или юдейкой, подвластной мусульманскому правительству, то свидѣтели могутъ быть зимми. Но если случится тяжба между служемъ и женой, то свидѣтельство зимми не принимается въ ущербъ мусульманина.

Довѣренный (вакиль) бываетъ свидѣтелемъ въ присутствіи довѣрителя, также какъ опекунъ (валий) въ присутствіи родственницы, находящейся подъ опекой, достигшей совершеннолѣтія. Бракъ, заключенный при довѣрсномъ и еще одномъ свидѣтѣ, будетъ правиленъ, если при этомъ находится самъ довѣритель. Также точно бракъ, заключенный при опекунѣ, т. е. отцѣ, хозяинѣ и т. п., и еще при одномъ свидѣтѣ, будетъ правиленъ, если женщина, находящаяся подъ опекой, будетъ присутствовать при этомъ и если она будетъ совершеннополѣтнія.

¹⁾ 61 стр. подлипника.

Запрещенъ съ женщинами по восходящей линіи и по боковымъ линіямъ, родственниками по боковой линіи ближайшихъ по восходящей и дальнихъ родственниками по восходящей. Запрещается бракъ съ родственницами по восходящей линіи, напр. мать, бабушка по отцу или по матери и т. д.; также запрещается бракъ съ родственницами по боковымъ линіямъ, напр. дочь, внука и т. д.; еще запрещенъ бракъ съ родственницами по боковой линіи, происшедшими отъ ближайшихъ родственниковъ по линіи восходящей, напр. родственницы матери по боковой линіи; наконецъ запрещается бракъ между дальгбйшими родственниками восходящей линіи, каковы напр. дѣдъ, бабка, дядя, тетка и т. п.

Мать жены, дочери той, съ которой имълъ сношніе, женщина по восходящей и по боковой линіи, всъ родственницы по кормленію, отъви женщины, съ которой имълъ прелюбодѣяніе—¹⁾ той, которую держалъ мужчина за дѣтогородныя части и державшей и той, на срамныя части которой онъ смотрѣлъ со страстью и восходящая линія ихъ,— что же касается раньше девяти лѣтъ, то нѣтъ и со страстью. Мужчинѣ запрещенъ бракъ съ матерью жены, если онъ находился въ правильномъ бракѣ, хотя бы и не имѣлъ сожитія: потомъ — съ дочерью той женщины, съ которой онъ имѣлъ сношніе; затѣмъ съ женами родственниковъ по восходящей и по боковой линіи, напр. съ женой отца, дѣда, сына, внука и т. п. Запрещается также бракъ между родственниками ио кормилицѣ, каковы напр. мать мужа кормилицы, бабушка кормилицы по отцу и по матери, мать молочнаго брата и т. п. Наконецъ запрещенъ бракъ съ родственницами женщины, съ которой совершилъ прелюбодѣяніе, а также съ родственницами той женщины, которую онъ держалъ за срамныя части или на срамныя части которой онъ смотрѣлъ съ любострастнымъ пожеланіемъ. Впрочемъ если женщина эта была моложе девяти лѣтъ, то запрещенія не бываетъ, хотя бы мужчина и смотрѣлъ со страстью.

Бракъ съ женщиною и гыддатъ¹⁾ ся дѣластъ запрещенными бракъ съ женщиной, которой, если бы ее представить муж-

¹⁾ Основано на 26—27 ст. 4 гл. Корана.

²⁾ Гыддатомъ называется срокъ, который женщина обязана сохранять между двумя замужествами и раньше которого она не можетъ выйти замужъ.

чинои, не позволена была бы эта вторая, и сожитie съ нею посредствомъ владынія. Во время брака съ известною женщиной или во время гыддата ея запрещается бракъ съ другою женщиной — родственницею по крови, по молочному родству или по свойству въ такой степени, что если ее представить мужчиной, то между женою и ею былъ бы невозможенъ бракъ, напр. если кто женатъ на известной женщинѣ, то ему нельзя жениться на сестрѣ жены по отцу или по матери; но ему позволяетъ жениться на падчерицѣ ея, потому что хотя и бываетъ бракъ запрещенъ, если представить мужчиной падчерицу; но онъ бываетъ позволенъ, если представить мужчиной жену. Впрочемъ имамы: Зафаръ, Ибнъ-Лубъ-Лійли и Басри считаютъ бракъ въ послѣднемъ случаѣ непозволеннымъ и совѣтуютъ воздержаться отъ него. Бракъ съ известною женщиной запрещаетъ также сожитie съ другою женщиной по праву владынія, если эта женщина состоить въ вышеупомянутомъ родствѣ.

Также сожитie съ одного посредствомъ владынія — сожитie съ нею отъ брака и посредствомъ владынія, но не бракъ съ нею: а если женится на ней, то не имѣтъ сожитія съ нею ни однажды, до тѣхъ поръ пока вторая бываетъ запрещенна. Сожитie съ женщиной по праву владынія запрещаетъ сожитie въ бракѣ или по праву владынія съ другою женщиной — родственницей ей въ такой степени, что если ее представить мужчиной, между ней и первой женщиной бракъ былъ бы невозможенъ. Однако самый бракъ мужа съ женщиной — родственницей не воспрещается, но только онъ не долженъ имѣть съ нею сожитія до тѣхъ поръ, пока первая женщина находится въ сожительствѣ съ нимъ.

Правилъ бракъ съ женщиной писанія, хотя бы и со служанкой вмѣсть¹⁾ со всемъ определеннымъ для свободной, женщины и мужчины, вошедшихъ въ запрещенную черту и съ беременной отъ прелюбодѣнія; но не сожительствуетъ до тѣхъ поръ, пока продолжастся, и заключаетъ союзъ съ пребывающей въ завѣтной черти. Мусульманину позволяетъ жениться на женщинѣ писанія, т. е. на христіанѣ и іудеяниѣ, хотя бы она была служацкой, выполнивши въ послѣднемъ случаѣ мяхръ и пропитаніе одноковое съ свободной жен-

¹⁾ 62 стр. подзаписки.

щиной. Правиленъ также бракъ мужчины и женщины во время ихъ пребыванія въ запрещеній чертѣ, т. е. въ окружности Мекки; правиленъ бракъ съ женщиной беременной отъ прелюбодѣянія не только участнику прелюбодѣянія, но и другому мужчинѣ; только этотъ не долженъ имѣть съ нею сожитія, пока продолжается беременность. Касательно правильности этого брака имамъ Агзамъ и Мухаммедъ дали фетву; тоже упоминается въ „Мухитѣ“ и „Гыдайѣ.“ Если женщина вступить въ бракъ въ запрещеній чертѣ, то бракъ правиленъ.

Но не женится на служанкѣ, на жену раба, на невѣрной, кроме женщины писанія, и на послѣдней во время гыддата четвертой, а рабъ — въ гыддатѣ второй, и на рабѣ сверхъ свободной или во время гыддата ея, на беременной отъ близкаго родственника. Запрещается бракъ со служанкой, съ женой раба, съ невѣрной, кроме женщины писанія, на пятой женѣ во время гыддата четвертой жены, а рабу запрещается жениться на третьей во время гыддата второй. Впрочемъ бракъ на двухъ женахъ считается болѣе приличнымъ и для свободнаго человѣка, потому что Мухаммедъ началъ свое опредѣленіе количества женъ съ двухъ.¹⁾ Запрещается еще жениться на рабѣ сверхъ опредѣлѣнаго количества свободныхъ женъ, или во время гыддата четвертой жены, также на женщинѣ беременной отъ близкаго родственника.

И ложный бракъ и временный. Ложный и временный браки несправедливы и незаконны. Форма ложнаго брака состоять въ томъ, что кто-нибудь при свидѣтеляхъ скажетъ женщинѣ: я желаю пользоваться тобою на такой-то срокъ, напр. на десять дней. Этотъ бракъ былъ допущенъ два раза: во дни Хайбара и при взятіи Мекки, потомъ всѣми законовѣдами запрещенъ. Подобнымъ образомъ и Хазрятъ Алій Керимъ признаетъ его неправильнымъ во всѣхъ своихъ преданіяхъ. Форма брака временнаго почти такая же, но только здесь упоминается количество мяхра и самое сожительство называется бракомъ, напр. мужчина говоритъ женщинѣ: я женился на тебѣ съ такимъ-то количествомъ имущества и на такой-то срокъ; а женщина отвѣтить: я согласна.²⁾

¹⁾ Коранъ гл. 4, ст. 3.

²⁾ Шайти допускаютъ временный бракъ.

Бракъ заключается свободною и совершеннолътнею, хотя бы при неравенствѣ и безъ посредства опекуна; но ему предоставляется жалоба; а при неравенствѣ союзъ бываетъ непроченъ. Женщина свободная, совершеннолѣтняя и въ здравомъ умѣ можетъ сама выйти за-мужъ помимо согласія опекуна, хотя бы женихъ ея былъ ей не равенъ. Однако, когда женихъ ея не равенъ ей, а она вышла за-мужъ безъ согласія опекуна, то опекуну предоставляется право пожаловаться казью и расторгнуть неравный бракъ; по въ „Шархъ-вигкайъ“ говорится, что если въ этомъ случаѣ жена отъ неравнаго мужа родить дитя, то опекунъ не имѣть права расторгать бракъ, чтобы этимъ не причинить вреда дитяти. Впрочемъ имамъ Хусайнъ отъ лица Абу-Ханифы утверждаетъ, что подобный бракъ не имѣть силы. Этого мнѣнія держится большая часть шейховъ, и фетва Казыхана подтверждаетъ то же.

Опекунъ не имѣть власти надъ совершеннолѣтней, хотя бы она была дѣственницей. Опекунъ не имѣть права насилию выдать за-мужъ совершеннолѣтнюю, хотя бы она была дѣвица.

А молчаніе, смѣхъ и плачъ безъ звуковъ есть позволеніе, а со звукомъ—расторженіе, во время спрашиванія позволенія или при доставленіи извѣстія, съ условіемъ произнесенія имени супруга, но не мехра. Когда опекунъ будетъ спрашивать совершеннолѣтнюю дѣвицу о ея согласіи вступить въ бракъ, или когда до нея достигнетъ извѣстіе объ этомъ, и она будетъ молчать, или смѣяться, или плакать, не издавая звуковъ,—то всѣ эти дѣйствія ея принимаются за выраженіе ея согласія на бракъ; по если она заплачетъ и будетъ при этомъ издавать звуки, то это приписывается за выраженіе ея несогласія. Нужно замѣтить, что опекунъ, спрашивая ее о согласіи на бракъ, долженъ при этомъ произнести имя ея жениха, по не обязанъ упоминать о количествѣ мехра.

Если спрашивается о согласіи не ближайшій опекунъ, то утвержденіе ея посредствомъ слова какъ и вдовы; а лишился дѣства чрезъ блудъ или безъ совокупленія, какъ дѣственница, и слово ся: „я не соглашалась“ важнѣе, нежели слово его: „ты молчала“, но принимается свидѣтельство въ молчаніи ея, и не принуждается она къ присягѣ, если тотъ не загидѣтельствуетъ.¹⁾ Если о согласіи на бракъ совер-

1) 63 стр. подлинника.

псеннолѣтнюю девицу спрашиваетъ не ближайшій опекунъ, а дальнійшій, или посторонній человѣкъ, то она выражаетъ свое согласіе тѣми словами, какими выражаетъ вдова. Дѣвица, лишившаяся девства чрезъ блудъ или какимъ-нибудь инымъ образомъ, выражаетъ свое согласіе такъ же, какъ и девственница. Если между мужемъ и женой произойдетъ тѣжба относительно брака и жена будетъ говорить, что она не соглашалась, а мужъ будетъ утверждать, что она молчала; въ такомъ случаѣ предпочтение оказывается женѣ. Впрочемъ, если мужъ представитъ свидѣтелей на то, что она молчала, то бракъ утверждается; однако жена не принуждается къ присягѣ, если мужъ не доставить свидѣтелей.

Опекунъ заключаетъ бракъ несовершеннолѣтнію и несовершеннолѣтнѣй, хотя бы она была вдова, т. е. имѣеть право опекунъ заключать эти браки.

Если отецъ или дядь сочтаетъ бракомъ, то онъ бываетъ необходимъ; а другое промѣнъ искъ, то несовершеннолѣтніе разводится по достижениіи совершеннолѣтія или узнавши о бракѣ послѣ него. Молчаніе девицы въ обоихъ этихъ случаяхъ бываетъ согласіемъ и нынѣ продолженія воли ея до предѣловъ маджлиса,¹⁾ если не знала этого; различается отпущенная на свободу. Если несовершеннолѣтніхъ сочтается бракомъ отецъ или дѣдъ, то бракъ признается во всей силѣ и не расторгается; если опекунами были не отецъ и не дѣдъ, а другіе родственники и сочетали бракомъ несовершеннолѣтніхъ, то эти послѣдніе по достижениіи совершеннолѣтія имѣютъ право расторгнуть бракъ; или бракъ расторгается въ то время, когда достигшій совершеннолѣтія супругъ узнастъ о бракѣ. Если супруга по достижениіи совершеннолѣтія получитъ извѣстіе о бракѣ и будетъ молчать въ самый моментъ получения извѣстія, то она уже не можетъ расторгнуть брака; также она не можетъ расторгнуть брака, если спросить обѣ имѣни мужа или о количествѣ меѣра. Однако если она не знала такого узаконенія, то можетъ расторгнуть бракъ. Въ этомъ отношеніи отличается раба, пущенная на волю. Она можетъ знать о своемъ бракѣ продолжительное время и, лишь только получить извѣстіе о своемъ освобожденіи, можетъ расторгнуть бракъ.

¹⁾ Маджлисъ называется положеніе человѣка, какое онъ занимаетъ при извѣстномъ случаѣ, въ извѣстный моментъ.

Воля дитячи и вдови не бываєтъ тщетною безъ точного согласія і супутників і не прекращається єю промовленіемъ міджиса; і рішеніє казыя служить условіємъ для развода совершиеннолітній, но не для освобожденной. Дитя и вдова, не изъявившія точного и определенного согласія на бракъ предъ свидѣтелями, не теряють права на разводъ даже стъ церемонії міджиса. Согласіе можетъ быть выражено и не словами, напр. обѣятіемъ мужа, взятіемъ мехра у него, получениемъ отъ него пропитанія; одпако быть хлѣбъ мужа, услуживать ему, быть съ нимъ въ хыльватѣ,¹⁾ но безъ обѣятій, все это еще не служить выраженіемъ полного согласія па бракъ. Супруга, выданная за-мужъ иссовершеннолітнію, можетъ по достижениіи совершиенноліттія развестись не иначе, какъ по рѣшенію казыя; но супруга, получившая освобожденіе, можетъ развестись и безъ рѣшенія казыя. Въ „Халязѣ“ упомянуто, что по рѣшенію казыя расторгаются браки въ слѣдующихъ случаяхъ: при отпіатіи дѣтей отъ родиць членовъ мужа и при его импотенції; по желанію достигшей совершиенноліттія; при неравенствѣ супруговъ или недостаточности мехра; если зими-жена сдѣлается мусульманкою и будетъ приглашать мужа къ припітию ислама, а тотъ не согласится; наконецъ по причинѣ заключенія жены мужемъ.

Опекунами бывають родственники по порядку; условіемъ служить свобода, совершиеннолітніе и ісламъ въ рожденіи отъ мусульманіна, потомъ мать, затѣмъ ближайшіе родственники и ближайшіе изъ близкихъ; потомъ близкій другъ, потомъ казый, въ метрикахъ котораго этотъ. Опекунами при бракѣ бывають тѣ родственники, въ родствѣ которыхъ пѣть женщины, какъ посредствомъ звѣна. Опекунами бывають родственники по порядку родства; такъ опекуномъ сначала бываєтъ отецъ, потомъ дѣдъ по отцу и т. д. по восходящей линіи; затѣмъ братъ, потомъ племянникъ по брату и т. д. по нисходящей; потомъ дядя по отцу, послѣ него сынъ дяди и т. д. по нисходящей. При определеніи опекуномъ дается преимущество ближайшему родственнику. Отъ опекуна требуется, чтобы онъ былъ свободенъ, въ здравомъ умѣ и совершиеннолітній, такъ что рабъ, съумасшедшій и несовершиеннолітній не могутъ быть опекунами при бракѣ. Кромѣ этого отъ опе-

¹⁾ Объясненіе «хыльваты» см. ниже стр. 53—54.

куна требуется, чтобы онъ былъ дитя мусульманина и самъ былъ мусульманинъ. За неимѣніемъ опекуновъ по мужской линіи ими бывають родственники по женской линіи. Сначала бываетъ опекуномъ мать, а за ней какой-нибудь близкій родственникъ и притомъ самый близкій изъ всѣхъ. Когда же не будетъ родственниковъ, тогда опекуномъ бываетъ близкій другъ, такой другъ, который имѣеть съ нимъ самое тѣсное общеіе даже въ имуществоѣ. Если же нѣтъ и подобнаго друга, то опекуномъ назначается тотъ казый, въ книгахъ котораго записанъ вступающій въ бракъ.

Дальній сочетаетъ бракомъ за отсутствіемъ ближняго, когда не ожидаетъ отъ него извѣстія сватъ, по нѣкоторымъ — на пространствѣ сафира.¹⁾ За отсутствіемъ ближайшаго родственника сочетаетъ бракомъ родственникъ дальнійшій, когда сватъ не будетъ дожидаться отъ него извѣстія; по мнѣнію нѣкоторыхъ законовъдовъ, дальній родственникъ тогда только заключаетъ бракъ, когда ближайшій родственникъ будетъ находиться на разстояніи сафира.

Въ бракъ требуется равенство по происхожденію, такъ что часть курейшитовъ равна части ихъ, части арабовъ²⁾ равна части арабовъ. Смыслъ понятенъ.

А не-арабамъ — по исламу: тотъ, у кого два отца въ исламѣ, равенъ той, у которой нѣсколько отцевъ въ исламѣ; но не равенъ иль тотъ, у кого одинъ отецъ въ исламѣ, а ему мусульманинъ самъ по себѣ. Относительно не-арабовъ пужно соблюдать равенство по исламу, такъ что тотъ, у кого два предка были мусульманами, равенъ той, которая имѣеть нѣсколько предковъ мусульманъ. Этимъ обоимъ не равенъ тотъ, у кого только лишь отецъ принялъ исламъ; а этому послѣднему не равенъ тотъ, у кого нѣтъ ни одного предка въ исламѣ.

И по свободѣ, — требованія тѣ же, какія упомянуты относительно ислама. Еще требуется равенство по свободѣ. Определеніе равенства то же какъ и по исламу.

И по благочестію; потому нечестивецъ не равенъ дочери благочестиваго, — и по имуществоѣ, такъ что не имѣющій требуемаго мехра и пропитанія не равенъ нищѣй, а гладью-

¹⁾ «Сафиромъ», т. е. путешественникомъ называется человѣкъ, находящійся въ своего мѣста жительства на три дни пути.

²⁾ 64 стр. подлинника.

щій въ достаткѣ тѣмъ и другимъ равенъ богатой, — и по ремеслу: потому красильщикъ, или цирульникъ, или производящій низкія работы, или кожевникъ не равенъ продающей благовонія и под. Еще требуется равенство по благочестію, по имуществу и по ремеслу. Смысль понятенъ.

А если сочетается бракомъ при недостаточности мехра, то опекуну предоставляетъся жалоба, до тѣхъ порѣ пока будетъ дополненъ, или разводится. Если кто женится, а мехра не выплатитъ, то опекуну жены предоставляется право жалобы, чтобы мехръ былъ дополненъ, или бракъ былъ расторгнутъ.

И считается бракъ фузули законнымъ и заключаетъ дѣлъ дороги брака кто-нибудь безъ фузуля. Бракъ фузули, т. е. заключенный безъ воспитателя или опекуна, считается законнымъ, если дѣвица въ здравомъ умѣ, совершенолѣтняя, невинная и если она была съ мужемъ въ хыльватѣ. Бракъ этотъ заключается законнымъ образомъ или посредствомъ словъ, или посредствомъ дѣйствій, напр. если жена запросить мехръ и пропитаніе и будетъ подчиняться мужу, а мужъ съ своей стороны выплатитъ ей мехръ. Дѣлъ дороги брака, т. е. предложеніе и согласіе, скрѣпляетъ въ этомъ случаѣ кто-нибудь: или опекунъ съ обѣихъ сторонъ, или съ одной стороны воспитатель, а съ другой опекунъ.

Меньший мехръ десять диргемовъ, потому онъ необходимъ, если поименованъ меныше его, а если поименовано сверхъ этого, то поименованный, по смерти одного изъ нихъ или дѣйствительнаю хыльваты. Самое меныше количество мехра десять диргемовъ или вещи стоимостью въ десять диргемовъ. Потому, по смерти мужа или дѣйствительного хыльваты, жена должна получить десять диргемовъ, если назначенъ мехръ меныше этого; а если назначенъ большие этого, то жена получаетъ тотъ мехръ, который назначенъ.

А это бываетъ, если нѣть препятствія или по существу, или по закону, или по средствамъ, напр. этому препятствуетъ болѣзнь, постъ-рамазанъ¹⁾, молитва-фарзъ, ихрамъ, мензуры, очищеніе послѣ родовъ и при отсутствіи дѣтей родныхъ членовъ, импотенціи и скопчества. Хыльватъ, т. е. дѣйствительное уединеніе мужа съ женою бываетъ тогда, когда оба

¹⁾ 65 стр. подлинника.

они находятся въ уединенномъ мѣстѣ и не будетъ препятствій ни по существу, ни по закону, ни по средствамъ, какъ напр. болѣзнь, постъ рамазанъ, близкое родство, менсуры и пр. исчисленныя въ текстѣ причины.

Половина его при разводѣ равна ею; а если она не поименованъ, то мехрѣ, определенный при краткихъ бракахъ и мехрѣ-мисль послѣ него. Если мужъ разводится прежде хыльвата, то жена получаетъ половину мехра. Если же мехрѣ не поименованъ, то жена въ этомъ случаѣ получастъ мехрѣ, который назначается при кратковременныхъ бракахъ, т. е. рубаху, головной уборъ и покрывало. Однако стоимость этихъ вещей не должна быть меньше мехра-мисля или пяти диргемовъ. Когда же мужъ разводится послѣ хыльвата, а мехрѣ не определенъ, то жена получастъ мехрѣ-мисль.

И справедливъ бракъ безъ упоминанія мехра и при отрицаніи его и посредствомъ вещи неизвѣстной стоимости и при незнаніи рода его. Бракъ считается законнымъ, хотя бы и не былъ упомянутъ мехрѣ или даже былъ отрицаемъ, или посредствомъ вещи, стоимость которой не определена въ шаригатѣ, напр. вино, свинья; или когда неизвѣстенъ родъ его, напр. если скажутъ: „четвероногое“, но не объяснятъ, что разумѣть подъ этимъ, лошадь ли, корову ли, барана ли. Также если скажутъ: „одежда“, но не опредѣлять—шелковая или бумаажная.

И бываетъ необходимъ мехрѣ-мисль въ упомянутомъ. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ бываетъ необходимъ мехрѣ-мисль, если мужъ разводится послѣ хыльвата, а мехрѣ не определенъ.

*Если родъ его, то средина его или ильна его, или посредствомъ служенія женѣ раба, когда она принимаетъ, и посредствомъ тою или этого, то мехрѣ-мисль, если будетъ лежа-
ду ними, и худшій, если ниже ею, и лучшій, если выше ею. Бракъ бываетъ правиленъ, когда для мехра назначаютъ родъ извѣстныхъ предметовъ, не обозначая его въ частности, напр. если назначена просто лошадь, верблюдъ или бумажная одежда, но не обозначены въ точности. При разводѣ въ этомъ случаѣ жена получаетъ полную стоимость мехра или половину его. Бракъ правиленъ также, если рабъ, женившись, вмѣсто мехра будетъ работать для жены, когда жена согласится принять эти услуги. Бракъ правиленъ, когда мужъ назначитъ въ*

мехръ одного изъ двухъ рабовъ, но не опредѣлить котораго имѣніо, а между тѣмъ одинъ рабъ дороже другаго. Въ этомъ случаѣ бываетъ необходимо мѣхръ-мисль, если онъ будетъ со-ставлять среднюю цѣну обоихъ рабовъ. Если же мѣхръ-мисль будетъ ниже стоимости худшаго раба, то необходимъ этотъ по-слѣдній; а если мѣхръ-мисль будетъ выше стоимости лучшаго раба, то необходимъ этотъ послѣдній.

А если разводятся прежде сожитія и хыльвати, то по-ловина худшаго, т. с. раба, бываетъ необходима.

А если женится посредствомъ тысячи съ тѣмъ, чтобы не вывозить ся, или съ тысячию если живетъ постоянно; но по-средствомъ двухъ тысячи, если вывозеть. Если содержитъ слово и останется на одномъ мысль, то тысяча, а если иначе, то мѣхръ-мисль, но не превышаетъ двухъ тысячи и не менѣе тысячи. Если кто женится, положивши мѣхръ въ тысячу дир-гемовъ, съ условіемъ не вывозить жены изъ мѣста жительства, и мѣхръ въ двѣ тысячи, если вывозеть ее, то онъ обязанъ заплатить ей тысячу диргемовъ въ томъ случаѣ, когда онъ сдер-житъ свое слово и не вывозеть ея; если же вывозеть, то обя-занъ заплатить мѣхръ-мисль. Этотъ мѣхръ-мисль долженъ быть не менѣе тысячи диргемовъ и не болѣе двухъ тысячи.

Если сочетается бракомъ посредствомъ этихъ двухъ рабовъ, и одинъ изъ нихъ свободенъ, то для нея только рабъ, если стоимъ десять. Если кто сочетается бракомъ, назначив-ши мѣхръ двухъ известныхъ рабовъ, и если одинъ изъ нихъ окажется свободнымъ, то жена получастъ только оставшагося раба, если только цѣна этого раба будетъ не менѣе десяти диргемовъ; въ противномъ случаѣ получаетъ десять диргемовъ.

А если дѣлаетъ условіемъ цѣломудріе, а она окажется ишленной дѣствія, то необходимъ¹⁾ весь. Если мужчина при заключеніи брака дѣлаетъ условіемъ цѣломудріе жены, а она окажется не цѣломудренію; то мужъ, не смотря на это, обя-занъ выплатить весь мѣхръ.

А въ бракѣ неправильномъ, если не бываетъ сожитія, не необходимо ничто; если же было сожитіе, то устанавли-вается родство со временемъ сожитія, и мѣхръ-мисль, не боль-ше поименованного. Если не было сожитія при бракѣ непра-вильномъ, т. е. при бракѣ безъ согласія жены, или безъ сви-

¹⁾ 66 стр. подлинника.

дѣтелей, то выплачивать мехръ нѣтъ необходимости. Если же было сожитіе, то признается дитя роднымъ, если оно родилось шесть мѣсяцевъ спустя послѣ брака; и въ этомъ случаѣ пожалуй выплатить мехръ-мисль, если только онъ не больше поименованаго въ брачномъ контрактѣ.

А мехръ-мисль по роду отца, по годамъ, по красотѣ, по имуществу, по уму, по вѣрѣ, по мѣсту, по времени, по дѣятельности или недѣятельности. А если не находится изъ нихъ, то по постороннимъ, но не мать и родственники ея, если только она не будетъ изъ родственниковъ отца ея. Мехръ-мисль опредѣляется количествомъ мехра, полученного родственницей по отцу, напр. сестрами отца или дѣтьми ихъ. При этомъ требуется, чтобы родственница была равна по красотѣ, по имуществу, по уму, по вѣрѣ; чтобы она жила въ одномъ томъ же городѣ и въ одно время; чтобы она была также цѣломудренна или нецѣломудренна. Если нѣтъ подобныхъ родственницъ со стороны отца замужнихъ, то для опредѣленія мехра-мисля принимается во вниманіе какая-нибудь посторонняя женщина, равная по качествамъ; но мать и родственницы ея не принимаются во вниманіе, если только онъ не состоять въ родствѣ съ отцемъ.

Правильна уплата мехра ея опекуну ея, хотя бы несовершеннолѣтней. Опекунъ можетъ вместо мужа уплатить мехръ женѣ, хотя бы она была несовершеннолѣтняя, такъ что если жена взяла уже мехръ отъ мужа, то она должна возвратить его.

Предварительный и заключительный мехръ, если опредѣленъ, то этотъ, если нѣтъ, то обычное. Мехръ раздѣляется на двѣ половины; одна получается тотчасъ, другая постѣ. Если количество того и другаго мехра опредѣлено, то жена и получастъ это; если же не опредѣлено, то жена получаетъ столько, сколько получаютъ обыкновенно личности равныя ей.

А прежде принятія предварительного мехра, ей принадлежитъ возвращаніе ему сожитіе и путешествіе, хотя бы послѣ сожитія по ея уступкѣ, безъ прекращенія пропитанія,—и путешествіе и выходитъ по желанію безъ позволенія ею; а послѣ принятія ею, она увозитъ ее; но говорятъ, что она не дѣлаетъ съ нею сафара и обѣ этомъ есть фетва.¹⁾ До по-

¹⁾ Фетвою называется постановление мусульманскихъ законовъ.

лученія предварительного мехра жена имѣетъ право отказываться отъ сожитія съ мужемъ и отъ путешествія съ нимъ, хотя бы даже прежде этого она и дозволяла ему пользоваться супружескими правами. Однако изъ-за этого отказа мужъ не имѣетъ права лишать ее пропитанія. Притомъ до полученія предварительного мехра, жена имѣетъ право безъ позволенія мужа выходить изъ дома и даже совершать путешествіе. Но постъ полученія его, мужъ имѣетъ право увести жену изъ мѣста жительства. Однако ученые законовѣды говорятъ, что мужъ не можетъ увести свою жену безъ ея согласія дальше трехъ дней пути отъ мѣста жительства. Объ этомъ есть фетва. Подобное постановленіе было вызвано опаснѣемъ временемъ, такъ какъ женѣ въ путешествіи много опасностей.

Если онъ съ пошлетъ что-нибудь, а она скажетъ: „это подарокъ“, а онъ скажетъ: „мехръ“, то слово за нимъ, кромъ того, чѣмъ есть средъ для тѣды. Если мужъ пошлетъ женѣ что-нибудь, а спустя иѣкоторое время жена скажетъ: „это былъ подарокъ“, а мужъ скажетъ: „это былъ мехръ“; то въ шаригатѣ принимается въ уваженіе слово мужа. Но если были посланы предметы, употребляемые въ пищу и которые могутъ испортиться, напр. хлѣбъ, лепешки, жареное мясо, обыкновенные плоды, не употребляемые для мехра; въ этомъ случаѣ принимается въ уваженіе слово жены. Однако когда бываютъ посланы: ишеница, медъ, баранье сало, грекіе и простые орѣхи, то принимается въ уваженіе слово мужа.

Бракъ полнаго раба, записаннаго къ отпущенію по смерти, служанки и уммѣ-валлди¹⁾ безъ позволенія хозяина правленъ. Если согласится, то утверждается, а если отвергнется, то уничтожается; если позволитъ, то полный рабъ продается за мехръ, а два послѣдніе работаютъ. Если вступить въ бракъ безъ позволенія хозяина полный рабъ, рабъ уплатившій часть своего выкупа, рабъ назначенный къ отпущенію по смерти хозяина, служанка и уммѣ-валляди, т. е. служанка, прижившая дитя отъ хозяина,—то бракъ считается правильнымъ. Если хозяинъ согласится на этотъ бракъ, то онъ призывается во всей силѣ; если же неѣть, то расторгается. Когда хозяинъ дастъ позволеніе рабамъ на бракъ съ извѣстнымъ мехромъ, а рабы не могутъ ни выплатить его, ни доставить про-

¹⁾ 67 стр. подлинника.

питанія, то рабъ полный продаётся для уплаты мехра, рабъ же назначенный къ отпущению по смерти хозяина и рабъ уплативший часть своего выкупа не продаются за мехръ, а обязаны работать вмѣсто уплаты.

И позволеніе на бракъ обще на законный и неправильный. Позволеніе хозяина на бракъ рабу бываетъ общимъ на законный и неправильный бракъ: такъ если хозяинъ дастъ рабу позволеніе жениться, а тотъ вступить въ неправильный бракъ, напр. безъ свидѣтелей, то не смотря на это раба все же, по мнѣнію имама Агзама, должно продать къ невыгодѣ хозяина для уплаты мехра. То же самое утверждаютъ Абу-Юсуфъ и Мухаммедь.

Кто выдастъ за мужъ служанку, то нѣтъ необходимости въ отпущеніи ея; и пропитанія нѣтъ отъ него; и сожительствуетъ супругъ, если свободенъ. Хозяинъ можетъ выдать замужъ служанку, и ему при этомъ необходимо увольнять ее отъ работы для хыльвата съ мужемъ. Однако въ этомъ случаѣ мужъ не обязанъ доставлять пропитаніе женѣ. Впрочемъ хозяинъ не имѣть права не допускать служанку до хыльвата съ мужемъ, если у нея нѣть работы и у мужа ея есть свободное время.

И ему женитъба раба и служанки насилино; освободившаяся раба и записанная выходитъ изъ-подъ свободного или раба; а если вступить въ бракъ безъ позволенія, а потомъ освободится, то въ силъ при нежеланіи ея.¹⁾ Хозяинъ имѣть право женить раба и выдать за-мужъ служанку, не смотря на ихъ нежеланіе, хотя это и мякругъ, т. е. достойно презрѣнія. Впрочемъ служанка, полная или уплатившая часть своего выкупа, если будетъ выдана за-мужъ насилино, то послѣ освобожденія имѣть право расторгнуть бракъ, будь ли она за свободнымъ или за рабомъ. Но если она вступала въ бракъ безъ согласія хозяина, то не имѣть права расторгнуть брака, хотя бы и не желала жить съ мужемъ.

И что упомянуто, то хозяину, если было сожитіе, а потомъ была освобождена; а если прежде освободилась, а потомъ было сожитіе, то ей. Если мужъ будетъ имѣть сожитіе со служанкой до ея освобожденія, то назначенный мехръ онъ долженъ заплатить хозяину; если онъ началъ сожитіе уже послѣ ея освобожденія, то мехръ отдается женѣ.

¹⁾ Основано на 29 ст. 4 гл. Корана.

И мужъ служанки ниспускаетъ съ позволенія господина ея, а свободной съ ея позволенія. Мужъ служанки имѣть право не допускать семени въ утробу, а выкидывать его вонъ, впрочемъ съ позволенія ея хозяина, какъ утверждаетъ имамъ Агзамъ; а Абу-Юсуфъ и Мухаммѣдъ говорятъ, что онъ можетъ сдѣлать это только съ ея позволенія. Что касается мужа свободной женщины, то онъ можетъ сдѣлать это съ ея позволенія.

Если сдѣлаетъ сожитіе со служанкой сына, а потомъ она родитъ, а затѣмъ она признастъ его, то родство утверждается и она бываетъ уммѣ-валяди и необходима цѣна ея, но не мехръ ея и не цѣна дитятъ ея. Если кто-нибудь будетъ имѣть спошеніе съ служанкой сына и та родитъ дитя, а онъ признастъ его своимъ, то между пимъ и новорожденнымъ дитятей признастся родство и служанка дѣлается уммѣ-валяди.¹⁾ Въ этомъ случаѣ отецъ обязанъ заплатить сыну стоимость служанки, но за дитя не обязанъ платить, также не обязанъ платить и мехръ.

Дѣлъ какъ отецъ, по смерти его, и если женится на ней, то правильно, и она не считается уммѣ-валяди и необходимъ мехръ ея, но не цѣна ея, а дитя свободно по причинѣ близости его. Дѣлъ такой, въ родствѣ съ которыми нѣтъ посредствующаго женского звѣна, напр. отецъ отца,—такой дѣлъ принимается, по смерти отца, въ значеніи отца относительно данного случая. Если отецъ женится на служанкѣ сына, то бракъ считается правильнымъ, и она, когда родитъ дитя, уже не считается уммѣ-валяди. Въ этомъ случаѣ отецъ долженъ отдать мехръ служанкѣ, но не обязанъ платить выкупа за нее сыну. Дитя, происшедшее отъ этого брака, считается свободнымъ, такъ какъ между пимъ и бывшимъ господиномъ его матери родство очень близкое.

Несовершеннотѣнній сидуетъ лучшей вѣри родителей,²⁾ а безъ извѣстія о нихъ сидуетъ селенію, и маю хуже человѣка писанія. Если родители будутъ разной религіи, напр. одинъ будетъ мусульманинъ, а другой не-мусульманинъ, а дитя будетъ еще пастолько молодое, что не можетъ отличить хорошей вѣры отъ плохой, то оно должно быть воспитано въ той вѣрѣ

¹⁾ Этимъ терминомъ называется у мусульманъ служанка, прижившая дитя отъ своего господина. Она получаетъ свободу по смерти господина

²⁾ 68 стр. подлвишнїка.

родителей, которая лучше, такъ что если отецъ или мать будеть исповѣдывать исламъ, то дитя непремѣнно обязано воспитываться въ исламѣ; если же отецъ будеть магъ, т. е. огнепоклонникъ, а мать — женщина писанія, т. с. христіанка или іудейка, или паоборотъ отецъ будеть христіанинъ или іудей, а мать огнепоклонница, то дитя должно быть христіаниномъ или іудеемъ, потому что христіанинъ или іудей гораздо выше мага. Въ этомъ случаѣ, когда неизвѣстны будуть родители малолѣтняго дитяти, которое будетъ найдено гдѣ-нибудь, дитя слѣдуетъ той вѣрѣ, какая исповѣдуется жителями того селенія или той провинціи, где онъ найденъ; напр. если онъ найденъ въ провинціи населеній мусульманами, то онъ долженъ быть мусульманиномъ; если же найденъ въ провинціи населеній невѣрными, то — невѣрнымъ.

Если обращаются въ исламъ вступившіе въ бракъ безъ свидѣтелей, или по обычаю невѣрныхъ, то увѣренные въ этомъ признаются отъ немъ, но расторгаются запрещенные, — и въ исламѣ мужъ огнепоклонница, или жена невѣрна, то предлагается исламъ другому, и если обращается въ исламѣ, то она ему, и если нѣть, то расторгается. Если обращаются въ исламѣ мужъ и жена, вступившіе въ бракъ безъ свидѣтелей или по обычаю, какой существуетъ у невѣрныхъ, и если они увѣрены, что бракъ ихъ правиленъ съ точки зрѣнія ихъ бывшей религіи, то бракъ ихъ остается во всей силѣ. Впрочемъ тѣ браки, которые считаются запрещенными по ученію ислама, расторгаются въ этомъ случаѣ. Если обращается въ исламѣ мужъ огнепоклонница, или жена человѣка писанія, т. с. христіанина или іудея, то предлагается въ присутствіи казыя исламъ другому супругу, оставшемуся въ невѣріи. Если онъ приметъ исламъ, то бракъ ихъ утверждается, если же нѣть, то расторгается.

Это бываетъ разводомъ, если сопротивляется, и нѣть мехра, если она воспротивилась, исключая той, съ которой имѣлъ сожитіе. Если мужъ отказался принять исламъ, то бываетъ полный разводъ; если жена отказалась принять исламъ, то мужъ не обязанъ платить ей мехра. Однако если онъ имѣлъ сожитіе съ ней, то долженъ заплатить мехръ.

И въ домѣ своемъ раздѣляются по прошествію трехъ менструаций со временемъ ислама послѣднюю; и разлучаются посредствомъ деревень, но не пльна. Если мужъ огнепоклон-

ницы или жена невѣрнаго, обратившись въ исламъ, будуть жить въ одномъ домѣ со своими супругами, то они должны быть разведены по прошествіи времени трехъ періодовъ менструацій, начиная со времени обращенія въ исламъ мужа огнепоклонницы или жены невѣрнаго. Въ этомъ случаѣ, когда менструація не показывается по какимъ-нибудь причинамъ, они разводятся по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Послѣ развода въ этихъ случаяхъ мужъ и жена должны поселиться въ разныхъ селеніяхъ: невѣрный супругъ — въ селеніи невѣрныхъ, мусульманинъ — въ селеніи мусульманъ. Если мужъ и жена вмѣстѣ попадутся въ пленъ въ мусульманское селеніе, то они не разводятся.

И вѣроотступничество каторого-нибудь изъ нихъ нарушаетъ тотчасъ, потомъ той, съ которой имълъ сожитіе, весь меҳръ ся, а безъ этого половина его, если онъ отступилъ отъ вѣры, и ничего, если она отступила отъ вѣры. Если мужъ или жена оставляетъ исламъ и переходитъ въ другую вѣру, то бракъ прекращается въ тотъ же самый моментъ. Если вѣроотступничество случилось послѣ сожитія, то жена получаетъ весь меҳръ, опредѣленный въ контрактѣ, или меҳръ — мисль, кто-бы ни былъ вѣроотступникомъ, мужъ или жена, потому что меҳръ есть плата за сожитіе. Но жена получаетъ половину меҳра, если вѣроотступничество случилось до сожитія и отступила отъ ислама не она, а мужъ; если же она отступила, то въ этомъ случаѣ не получаетъ ничего.

Бракъ остается, если отступаютъ вмѣстѣ и обратятся въ исламъ вмѣстѣ; но расторгается, если одинъ изъ нихъ обратится въ исламъ прежде другаго. Бракъ остается во всей силѣ, если мужъ и жена въ одно время сдѣлаются вѣроотступниками и въ одно время снова обратятся въ исламъ. Но бракъ расторгается, если мужъ и жена, сдѣлавшись вѣроотступниками въ одно время, обратятся въ исламъ въ разное.

Всikая жена въ домѣ равна, кроме служанки,¹⁾ а для нея половина свободной, но не отправки въ путь; справедливъ отказъ отъ отправки и возвращеніе. Всѣ жены, будутъ ли девицы или вдовы, мусульманки или женщины писанія, — вся равны относительно пищи, одѣжды и почей. Равенство относительно почей мужу соблюдать необходимо, хотя бы онъ самъ или жена была больна. Въ преданіи отъ лица Айши разсказа-

¹⁾ Основано на 128 ст. 4 гл. Корана.

зыается: „По священному преданию, посланикъ Божій—да помилуетъ и благословитъ его Богъ!—во время своей болѣзни, призвавши Айшу,—да будетъ ею дарованіе Богъ!—послали ее за своими женами; тѣ въ священномъ присутствіи его собрались все; посланикъ Божій — да помилуетъ и благословитъ его Богъ!—сказалъ имъ: „у меня пѣтъ силы ходить къ вамъ поочередно,—дайте позволеніе мнѣ пребывать съ Айшою. Пречистыя жены его дали ему это позволеніе.“ Если бы болѣзнь освобождала отъ обязанности соблюдать между женами равенство въ нючахъ, то посланикъ Божій не сталъ бы просить себѣ этого позволенія. Въ „Шархъ-кафійѣ“ говорится: „если какой-нибудь мужъ, имѣя двухъ женъ, провелъ мѣсяцъ съ одной изъ нихъ, не возбуждая ропота другой, по наконецъ другая жена стала роптать; въ такомъ случаѣ ночи распредѣляются между женами по соглашенію, но прошедшій мѣсяцъ не возвращается; однако мужъ виновенъ въ несоблюденіи равенства. Если же дѣло дойдетъ до казни, и тотъ сдѣлаетъ виновніе мужу, а мужъ будетъ по прежнему нарушать равенство, то казый упрекаетъ его еще болѣе“. Впрочемъ въ „Мухбатѣ“ сказано, что относительно супружескаго сожитія равенство соблюдать не обязательно. Это относительно женъ свободныхъ. Относительно служанки же соблюдать равенство не обязательно, такъ что на долю ея должна доставаться только половина свободной. Что касается отправки въ путь, то мужъ можетъ взять съ собой любую жену, не соблюдая равенства; но бросить жребій между женами лучше. Жребій дается женамъ слѣдующимъ образомъ: нужно нарезать нѣсколько лоскутковъ бумаги; на одномъ изъ нихъ написать „путь“, на другихъ написать „пребываніе“, потомъ эти бумажки замять въ грязь или тѣсто и отдать какому-нибудь дитяти предложить ихъ женамъ для выбора. Та, которой достанется бумажка съ надписью „путь“, и должна отправляться. Однако она можетъ отказаться отъ отправки и передать это право другой женѣ. Но раскаявшись въ этомъ, можетъ снова возвратить его себѣ.

Глава о молочномъ родствѣ (*Китабу-р-Ризагъ*)¹⁾

Утверждается посредствомъ сосания отъ продолженіи доухъ ее половиной лѣтъ материнство кормящей и отцовскаго му-

1) 69 стр. подлипника.

жса, можно ся отъ него для сосущаго, и дѣлаются для него запрещеннымъ вѣсты съ родственниками ихъ, какъ кровные родственники и вѣтии его и сосущій для нихъ.¹⁾ Кормление грудью дѣласть матерью жеющиу кормящую по отношенію къ тому ребенку, котораго она кормить, и дѣлаеть отцемъ того мужа, отъ котораго кормилица получила молоко, такъ что если кормилица получила молоко отъ одного мужа, потомъ вышла за другаго и стала кормить грудью дитя, то это дитя будетъ сыномъ по молочному родству первому мужу, а второму мужу будетъ пасынкомъ и поэтому можетъ вступить въ бракъ съ его дѣтьми отъ другой жены. Кормление грудью устанавливаетъ родство, которое служить препятствіемъ къ браку, такъ что сосавшему нельзя жениться на кормилицѣ; ся мужъ, отъ котораго она получила молоко, на ближайшихъ родственникахъ ихъ и на нисходящей линіи ихъ. Точно также и супругъ сосавшаго не можетъ вступить въ бракъ съ кормилицей или съ ея мужемъ.

Позволяется сестра своему брату по молочному родству подобно, какъ и въ кровномъ родствѣ. Братъ и сестра по молочному родству могутъ вступить въ бракъ съ братомъ и сестрой по кровному родству, какъ въ кровномъ родствѣ братъ и сестра по отцу могутъ вступить въ бракъ съ братомъ и сестрой по матери.

А кистири и молоко мужчины, не примышанное къ пищѣ, не дѣлаетъ запрещеннымъ, а къ другому, то принимается въ разсчетѣ количество его; и дѣлаетъ запрещеннымъ введеніе его въ носъ и молоко дѣвицы и мертвовой. Клистиръ сдѣланій изъ женскаго молока дитяти не устанавливаетъ молочнаго родства. Молоко мужчины, примѣшанное къ пищѣ, также не устанавливаетъ родства; по сии оно примѣшано не къ пищѣ, а къ чему-нибудь другому, напр. къ водѣ, къ лекарству, то принимается въ разсчетѣ количество его, такъ что если молока будетъ больше, пежели веществъ примѣшанныхъ, то устанавливаетъ, если же будетъ наоборотъ, то не устанавливаетъ. Введеніе молока въ носъ, а также молоко дѣвицы и мертввой женщины устанавливаетъ родство.

Если покормить грудью свою подругу, то обѣ бывають запрещены по молочному родству; и нѣтъ мехра для стар-

¹⁾ Основано на 27 ст. 4 гл. Корана.

шай, если не было супружеского сожитія, а сосавшій половина ею, и отнимастся у кормившій, если имъя намѣреніе пофредити. Если одна жена покормить грудью другую, то обѣ дѣлаются запрещенными для сожитія съ мужемъ, потому что кормившая будеть матерью сосавшій, сльд. первая по отношенію къ мужу будеть матерью его жены, а послѣдняя дочерью его жены или даже его дочерью по молочному родству, если молоко кормившій было отъ него. Такимъ образомъ обѣ жены становятся запрещенными мужу. Кормившая жена должна быть разведена. Ей не выдается письколько мехра, если съ ей не было сожитія; послѣ этого позволяетя снова вступить въ бракъ съ женой, которая сосала. Въ „Махітѣ“ же сказано: „если съ кормившій женой было сношепіе, то ей слѣдуетъ полный мехръ и мужу не позволяетя вступать въ бракъ съ той, которая сосала грудь“. Что касается сосавшій жены, то ей слѣдуетъ половина мехра если будеть разведена и она. Въ этомъ случаѣ, если жена кормила другую жену съ вреднымъ намѣреніемъ, т. с. если она знала, что та жена ся мужа и что чрезъ это она дѣлаетъ разрывъ брака, а не смотря па это кормила, — то у ней отнимастся и та половина мехра, которую далъ сїй мужъ.

Глава о разводѣ (Китабу-т-Талакъ)¹⁾

Совершается только совершенно пьянѣмъ, хотя бы бывал пьянѣ, или рабомъ, но не господиномъ его и соннымъ. Разводъ можетъ дать только совершенно пѣтній и въ здравомъ умѣ; сумасшедшій же, дитя и человѣкъ, паходяційся въ безсознательномъ состоянії, развода дать не можетъ. Впрочемъ разводъ можетъ быть данъ человѣкомъ пьянымъ, если только можно разобрать его слова; если же писья, то развода не бываетъ. Такъ сказано въ „Загидѣ.“ Рабъ также можетъ дать разводъ своей женѣ, по господину не можетъ дать развода женѣ своего раба. Впрочемъ и онъ можетъ дать разводъ, если только въ брачномъ контрактѣ оставилъ за собой это право, т. е. въ брачномъ контрактѣ онъ помѣстить слѣдуюція слова „я жено такого-то, разводъ предоставлю себѣ, въ какое бы время я не пожелалъ, я могу сдѣлать разводъ“ а рабъ напишетъ: „я согласенъ“. Не можетъ дать развода еще человѣкъ спящій.

1) 69-я стр. подлинника.

Превосходній ізъ нихъ только одинъ разводъ въ чистотѣ, нынѣ супружескаго сожитія въ немъ. Самый лучшій разводъ только одинъ, именно тотъ, который дается женѣ въ то время, когда она чиста отъ менструаціи и истечения крови послѣ родовъ, притомъ же пѣ, съ которой мужъ не имѣлъ супружескаго сожитія въ этотъ періодъ чистоты.

Хорошій ізъ нихъ и сообразный съ сюжетомъ разводъ для жены, съ которой не имѣлъ сношенія, хотя бы¹⁾ во время менструаціи; а для той, съ которой имѣлъ сношеніе, троекратный разводъ въ чистотѣ, нынѣ сношенія съ ней, для той, которая имѣетъ менструацію и мѣсяцы для несовершеннолѣтней; для той, у которой прекратилась менструація, для беременной, хотя бы послѣ сношенія. Хорошій и сообразный съ сюжетомъ разводъ состоитъ въ томъ, чтобы дать одинъ разводъ женѣ, съ которой мужъ не имѣлъ сношенія, хотя бы это было во время менструаціи. Что же касается жены, съ которой было супружеское сожитіе, то для совершенія хорошаго развода нужно сказать ей разводъ трижды въ три періода чистоты отъ менструацій. Притомъ мужъ не долженъ имѣть съ ней сожитія въ это время. Это относительно жены, у которой бываетъ менструація. Для той же жены, у которой прекратилась менструація, для несовершеннолѣтней и беременной нужно произнести три развода въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, хотя бы раньше развода мужъ имѣлъ супружеское сожитіе съ ними.

А еретическій ізъ нихъ одинъ въ чистотѣ и имѣетъ сожитіе съ ней, или во время менструаціи той, съ которой имѣлъ сожитіе; а что сверхъ, то разводъ безъ возвращенія—въ чистотѣ. Разводъ еретическій и запрещенный состоитъ въ произнесеніи одного развода во время чистоты отъ менструаціи,—чистоты, въ которую мужъ уже имѣлъ сожитіе съ женою разводимою; или произнесеніе развода женѣ, съ которой опять имѣлъ сожитіе, во время ея менструаціи. Если мужъ дважды или трижды произнесетъ разводъ въ продолженіи одного періода чистоты, то это будетъ также еретическій разводъ, но супружество между разведенными не возстановляется.

И возвращается, если разводъ во время менструаціи, а когда она очистится, онъ разводитъ ее, если пожелаетъ. Если

¹⁾ 70 стр. подлинника.

разводъ данъ во время менструациі жены, то необходимо ее возвратить назадъ. Впрочемъ некоторые ученые говорятъ, что это только похвально. Однако, когда жена очистится, мужъ можетъ снова развести ее, если пожелаетъ этого.

А разводовъ для свободной три,¹⁾ а для служанки два, хотя бы супруги ихъ были противоположны имъ. Свободной женѣ разводъ нужно дать трижды, а рабѣ —дважды, хотя бы мужъ у свободной былъ рабъ, а у рабы —свободный человѣкъ.

А выражение то, что употребляется только въ немъ, кроме другого, напр. „ты разводишься“, „ты разведена“, „я тебя развелъ“, и при этомъ обыкновенно совершаются раджи.²⁾ Для выражения развода употребляются слова специально для этого назначенные, которыхъ нигдѣ больше не употребляются, напр. „ты разводишься“, „ты разведена“, „я тебя развелъ“. По произнесеніи этихъ словъ совершаются раджи, было ли намѣреніе взять назадъ свое слово, или дать полный разводъ.

Если будетъ упомянуто имя дѣйствія, то три, если имъеть въ намѣреніи, если же нѣтъ, то раджи. Если мужъ выразить разводъ именемъ дѣйствія, напр. скажетъ женѣ: „ты разводъ“, а при этомъ имѣть въ намѣреніи три развода, то исполняется три; если же нѣтъ, то происходитъ раджи.

Справедливо отношение развода ко всей ей и къ тому, что не можетъ быть отнято отъ цѣлого, напр. головѣ твоей, или шеѣ твоей, или душѣ твоей, или лицу твоему, или срамному проходу твоему „проклянетъ Богъ проходы на сѣдлѣ“, или ко всему члену, или къ половинѣ его; но не къ рукѣ, не къ ногѣ, не къ животу и не къ спинѣ. Правильно относить разводъ ко всей женѣ, напр. „разводъ всей тебѣ“, „разводъ всей тебѣ совершенно“, „разводъ цѣлой тебѣ“; правильно также относить его и къ тому члену, который не можетъ быть отдѣленъ отъ цѣлаго организма, напр. „разводъ головѣ твоей, или шеѣ твоей, или душѣ твоей, или лицу твоему, или срамному проходу твоему“. Послѣднее подтверждается преданіемъ, гдѣ употребленъ срамный проходъ вмѣсто цѣлой женщины. Это преданіе читается: „проклянетъ Богъ проходы на сѣдлѣ“. Разводъ можетъ быть отнесенъ къ цѣлому члену или части его,

¹⁾ Основано на 229—230 ст. 2 гл. Корана.

²⁾ «Раджи» называется такой разводъ, который потомъ возвращается мужемъ обратно.

напр. „разводъ половинъ или третьей части“ извѣстнаго члена, потому что жена и члены ея относительно развода недѣлимы. Но разводъ не можетъ быть отнесенъ къ рукѣ, ногѣ, животу и спинѣ.

И *часть развода* — *разводъ, а два въ двухъ — два и спра-
ведливо намѣреніе¹⁾ вмѣстъ; начало предыдла входитъ, но не
конецъ его; а что касается „между“, то какъ „изъ“. Если
мужъ скажетъ женѣ: „половина, или третья, или четвертая
часть развода тебѣ“: то исполняется одинъ разводъ; если онъ
скажетъ: „тебѣ въ двухъ разводахъ два развода“, то испол-
няется столько разводовъ, сколько онъ имѣеть въ намѣреніи.
Онъ можетъ имѣть въ намѣреніи эти разводы вмѣстѣ, т. е.
два развода съ двумя разводами. При этомъ исполняется три
развода. Начало развода входитъ, но конецъ его нѣтъ, т. е.
если скажетъ: „ты разведена пачинай отъ одного до двухъ“, то
исполняется одинъ разводъ. Частица „между“ принимается
въ значеніи частицы „изъ“, напр. „ты разведена между однимъ
и двумя“, то исполняется только одинъ разводъ.*

А „ты разводъ въ Меккѣ“ тотчасъ же исполняется. *И*
сочиняется со вхожденіемъ въ Мекку и исполняется на зарѣ;
въ (выраженіи): „ты разведена на утро или въ завтрашній
день“, то правильно намѣреніе — только для втораго; и испол-
няется тотчасъ же въ (выраженіи): „ты разведена вчера“; а
если женился послѣ этого, то это пустое слово. Если мужъ
скажетъ женѣ: „ты таладъ, т. е. разведена, въ Меккѣ“, то
разводъ исполняется тотчасъ же, когда бы ни было это сказано.
Если онъ скажетъ: „ты разведена, когда войдешь въ Мекку“, то разводъ исполняется только тогда, когда она войдетъ въ
Мекку, и именно на зарѣ того дня, когда она войдетъ. Если
мужъ скажетъ: „ты разведена на утро или въ завтрашній
день“, то полдень можно имѣть въ намѣреніи только по отно-
шению къ завтрашнему дню. Если мужъ скажетъ „ты разведена
вчера“, то разводъ исполняется тотчасъ же. Если же онъ же-
нился сегодня лишь, то этотъ разводъ пустое слово.

И исполняется при концѣ жизни въ (выраженіи): „ты
разведена, хотя бы я не разводилъ тебѣ“; и тотчасъ въ (вы-
раженіи): „когда бы (мата ламъ) не разводилъ“, и потомъ за-
молчитъ; а въ (выраженіи): „когда“ (идза), то что имѣетъ

¹⁾ 71 стр. подлишника.

оъ намъреніи; а если не имъетъ намъренія, то происходит по Абу-Ханифѣ, — помилуетъ его Богъ! — Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена, хотя бы я не совершилъ развода“, то разводъ исполняется при концѣ жизни мужа или жены за часъ до смерти. А если мужъ скажетъ: „когда бы ни (мата лямы) разводилъ я тебя“ и потомъ замолчитъ, то разводъ исполняется тотчасъ же. Если же мужъ скажетъ: „ты разведена, когда (идза) я развелъ тебя“, то нужно знать, въ какомъ смыслѣ онъ употребилъ частицу „когда“ (идза); если онъ употребилъ ее въ значеніи „хотя бы“, то разводъ исполняется при концѣ жизни; если же въ значеніи „когда“ (идза), то разводъ совершается тотчасъ же, по мнѣнію Абу-Ханифы.

А день принимается за день опредѣленный, когда происходит работа, напр. „дѣло твое въ рукахъ твоихъ въ день, когда возвратится Зеидъ за время назначеное для развода, то онъ не прекращается съ дневной работой, напр. „ты разведена въ день, когда возвратится Зеидъ.“ Если въ словахъ развода упоминается день и полагается временемъ развода, то нужно знать въ какомъ смыслѣ употребляется слово день. Онъ можетъ означать срокъ времени, въ которое производится работа, напр. мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена въ день, когда возвратится Зеидъ“, а Зеидъ возвратится ночью, то слова мужа ничего не значать. Но слово день еще можетъ быть употреблено для обозначенія вообще времени назначеннаго для развода, напр. если въ вышеприведенномъ примѣрѣ мужъ размѣлъ подъ днемъ вообще время развода, то разводъ исполняется когда бы ни возвратился Зеидъ.

А женѣ, съ которой не имълъ сожитія въ (выраженіи): „ты разведена трижды“, то происходитъ, а при соединеніи происходитъ разводъ посредствомъ первого. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена трижды“, то происходитъ три развода; если онъ скажетъ: „ты разведена, еще разведена и еще разведена“, то значеніе имѣеть только первое „ты разведена“ и разводъ происходитъ только одинъ.

Подобнымъ образомъ и таида, когда ставишь условіе и условіе предшествуетъ; и исполняются все, если послѣдуетъ; а въ (выраженіи): „ты разведена одинъ разъ прежде одного или послѣ его“, то одинъ; а если женѣ, съ которой имълъ сожи-

тис¹⁾ то два; а въ (выраженіи): „раньше этого и послѣ“ или „съ нимъ“ или „вмѣсть“ то два. Подобнымъ же образомъ, если мужъ соединить разводъ съ какимъ-нибудь условіемъ и условіе поставить напереди, а потомъ три раза повторить „разведена,“ то разводъ совершается только первымъ „разведена,“ напр. мужъ скажетъ: „если ты войдешь въ домъ, то разведена, разведена, разведена,“ — разводъ бываетъ одинъ посредствомъ первого „разведена“. Но происходитъ три развода, если мужъ поставить условіе позади, напр. если скажетъ: „ты разведена, разведена, разведена, если войдешь въ домъ.“ Если мужъ скажетъ женѣ, съ которой не имѣлъ сношенія: „ты разведена однимъ разводомъ прежде одного“ или: „ты разведена однимъ разводомъ послѣ одного“, то происходитъ только одинъ разводъ. Если послѣднія двѣ формы развода мужъ употребить по отношенію къ женѣ, съ которой имѣлъ сожитіе, то происходитъ два развода. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена однимъ разводомъ раньше этого, или послѣ этого, или съ этимъ, или вмѣстѣ съ однимъ разводомъ“, — во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ два развода.

Если дается знакъ посредствомъ лица пальцевъ, то принимается во внимание счетъ выпрямленныхъ; если же наружностью пальцевъ, то согнутые. Если мужъ хочетъ означить число разводовъ посредствомъ пальцевъ, то нужно различать, какъ онъ обратить свою руку: если обратить ее ладонью къ женѣ, то число согнутыхъ пальцевъ будетъ означать количество разводовъ; если же обратить руку наружностью къ женѣ, то количество разводовъ будетъ означать счетъ пальцевъ выпрямленныхъ.

Если охарактеризуешь разводъ посредствомъ силы, или длины, или ширины, или уподобишь его тому, чиму свойственно это, то три, если имѣешь въ намѣреніи; если же нѣть, то одинъ разводъ. Если мужъ присоединитъ къ разводу эпитетъ, означающій понятіе силы или длины, напр. если мужъ скажетъ: „крепкій разводъ, или длинный разводъ, или широкій разводъ,“ или уподобить разводъ предметамъ, которымъ приписываются упомянутыя свойства, напр. „даю тебѣ разводъ съ гору, или въ величину дома, или въ длину тѣни шеста, или величиною съ лицемъ земли“, — то во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ три развода, если мужъ имѣлъ въ намѣреніи три развода; если же нѣть, то одинъ разводъ.

¹⁾ 72 стр. подлинника.

А несобственные слова ею сходны для него и для другого, напр. уди, убирайся, встань, обусловливаются значением. Слова развода, не специально назначенные для него, суть тѣ, которыя употребляются при разводѣ и при другихъ случаяхъ, напр. уди, убирайся, встань; этимъ словамъ придается значение смотря по обстоятельствамъ, напр. „убирайся“, будучи отвѣтомъ на вопросъ жены о разводѣ можетъ значить: „убирайся отъ меня“ или „убирайся съ вопросомъ о разводѣ.“

И если кто скажетъ: раздѣлена, испорчена, разъединена, отдѣлена, запрещена, то значитъ по смыслу; или если скажетъ: считай, очисти утробу твою, ты одна, ты свободна, дѣлай свободный выборъ, дѣло твое въ рукахъ твоихъ, тебя дѣлаю пустою, я отдѣляю тебя, и сомнѣваются въ обоихъ, а въ благорасположеніи все основывавшися на намѣреніи; а во гнѣвѣ первыя; а когда упомянетъ разводъ, то первая только; а если онъ имѣетъ въ намѣреніи три, то происходитъ, а если иныхъ, то бани; и въ (враженіи): считай, очисти утробу твою и ты одна. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты раздѣлена, или испорчена, или разъединена, или отдѣлена, или запрещена;“ то нужно опредѣлять ихъ значение по смыслу. Такъ они могутъ значить: ты раздѣлена съ благочестіемъ, испорчена въ нравственности, разъединена съ вѣрой и отдѣлена отъ нея. Но они будутъ означать разводъ, если служатъ отвѣтомъ на вопросъ жены о разводѣ. Если скажетъ мужъ женѣ: считай, очисти утробу твою, ты одна, ты свободна, дѣлай свободный выборъ, дѣло твое въ рукахъ твоихъ, тебя дѣлаю пустою, я отдѣляю; то эти слова развода считаются сомнительными, потому что могутъ содержать разводъ, брань и многое другое, напр. слово „считай“ можетъ значить: „считай гыддатъ,“ а въ другомъ случаѣ: „считай благодѣяшія Божіи.“ Потому когда эти слова сказали мужемъ въ веселомъ расположеніи духа, имъ придается тотъ смыслъ, какой подразумѣвалъ мужъ; когда же онъ произноситъ ихъ въ гнѣвѣ, то двѣ только первыя формы, т. е. „считай“ и „очисти утробу твою“, зависятъ отъ намѣренія говорящаго, потому что первая можетъ указывать на отказъ въ разводѣ, а вторая — на брань. Если же мужъ упомянетъ о разводѣ при этихъ словахъ, то первая только форма, т. е. „считай“ будетъ зависѣть отъ намѣренія, потому что всѣ остальные формы въ этомъ случаѣ будутъ указывать уже прямо на разводѣ. Когда мужъ, произнося всѣ эти формы

развода съ присоединенiemъ слова „разводъ,“ подразумѣваетъ три развода, исполняются три развода; когда же не подразумѣваетъ при этомъ трехъ разводовъ, исполняется байнъ.¹⁾ Если мужъ произноситъ слова: „считай, очисти утробу твою и ты одна,“ и при этомъ имѣть въ виду разводъ, то исполняется одинъ разводъ—раджги.

И совершаются чрезъ утверждение себѣ отдаленія, и за-прещенія, но не развода. Разводъ исполняется, когда мужъ самъ себя отдать отъ жены или запретить, напр. когда мужъ скажетъ женѣ: „я отъ тебя отдаленъ“, или „я для тебя за-прщенъ“; но развода не бываетъ, когда мужъ самъ себя разведетъ отъ жены, напр. скажетъ женѣ: „я отъ тебя разведенъ.“

Предоставленіе¹⁾ развода енъ. Дальше рѣчь будетъ о предоставлении мужемъ женѣ права развода посредствомъ пѣко-торыхъ словъ, напр. въ родѣ слѣдующихъ: „дѣлай себѣ раз-водъ“ или „разводъ въ волѣ твоей“.

И знаніе ся соединяется съ маджлисомъ, развеъ то ико скажетъ: „все что ни пожелаешь“ и „когда хочешь“; съ раз-личиемъ: „если хочешь“. Жена можетъ воспользоваться предо-ставленнымъ ей правомъ развода, не перемѣняя своего мадж-лиса, т. е. положенія. Впрочемъ когда мужъ, предоставляя же-нѣ право развода, присоединитъ: „все что ни пожелаешь“ или „когда хочешь“, въ этомъ случаѣ жена можетъ развестись и перемѣнивъ маджлисъ. Однако если, предоставляя женѣ право развода, мужъ присоединитъ: „если хочешь“, то жена теряетъ право развода съ перемѣнной маджлиса.

И не возвращается отъ него; а для другой кромѣ ея не соединяется и возвращается. Когда мужъ предоставилъ женѣ право развода, онъ уже не можетъ отказаться отъ своего сло-ва, потому что это предоставление права развода равнозначу-щее клятвѣ. Если, по просьбѣ мужа, какой-нибудь другой по-сторонній мужчина предоставить отъ лица его женѣ его право развода, то это право не ограничивается маджлисомъ жены и мужъ можетъ отнять у ней это право когда ему угодно, по-тому что онъ просилъ посторонняго человѣка предоставить его женѣ право развода для своей пользы; а если бы онъ не могъ

¹⁾ Словомъ „байнъ“ обозначается разводъ совершенный въ противопо-ложность раджги—разводу, который мужъ вносклѣствіи возвращасть.

²⁾ 73 стр. подлинника.

отнять этого права у жены, то ему была бы не польза, а вредъ.

А **мяджлисъ подлинно то, что измѣняется встаниемъ, или переходеніемъ, или вступленіемъ въ слово и дѣло; но не соединяется съ тѣмъ, что прошло; а лодка ея, какъ домъ ся, а путь животнаю ея, какъ ея путь. Мяджлисъ измѣняется, если жена встанетъ, или пойдетъ, или начнетъ говорить или дѣлать что-нибудь. Впрочемъ если жена прочитастъ стихъ Корана, или съѣсть немногого чего-нибудь, или надѣнестъ платье, также если жена пойдетъ посовѣтваться съ отцемъ о разводѣ, или пригласить свидѣтелей, во всѣхъ этихъ случаяхъ мяджлисъ не измѣняется. Притомъ разговоръ и дѣло уже оконченные также не нарушаются мяджлиса. Если жена во время предоставлѣнія ей мужемъ права развода сидитъ въ лодкѣ, то движеніемъ лодки мяджлисъ ея не измѣняется, потому что это движеніе не зависитъ отъ ея воли. Если жена во время предоставлѣнія права сидитъ верхомъ, то движеніемъ животнаго измѣняется ея мяджлисъ, потому что она можетъ остановить животное.**

И въ (выраженіи): „будь свободна“ съ намѣреніемъ предоставлѣнія; а она скажетъ: „я освобождаюсь“, то не исполняется какъ только бани; а условіе—упоминаніе одного изъ самихъ себя; или слово его: „освободись освобожденіемъ“, а она скажетъ: „я освобождаюсь“. Когда мужъ скажетъ женѣ съ намѣреніемъ предоставить ей право развода: „будь свободна“, а жена отвѣтить: „я освобождаюсь“, то исполняется бани. Условіемъ правильности предоставлѣнія права развода служить упоминаніе мужа или жены о самихъ себѣ, напр. мужъ скажетъ женѣ: „дѣлай саму себя свободной“ или жена скажетъ: „я сдѣлала саму себя свободною.“ Предоставленіе права развода можетъ быть совершено и по слѣдующей формѣ: мужъ скажетъ женѣ: „ты въ правѣ освободить себя“, а жена отвѣтить: „я сдѣлала себя свободною“.

А **если повторитъ его трижды, а она освобождается однимъ изъ нихъ, то три; а если она скажетъ: „я развожу себя,“ или „освобождаю себя однимъ разводомъ“, то бани.** Если мужъ повторить предоставлѣніе права развода трижды безъ соединительного союза, а жена освободится однимъ изъ нихъ, то исполняется три развода; а если она скажетъ въ отвѣтъ: „я развожу себя,“ или „освобождаю себя однимъ разводомъ,“ то исполняется бани.

А если онъ скажетъ: „дѣло твое въ твоихъ рукахъ“ съ намѣреніемъ предоставления, а она разводитъ саму себя, то бани; а если онъ имѣетъ въ намѣреніи три, то исполняются. Если мужъ, съ намѣреніемъ предоставить женѣ право развода, скажетъ ей: „дѣло твое въ твоихъ рукахъ“; а жена отвѣтитъ: „я развозжу саму себя“, то происходитъ бани. Если же мужъ подразумѣвалъ при этомъ три развода, то три развода исполняются.

А въ (выраженіи): „дѣло твое въ рукахъ твоихъ въ отношеніи развода“, или: „освобождаю разводомъ“, а она: „освобождаюся“, то раджги. Если мужъ скажетъ женѣ: „дѣло твое въ рукахъ твоихъ относительно развода“, или скажетъ: „будь свободна на совершение одного развода“, а жена отвѣтитъ: „дѣлаю саму себя свободною“, то исполняется раджги.

А „дѣло твое въ рукахъ твоихъ на нынѣшний день и завтра“ нють¹⁾ заключается; а если она возвратить днемъ, то не бываетъ властна послѣ него. Если мужъ скажетъ женѣ: „дѣло твое въ рукахъ твоихъ на нынѣшний день и завтра“, то подразумѣвается и ночь, находящаяся между этими двумя днями, такъ что жена можетъ развестись въ эту ночь. Если же жена откажется отъ права развода на нынѣшний день, то она не можетъ развестись и послѣ нынѣшняго дня.

А если онъ скажетъ: „сегодня и послѣ завтра“, то два значенія различаются. Если мужъ скажетъ женѣ: „свобода въ твоихъ рукахъ сегодня и послѣ завтра“, то эта форма отличается отъ предыдущей тѣмъ, что если жена не откажется сегодня, то не будетъ имѣть права развода ночью; если же откажется сегодня, то право остается за ней и послѣ завтра.

А въ (выраженіи): „разведи саму себя“, если имѣешь въ намѣреніи три, исполняется, а если нють, то разводъ раджги. Если мужъ скажетъ женѣ: „разведи саму себя“, подразумѣвая при этомъ три развода, а жена разведеть себя, то исполняется три развода. Если же при этомъ мужъ подразумѣваетъ не три развода, а два, или одинъ, или вовсе ничего не подразумѣваетъ, въ такомъ случаѣ происходитъ разводъ раджги.

А въ (выраженіи): „разведи саму себя трижды“, а она разводится, то одинъ исполняется, нють наоборотъ. Если мужъ скажетъ женѣ: „разведи саму себя трижды“, а жена сдѣластъ одинъ

¹⁾ 74 стр. поданішка.

разводъ, то исполняется одинъ разводъ, но не паоборотъ, такъ что, по мнѣнію имама Абу-Ханифы, если мужъ предоставить женѣ право на одинъ разводъ, а она разведется тремя разводами, то ни одного не бываетъ. Впрочемъ Абу-Юсуфъ и Мухаммѣдъ полагаютъ, что въ этомъ случаѣ происходитъ одинъ разводъ.

Если приказывается бани или раджги, а она дѣлаетъ противное, то исполняется, что приказывается имъ. Если мужъ предоставляетъ женѣ право на бани, она разводить себя раджги; если паоборотъ, то исполняется тотъ разводъ, какой предоставилъ мужъ.

А условіе при (выраженіи): „ты разведена, если хочешь“, желаемое безусловно, или соединено съ тѣмъ, чго существованіе уже известно, но не съ тѣмъ, что известно постъ, напр. она скажетъ: „хочу, если ты хочешь“, а она скажетъ: „хочу“. Если скажетъ женѣ: „ты разведена, если хочешь“, то условіемъ развода служить то, чтобы жена не поставляла своего желанія въ зависимость ни къ какому предмету; или чтобы она поставила его въ зависимости отъ такого предмета, который самъ по себѣ не допускаетъ никакого сомнѣнія, напр. если она скажетъ: „я хочу, если небо выше земли“. Но желаніе жены не должно быть поставляемо въ зависимости отъ того, что дѣлается известнымъ уже послѣ ея отвѣта, напр. если она скажетъ мужу: „хочу, если ты хочешь“, а мужъ отвѣтить: „хочу“, въ этомъ случаѣ не происходитъ никакого развода.

А въ (выраженіи): „всегда когда хочешь“ то разводится трижды раздельно, но не послѣ тахлиля¹.) Если мужъ скажетъ женѣ: „дѣлай себѣ разводъ во всякое время, когда хочешь“, то жена имѣетъ право сдѣлать три развода, раздѣливши ихъ другъ отъ друга. Но послѣ тахлиля жена не можетъ сдѣлать развода.

А въ (выраженіи): „какъ хочешь“ исполняется бани или три, если она имѣетъ намѣреніе и если различается намѣреніе ея отъ его, а если нѣтъ, то раджги. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена какимъ угодно разводомъ“, а жена

¹) «Тахлиль» означаетъ періодъ времени, проходящій между разводомъ мужа съ женой и вторичнымъ бракомъ съ ней послѣ сиуружества съ другимъ мужемъ.

разведется, то происходит бани или три развода смотря по-тому, что имѣеть въ намѣреніи жена и если притомъ ся намѣреніе не отличается отъ намѣренія мужа; въ противномъ случаѣ бываетъ различіе.

А въ (выраженіи): „что хочешь изъ трехъ“, то что въ этомъ. Если мужъ скажетъ женѣ: „разведись какимъ угодно количествомъ разводовъ изъ трехъ“, то жена можетъ сдѣлать количество разводовъ только меньше трехъ, потому по-арабски частица «изъ» (минъ) употребляется для выраженія раздѣленія.

Условіе правильного таглика¹ составляетъ владѣніе или прибавленіе къ нему. Тагликъ правиленъ только тогда, когда во время его женщина находится во власти мужа; въ противномъ случаѣ тагликъ бываетъ неправиленъ, напр. если кто-нибудь скажетъ посторонней женщинѣ: „если ты войдешь въ домъ, то разведена“, а потомъ по выходѣ за него за-мужъ если она войдетъ въ домъ, развода не бываетъ, потому что во время таглика она не состояла съ нимъ въ бракѣ. Впрочемъ если присоединить тагликъ ко владѣнію, то онъ будетъ правиленъ.

А слова его: „если“ (инъ), хотя бы (иза), когда (идза), когда бы ни (идза ма), когда (матта), когда бы ни (матта ма), всякий разъ (кюлля) и всякий разъ когда (кюлля ма), т. е. условіе соединяется съ разводомъ посредствомъ этихъ частицъ.

И прекращеніе владѣнія не дѣлаетъ тщетнымъ его. Если прекратится власть мужа, то тагликъ не уничтожается; но если при таглике находится условіе, то оно уничтожаетъ тагликъ, напр. мужъ скажетъ женѣ: „если ты войдешь въ домъ, то получишь разводъ“; но прежде нежели она войдетъ въ домъ, она разведется съ ней и потомъ спова женится на ней и если послѣ этого жена войдетъ въ домъ, то она должна быть разведена, потому что тагликъ безъ прибавленія условія не уничтожается.

Въ (выраженіи) безъ (прибавленія): „всякий разъ какъ“ (кюлля ма), если существуетъ условіе²) однажды при владѣніи, то разрѣщается къ выходѣ, а при безъ владѣнія не къ пользу. Когда условіе высказано безъ частицы „всякий разъ какъ“, высказано одно условіе и говорящій имѣль власть надъ женщи-

¹) Словомъ «тагликъ» означается въ данномъ случаѣ соединеніе развода съ какимъ-нибудь условіемъ.

²) 75 стр. подлинника.

ной, то тагликъ оканчивается къ выгодѣ говорящаго и послѣ этого онъ уничтожается. Но если говорящій не имѣлъ власти надъ женщиной, то тагликъ оканчивается не въ его пользу.

И вѣ (выраженіи): „всякій разъ какъ“ (кюлля ма) разъѣщается послѣ трехъ и не происходитъ, если онъ женится на ней послѣ втораго супруга. Если тагликъ высказацъ посредствомъ частицы „всякій разъ какъ“, то онъ уничтожается послѣ трехъ разводовъ, такъ что если мужъ снова женится на своей женѣ послѣ тахлиля, то развода уже не бываетъ. Разъѣщ только она уже оступила вѣ супружество, т. е. разводъ состоится въ томъ случаѣ, когда мужъ женится на женѣ послѣ того, какъ она уже была за другимъ мужемъ. Напримеръ, если кто-нибудь скажетъ женѣ: „всякій разъ какъ“ (кюлля ма) я вступлю вѣ супружество съ тобою, ты разведена, то разводъ происходитъ, послѣ котораго бы тахлиля мужъ ни вступалъ въ бракъ со своею женою.

А если возникнетъ споръ вѣ существованіи условія, то слово за нимъ, разъѣщ только при доказательствѣ ея. Если между мужемъ и женой при таглике возникнетъ споръ: жена скажетъ, что условіе существовало, потому долженъ быть разводъ; а мужъ скажетъ, что условія не существовало, а потому развода не должно быть; въ этомъ случаѣ отдается предпочтеніе словамъ мужа. Однако когда жена докажетъ посредствомъ свидѣтелей истину своихъ словъ, то отдается предпочтеніе ей.

А при условіи не извѣщается какъ только отъ нея, напр. если ты будешь имѣть менструацію, то разведена ты и такая-то, то удостовѣряется только относительно ея, и разъѣщается послѣ трехъ дній съ разводомъ вѣ первый изъ нихъ. Когда жена получила извѣстіе о таглике отъ другой жены, а не отъ мужа, напр. когда мужъ скажетъ женѣ: „если у тебя появится менструація, то разведена ты и еще другая такая-то“, то дѣлается удостовѣреніе только относительно первой жены, относительно же второй не дѣлается. Послѣ удостовѣренія спустя три дня опредѣляется разводъ вѣ первый изъ трехъ дній.

А вѣ (выраженіи): „если получишь менструацію“, и исполнится когда она очистится. Если мужъ скажетъ женѣ: „если у тебя появится менструація, ты разведена“; въ этомъ

случаѣ разводъ происходитъ въ то время, когда жена очистится послѣ менструаціи.

А вѣ (выраженіе): „если постишься день“, то когда закатится солнце, съ различіемъ: „если будешь постъ“. Когда мужъ скажетъ женѣ: „если ты пропостишься одинъ день, ты разведена“, и если жена потомъ будетъ поститься, то разводъ исполняется по закату солнца, потому что по шаригату день начинается съ восходомъ солнца и кончается съ закатомъ. Впрочемъ если мужъ скажетъ: „когда будешь постъ, ты разведена“, то разводъ совершаются въ первый часъ поста.

А если соединяется разводъ съ рожденіемъ дитяти мужскаго пола и два развода съ рожденіемъ дитяти женскаго пола, а она родитъ обоихъ и не знаетъ первого, то она разводится однажды по рѣшенію и другой для очищенія ся, а гыддатъ считается со втораго. Если мужъ обусловитъ одинъ разводъ жены рожденіемъ отъ нея мальчика и два развода рожденіемъ отъ нея девочки и если жена родитъ мальчика и девочку, то не знаетъ который родился прежде; въ этомъ случаѣ она разводится по рѣшенію казыя однажды, а если дважды, то только для успокоенія ся. Однако гыддатъ въ этомъ случаѣ считается со времени рожденія другаго дитяти.

А если соединяется съ двумя вещами, то исполняется, если находится во владѣніи втораго. Если мужъ обусловитъ разводъ двумя предметами, напр. мужъ скажетъ женѣ: „если ты поговоришь съ Зендомъ и Омаромъ, ты разведена“, то разводъ исполняется, когда жена выполнитъ условіе отиосительно втораго предмета, т. е. когда она поговоритъ съ Омаромъ, хотя бы съ Зендомъ она и не говорила.

А отсутствіе дѣластъ тищетнымъ таглику. Отсутствіе трехъ разводовъ уничтожаетъ три развода по таглику.

А если соединитъ, а потомъ исполнитъ три, потомъ она возвратится къ нему постъ тах-лия, потомъ существующіе условіе,¹⁾ то исполняется. Если мужъ обусловитъ три развода чѣмъ-нибудь, а самъ разведется съ женой помимо этихъ условій и потомъ вступитъ снова съ пей въ бракъ послѣ тах-лия, и если жена исполнитъ это условіе въ этомъ новомъ бракѣ, то развода не бываетъ.

¹⁾ 76 стр. подлинника.

Если соединить со словомъ своимъ „если желаетъ Богъ“, то бываетъ тщетнымъ. Если кто-нибудь присоединить къ своимъ словамъ фразу: „если желаетъ Богъ“, то сила этихъ словъ уничтожается; напр. когда мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена, если хочетъ Богъ“; или господинъ скажетъ рабу: „ты свободенъ, если хочетъ Богъ“, то ни жена не разводится, ни рабъ не освобождается.

Тотъ, чья мысль преслѣдуется смертю, напр. болѣй, не могуший встать надлежащимъ образомъ и выйти изъ дому, и кто вышелъ на сраженіе, и кто обвиненъ зачинщикомъ въ убийствѣ, грабежѣ или побитѣ камнями, болѣй болѣзни смертной и если супругу свою разведетъ безъ ея согласія и умретъ хотя бы и не отъ этой причины, а она въ гыддатъ, то наследуетъ. Человѣкъ болѣй, который не въ состояніи исполнять работу и выходить изъ дому, также человѣкъ, который вышелъ на сраженіе или обвиненъ въ качествѣ зачинщика въ убийствѣ, грабежѣ, или приговоренъ къ побиенію камнями за прелюбодѣяніе,—всѣ эти люди разсматриваются какъ смертельно больные, если они опасаются смерти. Если находящійся въ одномъ изъ этихъ состояній, разведя свою супругу безъ ея согласія, мужъ умретъ и не отъ той причины, которой опасался, а жена не успѣеть еще окончить свой гыддатъ, то она должна получить законную долю наслѣдства.

А кто находится въ рядахъ сраженія, или въ горячкѣ, или заключенъ въ темницу за убийство,—здоровъ. Мужчина, находящійся въ рядахъ сраженія, страдающій горячкой, заключенный въ темницу за убийство, разсматривается какъ здоровый человѣкъ, если онъ не помышляетъ о смерти, такъ что если онъ разведетъ свою жену и потомъ умретъ, то жена не получаетъ наслѣдства, оставшагося послѣ него.

Если онъ удостовѣряетъ въ болѣзни своей о разводѣ ея, или разведетъ ее по ея волѣ, а потомъ откажется съ двоихъ, или завѣщаетъ ей, то ей менышалъ изъ него и изъ наследства. Если мужъ во время своей болѣзни будетъ увѣрять, что гыддатъ жены прошелъ, а жена будетъ согласна съ пимъ, или, если мужъ разведетъ жену по ея волѣ, а умирая оставитъ ей мехръ или другой какой-нибудь долгъ или сдѣлаетъ завѣщаніе на известное количество имущества, то жена послѣ его смерти получаетъ самый меньшій долгъ, или самую меньшую часть имущества.

А если соединитъ разводъ съ условиемъ, а оно находится въ болѣзни его, то она наследуетъ, если соединено съ дѣйствіями его, или съ дѣйствіями ея, но не властна надъ нимъ, или кромѣ этого онъ уже соединитъ въ болѣзни. Если мужъ соединитъ разводъ съ какимъ-нибудь условіемъ, которое находится въ его смертной болѣзни, то жена получитъ наследство, если это условіе соединено съ дѣйствіями его или съ дѣйствіями ея, но съ такими дѣйствіями, надъ которыми жена не имѣеть власти, напр. прекратить дыханіе въ нормальномъ состояніи, или оставить молитву или постъ фарзъ. Жена также получитъ наследство, если мужъ соединитъ разводъ съ условіемъ какихъ-нибудь дѣйствій посторонняго человѣка; только требуется, чтобы это условіе заключалось въ его болѣзни и самое выраженіе его онъ совершилъ во время болѣзни.

Справедливо возвращеніе въ гыддатъ, если и воспротивится она, когда не будетъ бани полнаго или не полнаго, напр. посредствомъ: „я возвращаю тебѣ“, и посредствомъ сожитія съ нею, и обѣйтій¹⁾ со страстью, и смотрѣнія на срамныя части ея. Мужъ имѣеть право слова возвратить къ себѣ разведенную жену, находящуюся въ гыддатѣ, хотя бы жена и не соглашалась. Возвратить ее можетъ мужъ въ гыддатѣ всякого развода, если только не было бани полнаго и неполнаго, т. е. состоящаго изъ трехъ разводовъ или меньше. Возвращеніе можетъ быть совершено посредствомъ словъ: „я возвращаю тебѣ, т. е. разводъ“, или „я возвращаю женѣ моей“, все равно присутствуетъ ли при этомъ жена, или нетъ. Мужъ можетъ возвратить къ себѣ жену находящуюся въ гыддатѣ, совершивъ ст. нею брачное сожитіе, или обнявши ее со страстнымъ пожеланіемъ, или посмотрѣвъ со страстнымъ пожеланіемъ на срамныя части жены.

И принимаются свидѣтельство его для возвращенія. И изъщаетъ ее и чтобы не входилъ къ неѣ до тѣхъ поръ, пока не извѣститъ ее, если не рѣшилъ возвратить ее. Достойно похвалы, если мужъ пригласитъ двухъ благонадежныхъ свидѣтелей при возобновленіи супружества; достойно похвалы также извѣщать жену о томъ, что онъ возвратилъ ее. Если мужъ не рѣшился еще возвратить жену, то онъ не долженъ входить къ ней врасплохъ, а долженъ предупредить о своемъ приходѣ, напр. писаньемъ башмаковъ, каплемъ, восклицаніемъ и т. п.

¹⁾ 77 стр. подлинника.

*А находящаяся въ гыддатъ раджги украшается и ему со-
житie съ нею, и не путешествуетъ съ нею, до тыхъ поръ
пока не засвидѣтельствуетъ возвращенія ея. Жена, находя-
щаяся въ гыддатъ раджги и находящаяся на возвращеніе, долж-
на украшать себя, натирать лице, надѣвать красивое платье
и т. п. Мужу позволительно имѣть супружеское сожитie съ
этой женой, потому что возвращеніе ея возможно. Но онъ не
имѣеть права путешествовать съ ней, пока не засвидѣтель-
ствуетъ о возвращеніи ея.*

*И удостовѣряется въ прохожденіи ея, если возможно, и
оставляетъ ею, увеличиваетъ ею известіе ея о возвращеніи
въ гыддатъ. Окончаніе гыддата подтверждается словами жены,
если только возможно окончаніе его въ тотъ періодъ времени,
о которомъ идетъ рѣчъ. Гыддатъ же продолжается: для свобод-
ной женщины, не имѣющей менструаціи—три мѣсяца; для слу-
жанки—половина этого; для свободной женщины, имѣющей
менструацію,—по мнѣнію имама Агзама—два мѣсяца, для рабы—
сорокъ дней; по мнѣнію же Абу-Юсуфа и Мухаммеда,—
для свободной женщины—тридцать девять дней, а для рабы—
двадцать одинъ день.¹⁾ Если мужъ скажетъ въ гыддатъ своей
женѣ: „я возвращаю тебя“, а жена согласится съ правиль-
ностью требованія мужа, то возстановленіе брака будетъ пра-
вильно; если же жена скажетъ, что мужъ возвращаетъ ее въ
гыддатъ, то принимается во вниманіе слово жены и гыддатъ
удлиняется.*

*И не позволяетъ свободная послѣ трехъ, а раба послѣ
двухъ, до тыхъ поръ пока не возьмѣтъ съ нею супружескаго
сожитія совершенномътній или старшій (муратикъ) спра-
ведливымъ бракомъ и пройдетъ гыддатъ развода ею, или смер-
ти ею.²⁾ Мужъ не можетъ возобновить брака со свободной же-
ной послѣ трехъ разводовъ, а съ рабой послѣ двухъ, пока она
не вступить въ законный бракъ съ человѣкомъ вполнѣ совер-
шеннолѣтнимъ и не возьмѣтъ съ нимъ брачнаго сожитія и
пока не пройдетъ гыддатъ развода или смерти этого втораго
мужа, словомъ—онъ можетъ возобновить супружество только
послѣ тахлия. Если жена по разводѣ имѣла незаконное со-
жительство съ кѣмъ-нибудь въ неправильномъ бракѣ или по*

¹⁾ Ср. Коранъ, гл. 2, ст. 226—228; гл. 65, ст. 4.

²⁾ Основано на 229—230 ст. 2 гл. Корана.

прелюбодѣянію, то это не принимается во вниманіе и не даетъ мужу права возобновить супружество.

Бракъ съ условіемъ тахлия достоинъ презрѣнія, но правлені; а если она скажетъ: я дѣлаю тахлиль, и протяженія времени достаточно, а мысль ся занята правильностью ею, то позволяетъ бракъ съ нею. Вступать послѣ развода въ новое супружество съ цѣлью вскорѣ разорвать его для жены будетъ мякругъ, т. е. достойно презрѣнія, но не смотря на это бракъ подобный считается правильнымъ. Если жена скажетъ мужу: „я дѣлаю тахлиль“, и при этомъ времени для тахлия будетъ достаточно, то первый мужъ можетъ возобновить съ нею супружество, если только онъ убѣжденъ въ правильности бывшаго ея брака.

А супругъ другой уничтожаетъ то, что менѣше трехъ, по различенію Мухаммѣда, т. е. если свободная жена, получивъ два развода, или служанка, получивъ одинъ разводъ, выйдутъ за-мужъ за другаго, послѣ сожитія съ нимъ разведутся и снова выйдутъ за первого своего мужа, то уничтожаются бывшіе два развода свободной жены и одинъ разводъ служанки и мужъ имѣтъ право снова дѣлать три развода свободной женѣ и два развода рабѣ. Это постановленіе сдѣлано на основаніи словъ Мухаммѣда, — да помилуетъ его Богъ!

Иля—клятва. Она запрещаетъ сожитіе съ женой. Иля буквально значитъ клятва; еѣ шаригатъ же она означаетъ клятву прекратить супружеское сношеніе съ женой. Она запрещаетъ имѣть сожительство съ женой въ извѣстный періодъ времени.

Четыре мѣсяца со свободной и два мѣсяца со служанкой, а если приблизится къ ней отъ продолженіи, то дѣлается преступникомъ. Самый менѣшій срокъ, на который можно полагать иля, есть четыре мѣсяца для свободной жены и два мѣсяца для служанки, такъ что иля данная на менѣшій срокъ недѣйствительна. Если мужъ будетъ имѣть сношеніе съ женой въ періодъ иля, то онъ бываетъ преступникомъ.

И необходимо¹⁾ очищеніе при клятвѣ Богомъ, а безъ него выхода и прекращается иля, а если нѣтъ, то она разводится посредствомъ одного. Если мужъ поклянется именемъ Божіимъ, напр. скажетъ женѣ: „ей Богу, не буду приближаться

¹⁾ 78 стр. подлинника.

къ тебѣ“, или „ей Богу, не буду приближаться къ тебѣ че-
тыре мѣсяца“, а между тѣмъ приближится къ ней въ этотъ
періодъ времени, то онъ дѣлается преступникомъ и ему не-
обходимо очищеніе, кяфаратъ. Если же клятва сказана безъ
имени Божія и условіемъ поставлена выгода жены, то эта вы-
года необходима, если клятва будетъ нарушена, напр. если
мужъ скажетъ женѣ: „если я буду имѣть сожитіе съ тобою,
ты разведена“, и если онъ приблизится къ ней, то происхо-
дить бани, а иля уничтожается по прошествіи четырехъ мѣ-
сяцевъ и во второй разъ развода не бываетъ. Если же срокъ
пройдетъ безъ приближенія, то бываетъ только одинъ бани.

*И уничтожается клятва временная, но несъчна; и раз-
водится двумя разводами; если проходитъ срокъ второй пос-
лѣ брака безъ сожитія, потомъ другой, какъ этотъ, послѣ
третьего и продолжается клятва послѣ третьего, но не
иля, и если приблизится къ ней, то очищается, но не раз-
водится посредствомъ иля. Уничтожается только та клятва,
которая относилась ко времени, не продолжалась въ вѣчность,
такъ что при клятвѣ послѣдняго рода мужъ долженъ разве-
стись двумя разводами и если проведеть второй гыдеть послѣ
втораго брака и третій гыдеть безъ брачнаго сожитія,
не нарушивъ клятвы и не сдѣлавшись преступникомъ, также
сдержать свое слово и послѣ третьаго, то клятва и послѣ
третьаго развода остается въ силѣ, если она дана именемъ
Божіимъ, но иля уничтожается. Такимъ образомъ если мужъ
сдѣлаетъ сношеніе съ женою послѣ тахлия, то долженъ со-
вершить кяфаратъ, такъ какъ клятва продолжаетъ существо-
вать; по развода по причинѣ иля не бываетъ.*

*А если онъ будетъ безсиленъ отъ возвращенія посредствомъ
сожитія по болѣзни одного изъ нихъ или по другому; то воз-
вращается, если скажетъ: „я возвращаюсь къ тебѣ“, а если
силенъ прежде срока, то возвращеніе его посредствомъ сожи-
тія. Если нельзя мужу возвратить себѣ жену посредствомъ
сожитія съ нею по причинѣ его или ея болѣзни или по ка-
кой-нибудь другой причинѣ; то онъ можетъ возвратить ее
посредствомъ словъ: „я возвращаюсь къ тебѣ“. Если послѣ
этого мужъ будетъ имѣть возможность къ брачному сожитію,
то онъ возвращается жену посредствомъ его; а возвращеніе
посредствомъ словъ уничтожается.*

А вѣ (выраженіи): „ты для меня запрещена“, если ду-

маетъ о спинѣ,¹⁾ или о трехъ, или ложь, то что думаетъ, а если имъетъ во намѣреніи запрещенность, то иля, а если имъетъ во намѣреніи разводъ или ничего не имъетъ во намѣреніи при этомъ, подобно: „во всякомъ случаѣ для меня запрещена“, то байнъ. Когда мужъ скажетъ женѣ: „ты для меня запрещена“, подразумѣвая при этомъ спину или три развода или желая обмануть, въ этомъ случаѣ происходитъ то, что онъ подразумѣваетъ. Если мужъ при этихъ словахъ разумѣеть запрещенность, то происходитъ иля, потому что дѣлать позволенное запрещеннымъ составляется для нась клятву по слову всевышняго Бога: „о пророкъ! не запрещай словомъ своимъ того, что Богъ уже позволилъ для вѣры вашей.“ Если мужъ, произнося вышеприведенныя слова клятвы, будетъ подразумѣвать разводъ или ничего не будетъ подразумѣвать, то происходитъ байнъ; также байнъ происходитъ, если онъ скажетъ женѣ: „во всякомъ случаѣ ты для меня запрещена“, подразумѣвая разводъ или ничего не подразумѣвая.

Не бываетъ вреда отъ хульги для пользы. Хульгомъ называется уничтоженіе супружества мужемъ за извѣстную плату. Онъ производить разводъ байнъ, совершается же посредствомъ клятвы со стороны мужа и предложенія извѣстной платы со стороны жены, какъ говорить Абу-Ханифа; Абу-Юсуфъ же и Мухаммѣдъ говорятъ, что онъ совершается посредствомъ клятвы со стороны мужа и жены. Если хульга совершаестя при разогласіи между мужемъ и женой, когда невозможно примиреніе между ними, то отъ хульги не будетъ вреда.

Посредствомъ того, что справедливо для мехра; а онъ разводъ-байнъ и необходима для нея плата за него и мякругъ взятие ся, если онъ пожелаетъ,²⁾ и большая если она пожелаетъ. Правильно дѣлать хульгъ за такое имущество, которое дается въ мехръ. Хульгъ имѣеть значеніе развода байнъ и возвращеніе его неправильно; жена должна дать мужу извѣстную плату за него. Впрочемъ мужъ можетъ и подождать платы. Однако мякругъ, т. е. достойно презрѣнія, требовать

¹⁾ Т. е. уподобить жену спинѣ матери, что дѣластъ незаконнымъ дальнѣйшее сожительство съ нею.

²⁾ 79 стр. подзинника.

мужу отъ жены платы, если онъ самъ пожелаетъ развестись, почувствовавъ отвращеніе къ ней. Подобнымъ образомъ мякругъ мужу братъ съ жены плату, превышающую тотъ мехръ, который онъ далъ ей, хотя бы жена сама пожелала развестись, почувствовавъ отвращеніе къ мужу.

А если онъ отпуститъ посредствомъ имущества или для имущества, то исполняется байнъ, если она согласится, а посредствомъ вина или свиней, не необходимо ничего. И исполняется байнъ при хульгъ и раджги при разводѣ. Если кто-нибудь дастъ женѣ разводъ подъ условiemъ получить отъ нея извѣстное имущество, то происходитъ разводъ байнъ и жена обязана уплатить это имущество, когда она согласилась на эту сдѣлку съ мужемъ, не переменяя мюджлиса. Если же мусульманинъ согласится на хульгъ или разводъ подъ условiemъ получить отъ жены вина, свиней, кровь, мертвечину или нѣчто другое, цѣна чего не определена въ шаригатѣ, то жена не обязана уплачивать эти вещи, потому что онъ не позволены мусульманину. Однако при подобномъ условіи хульга происходитъ байнъ, а развода происходитъ раджги.

А если она разводится трижды за тысячу, а онъ разводитъ ее однажды, то байнъ за трети тысячи; а вѣ (выраженіи): для меня тысяча раджги, то безъ всего по Абу-Ханифѣ. Если жена просить у мужа трехъ разводовъ за тысячу рублей, а мужъ сдѣлаетъ только одинъ разводъ-байнъ, то жена обязана уплатить треть тысячи рублей. Если же жена ищетъ трехъ разводовъ за тысячу рублей, а мужъ дастъ разводъ-раджги, то по мнѣнію Абу-Ханифы жена ничего не обязана платить; но Абу-Юсуфъ и Мухаммѣдъ полагаютъ, что она обязана заплатить треть тысячи и при этомъ совершаются разводъ-байнъ.

А хульгъ мѣна вѣ отношеніи ея и справедливо возвращеніе ея, а условіе польза для нея и сокращается для мюджлиса. Хульгъ вѣ отношеніи къ женѣ есть разводъ за извѣстное количество имущества. Поэтому жена имѣеть право отказаться отъ своего предложенія хульга, сказавъ „я возвращаюсь“, пока мужъ не выразилъ еще своего согласія на хульгъ. Дѣлать условiemъ хульга согласіе на него жены вѣ ея пользу нравильно. Если послѣ предложенія хульга женою до согласія мужа, который-нибудь изъ нихъ измѣнить мюджлисъ, то хульгъ уничтожается.

А клятва въ отношении его, пока измѣняются постановленія. Если хульгъ бываетъ клятвою въ отношении мужа, т. е. соединяется съ разводомъ, то вышеупомянутыя постановлія относительно согласія на предложеніе измѣняются, такъ что если предложеніе будетъ со стороны мужа, то онъ не можетъ отказаться отъ него прежде согласія жены, также если мужъ встанетъ, то мяджлисъ не измѣняется, а если жена встанетъ, то измѣняется; при томъ самое присутствіе жены не составляетъ необходимости.

А рабъ посредствомъ того, что опредѣлено для нея. Относительно освобожденія раба или служанки правила тѣ же самыя, что и относительно хульга; хозяинъ въ этомъ случаѣ заступаетъ мѣсто мужа. Наapr. если рабъ скажетъ хозяину: „я выкупаю себя отъ тебя за такое-то количество имущества“, то прежде согласія хозяина рабъ можетъ взять свое слово обратно; если же хозяинъ скажетъ рабу: „я тебя освобождаю за такую-то сумму“, то онъ уже не можетъ отказаться отъ своего слова. Другія частнѣйшія постановленія тоже сходны съ вышеуказанными.

Хульгъ и разлученіе уничтожаетъ обязанности брака для нихъ. Хульгъ и разлученіе мужа отъ жены уничтожаетъ обязанности брака. Мужу не обязателенъ мехръ и пропитаніе жены. Впрочемъ въ продолженіи гыддета онъ обязанъ пропитывать жену и дѣтей; но онъ можетъ прекратить пропитаніе по особому условію. Однако помѣщеніе женѣ мужъ обязанъ давать въ гыддеть ея по причинѣ постановленія въ шаригатѣ о помѣщеніи. Шаригатѣ считается жительство жены во время гыддета въ другомъ домѣ, а не въ томъ, гдѣ она получила разводъ, безчестіемъ. Но если жена заплатить мужу за помѣщеніе, занимаемое ею въ его домѣ, изъ своихъ доходовъ, получаемыхъ съ собственаго дома, такъ какъ она наноситъ мужу ущербъ, живя въ его домѣ,—то мужъ законно можетъ получить эту плату.

А если дѣлаетъ хульгъ несовершеннолѣтней посредствомъ имущества ея, то для нея кромѣ исполненія развода. Подобно если она согласится, и для него уплата и для него имущества. Если отецъ сдѣлаетъ хульгъ несовершеннолѣтней дочери ея имуществомъ, то разводъ происходитъ, но платить не обязаны ни отецъ изъ своего имущества, ни дочь изъ своего. Подобнымъ образомъ разводъ происходитъ, но плата за хульгъ

не необходима, если бы дочь и согласилась на уплату. Если же отецъ, сдѣлавъ хульгъ своей несовершеннолѣтней дочери, обязуется самъ уплатить за него, то ему необходимо заплатить за хульгъ, а мужу необходимъ бываетъ мехръ.

Загаръ уподобленіе его тому, что производитъ разводъ отъ супружества для него посредствомъ того, что запрещается смотрѣніе на части запрещенныхъ. Загаръ есть, влкущее за собой разводъ, уподобленіе членовъ жены членамъ родственницы,—членамъ, на которые смотрѣть воспрещено, напр. сказать женѣ: „ты для меня, какъ мать моя, или спина моей матери, или голова ся, или утроба ея, или бедра ся, или срамная части ея,“ или уподобить жену этимъ членамъ сестры, тетки.

А онъ воспрещаетъ сожитіе съ нею и интимныя отношенія, пока не очистится. Загаръ воспрещаетъ сожитіе съ женой и всякия вообще интимныя отношенія, напр. целовать, обнимать со страстнымъ пожеланіемъ,—все это воспрещается, пока мужъ не очистится.

А въ (выраженіи): „ты для меня, какъ мать¹ моя“, спровадивъ намѣреніе почтенія и загара и развода, а если онъ не имѣетъ въ намѣреніи этого. Когда мужъ скажетъ женѣ: „ты мать моя“, или „ты подобна матери моей“, то онъ можетъ имѣть въ мысли выразить этимъ почтеніе, и тогда развода и загара не бываетъ; но онъ также можетъ подразумѣвать при этомъ и загаръ и разводъ; въ такомъ случаѣ происходитъ загаръ и разводъ; а если онъ ничего не подразумѣваетъ, то слово пронаадаетъ даромъ.

А въ (выраженіи): „ты для меня запрещена, какъ мать моя“, что имѣетъ въ намѣреніи: загаръ или разводъ, а если не имѣетъ въ намѣреніи, то или по Абу-Юсуфу и загаръ по Мухаммеду. Когда мужъ скажетъ своей женѣ: „ты для меня запрещена подобно матери моей“, происходитъ то, что онъ имѣлъ въ мысли, загаръ или разводъ, или иля; а если онъ ничего не имѣлъ при этомъ въ мысли, то по мнѣнію имама Абу-Юсуфа происходитъ иля, а по мнѣнію имама Махаммеда—загаръ.

А въ (выраженіи): „вы для меня какъ спина моей матери“, женамъ необходимо для всякой очищеніе, а оно необходимо

¹⁾ 80 стр. подлинника.

димо при возвращеніи. Когда мужъ многимъ женамъ скажеть: „вы для меня, какъ спина моей матери“, всѣмъ имъ необходимо очищеніе, именно необходимо при возвращеніи.

А оно освобождается рабъ, но не такой, который не приноситъ пользы, напр. слѣпой,—такой, у которого отсѣчены руки, или пальцы, или рука и нога со стороны и назначенный къ освобожденію послѣ смерти и уплатившій часть своего выкупа, и половину раба совмѣстно съ товарищемъ, потомъ оставшуюся часть его послѣ уплаты ею, и половину раба своего, потомъ остатокъ его послѣ сожитія съ женой. Очищеніе состоить въ освобожденіи раба, но не такого, который не приноситъ пользы, напр. слѣпой, или такой, у которого отсѣчены руки, или два большихъ пальца у руки, или рука и нога съ одной стороны. Также не можетъ быть освобождаемъ для очищенія рабъ, назначенный къ освобожденію послѣ смерти хозяина, или рабъ, уплатившій часть своего выкупа. Не долженъ быть освобождаемъ для этой цѣли и такой рабъ, которымъ хозяинъ владѣеть вмѣстѣ съ товарищемъ, и которого товарищъ съ своей стороны освободилъ за выкупъ. Неправильно также освобождать одну половину раба предъ сожитіемъ съ женой при очищеніи, а другую послѣ сожитія.

А если онъ не достаточнонъ для освобожденія, то постится два мѣсяца и нѣть въ нихъ рамазана и дней торжественныхъ, а если нарушилъ, то снова начинаетъ. Подобно же если будетъ имѣть съ него сожитіе намѣренно ночью, или днемъ вообще. Если онъ не въ состояніи освободить раба, то долженъ поститься два мѣсяца, въ числѣ которыхъ не должно быть рамазана и дней, въ которые запрещенъ постъ. Если въ иродолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ онъ нарушилъ постъ однажды или нѣсколько разъ, намѣренно или ненамѣренно, то для очищенія долженъ снова начать поститься. Подобнымъ образомъ снова долженъ начать постъ, если онъ будетъ имѣть сожитіе съ женой, находящейся въ загарѣ, ночью намѣренно, или днемъ намѣренно или ненамѣренно.

Если же онъ не въ силахъ, то доставляется шестидесяти бѣднымъ пищу въ достаточнонѣ для всѣхъ количествѣ или цѣну ся; а если утромъ и вечеромъ и насытитъ ихъ, или¹⁾ дастъ фунтъ пшеницы и два фунта финиковъ или ячменя.

¹⁾ 81 стр. подлинника.

или одного два мѣсяца питаетъ, а въ день количество двухъ мѣсяцевъ нитѣ. Если онъ будетъ не въ состояніи поститься, то долженъ доставить пищу шестидесяти бѣднымъ въ количествѣ достаточномъ для всѣхъ, или выдать стоимость этой пищи; если же онъ будетъ питать шестьдесятъ бѣдныхъ утромъ и вечеромъ, то можетъ кормить и не-досыта—понемногу. Вмѣсто всего этого онъ можетъ дать каждому по одному фунту пшеницы и по два фунта финиковъ или ячменя; или можетъ одного бѣднаго питать въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, выдавая ему достаточное количество пищи утромъ и вечеромъ, но въ одинъ день предложить ему пищу за оба мѣсяца незаконно.

Кто упрекастъ въ прелюбодѣяніи жену свою неповинную и всякий будетъ справедливъ для свидѣтельства, или отказывается отъ дитяти ея и подтверждается клятвою и говоритъ четыре раза: „я свидѣтельствую Богомъ подлинно я справедливъ въ томъ, что я порицаю ее въ прелюбодѣяніи или отказываюсь отъ дитяти“, а въ пятый разъ проклятие Божіе на себя, если будетъ лжесловъ въ томъ, въ чемъ порицалъ ее, потомъ она говоритъ: „я свидѣтельствую Богомъ, подлинно онъ лжетъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ меня“, а въ пятый разъ гнѣвъ Божій на ней, если онъ справедливъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ ее.¹⁾ Если кто-нибудь обвиняетъ въ прелюбодѣяніи свою жену, которая не заслужила своимъ поведеніемъ этихъ упрековъ, и если мужъ и жена обладаютъ качествами, дѣлающими ихъ свидѣтельство достовѣрнымъ, также если мужъ отказывается отъ дитяти жены, а жена во всѣхъ этихъ слушаяхъ потребуетъ отъ мужа клятвы; то онъ обязанъ произнести ей. Форма ея слѣдующая: мужъ по приказанію казыя говоритъ четыре раза: „свидѣтельствую превознесеніемъ именемъ всевышняго Бога, что я, произнесши клятву, безъ сомнѣнія справедливъ, когда упрекалъ жену въ прелюбодѣяніи, или когда отказывался отъ дитяти ея“; въ пятый же разъ опъ произносить: „пусть будетъ па мнѣ проклятие Божіе, если я лгалъ, когда упрекалъ жену въ этомъ.“ Потомъ жена четыре раза говоритъ: „свидѣтельствую превознесеніемъ именемъ всевышняго Бога съ клятвою, что безъ сомнѣнія мужъ, порицая меня въ прелюбодѣяніи, лжетъ“; въ пятый же разъ она

¹⁾ Основано на 6—9 ст. 24 гл. Корана.

произносить: „Гнѣвъ Божій на мнѣ, если справедливъ мужъ, порицая меня въ прелюбодѣяніи или отказываясь отъ моего дитяти“.

Потомъ казый рѣшаетъ между ними, замѣтъ разводится разводомъ и отрицаются родство дитяти отъ него. *А если онъ отказывается отъ клятвы, то заключается въ темницу, до тѣхъ поръ пока поклянется или признаетъ себя лжецомъ; потомъ наказывается; а если она отказывается, то заключается въ темницу, до тѣхъ поръ пока поклянется, или признаетъ его правымъ.*¹⁾ Послѣ клятвы казый дѣлаетъ постановленіе о разводѣ; дитя не признается роднымъ отцу и отдается матери. Если мужъ отказывается произнести клятву, то онъ заключается въ темницу до тѣхъ поръ, пока произнесеть клятву, или признается во лжи. Послѣ этого проклятие уничтожается, но мужъ наказывается плетью. Если же жена отказывается произнести клятву, то заключается въ темницу, до тѣхъ поръ пока произнесеть клятву, или признаетъ мужа справедливымъ. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ она не наказывается.

А если онъ будетъ рабомъ, или невѣрнымъ, или высмѣнѣи за упреки, то наказывается; а если онъ будетъ достовѣрнымъ для свидѣтельства, а она раба, или невѣрна, или²⁾ наказанная за упреки, или несовершеннолѣтняя, или безумная, или прелюбодѣйная, то онъ не наказывается и че клянется; а поклянися не соединяются вѣчно, а если онъ признаетъ себя лжецомъ, то наказывается, но позволителенъ ему бракъ съ нею. Подобно если упрекнетъ другую кромѣ ея, то наказывается, или если она совершилъ прелюбодѣяніе и будетъ наказана. Если жена будетъ имѣть всѣ качества достовѣрнаго свидѣтеля, а мужъ нѣтъ, т. е. если онъ будетъ рабъ, невѣрный, наказанъ за упреканіе своей жены въ прелюбодѣяніи, то наказывается, рабъ—сорока плетью, а свободный—восмидесятю. Если же паоборотъ, мужъ будетъ имѣть всѣ качества достовѣрнаго свидѣтеля, а жена будетъ раба, или невѣрна, или наказанная по обвиненію въ прелюбодѣяніи, или несовершеннолѣтняя, или безумная, или прелюбодѣйца; то въ этомъ случаѣ мужъ не подвергается наказанію и не

¹⁾ Основано на 4 ст. 24 гл. Корана.

²⁾ 82 стр. подлинника.

произносить клятвы. По мнѣнію имама Абу-Юсуфа, бракъ между мужемъ и женой, произнесшими клятву въ этомъ случаѣ, будетъ не законенъ вѣчно; но, по мнѣнію имама Агзама и имама Мухаммада, брака между ними не можетъ быть только до потери ими всякаго довѣрія въ общественномъ мнѣніи. Однако если мужъ послѣ клятвы признаетъ себя лжецомъ и будетъ наказанъ, то онъ можетъ возвратить бракъ со своей женою. Бракъ бываетъ правиленъ и въ томъ также случаѣ, если мужъ, произнесшій клятву, будетъ въ послѣдствіи наказанъ за ложное обвиненіе мужчины или женщины какой-нибудь въ прелюбодѣяніи, или если жена будетъ наказана за прелюбодѣяніе.

И не проклинается при безгласномъ порицаніи и отрицаніи беременности, а въ прелюбодѣяніи и эта беременность отъ него, то проклинается, но не отрицаются беременность. Не бываетъ клятвы и наказанія за порицаніе своей жены въ прелюбодѣяніи или за отрицаніе беременности ея не посредствомъ словъ. Когда мужъ скажетъ женѣ: „ты совершила прелюбодѣяніе и эта беременность есть плодъ прелюбодѣянія“, въ этомъ случаѣ произносится проклятие, но беременность не отрицается и родство родившагося дитяти съ отцомъ признается.

А кто отрицается дитяти во время извѣстія или покупки дѣтскихъ вещей, то справедливо, а послѣ этого иначе, и клянется въ обоихъ этихъ. Если мужъ не признаетъ дитяти своимъ во время полученія извѣстія о его рожденіи или во время покупки дѣтскихъ принадлежностей, это непризнаніе считается законнымъ, но требуется клятва въ обоихъ этихъ случаяхъ. Послѣ этого времени онъ не можетъ отказатьться отъ дитяти.

А если отказывается перваго изъ двойней и признаетъ дитя послѣднее, то наказывается, а наоборотъ клянется и утверждается родство въ обоихъ этихъ. Если жена родить двойни и мужъ не признаетъ своимъ дитятей первого, а втораго признаетъ, то онъ подвергается наказанію, потому что чрезъ признаніе втораго, онъ обличаетъ себя во лжи; а наоборотъ, т. е. если признаетъ первого, и отрицааетъ втораго, то долженъ произнести проклятие, потому что чрезъ отрицаніе этого втораго онъ дѣластъ упрекъ женѣ. Однако родство мужа съ дѣтьми признается въ обоихъ этихъ случаяхъ, потому что онъ призналъ своимъ одного изъ нихъ.

Если онъ признается, что онъ не былъ въ состояніи для ися, то судья назначаетъ ему лунный годъ, и рамазанъ и дни менструациі въ немъ, но не продолженіе болѣзни одного изъ нихъ, и если не былъ способенъ, то разводятся между собою, если она потребуетъ этого, и разводятся разводомъ и ей все мѣхръ, если онъ дѣжалъ хыльватъ съ нею и необходимъ гыддеть. Если совершенно отъѣтній мужъ сдѣлаетъ признаніе, что онъ былъ не въ состояніи имѣть сношеніе съ женою, то судья дастъ ему сроку лунный годъ для испытания; мѣсяцъ рамазанъ и дни менструациі жены должны входить въ счетъ года, потому что безъ этого года не бываетъ, но дни болѣзни котораго ни-будь супруговъ въ счетъ года не входятъ, потому что годъ бываетъ безъ нихъ. Если мужъ признается, что онъ въ продолженіи года былъ не въ состояніи имѣть сношеніе съ женою, то казый разводить ихъ по требованію жены, хотя бы мужъ и сопротивлялся этому; жена получаетъ банинъ. Мужъ обязанъ уплатить женѣ весь мѣхръ, если онъ имѣлъ съ нею хыльвать, если же не имѣлъ, то половину мѣхра; жена обязана соблюдать гыддеть.

А если заспорятъ и она будетъ не дѣвственна, или дѣвственна, то осматриваютъ¹⁾ женщины и если скажутъ: не дѣвственна, то заставляютъ клясться, и если поклянется, то тщетно требованіе ея, а если онъ откажется, или онъ скажутъ: дѣвственна, то назначается годъ лунный, а если назначится, а потомъ заспорятъ, то рѣшиеніе для нихъ, какъ въ первый разъ. Если между мужемъ и женой произойдетъ споръ о томъ, было или нѣть супружеское сожитіе между ними; мужъ будетъ утверждать, что было, а жена будетъ утверждать, что нѣть, въ этомъ случаѣ поручается нѣсколькимъ женщинамъ свидѣтельствовать жену. Если онъ скажутъ, что жена не дѣвственна, то мужа заставляютъ произнести клятву именемъ Божіимъ, что онъ имѣлъ сожитіе съ женою. Клятва мужа уничтожаетъ требованіе жены о разводѣ. Если мужъ откажется отъ клятвы, или женщины, свидѣтельствовавшія жену, скажутъ, что она дѣвственна, то имъ дается сроку лунный годъ. Если по прошествіи года жена окажется не дѣвственна и мужъ клятвой подтвердить, что онъ имѣлъ съ ней сношеніе, то это сношеніе признается фактомъ существующимъ:

1) 83 стр. подлинника.

въ противномъ случаѣ жена въ правѣ развестись. Если споръ возобновится по прошествіи назначенаго для испытанія луннаго года, то въ этомъ случаѣ рѣшеніе казія бываетъ такое же, какъ и въ первый разъ.

И дѣлается тщетнымъ требованіе ея клятвою его подобно какъ дѣлалъ тщетнымъ потомъ его; подобно этому, если остается съ нимъ, и онъ бываетъ свободенъ подобно какъ назначается потомъ его. Клятвою мужа уничтожается требованіе жены о разводѣ, какъ и сначала уничтожалось. Подобнымъ образомъ требованіе жены уничтожается, если она согласится жить съ мужемъ. Если жена окажется единственою по прошествіи этого луннаго года, то она въ правѣ развестись, между тѣмъ какъ при первомъ разѣ назначался цѣлый годъ на испытаніе.

А безъ шулять, какъ кастрація въ этомъ; при отрѣзаніи дѣтороднаго члена, разводятся тотчасъ по желанію ея, и не свободенъ ни одинъ изъ нихъ при болѣзни другого. Человѣкъ, у которого отняты шулята, принимается въ значеніи полнаго кастраста въ этомъ случаѣ, т. е. при требованіи женою развода. Мужъ, у которого отнятъ дѣтородный членъ, разводится тотчасъ же по требованію жены, потому что ждать въ этомъ случаѣ бесполезно. Но ни жена, ни мужъ не имѣютъ права требовать развода по случаю болѣзни супруга, какая бы ни была болѣзнь, хотя бы и сильная, напр. сумасшествіе, проказа, поврежденіе дѣтороднаго члена и т. п. Впрочемъ кастрація, отсутствіе дѣтороднаго члена и шулять служить причиной къ разводу.

Гыддатъ свободной, видящей менструацію, при разводѣ или при незаконномъ бракѣ три менструаціи полныхъ, подобно же и для уммѣ-валиди по смерти господина ея или послѣ освобожденія ея, а для той, которая имѣла сожитіе при сомнѣніи или исправильномъ бракѣ при смерти и разводѣ, недостигшей совершеннолѣтія и невидящей — три менструаціи.¹⁾ Гыддатъ свободной женщины, имѣющей менструацію при разводѣ или нечестивомъ бракѣ — три полныхъ периода менструаціи, начиная со времени развода, или со времени нечестиваго брака. Если же разводъ произошелъ во время менструаціи, то эта менструація въ счетъ не принимается. Подоб-

¹⁾ Основано на 228 ст. 2 гл. и на 1—7 ст. 65 гл. Корана.

нымъ образомъ три же періода менструаціи служатъ срокомъ гыддета и для уммъ-валяди, когда господинъ, имѣвшій сожитіе съ нею, умретъ, или освободить ее. Три же періода менструаціи служатъ гыддеть женщины, имѣющей менструацію, женщины, съ которой мужъ имѣлъ сожитіе сомнительное или въ неправильномъ бракѣ, послѣ смерти мужа или послѣ развода. Гыддеть же женщины, не имѣющей менструаціи по молодости или по старости, или въ годахъ совершеннолѣтія по какой-нибудь причинѣ,—три мѣсяца.

А при смерти четыре мѣсяца и десять дней; а для рабы, видящей менструацію,—две менструаціи, а для не видящей менструаціи или той, у которой умеръ мужъ, — половина свободной, а для беременной свободной или служанки, и если умретъ, а дитя отъ него, то положится беременность ея, а для зачавшей¹⁾ дитя послѣ смерти, гыддеть смерти и нѣть родства въ отношении его.²⁾ Гыддеть свободной женщины по случаю смерти мужа—четыре мѣсяца и десять дней. Гыддеть рабы, которая имѣеть менструацію и съ которой былъ хыльватъ, — два періода менструаціи, по случаю развода, нечестиваго брака и сожитія сомнительнаго; раба же, которая не имѣеть менструаціи по молодости или по старости, также раба, у которой умеръ мужъ, хотя бы она и имѣла менструацію, должны соблюдать гыддеть на половину меньше гыддета свободной женщины, имѣющей менструацію и скончавшей мужа, т. е. полтора мѣсяца при разводѣ, два мѣсяца и пять дней при смерти мужа. Гыддеть же смерти женщины беременной, будетъ ли она свободная или служанка, продолжается до разрѣпенія отъ бремени, если только дитя зачато отъ мужа умершаго. А если женщина зачала дитя послѣ смерти мужа, то гыддеть смерти, т. е. для свободной—четыре мѣсяца и десять дней, а для служанки — полтора мѣсяца. Но будетъ ли беременность отъ умершаго мужа или нѣть, родство дитяти есть пимъ не признается.

А для получившей бани при смерти длиннѣйшей изъ двухъ сроковъ, а при раджии то, что при смерти, а для освобожденной въ гыддеть раджии, какъ гыддеть свободной, а въ гыддеть бани и смерти, какъ служанки. Гыддетомъ жены,

¹⁾ 84 стр. подлинника.

²⁾ Основано на 234 ст. 2 гл. Корана.

получившій разводъ-банинъ во время смертной болѣзни мужа, служитъ длиннѣйшій изъ гыддетовъ, изъ которыхъ одинъ—три периода менструаціи, а другой четыре мѣсяца и десять дней; а гыддеть жены, получившій разводъ-раджги во время смертной болѣзни мужа, — четыре мѣсяца и десять дней. Гыддеть служанки, получившій освобожденіе во время гыддета развода-раджги, — равенъ гыддете свободной женщины; гыддеть же рабы, получившій освобожденіе во время гыддета развода банинъ или смерти равенъ гыддству рабы, не получившій освобожденія.

А если не имѣющая менструаціи уходитъ кровь послѣ гыддета, то мыслячи пересчитываются менструаціями; подобно пересчитывается посредствомъ мыслячевъ та, которая имѣла менструацію, а потомъ сдѣлалась не имѣющею менструаціи. Если женщина, лишившаяся менструаціи, по окончаніи гыддета, считасмаго мѣсяцами, увидѣть менструацію, то начинаетъ снова считать гыддеть посредствомъ периодовъ менструаціи; дни прошедшаго гыддета въ счетъ не принимаются. Подобнымъ образомъ начинаетъ считать мѣсяцами своей гыддеть та жена, которая, увидѣвши одну менструацію, будетъ лишена менструаціи.

А для находящейся въ гыддеть и имѣющей сомнительное сожитіе, гыддеть другой и входитъ, и когда исполнится первый, совершаютъ часть втораго. Если жена во время гыддета будетъ имѣть съ мужемъ супружеское сожитіе, сомнѣваясь въ гыддеть ли она имѣла его или по окончаніи его, то сей необходимъ другой повѣртый гыддеть. Въ этомъ случаѣ она должна поступать такъ: оставить первый гыддеть и пачать считать второй; когда счетъ втораго гыддета будетъ равенъ количеству дней первого совершенаго гыддета, она должна оставить второй гыддеть и окончить первый, по окончаніи первого должна выполнить остатокъ втораго гыддета.

А гыддеть нечестиваго брака опредѣляется прекращеніемъ его или рѣшеніемъ его прекратить сношеніе и исполняется гыддеть, хотя бы она и не знала. Гыддеть нечестиваго брака, будетъ ли онъ послѣ смерти мужа, или послѣ развода, или послѣ рѣшенія казія, или послѣ того, какъ мужъ рѣшился прекратить этотъ бракъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ начинается съ прекращенія брака нечестиваго. Гыддеть исполняется, хотя бы жена и не знала причины его, послѣ развода, или послѣ смерти или послѣ чего-нибудь иного она исполняетъ его.

Если женится на находящейся въ гыддемѣ баниѣ развода, потомъ разведется прежде сожитія, то необходимо для него полный меҳръ и гыддемѣ первоначальный. Если кто женится на женщинѣ, находящейся въ гыддете развода-баниѣ, и потомъ разведется съ ней, не имѣя сожитія; то онъ обязанъ выплатить весь меҳръ, а жена должна выполнить прежде выданій гыддете. Та часть гыддета, которую она выполнила, не принимается и гыддете выполняется снова.

Нѣтъ гыддета для женщины зимми, когда разведется ее зимми, и нѣтъ для хурби¹⁾, когда она войдетъ въ мусульманское селеніе, кроиъ беременной. Женщина - зимми не обязана соблюдать гыддета послѣ развода съ мужемъ - зимми, или послѣ его смерти, если гыддеть не полагается законами ея религіи. Но когда мусульманинъ разведеть зимми, она должна соблюдать гыддеть. Если хурби перейдетъ въ мусульманское государство, то послѣ развода съ невѣрнымъ мужемъ ей нѣть необходимости соблюдать гыддеть. Вырочемъ, если зимми или хурби будетъ беременна, то ей нуженъ гыддеть.

И скорбитъ находящаяся въ гыддете баниѣ или смерти совершенно ильняя мусульманка посредствомъ оставляемія вещей прелюбодѣйныхъ и одежды цвѣта шафрана²⁾, музагфара, мазей, бирючину и сюрму кромъ необходимости, но не находящаяся въ гыддете освобожденія или неправильного брака и не называется находящаяся въ гыддете, какъ только намеками и не выходитъ изъ дома находящаяся въ гыддете раджи или баниѣ совершенно, и выходитъ находящаяся въ гыддете смерти днемъ и вечеромъ, а ночь проводитъ въ своихъ покояхъ. Совершеннолѣтняя мусульманка, находясь въ гыддете развода-баниѣ или смерти, должна печалиться и скорбѣть о томъ, что прекратились удовольствія брака. Для выраженія своей печали она должна оставить всѣ предметы, могущіе возвѣдить похоть, напр. она должна оставить платье, имѣющее цвѣтъ шафрана или музагфара,³⁾ прекратить намащать голову, краситься бирюгиной, патираться сурьмой. Но жена, находясь

¹⁾ Хурби означаетъ христіанина или еврея, не находящагося въ подданствѣ мусульманъ въ противоположность зимми, что означаетъ христіанина или еврея, состоящаго въ подданствѣ у мусульманъ.

²⁾ 85 стр. подлинника.

³⁾ Музагфаромъ называется известного рода красящее вѣщество.

въ гыддеть послѣ освобожденія или неправильнаго брака, не обязана выражать печаль. Женщину, находящуюся въ гыддеть, не должно называть по имени, а нужно употреблять вмѣсто ся имени какіе-нибудь знаки. Жена, находящаяся въ гыддеть развода - раджги или бани - не должна выходить изъ дома ни днемъ, ни ночью. А жена, находящаяся въ гыддеть смерти, можетъ по нуждѣ выходить изъ дома днемъ и вечеромъ, но почъ должна проводить въ томъ мѣстѣ, которое ей назначилъ мужъ.

И проводите гыддеть въ мѣстѣ своемъ, гдѣ разводъ и смерть, развѣ только будетъ выведена, или боится разстроить свое имущество или пустынности, или не будетъ въ состояніи на плату за долгъ и иль перегородки, раздѣляющіе ихъ между собою при бани, и если тѣсно будетъ для ихъ обоихъ, то она первый выходитъ изъ него, подобно же при буйствѣ сю. Жена должна сохранять гыддеть въ томъ помѣщепіи, въ которомъ она находилась при полученіи развода отъ мужа, или при смерти его. Однако она не будетъ виновпою, если перейдетъ въ другое мѣсто въ томъ случаѣ, когда наследники выгонятъ её изъ дома мужа, или когда боится разстроить состояніе своего имѣнія, находясь въ домѣ мужа, или боится пустынности самого мѣста, или будетъ не въ состояніи заплатить за помѣщепіе, если наследники потребуютъ этого, или въ томъ случаѣ, когда при разводѣ бани, не будетъ въ домѣ мужа никакой перегородки, которая отдѣляла бы помѣщепіе мужа отъ помѣщепія жены. Если же мужу съ женой тѣсно будетъ жить въ помѣщепіи мужа, то приличнѣе мужу выдти изъ него; впрочемъ и жена можетъ выдти; но двоимъ безъ перегородки жить не слѣдуетъ. Подобнымъ образомъ, если мужъ буйнъ, такъ что жена боится жить съ нимъ, то ему слѣдуетъ выдти изъ дома, потому что женѣ необходимо жить въ мѣстопребываніи мужа, а мужъ не обязанъ жить въ мѣстопребываніи жены. Впрочемъ и жена можетъ выдти по уважительнымъ причинамъ.

Хорошо если полагается между ними сильная надъ хыльватомъ. Хорошо если казый поставить между разведенными супругами такую женщину, которая могла бы не позволить мужу войти къ женѣ.

А если разведетъ ее или умретъ при ней въ пути ихъ обоихъ и если будетъ постъ этого отъ города ея и мѣста

достижения разстояніе сафира, и къ одному изъ двухъ будеъ ближе, то идетъ къ нему, а если нѣтъ, то она свободна, опекунъ съ ней или нѣтъ, и гыддеть лучшій, а если она будеъ въ мисрѣ¹⁾), то совершаеть гыддеть тамъ, потомъ выходитъ съ мухрамомъ. Если мужъ разведется съ женою или умреть во время путешествія и если разстояніе между мѣстомъ жительства жены и мѣстомъ, куда она ѿхала съ мужемъ, будетъ на три дня пути и одно изъ этихъ двухъ мѣстъ ближе другаго, то жена должна ѿхать въ то мѣсто, которое ближе. Если же разстояніе между мѣстомъ жительства жены и мѣстомъ, куда она ѿдѣтъ, будетъ меныше трехъ дней пути, то она имѣеть право ѿхать въ которое угодно мѣсто, все равно будетъ съ нею находиться опекунъ ея или нѣтъ. Однако лучше отправиться въ мѣсто своего жительства, чтобы сохранять въ немъ гыддеть. Если же селеніе, гдѣ мужъ разведется съ женою, или умретъ, будетъ мисръ, то жена сохрапляетъ гыддеть въ этомъ селеніи. По окончаніи гыддета, она выѣзжаетъ изъ этого мѣста въ сопровожденіи мухрама, т. е. такого родственника, съ которымъ запрещенъ бракъ по близости родства.

Воспитаніе²⁾ матери безъ принужденія ея, разведется или нѣтъ, потомъ матери ея насколько возможно вверхъ, потомъ отца ею, потомъ сестеръ ею по отцу и матери, потомъ по матери, потомъ по отцу, потомъ теткѣ по матери подобно же, потомъ теткѣ по отцу подобно же съ условиемъ свободы ихъ обоихъ. Воспитывать дитя и кормить его молокомъ должна мать, будетъ ли она разведена или пѣтъ, если же она откажется, то ее не слѣдуетъ принуждать насильно. Послѣ матери мѣсто воспитательницы должна занять бабушка дитяти по матери, затѣмъ прабабушка и т. д. по восходящей линіи. Послѣ нихъ мѣсто воспитательницы занимаетъ бабушка по отцѣ; потомъ воспитаніе вручается сестрѣ дитяти по отцѣ и по матери, затѣмъ сестра по одной матери, послѣ пея сестра по одному отцу; потомъ сестрѣ матери по отцу и по матери, потомъ сестрѣ матери по одно-

¹⁾ Мисромъ называется такое селеніе или городъ, въ которомъ совершаются пятичленная молитва. Это же название прилагается въ тѣсномъ смыслѣ къ Каиру.

²⁾ 86 стр. подлинника.

му отцу, потомъ сестрѣ отца по обоимъ родителямъ, потомъ сестрѣ отца по матери; наконецъ сестрѣ отца по отцѣ. За кѣмъ-нибудь остается воспитаніе дитяти съ условіемъ только, чтобы личность, берущая на себя воспитаніе, была свободна.

И не признается для служанки и для уммѣ-валяди; а зимми, какъ мусульманка, пока не различаетъ вѣры. Право воспитанія не признается за служанкой, будетъ ли она полная раба, или выплатившая часть своего выкупа, или назначенная къ освобожденію по смерти хозяина. За уммѣ-валяди также не признается право воспитанія. Что касается женщины-зимми, то она подобно мусульманкѣ можетъ быть воспитательницей дитяти, до тѣхъ поръ пока оно не начнѣтъ понимать различія въ религіяхъ. Послѣ этого оно берется у зимми и передается мусульманкѣ, чтобы не заразилось невѣріемъ.

Посредствомъ брака съ неродственникомъ уничтожается право ея, а съ родственникомъ нѣтъ, напр. мать выйдетъ за мужа за дядю его и бабушка за дѣда ею, и возвращается право при уничтоженіи брака, который лишилъ ею. Женщина, имѣющая право воспитанія, лишается этого права чрезъ бракъ съ неродственникомъ дитяти. Но это право не отнимается отъ нея, если она выйдетъ за-мужъ за родственника дитяти, напр. если мать дитяти выйдетъ за-мужъ за родственника отца, или бабушка дитяти по матери выйдетъ за-мужъ за дѣда его по отцѣ и паоборотъ, т. е. бабушка по отцѣ выйдетъ за-мужъ за дѣда по матери. Впрочемъ, если бракъ, лишившій женщину права воспитанія, будетъ уничтоженъ, то это право снова возвращается женщинѣ.

Потомъ побочнымъ вѣтвамъ ихъ по порядку ихъ, но не вручается дитя вѣтвамъ не мужскимъ, напр. отскуну по освобожденію и сыновьямъ дяди, и нечестивому безпечному и неволино дитя; но мать и бабушка отличны для этого. Послѣ вышеупомянутыхъ родственниковъ право воспитанія переходить къ побочнымъ вѣтвямъ дитяти въ томъ же порядкѣ, какъ и право наследства; однако дитя не должно воспитываться у родственниковъ такихъ, съ которыми ис запрещенъ бракъ, напр. у хозяина, который освободилъ отца дитяти, или сыновей дяди. Недолженъ быть воспитателемъ человѣкъ распутный, который при распутствѣ будетъ дѣлать упущенія. Само дитя, будетъ ли оно мужскаго пола или женскаго, не можетъ выбирать воспитателя, — оно должно воспитываться у

того, кого назначить казый; однако мать и бабушка считаются лучшими воспитателями.

До тыхъ поръ, пока оно начнетъ пить, пить, одѣваться и умываться одно; а для девицы до тыхъ поръ, пока появится менструация, а по Мухаммеду—пока появится страсть ся, а оно было примѣнено къ нечестію времени, а безъ этихъ обоихъ, до тыхъ поръ, пока появится страсть. Дитя должно воспитываться до тѣхъ поръ, пока начнетъ само есть, пить, одѣваться и совершать омовеніе: по мнѣнію Абу-Бекра-Разы—до девяти лѣтъ, а по словамъ Хазафы—до семи лѣтъ. Фетва согласна съ словами Хазафы. Мать и бабушка должны воспитывать девочку до тѣхъ поръ, пока появится у нея менструація; а по мнѣнію Мухаммеда, пока появится у нея половое влчченіе. Это постановленіе имама Мухаммеда было вызвано нечестіемъ того времени. Если воспитателями бываютъ не мать или бабушка, а кто нибудь-другой, напр. сестра, тетка по матери или по отцѣ, то воспитаніе девочки должно продолжаться до половаго влчченія.

И не путешествуютъ разведенная съ дитятей своимъ, кроме какъ только къ городу ся, идѣ онъ женился на ней. И это только для матери¹⁾). Жена разведенная, по окончаніи гыддста, не должна путешествовать съ дитятей, потому что отъ этого можетъ произойти вредъ отцу дитяти. Не если она получила разводъ на чужбинѣ, то можетъ возвратиться съ нимъ въ тотъ городъ, гдѣ она вышла за-мужъ. Впрочемъ это относительно матери, а отецъ и другія личности, имѣющія право на воспитаніе, не должны путешествовать съ дитятей никуда,— въ противномъ случаѣ они лишаются права воспитанія.

Меньший срокъ беременности шесть мѣсяцевъ, а большій срокъ два года и утверждается родство дитятъ находящійся въ гыддете радиции и если родитъ въ большій двухъ годахъ, когда не признается въ прохожденіи гыддета и утверждается возобращеніе, а для меньшаго изъ нихъ нѣтъ и дитя находящейся въ бани въ меньший изъ нихъ, нѣтъ при исполненіи го, какъ только черезъ признаніе. Меньший періодъ беременности—шесть мѣсяцевъ, а большій—два года, самый правильный — девять мѣсяцевъ. Въ этомъ согласны всѣ ученые. Если дитя родится раньше шести мѣсяцевъ послѣ брака, то родство

¹⁾ 87 стр. подлинника.

его съ мужемъ не утверждается, потому что это несомнѣнно показываетъ, что беременность началась раньше брака. Утверждается также это родство, если жена родитъ дитя въ гыддеть развода-раджги; утверждается и въ томъ случаѣ, когда она родить дитя спустя болѣе двухъ лѣтъ послѣ развода, но не признается въ томъ, что гыддеть ея прошелъ. Если же признается и будетъ несомнѣнно, что гыддеть ея прошелъ и она потомъ спустя шесть или болѣе мѣсяцевъ родитъ дитя, то родство не утверждается. Когда жена родить дитя спустя болѣе двухъ лѣтъ послѣ развода, то мужъ снова возвращается къ ней; если же она родить, спустя меныше двухъ лѣтъ послѣ развода, то мужъ не обязанъ возвращать ее, но родство утверждается. Такжѣ утверждается родство, если жена родить дитя спустя меныше двухъ лѣтъ послѣ развода-банил и не признается, что гыддеть прошелъ. Если дитя родится спустя болѣе двухъ лѣтъ, то родство утверждается, если мужъ признаетъ дитя своимъ.

И забеременіетъ отъ сожитія съ ню по сомнѣнію въ гыддеть, а когда ляжетъ, и она родитъ, то супружество утверждается свидѣтельствомъ супруги. Родство утверждается и беременность признается законною въ послѣднемъ случаѣ потому, что можетъ быть сомнѣніе, не имѣла ли мужъ сожитія съ женою въ гыддеть по ошибкѣ, считая законнымъ сожитіе въ гыддеть развода-банил, или смыщавшись въ женахъ или забывши о разводѣ. А когда мужъ полежитъ съ женой, находящейся въ гыддеть, и жена потомъ родитъ, то родство утверждается на основаніи клятвенного свидѣтельства жены, хотя бы мужъ и не призывалъ дитя своимъ. Однакожъ если мужъ докажетъ, что жена во время гыддета имѣла сношеніе съ другимъ, то родство не утверждается.

Необходимо пропитаніе и помыщеніе для мужа, хотя бы онъ по молодости былъ неспособенъ къ сожитію съ женой, мусульманка ли она, или невѣрная, старуха или молодая, если она способна къ сожитію, по мѣрѣ состоянія ихъ обоихъ. Мужу необходимо доставлять пропитаніе, одежду и помыщеніе женѣ, съ которой вступилъ въ правильный бракъ, будетъ ли она мусульманка или невѣрная, старуха или молодая, если она только способна къ супружескому сожитію, хотя бы мужъ по молодости и былъ не въ состояніи выполнять супружескія обязанности. Это пропитаніе и помыщеніе должно быть сообразно съ состояніемъ мужа и жены.

Когда они оба богаты, то пропитание богаташ, если бѣдны, то пропитание бѣдного. А въ (случай) онъ богатъ, а она бѣдна и наоборотъ, то средина двухъ состояний. Когда мужъ и жена богаты, мужъ долженъ доставлять пропитание богача; когда же бѣдны оба, — пропитание бѣдняка. Если же мужъ богатъ, а жена бѣдна, или наоборотъ, то необходимо пропитание среднее, т. е. меньше богача и больше бѣдняка.

И хотя бы она въ дому отца ея или заболѣть въ дому мужа, чтобы для упорной, если она вышла изъ дома его безъ нужды; для заключинной въ темницу за долги, для больной¹), если она не находится напиши и увезена насильно, и для находящейся въ хаджѣ²) не вмѣсть съ нимъ, то для нея пропитание находенія на мѣсть, а не пути, и не плата за провожательство, и для него, когда онъ богатъ, и пропитание слуги и одного только для нея, нѣть, когда онъ бѣденъ по достовѣрѣшимъ. Пропитание жены лежитъ на мужѣ, хотя бы жена была въ дому своего отца, или, перебѣхавъ къ мужу здорою, заболѣла въ его домѣ. Но мужъ не обязанъ пропитывать свою жену, если она, удаляясь изъ его дома безъ нужды, будетъ требовать настоятельно развода, или будетъ запрещать мужу входить въ свой домъ; не обязанъ онъ также пропитывать жену, посаженную въ тюрьму за долги, или больную, если она не въ его домѣ, или ту, которую родственники увезли отъ него насильно. Необязательно въ этихъ случаяхъ пропитание потому, что не со стороны мужа прекращаются здѣсь супружескія отношенія. Мужъ не обязанъ пропитывать жену, находящуюся въ хаджѣ не вмѣсть съ нимъ; если же она вмѣстѣ съ нимъ совершаѣтъ хаджѣ, то ему необходимо пропитание ея, впрочемъ домашнее, а не путевое. За провожательство въ этомъ случаѣ мужъ не платить женѣ. Если мужъ богатъ, то ему необходимо давать пропитание еще одному слугѣ жены, по не больни; если же онъ бѣденъ, то, по самымъ достовѣрнымъ сказаніямъ, ему нѣть необходимости доставлять пропитание слугѣ жены.

И не дѣлается развода между ними при недостаточности то на это и повсѣвается дѣлать долгъ на него. Жена не имѣть права разводиться потому, что мужъ по бѣдности

¹⁾ 88 стр. подлипника.

²⁾ Т. с. въ путешествіи въ Мекку.

не можетъ пропитывать ес, чо ейъ дозволяется брать въ долгъ въ счетъ мужа съ тѣмъ, чтобы онъ, когда сдѣлается богатымъ, заплатить этотъ долгъ. Такъ говоритьъ Музапафа въ Шархъ-викѣ.

И если кто опредѣляется для бѣднаго, потомъ разбога-тьется, то исполнитъ пропитаніе богатаго, если она потреб-буетъ. Если пропитаніе жены опредѣлено во время бѣдности мужа, а потомъ онъ сдѣлается богатымъ, то онъ обязанъ да-вать женѣ пропитаніе богача, если она потребуетъ этого.

И прекращается въ прошедшемъ продолженіи, разъ ког-ди рѣшишъ опредѣленіе казыя, или соглашается на чѣ-ни-будь, то необходимо для того, что прошло, когда продолжи-ютъ жить оба, а если умретъ одинъ изъ нихъ обоихъ, или разведетъ ее прежде уплаты, прекращается назначиное, кро-мъ только когда возметъ въ долгъ по опредѣленію казыя и не возвращается взятое въ продолженіи, если умретъ одинъ изъ нихъ прежде ею. Мужъ не обязанъ выдавать женѣ пропитанія того, которое ейъ слѣдовало въ прошлый срокъ времени, на которое она не взяла. Но онъ обязанъ выдать это пропитаніе, если оно назначено казыемъ, или опредѣлено по обоюдному согласію супруговъ въ извѣстномъ количествѣ вещей, — обязанъ въ томъ случаѣ, если онъ жилъ вмѣстѣ съ женой со времени назначенія казыя, или со времени обоюднаго соглашенія. Если же мужъ или жена умретъ, или мужъ разведется съ женой, не уплативши пропитанія, назначеннаго казыемъ или опредѣленнаго по обоюдному соглашенію, то женѣ прекращается вы-дача пропитанія. Однако долгъ, сдѣланный женой въ счетъ мужа по опредѣленію казыя, долженъ быть уплачено. Вещи, взятые женой отъ мужа въ качествѣ пропитанія за извѣстный срокъ, не возвращаются, если мужъ или жена умретъ до окон-чанія этого срока.

И пропитаніе жены раба ему и продается для него разъ постъ втораго, а за дѣлъ кромѣ этого одинъ разъ. Полный рабъ обязанъ пропитывать свою жену, если онъ вступилъ въ бракъ съ позволенія хозяина. Для пропитанія жены рабъ мо-жетъ быть проданъ послѣ первого раза еще два раза, т. е. можетъ быть проданъ три раза, напр. за рабомъ накопится пропитаніе на 500 диргемовъ, то его слѣдуетъ продать за ту сумму; если послѣ этого снова на немъ накопится это коли-

чество, то его слова слѣдуетъ продать, и такъ до трехъ разъ, потому что количество пропитанія увеличивается со-временемъ. Но за другой долгъ, кромъ пропитанія, раба можно продавать только одинъ разъ, потому что долгъ съ теченіемъ времени не возобновляется подобно пропитанію, напр. если раба продадутъ за мехръ и цѣны его будетъ недостаточно, то жена должна ждать остатокъ мехра, но раба не дозволяется продавать во второй разъ.

И необходимо помышліє ся въ домъ, въ которомъ нѣтъ ни одного изъ людей его, хотя бы дитяти его отъ другой, разъ по согласію ся. Мужъ обязанъ помѣстить жену въ такомъ домѣ, въ которомъ не живутъ ни другія жены, ни близкіе родственники. Это непремѣнная обязанность мужа. Даже дѣти его отъ другой жены не должны помѣщаться въ этомъ домѣ, если не согласится жена жить вмѣстѣ съ ними, или съ другими родственниками.

И комната отдѣльная отъ дому его, запирающіяся, достаточна для нея. Для жены достаточно комнаты, отдѣльной отъ дому мужа и при томъ такой, въ которой дверь запиралась бы замкомъ.

И¹⁾ ему препятствіе родителямъ ся и дитяти ся отъ другаго отъ вхожденія къ ней, но не отъ смотрѣнія ся и не отъ привытствія ся. И сказано: не препятствуетъ отъ вхожденія къ родителямъ и отъ вхожденія ихъ къ ней во всякую пятницу, а другимъ родственникамъ всякий годъ; и это справедливо. Мужъ имѣть право запретить отцу и матери жены, также дитяти ся рожденію отъ другаго мужа входить въ комнату жены, по видѣться съ женою въ какое угодно время онъ не имѣть права имть запрещать. Мужъ также не имѣть права запрещать женѣ посѣщать отца и мать по пятницамъ, равнымъ образомъ и имъ посѣщать жену его въ эти дни. Что касается другихъ родственниковъ, то мужъ не имѣть права препятствовать имъ посѣщать его жену, также женѣ ходить къ нимъ однажды въ годъ. Это вполнѣ справедливо. Въ Гыдайъ сказано: „мужъ не долженъ запрещать женѣ видѣться и разговаривать съ отцомъ, матерью и другими родственниками, въ какое бы время они не пожелали, потому что это нарушило бы родство, тогда какъ мужу нѣтъ отъ этого никакого вреда.“

¹⁾ 89 стр. подлинника.

Въ другомъ мѣстѣ сказано: „мужъ не препятствуетъ имъ ходить къ женѣ и разговаривать съ нею, но смотрѣть на нее запрещаетъ, потому что бываетъ вредъ отъ продолжительного разговора.“

И опредѣляетъ пропитаніе женѣ отсутствующаго и дитята его и родителямъ его въ имуществѣ его только изъ части ихъ. Если мужъ находится въ отсутствіи, то пропитаніе женѣ, дитята и родителямъ его назначается казый изъ того имущества, которое обыкновенно дается въ качествѣ пропитанія, какъ-то: изъ пищи, одежды и денегъ. Если же имущество мужа состоитъ изъ другихъ предметовъ, то изъ него назначается пропитаніе для другихъ родственниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ.

У человѣка, которому ввѣрено имущество, или человѣка—товарища по занятію, или должника, если признаетъ его и бракъ, или казый знаетъ обѣ этомъ, и заставляетъ ее клясться, что подлинно онъ не давалъ ей пропитанія и берется поручительство отъ нея. Если имущество отсутствующаго мужа находится у кого-нибудь на сохраненіи, или у должника, или у товарища по владѣнію имъ; и если тотъ, у кого имущество отсутствующаго, признается въ этомъ и признаетъ дѣйствительнымъ бракъ отсутствующаго съ женой, требующей пропитанія, то онъ можетъ дать послѣдней пропитаніе, а также и другимъ родственникамъ, если онъ признаетъ родство ихъ съ отсутствующимъ. Человѣкъ, у которого находится имущество отсутствующаго, обязанъ также дать пропитаніе женѣ и другимъ родственникамъ, если казый знаетъ о бракѣ или о родствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ казый заставляетъ жену сдѣлать клятву, что мужъ не давалъ ей пропитанія; потомъ отъ нея берется ручательство въ полученіи пропитанія отъ казыя для того, чтобы освободиться отъ нареканія, когда возвратится мужъ и потребуетъ свое имущество.

Нынѣ при разногласіи свидѣтельствъ о бракѣ и нынѣ, если не оставитъ имущества и недостаточно свидѣтельство для того, чтобы рѣшить о немъ и приказать ей о долѣ и не рѣшаетъ обѣ немъ; а Зафаръ говоритъ: рѣшаетъ о пропитаніи, но не о бракѣ. А дѣло рѣшенія нынѣ по сему по нуждѣ. Казый не дѣластъ постановленія о пропитаніи жены, если она утверждаетъ существованіе брака, а довѣренный мужа или компаньонъ его, или должникъ его отрицаютъ бракъ. Казый

также не дѣлаетъ постановлій о пропитаніи жены, если мужъ не оставилъ имущества и казю неизвѣстно о бракѣ, а жена будетъ утверждать о существованіи его для того, чтобы казій за отсутствіемъ мужа сдѣлалъ постановленіе о пропитаніи ея и позволилъ ей взять въ долгъ въ счетъ мужа. Казый не долженъ решать при отсутствіи мужа о существованіи брака подобно тому, какъ онъ не долженъ дѣлать постановлій о пропитаніи жены въ этомъ случаѣ. А имамъ Зафаръ говоритъ, что въ этомъ случаѣ казій можетъ сдѣлать постановленія о пропитаніи, но не долженъ решать о бракѣ. Въ настоящее время дѣлаются решенія согласно имаму Зафару по необходимости.

И находящейся въ разводѣ-раджги и байнѣ и разведенной не по винѣ, подобно какъ достигшей совершеннолѣтія или свободы, или разведенной по недостаточности равенства пропитаніе и¹⁾ помѣщеніе, не для находящейся въ гыддете смерти и разведенной по винѣ, напр. въроотступничество и поцѣлуй сына мужа, и въроотступничество находящейся въ гыддеть трехъ прекращастъ, но не обяятіе ею сына ею. Необходимо пропитаніе, одежда и помѣщеніе женѣ, находящейся въ гыддете развода-раджги или байнѣ, также женѣ разведенной не по причинѣ ея вины и наконецъ женѣ, разведенной по праву освобожденія, или по праву достиженія совершеннолѣтія, или по причинѣ неравенства съ мужемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе, одежду и помѣщеніе до окончанія гыддета. Но не необходимо доставлять пропитаніе женѣ, находящейся въ гыддете смерти и женѣ, разведенной по ея винѣ, напр. за въроотступничество, за поцѣлуй сына или отца мужа, за намѣреніе совершить съ ними прелюбодѣяніе. Въроотступничество жены во время гыддета трехъ разводовъ лишаетъ еї права на пропитаніе, но обяятіе сына мужа или поцѣлуй его, или намѣреніе совершить прелюбодѣяніе не лишаютъ еї права пропитанія.

И пропитаніе несовершеннолѣтняго бѣдного на отцѣ его, не участвуетъ въ немъ никто, подобно какъ пропитаніе отца его и жены его. Пропитывать бѣдное дитя долженъ отецъ до тѣхъ поръ, пока оно достигнетъ способности само приобрѣтать себѣ пропитаніе. Въ пропитаніи этого дитя съ нимъ не уча-

¹⁾ 90 стр. подлинника.

ствуетъ никто иодобно тому, какъ никто не раздѣляетъ бремени пропитанія отца и жены.

И нынѣ для матери ею кормленіе ею грудью, разъи когда она обязываетъся, и нанимаетъ отца для кормленія ею вмѣсто ея, и если нанимаетъ ее для кормленія ею во время брака или гыддета-раджги, то не платитъ. Матери не необходимо кормить грудью свое дитя. Но когда она бываетъ обязана исполнить по бѣдности дитяти и отца его, или за неимѣніемъ другой кормилицы,— ее побуждаютъ насилино кормить грудью. Если мать не кормить грудью дитя, то отецъ обязанъ нанять кормилицу. Ежели она нынѣ для этого самоѣ мать, состоящую съ нимъ въ бракѣ или разводѣ-раджги, то наемъ будетъ неправиленъ и мужъ не обязанъ выдавать женѣ условленной платы.

А въ (отношениіи) находящейся въ разводѣ-бани, два преданія, а для кормленія ею послѣ гыддета или для сына отъ другой правильно, и она лучше чужой, разъи когда по-требуютъ плату болишую. Относительно найма матери, находящейся въ гыддете развода-банина, существуетъ два преданія, по одному несомнѣнному — оно правильно, по другому, именно по преданію имама Хасана, оно пеправильно. Если отецъ пайметъ мать кормить грудью дитя по окончаніи гыддета или дитя отъ другой жены, то этотъ наемъ правиленъ. Нанимать мать для кормленія грудью въ тѣхъ странахъ, когда наемъ ея правиленъ, лучше, нежели нанимать постороннюю кормилицу. Но если мать потребуетъ платы больше посторонней кормилицы, то лучше нанять постороннюю кормилицу.

А пропитаніе совершеннолѣтній дочери и сына болиаго хроническими припадками отцу и обѣ этомъ есть фетвои. А для достаточнаго доставлять подаяніе пропитаніе коренными родственникамъ бѣднымъ безъ различія дочерей и сыновей. Отецъ обязанъ доставлять пропитаніе совершеннолѣтній не-замужней дочери, также и сыну, страждущему продолжительною болѣзнию или бѣсноватому. Это подтверждено фетвою. Кто будетъ богатъ настолько, что можетъ подавать милостыню, тому необходимо доставлять пропитаніе родственникамъ по восходящей линіи, напр. отцу, матери, дѣду, бабушкѣ и т. д., также сыновьямъ и дочерямъ безъ всякаго различія, хотя бы состоянія ихъ были различны.

И принимается во вниманіе близость и порядокъ, но не

наследство; а въ (слушай), кто у него дочь и сынъ сына, то дочери, а въ (слушай), дитя дочери и бранъ, то дитяти¹⁾ ся. Относительно прошитанія родственниковъ принимается во вниманіе близость или порядокъ родства, но не порядокъ ихъ правонаследія, напр. если у кого-нибудь будетъ дочь и сынъ сына, то пропитаніе необходимо дочери, хотя сынъ сына и дочь по порядку и по наследству равны, но дочь ближе, потому сей и нужно дать иропитаніе. Если же у кого будетъ дитя дочери и братъ, то пропитаніе нужно дать дитяти дочери, потому что братъ съ дитятей дочери, хотя и равны по близости и хотя братъ прямой наследникъ, но онъ дальше по порядку.

И пропитаніе всякаго владытеля запрещеннаго родства несовершеннолѣтняго или совершеннолѣтняго бѣднаго, или находящагося въ хронической болѣзни, или слѣпаго, по количеству наследства, и принимается порядокъ наследства, но не права на него; а пропитаніе у кого дядя по матери и сынъ дяди по отцу, то дяди по матери. Кто богатъ настолько, что можетъ дѣлать подаяніе, тому необходимо доставлять пропитаніе родственникамъ, съ которыми запрещенъ бракъ, будь ли онъ несовершеннолѣтній, или совершеннолѣтній, бѣдныи, или бѣсноватый, или слѣпой, — этимъ родственникамъ онъ обязанъ давать пропитаніе въ количествѣ наследства. Касательно пропитанія принимается во вниманіе порядокъ наследства, по не право на него, потому что послѣднее неизвѣстно при жизни. У кого есть дядя по матери и сынъ дяди по отцу, то его долженъ пропитывать дядя по матери, потому что съ нимъ бракъ запрещенъ; сынъ же дяди, хотя и наследникъ, по ему не необходимо пропитывать, потому съ нимъ бракъ позволенъ.

И нынѣ пропитанія при различіи религій, какъ только жены, кореннымъ родственникамъ и внукаямъ. Родственникамъ, исповѣдующимъ другую вѣру, никто не обязанъ доставлять пропитаніе. Однако жену, родственниковъ по восходящей линіи, т. е. отца, мать, дѣда, бабушку и т. д. и вѣти этихъ родственниковъ необходимо пропитывать, хотя бы они были и другой вѣры. Жена имѣеть право на это пропитаніе по браку; вышеупомянутые родственники имѣютъ это право по

¹⁾ 91 стр. подлинника.

причинъ близости родства. Другіе же родственники получаютъ право на пропитаніе чрезъ наследство, но наследниками не могутъ быть лица другой вѣры, потому другіе родственники и должны лишиться пропитанія чрезъ исповѣданіе другой религіи.

И нынѣ для бѣдного, какъ только ея и вѣтвей и нынѣ для богатого, кромѣ ея. Бѣднякъ не обязанъ пропитывать пікого, кромѣ жены и дѣтей. Богатый человѣкъ не имѣеть права просить пропитанія; однако жена, хотя бы и была богата, имѣеть право требовать себѣ пропитаніе отъ мужа.

И продаетъ отецъ для своего пропитанія движимое имущество сына своего, но не дома его и не (продастъ) для долга его, потому что вредъ его; и мать не продаетъ имущество его для пропитанія своего. И отъствененъ довѣренный сына, если издержитъ его на пропитаніе родителей его безъ позволенія казыя, но не родители его, если издержитъ имущество его для самихъ себя. Отецъ имѣеть право продать для своего пропитанія какое-нибудь движимое имущество сына, исключая дома. Но отецъ не имѣеть права продать движимое имущество сына для уплаты своего долга, а не для пропитанія, потому что только неимѣніе пропитанія причиняетъ вредъ. Мать не имѣеть права продавать для своего пропитанія имущества сына, потому что власть надъ имуществомъ сына принадлежитъ только отцу, по слову пророка нашего:—да благословитъ его Богъ и помилуетъ!—„Ты и имущество твое для отца твоего“. Довѣренный сына подлежитъ отвѣтственности, если безъ позволенія казыя истратить его имущество на пропитаніе его родителей. Отецъ же и мать не подлежатъ отвѣтственности, если будутъ брать себѣ пропитаніе изъ вѣренаго имъ имущества сына, хотя бы и безъ позволенія казыя.

И когда постановлено о пропитаніи, кромѣ жены, и пройдетъ срокъ, то прекращается, кромѣ если при позволеніи казыя на долгъ. Если казый сдѣлалъ постановленіе о пропитаніи отца, матери, сына, дочери и другихъ ближайшихъ родственниковъ, исключая жены, и если срокъ, назначенный для полученія пропитанія, прошелъ, а родственники не получали пропитанія, то выдавать его послѣ срока и не необходимо. Однако по окончаніи срока нужно уплатить долгъ, какой сдѣлалъ по рѣшенію казыя родственникъ за отсутствіемъ его.

И пропитаніе находящаяся подъ властію—на господинъ;

если сопротивляются, то приобрѣтаются и пропитываются; а если недостаточны для этого, то приказывается о продажѣ его. Пропитаніе раба и служанки лежитъ на обязанности ихъ господина. Если же они откажутся отъ пропитанія, предлагаємаго имъ господиномъ, то сами должны трудиться и снискивать себѣ пропитаніе. Если же въ послѣднемъ случаѣ они будутъ не въ силахъ доставить себѣ пропитаніе, то господинъ повелѣваетъ продать раба, если только опѣ будеть годенъ для продажи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Страницы:

Введение	5—8.
I. Христіанське законодательство о бракѣ и разводѣ.	
Происхождение и отличительный характеръ христіанского брака сравнительно съ до-христіанскими воззрѣніями на бракъ	9—22.
Условія законности и незаконности христіанского брака.	22—51.
Христіанское законодательство о разводѣ.	51—62.
II. Мухаммеданское законодательство о бракѣ и разводѣ.	
О отличительный характеръ мухаммеданского законоположенія о бракѣ, сравнительно съ христіанскими законами.	63—72.
Условія правильности мухаммеданского брака и препятствія ко вступлению въ бракъ.	72—77.
Мухаммеданское законодательство о степеняхъ родства.	77—81.
Мухаммеданское законодательство о возрастѣ вступающихъ въ бракъ и о дѣственности невѣсты.	81—84.
Полигамія, какъ условіе мухаммеданского брака.	84—90.
Мухаммеданское законодательство о препятствіяхъ ко вступлению въ бракъ.	90—93.
Мухаммеданское законодательство о разводѣ.	93—102.
III. Влияние христіанского брака на семейную и общественную жизнь человека.	
Общий взглядъ на положеніе женщины у древнихъ до-христіанскихъ народовъ.	103—106.
Положеніе женщины у римлянъ, грековъ, восточныхъ народовъ и евреевъ.	106—113.
Положеніе женщины въ христіанствѣ.	113—117.
Влияние до-христіанского брака на семейную и общественную жизнь человека.	117—125.
Влияние христіанского брака на семейную и общественную жизнь человека.	125—140.
IV. Влияние мухаммеданского брака на семейную и общественную жизнь человека.	
Критика различныхъ взглядовъ на положеніе женщины въ Аравіи до Мухаммеда и послѣ Мухаммеда.	141—155.
Вредная послѣдствія полигаміи, отразившіяся на женщинахъ.	155—167.
Государственное значеніе женщины въ исламѣ.	167—183.

Страницы:

Вредное влияние мухаммеданского брака на нравственность мухаммеданъ	183—199
Влияние мухаммеданского брака на семейную жизнь мухаммеданъ	199—216.
Влияние мухаммеданского брака на общественную жизнь мухаммеданъ	216—235.
Заключение	235—236.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ.

Предисловие	3— 5.
Приложение первое: Жены Мухаммеда	6— 38.
Приложение второе: Брачный хутъбы	38— 43.
Приложение третье: Законодательство о бракѣ	43— 62.
> > Законодательство о молочномъ родетѣѣ	62— 64.
> > Законодательство о разводѣ	64—109.